

Н. Лукин

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ПАРТИЙНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

К итогам дискуссии на западном участке исторического фронта [1]

В условиях ожесточенной классовой борьбы СССР вступил в «период прямого и развернутого социалистического строительства, в период социализма» (Сталин). Советский союз в третьем решающем году пятилетки завершает построение фундамента социалистической экономики; громадные успехи социалистического строительства связаны с бурным подъемом творческой энергии масс трудящихся в СССР и вызывают энтузиазм пролетариев капиталистических стран; идет выкорчевание корней капитализма и ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Рабочий класс СССР под руководством большевистской партии борется за большевистские темпы роста нашего хозяйства, борется за осуществление лозунга «догнать и перегнать передовые капиталистические страны», за овладение техникой, которая в эпоху реконструкции «решает все». Бурным темпом развертывается строительство социализма не только во всех отраслях хозяйства, но и в быту трудящихся масс.

Победа социализма вызывает у империалистических государств стремление к усиленной подготовке интервенции против СССР. Мировой капитализм переживает нарастание революционного кризиса. Развертываются революционные бои.

XI пленум ИККИ сформулировал новые задачи, стоящие перед мировой коммунистической партией — Коммунистическим Интернационалом. Эти задачи определяются борьбой двух систем— капиталистической и социалистической — за дальнейшее развитие мировой пролетарской революции. Создаваемые развитием мирового экономического кризиса предпосылки кризиса революционного ставят с исключительной остротой задачу решительной борьбы с мировой буржуазией, которая пытается противопоставить развертыванию мировой пролетарской революции фашистскую диктатуру.

Такая же решительная борьба должна вестись и с активным проводником фашизма, главным пособником буржуазии — социал-фашистской социал-демократией, взявшей на себя задачу лечить раны капитализма.

Успешное развертывание революционной борьбы, завоевание большинства рабочего класса требуют гигантского напряжения сил коммунистических партий, максимального идеологического вооружения их в деле разоблачения фашизма и социал-фашизма перед трудящимися массами.

Вступление СССР в период социализма и вызревание предпосылок революционного кризиса в ряде капиталистических стран ставят огромные по своему значению задачи перед всем теоретическим фронтом. Отставание теории от практики, о котором говорил т. Сталин на конференции аграрников-марксистов, итоги дискуссий на отдельных участках теоретического фронта (философском, экономическом и др.) ставят перед историками-марксистами задачу осуществления р е ш и т е л ь н о г о п о в о р о т а.

В общих чертах содержание этого поворота было намечено уже в тезисах фракции совета Общества историков-марксистов («О задачах марксистско-исторической науки в реконструктивный период»), принятых в феврале текущего года.

Постановление ЦК ВКП(б) по докладу Комакадемии (от 15/III 1931 г.), выдвинувшее необходимость «перестройки всей научно-исследовательской работы... и в особенности преодоления отмеченного т. Сталиным отставания научной работы от практики социалистического

[1] Резолюция президиума Комакадемии об итогах дискуссии будет напечатана в следующем томе журнала.—*Ред.*

строительства», формулировало задачу, на которой «должно быть сосредоточено в данный момент внимание и силы научных работников», как «теоретическую разработку проблем социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата». В то же время это постановление ЦК подчеркивает необходимость «выдвинуть на первый план разработку конкретных узловых проблем, связанных с текущими задачами партии... и с классовой борьбой мирового пролетариата на данном этапе».

Чтобы выявить сущность необходимого поворота, нужна большевистская проверка степени подготовленности этого участка к разрешению боевых задач, выдвигаемых на данном этапе перед историками Запада партией и Коминтерном.

Дискуссия на западном участке исторического фронта должна была конкретизировать эти общие директивы партии и Коминтерна применительно к особым задачам историков-западников.

В начале мая закончилась широкая дискуссия о положении и задачах на фронте истории Запада, организованная по инициативе исторического отделения Института истории, права и советского строительства красной профессуры. В этой дискуссии помимо Института красной профессуры, принял организованное участие целый ряд исторических учреждений (Институт истории Комакадемии, его Ленинградское отделение, западный сектор Историко-партийного института, Международная ленинская школа и т. д.).

Буржуазная и социал-демократическая историческая наука переживает кризис. Основная ее цель — борьба с диктатурой пролетариата и формирование боевой фашистской идеологии — разбивается об ее методологическую беспочвенность и беспомощность. Буржуазные историки, частично пытаясь спрятаться за описательную историю, ищут оправдания существующему порядку вещей, воскрешают теории круговорота истории, неофеодализма и т. д. Социал-демократическая историческая наука, как верный лакей капитализма, пытается доказать вечное существование капитализма, объясняет революции как явления преходящие, отрицает классовую борьбу, заменяя ее сотрудничеством классов, и бессильная пред лицом фактов, готова пойти на отрицание истории как науки (Гильфердинг).

Только диктатура пролетариата, создавшая специальные научные и архивные учреждения и кадры пролетарских историков, создала базу для противопоставления советской исторической науки буржуазной и социал-фашистской.

Просмотр продукции западников показал, что в центре их научных интересов стояло изучение революционных эпох XVII—XX вв., с одной стороны, и — главным образом за последние годы — изучение эпохи довоенного империализма.

Историки Запада, изучая Великую английскую и французскую революции под углом зрения опыта гражданской войны, преодолели идеалистические и социал-демократические концепции; разрабатывали вопросы истории Конвента, революционных армий в Великой французской революции; разработкой таких проблем, как 9 термидора, они боролись с устряловской и троцкистской клеветой о неизбежности перерождения нашей партии и советской власти.

Историки Запада сделали многое в изучении 1848 г. и в особенности Парижской Коммуны, как первого «всемирно-исторического этапа в развитии диктатуры пролетариата и первого государства «типа советов».

Имеются как общие труды по довоенному империализму, так и работы по истории отдельных стран, рабочего и социалистического движения в них и по истории II Интернационала. Разработка этой эпохи шла по линии пересмотра и преодоления социал-демократических установок. В то же время велась борьба как с правооппортунистическим прикрашиванием роли центра, так и с «левацкими» недооценками исторической роли II Интернационала. Но именно в работах по эпохе довоенного империализма дискуссия вскрыла наиболее крупные ошибки. С другой стороны, ряд проблем этой эпохи почти не нашел освещения в наших работах: сюда относится история международных отношений (за исключением работ М. Н. Покровского), колониальной политики, массового рабочего движения, история отдельных

стран, например Соединенных штатов или Италии.

Историки Запада разоблачили классовую сущность буржуазных и мелкобуржуазных исторических концепций (Петрушевский, Тарле, Виппер, Олар, Допш, Матьез и др.) и провели решительную борьбу с антимарксистскими работами тех историков, которые оказались впоследствии связанными с контрреволюционными вредительскими организациями (Тарле и др.).

Историками Запада была проделана большая и в основном правильная, с точки зрения марксистской методологии, работа, определявшаяся правильной политической линией, проводимой на западном участке исторического фронта, а потому отвечавшая тем задачам, которые стояли перед партией и советской властью на известном этапе.

Однако правильно проводимая борьба марксистов-историков Запада против буржуазной историографии и на два фронта против уклонов от ленинизма не устраняет факта особого отставания на западном участке исторического фронта. Это необходимо подчеркнуть со всей резкостью большевистской самокритики. Нужен крутой и решительный поворот в работе западников, чтобы устранить ее отставание от потребностей, выдвигаемых современным этапом строительства в СССР и международными задачами Коминтерна. В чем же особенно остро выражается это отставание? В первую очередь в том, что западники не обеспечили наиболее боевых участков исторического фронта. Конечно, очень существенны успехи в изучении эпохи промышленного капитализма, но разве можно сравнить их значение с тем политическим значением, которое имеет для нас изучение эпохи империализма? Западники занимались довоенной эпохой империализма, и эта их работа очень нужна для дальнейшей углубленной работы по истории послевоенного периода, но стоит лишь сравнить ту пропорцию, которую составляет это изучение в кругу других проблем, чтобы увидеть, что и в области разработки довоенного империализма еще очень мало сделано.

Но наибольшая ответственность на историков Запада ложится за то состояние, в котором находится изучение послевоенной истории. Здесь несоответствие задачам коммунистического движения проявляется с наибольшей силой.

Не одна только тематика характеризует наше отставание. В условиях напряженнейшего строительства социализма, когда лозунг выполнения пятилетки в четыре года является самым популярным массовым лозунгом, когда телеграф каждый день приносит известия о героях, заканчивающих пятилетку в два с половиной года, нам приходится признаться, что на нашем участке темпы работ сильно расходятся с общим напряжением страны.

И происходит это потому, что до сих пор у нас царит еще индивидуально-кустарный метод в работе, что новые социалистические методы труда, как ударничество и соревнование, не сделались основной формой нашей работы, что мы не нашли еще нужных конкретных форм для развития и укрепления ударничества и соревнования на нашем участке.

Запоздание на западно-историческом участке тем более недопустимо, что мы имели своевременную сигнализацию этого факта т. Покровским, заявившим еще на Всесоюзной конференции историков-марксистов, что «к величайшему сожалению та группа наших историков, которые являются историками Запада, в вопросах изучения империалистической войны и империализма вообще идет в хвосте». Поэтому совершенно бесспорно, что за последние годы наша тематика уже не удовлетворяла тем новым требованиям, которые вправе была предъявить партия. Дискуссия правильно подчеркнула, что изучение богатейшего опыта послевоенного мирового революционного движения и Коминтерна, послевоенной истории международных отношений, как и вообще истории послевоенного периода, до сих пор оставалось почти вне сферы научно-исследовательской и популяризаторской работы историков Запада. До сих пор к стыду своему мы не имеем сколько-нибудь удовлетворительно написанной истории Коминтерна. Нельзя пройти мимо таких фактов, что по настоящее

время остаются не разоблаченными враждебные ленинизму концепции (Фрелиха, Леви, Тальгеймера, Брандлера и др.), не подверглись систематической критике статьи Троцкого в сборнике «Пять лет Коминтерна», не подверглись решительной критике правооппортунистические работы Ловстона, Астрова и Слепкова о социал-демократии, и др. Никто из нас не засел еще вплотную за изучение истории мировой войны, германской революции, почти не приступили к изучению послевоенной истории социал-демократии и т. д.

Это отставание теории от практики должно быть изжито большевистскими темпами в самые кратчайшие сроки. Лицом к послевоенному периоду — таков первый лозунг, такова первая задача давно назревшего поворота.

В своей дальнейшей научно-исследовательской и популяризаторской работе историки Запада должны перенести центр тяжести на историю военной и послевоенной эпохи, выдвигая на первый план разработку актуальных проблем, связанных с текущими задачами партии и Коминтерна.

На этом пути мы прежде всего должны оплатить тот внушительный «вексель», который предъявил нам Коминтерн. Выступивший на дискуссии в качестве докладчика от ИККИ т. Мануильский, а также и другие участники дискуссии показали, в чем должна заключаться помощь со стороны советских историков Запада братским компартиям. Необходимо вооружить широкие массы их членов конкретным знанием истории коммунистического движения в данной стране, возникавших в нем уклонов и борьбы с ними; вооружить знанием той исторической обстановки, в которой приходится вести борьбу компартиям отдельных стран, в частности, выдвинуть на первый план изучение и разоблачение организаций классового врага пролетариата — послевоенной социал-демократии, а также буржуазных партий, их программ, их стратегии и тактики, их организационных принципов и т. д.

Немедленное включение этих проблем в сферу научно-исследовательской и популяризаторской работы историков Запада повелительно диктуется и положением коммунистической исторической науки в капиталистических странах. Не следует забывать, что для данного этапа характерно сближение между буржуазной и с.-д. исторической наукой, которые представляют собою два крыла фашистской теории, что в настоящий момент с особой силой происходит наступление единым фронтом буржуазных и с.-д. историков против марксистско-ленинского учения как единственно научного объяснения истории. С другой стороны, обострение классовой борьбы в капиталистических странах отбрасывает из рядов коммунистических партий всякого рода колеблющиеся и оппортунистические элементы (троцкисты, правые оппортунисты), особенно из среды партийной интеллигенции, в лагерь социал-фашистов. Правда успехи коммунистического движения на Западе способствуют росту подлинно коммунистических теоретических кадров, однако совершенно недостаточных перед лицом тех огромных задач, которые выдвигаются на данном этапе перед теоретическим фронтом. В этой обстановке историки Запада в СССР, где впервые сложились исключительно благоприятные условия для марксистско-ленинской разработки истории западноевропейского и американского пролетариата, должны особенно чувствовать свой долг перед западноевропейским пролетариатом и братскими компартиями, на помощь которым в деле марксистско-ленинской разработки актуальных проблем западноевропейского движения они должны немедленно притти.

Дискуссия наметила примерный перечень тех боевых вопросов, которые должны стать в центре внимания западников:

1. История послевоенного революционного движения в капиталистических странах Европы и Америки, в частности изучение богатейшего опыта германской и венгерской революций.

2. История Коминтерна и входящих в него партий, разоблачение враждебных ленинизму концепций по истории Коминтерна (опыт большевизации его секций, борьба на два фронта — с правым уклоном как главной опасностью на данном этапе и с «левым» уклоном, троцкизмом и примиренчеством к нему,

оценка люксембургианства, проблема борьбы за большинство рабочего класса).

3. Изучение мирового экономического кризиса.

4. Колониальная проблема и изучение революционных движений в колониях и полуколониях в послевоенную эпоху.

5. История послевоенных буржуазных партий, в частности история фашизма.

6. Военная и послевоенная социал-демократия под углом зрения ее эволюции к социал-фашизму.

7. Изучение массовых крестьянских движений и восстаний.

8. История мировой империалистической войны и история послевоенных международных отношений.

Радикальное изменение нашей тематики, мобилизация западников на работу по истории послевоенного периода отнюдь однако не означают, что отныне история должна превратиться в «историю текущего момента». Правда, никто из участников дискуссии не выступал с подобного рода предложениями, но некоторые ликвидаторские настроения несомненно имеются налицо среди некоторой части нашей молодежи. Вот почему необходимо со всей решительностью ударить по вульгаризаторской недооценке важности исторического изучения прошлых эпох: актуализация исторической науки, увязка теории с практикой отнюдь не исключают, а предполагают изучение прошлого в свете задач современной борьбы пролетариата. Вопрос не в том, изучать или не изучать прошлые эпохи; вопрос в том, как их изучать. Наша тематика должна быть максимально политически заострена, каким бы историческим периодом мы ни занимались.

В связи с предстоящим поворотом на историческом фронте перед историками Запада стоит еще одна немаловажная задача — улучшение качества нашей исторической продукции. Тов. Мануильский, развернувший в своем докладе грандиозные перспективы участия западников в борьбе на идеологическом фронте, в то же время подчеркнул, что Коминтерну «нужны грамотные историки». Та задача, которую выдвинул на конференции работников социалистической промышленности т. Сталин, — задача овладения техникой, — отнюдь не должна рассматриваться как нечто такое, что имеет отношение лишь к производству «материальных ценностей». Проблема улучшения качества продукции, проблема овладения техникой должна стать боевым лозунгом не только коммунистов-хозяйственников, но и коммунистов-научных работников всего идеологического фронта и в том числе — историков Запада. Казалось бы, что после упомянутого выступления т. Сталина, после того как лозунг борьбы «за овладение техникой» был выдвинут партией в качестве одной из очередных и боевых задач, двух мнений по этому вопросу быть не может. Тем не менее некоторые из выступавших на дискуссии товарищей пытались отмахнуться от проблемы качества нашей научной продукции и трактовать вопреки прямым партийным директивам задачу овладения техникой научно-исследовательской работы как нечто второстепенное, якобы только излишне осложняющее борьбу за решительный поворот на историческом фронте. Подобного рода попытки должны быть также решительно осуждены, как и антипартийные попытки ликвидировать историю как науку.

Наши аспиранты не должны пренебрегать кропотливой, «черной», на первый взгляд мало заманчивой, но чрезвычайно полезной с точки зрения повышения квалификации молодого историка работой в Комиссии по изданию документов мировой войны или в редакционных аппаратах соответствующих отделов наших энциклопедий (БСЭ и МСЭ). До тех пор, пока мы будем целиком перекладывать такую работу на беспартийных специалистов, как якобы чисто «техническую», мы не станем сами настоящими специалистами, «знатоками дела, полными хозяевами дела» (Сталин) в своей науке.

Дискуссия вскрыла недостаточное овладение марксистско-ленинской методологией, недостаточное внимание западников к методологическим вопросам вообще. Отсюда вторая задача поворота — решительная борьба за марксистско-ленинскую методологию.

При проверке степени готовности нашей к повороту естественно важнейшим моментом является вопрос об использовании ленинского наследства в области истории Запада. И здесь дискуссия вскрыла необходимость самым категорическим образом подчеркнуть, что подобное отношение к использованию ленинского идейного наследства в дальнейшем не может быть терпимо. Совершенно правильно т. Покровский говорит, «что у Ленина есть замечательно глубокие и меткие установки по истории вообще, в частности по истории Западной Европы; об этом не то что спорят, но многие этого как-то не замечают». Недостаточная разработка и использование ленинского наследства привели к тому, что до сих пор не проделано самой элементарной работы по систематизации ленинских высказываний по отдельным странам, что систематическое использование ленинского наследства не вошло в научный обиход западников. Отсюда третья задача поворота: необходимо немедленно приступить к систематизации и углубленному изучению высказываний Ленина по вопросам международного рабочего и социалистического движения, а также общего хода развития Западной Европы и Америки. Вся наша научная продукция должна быть отныне пронизана ленинскими концепциями.

В порядке большевистской самокритики дискуссия выявила элементы чуждых влияний, которые имеются в работах отдельных историков, — элементы, просочившиеся туда в связи с обострением классовой борьбы в СССР в период вступления в социализм (влияние троцкистских и с.-д. схем, богдановского и бухаринского методов, питающих правый уклон — главную опасность на данном этапе). Порою эти влияния были настолько сильны, что отдельные ошибки перерастали в систему ошибок и смыкались с политическими уклонами.

Наиболее ярким выражением проникновения враждебного влияния является такая смычка с социал-демократией, которая привела Рязанова, проповедывавшего отказ от партийности в теории, отрицавшего ленинизм, к прямому ренегатству и измене партии.

Имели широкое распространение правооппортунистические работы Яроцкого, который изобразил историю западноевропейского профессионального движения под углом зрения тредъюнионистского понимания его. Правую трактовку исторических вопросов мы находим у Стеклова в характеристике течений в I Интернационале и в оценке бакунизма. Около десятка изданий выдержала история рабочего движения Арк. А—на, откровенно проводившего либерально-меньшевистские взгляды на историю империализма, не считавшего нужным даже говорить о загнивающем и паразитическом характере империализма.

У ряда историков Запада мы находим не только игнорирование или неиспользование ленинского наследства, но и совсем недостаточное овладение марксистско-ленинской методологией (Ю. Стеклов, Ф. Ротштейн, В. Волгин).

Дискуссия также вскрыла ошибки и другого порядка. Речь шла об отдельных ошибках, допущенных рядом историков-коммунистов. Эти ошибки, теоретико-методологического свойства, касаются главным образом истории довоенного империализма. Ошибки, относящиеся к определению империализма, к характеристике общего хода и развития рабочего движения, несомненно имеют политическое значение.

Мы считаем правильной ту критику, которой подверглось ошибочное определение империализма, имеющееся в одной из работ Н. Лукина.

Необходимо также отметить, что в ряде конкретных исторических работ не развернуто в должной мере ленинское понимание закона неравномерного развития капитализма в эпоху империализма и не проведена борьба с механистическим пониманием этой эпохи.

Существенны и те ошибки, также вскрытые дискуссией, которые заключаются в недооценке роли большевизма в международном рабочем движении и в неправильной трактовке корней III Интернационала. К этой категории ошибок относится совершенно чуждое ленинизму сближение т. Зайделем анархо-синдикализма в романских странах с «лево»-радикальным движением.

Наряду с ошибками подобного рода необходимо указать, что ряд других ошибок, допущенных некоторыми историками Запада, определенно носит характер правооппортунистических и «левых» ошибок. Ошибкой первого порядка например является «теория цен», выдвигаемая Ф. Ротштейном для объяснения тенденций развития рабочего движения и в корне противоречащая ленинскому учению о социальных корнях оппортунизма.

Ошибкам второго порядка также было уделено большое внимание, в частности в вопросе о роли мелкой буржуазии. Историки Запада—коммунисты—успешно боролись с троцкистским отрицанием возможности построения социализма в одной стране. С тем большим правом они выступали с критикой и самокритикой ряда уклонов в этом вопросе, как например против полутроцкистской характеристики соотношения классов в эпоху империализма, когда мелкая буржуазия трактуется как часть единого реакционного блока (Фридлянд). Если еще Маркс боролся с Лассалем из-за неправильной установки в этом вопросе, то еще большей критики требует это положение после того, как Ленин, а вслед за ним т. Сталин развили учение о резервах пролетарской революции.

Особенно ценным в дискуссии было подведение итогов и критика ошибок в трактовке довоенного II Интернационала и главнейшей его секции — германской социал-демократии. В работах некоторых историков довоенной германской социал-демократии прикрашивается роль центризма (ст. в БСЭ т. Зиновьева). Именно такое прикрашивание чрезвычайно выгодно для социал-демократии, так как затушевывает вопрос о корнях перехода социал-демократии на сторону буржуазии. Наряду с разоблачением этой правой ошибки в дискуссии были подвергнуты критике и «левацкие» ошибки ряда товарищей, изображающих социал-демократию как оппортунистическую от начала до конца. Это может показаться очень «революционным» на первый взгляд, но по существу наши классовые враги великолепно использовали это положение. Подобные ошибки мы находим в характеристике «молодых» (Фейгельсон, Ривлин — «Книга для чтения по истории нового и новейшего времени», т. III, под редакцией тт. Фридлянда, Моносова и Зайделя) или в оценке всего процесса развития германской социал-демократии (Миронов, Бернштейн). Бороться с этими ошибками надо с тем большей силой, что эти установки в самое последнее время стали использоваться ренегатами коммунизма, как Корш и др.

В дискуссии было подвергнуто критике объяснение 4 августа 1914 г., и не без основания. Если согласиться с определением т. Фридлянда, что 4 августа произошло перерождение массового рабочего движения, то откуда же берутся корни III Интернационала? Что остается от ленинского учения о двух тенденциях (оппортунистической и революционной) в развитии рабочего движения? Такое толкование 4 августа могло бы помочь социал-демократии оправдаться в своей измене рабочему классу. Ведь и официальная социал-демократия и Каутский объяснили 4 августа шовинистическим настроением вождей. С другой стороны, неверны попытки свести все дело к одной измене вождей.

Историки Запада, которые должны исходить из переключения всей своей работы в помощь Коминтерну, естественно обязаны в первую очередь ясно формулировать конкретные задачи, вытекающие из этой установки, и практической помощью братским компартиям в их подготовке к решающим боям должны показать, как наиболее политическая партийная наука выполняет перед пролетариатом свои задачи.

Таковы основные задачи предстоящего поворота на западном участке исторического фронта.

Этот поворот должен быть реализован большевистскими темпами, под лозунгами борьбы за марксистско-ленинскую методологию, за более углубленное изучение и более интенсивное использование ленинского идейного наследства, за решительную борьбу с буржуазными и социал-демократическими влияниями, за мобилизацию научных сил на боевую службу задачам строительства социализма в СССР, международного рабочего движения и Коминтерна. Историческая наука должна превратиться в остро отточенное оружие

политической борьбы. Она должна стать партийной наукой в еще большей степени, чем была ею до сих пор.

Опыт ряда проводившихся за последнее время широких дискуссий — и в том числе западноисторической — показал, что в ходе таких дискуссий, уже в силу их универсальности, не удается дать сколько-нибудь удовлетворительного разрешения даже основных научных проблем, которые обычно ставятся на них более или менее случайно, в связи с теми или иными ошибками отдельных товарищей. Отсюда следует, что в ближайшем будущем наиболее актуальные очередные проблемы западной истории должны быть обсуждены на специально организованных для этого совещаниях.

Подводя итоги дискуссии, нельзя не сделать еще одного, чрезвычайно важного вывода. Дискуссия показала, что за последние годы выросли молодые кадры западников, в значительной своей части вышедшие из среды рабочих, что это молодое поколение, проявляя подлинно большевистскую настороженность и непримиримость в отношении всяких извращений марксистско-ленинской теории, дало доказательство своей партийной выдержанности.

Затянувшаяся на несколько месяцев дискуссия успела уже за это время дать некоторые практические результаты. Мы уже приступили к работе по практической реализации последних директив ЦК в отношении теоретического фронта в целом (пересмотр под этим углом зрения производственных планов научно-исследовательских институтов, развертывание работы по составлению учебников и научно-популярных брошюр для массового рабочего читателя за границей и т. п.).

Наряду с содержанием предстоящего поворота дискуссия наметила и ряд практических мероприятий по его реализации: увязка производственных планов научно-исследовательских институтов и обществ с теоретическими проблемами, выдвигаемыми Профинтерном и Коминтерном; введение ответственных работников Коминтерна и Профинтерна в руководящие органы исторических институтов; привлечение этих товарищей к участию в научно-исследовательской и преподавательской работе; организация работ по выявлению, систематизации и изданию документальных материалов по истории послевоенной эпохи; составление новых, политически выдержанных учебников; систематическая работа по выявлению и популяризации ленинского наследства; создание массовой пропагандистской литературы для западноевропейских и американских рабочих и т. п.

Целый ряд важных мероприятий должны получить свое осуществление по линии подготовки кадров. Существующих кадров научных работников данной специальности совершенно недостаточно.

Проводя линию на максимальное орабочение аспирантуры, мы должны добиваться значительного увеличения кадров западников путем увеличения набора аспирантов, развития исторической специализации в соответствующих вузах, развития заочного обучения, создания исторических кружков на фабриках и заводах и т. п.

Вместе с тем должны быть приняты решительные меры к повышению научной квалификации аспирантуры. Будущие западники должны получить достаточно широкую историческую подготовку, в достаточной степени овладеть техникой исторического исследования, знанием иностранных языков, проходить обязательную производственную практику в Центрархиве, в Институте Маркса, Энгельса и Ленина, в соответствующих отделах Коминтерна и Профинтерна, должны получать заграничные командировки и т. п.

Успешное осуществление поворота предполагает большевистское осознание своих ошибок отдельными товарищами, радикальное изжитие мелкобуржуазного духа, цеховщины и взаимного соперничества между отдельными научными ячейками, прочную консолидацию наших рядов. Эта консолидация в известной степени была достигнута уже в процессе самой дискуссии; теперь ее необходимо закрепить дружной работой, мобилизацией всех научных сил на службу партии и Коминтерну.

М. Югов

МЕНЬШЕВИКИ В 1917 ГОДУ

Процесс союзного бюро ЦК меньшевиков раскрыл перед трудящимися всего мира подлинное лицо современного меньшевизма. Зарубежные меньшевики, с большей или меньшей ловкостью действуя на те или иные чувства читателя социал-демократической прессы, клевещут на социалистическое строительство в СССР и на нашу партию, ведут идеологическую подготовку интервенции. А остатки меньшевистской интеллигенции в СССР (абсолютно никакой опоры в среде пролетарского населения Страны советов у них нет), действовавшие в согласии и по указанию их заграничного центра, делали еще более гнусное и подлое дело, чем старшие приказчики за границей. Они практически проводили директивы Данов, практически подготовляли интервенцию и проводили вредительство.

Революция шагает страшно быстро. На коротком отрезке времени, меньше чем в полтора десятилетия, сконцентрировались события гигантской исторической значимости, не только целиком изменившие лицо бывшей царской империи, но и резко отразившиеся на облике всего мира. На крупнейших поворотах истории мелкобуржуазные партии одна за другой сваливались в болото контрреволюции.

Партия, которая в среде II Интернационала слыла одной из самых ортодоксальных и занимала место среди центристских партий, эта партия в течение относительно короткого промежутка времени превратилась в антиреволюционную и антинародную группу, не только став партией, отстаивающей интересы и привилегии верхушки мелкой буржуазии, но и сделавшись простой служебной силой капиталистического империализма.

Как это произошло? Как случилось, что меньшевики, когда-то выступавшие в качестве оппортунистических представителей части рабочего класса, выступавшие в качестве идеологов реформизма в рабочем движении, позже превратившиеся в типичную мелкобуржуазную партию, оказывавшую влияние на известную верхушку рабочего класса, — теперь стали прямой и непосредственной агентурой финансового капитала, больше того — фактической экспозитурой интервенции? Случайна ли эта эволюция меньшевизма или она закономерна и органически вытекает из всего предыдущего исторического развития этой партии? Что выражает наконец собою превращение этой партии в маленькое, но немаловажное звено в империалистической машине, и как это случилось, что не только правые, но и числившиеся в самых левых такие «интернационалисты», как Суханов, Фин-Енотаевский, Громан, теперь вынуждены всенародно, публично перед аудиторией, в которой присутствуют не только 2 тысячи рабочих, но и свыше 29 корреспондентов иностранных газет, рассказывать о своих интервенционистских установках, о подрывной работе в области социалистического строительства, о вредительских попытках срыва пятилетки?

Эта эволюция меньшевизма вполне закономерна. Данная статья как раз и хочет показать на анализе поведения меньшевиков в период расцвета и торжества буржуазной «демократии», анализе их действий в революцию 1917 г., как уже тогда в меньшевизме ясно прощупывалось социал-фашистское существо, естественно и закономерно развивавшееся вместе с ходом и развитием гражданской войны.

Само собою разумеется, что данная статья не может охватить всех вопросов и не может с достаточной и одинаковой полнотой осветить затронутые вопросы. Мы останавливаемся преимущественно на отношении меньшевиков к основному вопросу всякой революции — вопросу о власти, выясняя однако это отношение не столько путем рассмотрения речей, резолюций и решений меньшевистских съездов, а также политической литера-

туры меньшевизма, сколько при помощи анализа отношения меньшевиков к массовому движению и поведения их в важнейшие узловые моменты революции 1917 года.

Мы оставляем поэтому в стороне и апрельскую меньшевистскую конференцию и меньшевистские съезды в августе и ноябре — декабре, и теоретические статьи меньшевистских лидеров, используя их лишь в той мере, в какой это необходимо для вышеуказанной задачи. С другой стороны, автор не дает в этой статье и подробной диференцированной характеристики всех течений в меньшевизме. Несомненно, что между различными группами были существенные расхождения. Но тем не менее все они были тесно связаны между собой и в совокупности все же , несмотря на различия, являли некое единство.

Оценка характера революции, оценка соотношения классов в стране, оценка условий осуществимости диктатуры пролетариата, самое понимание диктатуры пролетариата, отношение к идее восстания, фетишизация парламентаризма и преклонение перед формальным, узкополитическим демократизмом , фактическое скатывание к надклассовой общегосударственной точке зрения — все это являлось общим для всех течений меньшевизма. И точно так же в своей тактике все крылья и течения меньшевизма в одинаковой мере отличались полным отсутствием энергии и решительности, верой в слова, верой в лучшие намерения врагов пролетариата, переоценкой собственных сил и игнорированием сил врага перед боем, паникой перед силами врага и потерей веры в собственные силы во время боя. Это и привело к тому, что практически, несмотря на публичные отречения (оказывавшиеся затем фальшивыми и мнимыми), Потресов и Суханов, Дан и Громан, Гарви и Базаров являются звеньями одной цепочки, которая приводится в движение — мы совсем не уверены, имеются ли промежуточные звенья — по приказу из департаментов иностранных ведомств и из контор банковских концернов.

Падение не только правых меньшевиков, но и «левых» не случайно. Уже из опыта первой российской революции весь меньшевизм, во всех его оттенках вынес лишь один урок. Этот урок был точно сформулирован тогдашним редактором заграничного «Голоса социал-демократа» и нынешним редактором заграничного «Социалистического вестника».

«Русская революция в своем развитии не только не привела к «диктатуре пролетариата» или диктатуре пролетариата и крестьянства, но и обнаружила с непререкаемой убедительностью утопичность этих перспектив. Она ярко проявила свой буржуазный характер... Результатом буржуазной революции в России, как и во всех других странах, может быть лишь полный или частичный переход государственной власти в руки буржуазии и только ее» [1].

Это теоретическое положение оставалось неизменной руководящей идеей для всего меньшевизма на весь период между двумя революциями. Исходя из этого тезиса, различные меньшевистские группы с большей или меньшей откровенностью в более или менее чистом виде отстаивали ту ликвидаторскую тактику, которая превращала российских реформистов в агентов столыпинской рабочей партии.

Меньшевики не только ставили наступательные акции пролетариата в зависимость от инициативы буржуазии в деле борьбы с крепостническим царизмом, не только формально и фактически отказывались от идеи гегемонии в освободительном движении, не только заранее ставили непроходимый предел борьбе угнетенных народных масс, но и пытались ограничить все содержание революции лишь борьбой за достижение «нормальных» политических условий для функционирования буржуазного гражданского общества. Все остальное приходилось бы уже отвоевывать в рамках «нормальной» классовой борьбы, в «нормальном, — сказал бы умник Дан, — как во всех других странах» — буржуазном обществе.

Новая революция возможна только в том случае, если произойдет разрыв ме-

---

[1] Ф. Дан, Пролетариат и русская революция, «Голос социал-демократа» № 3, март 1908 г.

жду буржуазией и дворянством. Только подъем буржуазного движения, рост буржуазной оппозиции послужат тем импульсом, который приведет в движение и рабочие массы. Содержанием этой революции, ее итогом должен быть переход власти в руки буржуазии. Такова, повторяем, схема меньшевиков, вынесенная ими из опыта революции 1905—1907 гг. и пронесенная ими через все перипетии последних двадцати пяти лет. Но по мере успехов столыпинской политики в деревне, по мере того как все менее вероятной становилась резкая оппозиция имущих классов по отношению к царизму и по мере того как все более буржуазной становилась экономика страны, меньшевики все больше начинают сомневаться, возможна ли и необходима ли революция вообще. «Дело жизни», центральный орган меньшевизма в России, одним из виднейших сотрудников и руководителей которого был судившийся на последнем процессе Иков (Миров), в своих статьях приходило к выводу, что задачей рабочего движения является не организация рабочего класса для революции, а «просто» защита собственных интересов пролетариата во всех областях жизни. То же самое повторяли и еврейские меньшевики-бундовцы. В статье В. М. (за инициалами скрывается виднейший теоретик бундизма В. Медем) «Итоги и задачи» пишется следующее:

«Силы революции мы страшно преувеличили... силы врагов огромны. Мы начинаем понимать, что то огромное освободительное движение, которое, если суждено будет ему восторжествовать, будет называться великой русской революцией, — длительный, многолетний исторический процесс. Процесс, а не акт... Третье июня 1907 года — это историческая дата громадной важности. Ибо это начало эпохи... У нас «слава богу» есть конституция. Это типичная цензовая конституция: типичный союз бюрократии, буржуазии и дворянства.

В их руках власть. Сломить эту власть мы сейчас не в силах и не скоро будем в силах. И раз это так, то нужно считаться как с фактом с ее существованием и с тем, что она будет в течение долгого времени развивать и разворачивать свои возможности. Выражаясь языком старинной социологии: на смену эпохи критической пришла эпоха органическая... Надо понять ее (эпохи) характер, понять, что мы в этом «этаже» живем оседло, не на бивуачном положении, что нужно устроиться прочно, не брезгать ничем из того, что могут нам дать нынешние условия, подхватывать все, всякую мелочь, не отмахиваться ни от какой серой, мелкой работы, «реальной политики» будничного дня» [2].

Меньшевики последовательно приходили к тому выводу, что центр тяжести борьбы должен быть перенесен в плоскость приспособления к новой установившейся эпохе, к новой исторической полосе господства цензовой конституции. Они не прочь были добиться значительно лучшей конституции, но из-за этого ведь не стоит лезть в подполье. И со страниц ликвидаторской прессы, наиболее влиятельной и значительной среди меньшевизма, раздаются голоса, которые не только отрицают подполье, но и всячески его охаивают.

«Подполье, — писало это же самое «Дело жизни», — объективно задерживает политическое развитие масс и превращается» в «щупальцы, жадно протягиваемые от буружазной интеллигенции в рабочую среду... в приводной ремень, прикрепляющий малосознательную часть активных рабочих к буржуазно-демократическому движению». «Прикрепление пролетариата цепями политической отсталости, позолоченными революциоными словами иерархистов, к победной колеснице демократической буржуазии — вот внутренний объективный смысл насаждения массовых коммунистических организаций и определение их партией в наши дни».

Передача политической инициативы в руки буржуазных партий, отказ от лозунгов, выдвинутых революцией 1905—1907 гг., фактически отказ от революции вообще, переход на последовательно реформистские рельсы, попытка превра-

[2] В. М., Перспективы и задачи, «Отклики Бунда» № 3, ноябрь 1909.

титься в легальную рабочую партию в условиях столыпинского режима, борьба с подпольем — все это отличало господствовавшее в меньшевизме направление. Конечно не было недостатка в попытках революционными фразами замазать подлинное содержание меньшевистских взглядов, скрыть происходящий процесс превращения реформистской рабочей партии в столыпинскую рабочую партию. Этим занимались преимущественно те меньшевики, которые сидели за границей. Они отрицали самое существование ликвидаторства, они отрицали отрицание революции ликвидаторами, они занимались оговорками и комментариями к наиболее откровенным и ярким высказываниям своих российских собратьев. Они прикрывали этим их ренегатство перед западноевропейскими рабочими. Партия меньшевиков проделала значительную часть своей эволюции уже вскоре после революции 1905—1917 гг.; фактически единственным лозунгом, который она в это время выставляла, был лозунг политического «обновления» страны, лозунг завоевания политических реформ. Этим меньшевизм обнаружил себя как типично мелкобуржуазная интеллигенция (не угнетенные массы мелкой буржуазии, а ее верхушка). Именно для этих групп мелкобуржуазной интеллигенции и верхов мелкой буржуазии вообще требования политической реформы были и социальными требованиями, именно для них возможно было ограничиться борьбой за политические реформы. Этот же процесс перерождения меньшевизма с достаточной наглядностью сказался и во время войны, когда в основном почти весь меньшевизм оказался в оборонческом лагере. Оборончество не только в той его крайней форме, какую представлял Плеханов, но и в той скрытой, завуалированной форме, какую защищал Дан, являлось выражением начавшегося уже после революции 1905—1907 гг. процесса подчинения определенных слоев мелкой буржуазии, раньше всего мелкобуржуазной интеллигенции, целям и задачам капиталистического империализма.

Объективно капиталистический империализм в России, который как раз в период перед войной экономически подчинял себе страну, тянулся к овладению политической властью. Но переход политической власти к русскому финансовому капиталу должен был произойти в форме наименее болезненной, в форме менее всего способной вызвать движение масс. Политическая реформа должна была служить тем мостиком, через который русская империалистическая буржуазия пришла бы к власти. Мобилизуя массы для борьбы за эти частичные реформы, за поправки к столыпинской конституции и отказываясь от лозунга демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, объявляя его утопическим, передавая руководство всем оппозиционным движением в руки буржуазных партий, меньшевизм тем самым объективно превратился в одно из орудий империалистической России.

Война для российской буржуазии являлась только другим путем к той же самой цели, к утверждению своего политического господства. В подготовке к развязыванию войны 1914—1918 гг. капиталистический империализм в России играл одинаково агрессивную роль, как и военно-феодальный империализм. Сама война явилась наилучшей почвой, на которой происходили спайка верхов мелкой буржуазии с буржуазным империализмом, упрочение тех связей между ними, которые создавались еще до войны в течение предреволюционного периода.

Нельзя сказать, чтобы меньшевизм был целиком удовлетворен. Но его протест и его борьба направлялись не против капиталистического империализма, а против тех крепостнических сил, которые политически господствовали и подавляли верхушку мелкой буржуазии не хуже, чем это делал крупный капитал по отношению к массе мелкой буржуазии. Но не только российский меньшевизм оказывался оппозиционной силой. Сама империалистическая буржуазия вынуждена была стать в оппозицию к царизму, как только вскрылась полная неспособность правящей крепостнической группы организовать страну для войны и победы. Эта оппозиция становится тем более шумливой, чем, с одной стороны, яснее вырисовывается перспектива военного поражения и чем, с другой стороны, громче звучит голос

вырывающихся из тисков осадного положения угнетенных народных масс. Для империалистической буржуазии оппозиция являлась каналом, отводящим избыточную энергию масс, и средством предупреждения революции, и в то же время она этим путем давила на царизм, добивалась передвижки власти в пользу капиталистических групп. Тактика меньшевиков в основном была подчинена тем задачам, которые стояли перед империалистической буржуазией, и не только Кузьма Гвоздев и Борис Богданов в военно-промышленном комитете, не только правые меньшевики-оборонцы резко выступали против всяких попыток организовать массы для революции и против войны, но фактически в более хитрой, прикрытой форме против революции выступали также и наиболее левые меньшевики, выступал и лидер их интернационалистического крыла — Мартов. Вот что он писал осенью 1916 года, т. е. как раз тогда, когда широко разлилось стачечное движение, начинавшее приобретать явно выраженный политический характер.

«Поскольку у нас в России при более неблагоприятных условиях организованная кампания борьбы против войны до сих пор еще не начата, поскольку распыленность сознательных элементов пролетариата не позволяет сравнивать нашего положения не то что с 1904—1905 гг.,—с 1913—1914 гг., постольку вспыхнувшие на почве дороговизны и т. п. народные волнения, являясь очень **важными симптомами**, не могут **непосредственно** стать источником того движения, которое составляет нашу задачу. Их целесообразное «использование» может заключаться только в отведении прорывающегося в них недовольства в русло какой бы то ни было организованной борьбы, вне которой не может быть речи о постановке массами революционных задач. Поэтому даже призыв к организации кооперативов, к давлению на городские думы в целях таксации цен и т. п. паллиативам на основе развития самодеятельности масс является делом более плодотворным и революционным, чем кокетничанье с элементарными вспышками народного возмущения и попытками превратить их, при отсутствии какого бы то ни было организованного движения масс, в рычаг революции.

А там, где, как у нас в России, распыленным революционным силам противостоит хорошо организовавшаяся контрреволюция, готовая и умеющая для своих целей использовать смутное недовольство масс, — там подобное кокетничанье может сыграть самую плачевную роль, облегчив демагогам черной сотни их кровавую игру. После событий в Москве, Баку, Красноярске, Астрахани, Оренбурге, а теперь в Имеретии легкомысленные спекуляции на стихийно возникающие народные волнения, вызванные хозяйственным расстройством, являются со стороны социалистов прямо преступными»[3].

Левые меньшевики таким образом отказывались апеллировать к народному движению в борьбе с царизмом, но они вовсе не отказываются апеллировать к стихийно возникающим кулацким волнениям в борьбе с пролетарской революцией.

Вот что, например, писал «левый» Абрамович, критикуя «правого» Каутского: «Наши расчеты на демократическую ликвидацию диктатуры целиком построены на массовом движении пролетариата и самом резком давлении народных масс. Мы представляем себе, но еще в более усиленном масштабе повторение того, что было зимой 1921 года...»[4]. Напомним, что движение «народных масс» зимой 1921 года, на которое рассчитывали меньшевики, было в действительности анархо-кулацким мятежом в Кронштадте и кулацкими восстаниями на Тамбовщине и в Сибири.

Февральская революция произошла для меньшевиков неожиданно, меньшевики к революции не готовились, не готовили ее, и только недостаточная сознательность и организованность рабочей массы, да еще тот факт, что большинство их лидеров и вождей не были тронуты царской охранкой и поэтому оста-

---

[3] Л. Мартов, Опасность упростительства, «Бюллетень заграничного комитета Бунда» № 1, сент. 1916.

[4] Р. Абрамович, Большевизм в тупике, «Социалистический вестник» № 20, от 25 октября 1930 г.

лись в столице, только в силу этого во главе питерских революционных организаций оказались меньшевики. Их «революционность» была исчерпана однако в те несколько дней конца февраля и начала марта, когда, увлеченные стихией, они дрались против царизма. Но едва только развернулись первые аванпостные бои этих масс с капитализмом, меньшевики приходят в столкновение с рабочими массами. В то самое время, когда питерский пролетариат вел борьбу за восьмичасовой рабочий день, меньшевики выступали с заявлениями, что сейчас совершенно несвоевременна борьба за экономические достижения, что сейчас задача заключается в том, чтобы обеспечить те политические реформы, которые достигнуты Февральской революцией. В те самые дни, когда питерские заводчики и фабриканты оказывались вынужденными под давлением огромной стачечной волны питерских рабочих признавать восьмичасовой рабочий день и необходимость улучшения экономического положения рабочих, — в эти дни официальный орган меньшевистской партии «Рабочая газета» выступала со статьями, в которых она требовала отказа рабочих от экономической борьбы, отказа от восьмичасового рабочего дня. «Рабочая газета» поместила сначала письмо-призыв известного меньшевика П. Маслова к рабочим — не подрывайте хозяйственной жизни, не вводите восьмичасового рабочего дня,— а затем она выступила и самостоятельно. Вот выдержка из замечательной насквозь реформистской статьи: «1905—1917 гг.»:

«Тогда (в 1905 г.) рабочие вели кроме борьбы политической еще борьбу экономическую. Тогда, как известно, захватным путем был введен 8-часовой рабочий день. Конечно борьба на два фронта — с реакцией и капиталистами — была не по силам пролетариату... Урок нам дан: на два фронта пролетариату вести борьбу очень трудно. Перчатку, которую бросают нам теперь капиталисты, мы не поднимем. Экономическую борьбу мы начнем тогда и так, когда и как мы найдем это нужным... для рабочего класса сейчас непосредственно социальные вопросы не стоят на первом плане. Теперь он добывает себе политическую свободу...»

Эта реакционная белиберда печаталась меньшевиками в дни энергичного нажима на предпринимателей пролетариев Питера (в значительной мере под руководством большевиков), за день до капитуляции предпринимателей в этом вопросе. А в самый день, когда Петроградское общество фабрикантов и заводчиков решило подписать вынужденный массовым движением документ о восьмичасовом рабочем дне, в этот день передовица «Рабочей газеты» поучала:

«Восставший народ быстро занял важные политические позиции. Как же быть дальше? Иные подсказывают: перейти к борьбе за иное требование — восьмичасовой рабочий день на фабриках и заводах.

Что это значит? Это значит бросить занятую политическую позицию и перейти на новую экономическую. Но разве так делают на войне? Нет, там, завоевав позицию, на ней хорошо окапываются, ее старательно укрепляют».

Эта идеология меньшевиков, которые выступали в качестве бóльших защитников капитала, чем сами петроградские капиталисты, нашла верных защитников. Вся капиталистическая пресса приветствовала мужественное выступление этих революционеров, и банковская «Русская воля», захлебываясь от восторга, писала о политике «Рабочей газеты» буквально следующее:

«Статья по внутренней политике носит название «1905—1917 гг.». Она — продукт глубокого, скажем больше, мудрого раздумья над жизнью и историей партии и страны. Она пережита, писана не чернилами, а потом и кровью целых поколений. Приводим ее целиком от первой до последней буквы».

Но российский меньшевизм нашел себе защитников не только среди соотечественников. Мудрый Каутский, озабоченный перспективами русской революции, пришел к тому выводу, что «сколько бы ни дал моментально новый русский государственный строй пролетариям в смысле материальных завоеваний и полити-

ческой мощи, все же этот вопрос отступает по своему значению на задний план по сравнению с вопросом о сохранении демократии. В этом самая важная (!) сторона теперешней русской революции. И из-за этого будет вестись самая жаркая борьба» [5]. Не из-за земли, не из-за вопросов рабочей платы, рабочего дня, не из-за хлеба, даже не из-за вопроса о мире и власти, а из-за вопроса о демократии будет по Каутскому и меньшевикам вестись жаркая борьба, будет проливаться кровь.

Уже опыт первых месяцев рабочего движения в 1917 году показал, что эти истины не имеют ничего общего с действительным ходом борьбы.

Этот опыт мог убедить ошибавшихся пролетариев; но этот опыт ничего не мог сказать меньшевизму, который прикрывал словами о рабочих интересах, марксистской фразеологией и именем рабочей партии свою природу типичной мелкобуржуазной партии, представительницы мелкобуржуазной интеллигенции и узких групп рабочей аристократии.

Сущность меньшевизма — по крайней мере его официального, руководящего ядра — заключалась однако не только в том, что он оказывался реакционной силой в условиях развернувшейся борьбы пролетариата за социалистическую революцию,—нет, его истинная суть заключалась в том, что меньшевизм, ограничивая содержание революции борьбой за демократию, фактически выступал в качестве контрреволюционной силы даже при разрешении задач буржузаной революции.

Конкретная историческая обстановка в революции 1917 года, условия и ход классовой борьбы превратили меньшевистскую партию не просто в идеолога и вождя верхушки мелкой буржуазии, но полностью и целиком в теоретическую и практическую прислужницу русского империализма.

Под практику российского меньшевизма подводилась теория, основной смысл и содержание которой были Даном высказаны еще в марте 1908 года. «Как и во всех странах» власть должна перейти к буржуазии.

На следующий день после выступления питерских пролетариев против буржуазно-империалистической политики Гучкова и Милюкова «Рабочая газета» писала:

> «Мы переживаем буржуазную революцию. Она даст России не социалистический строй, а лишь демократические формы и свободные условия развития буржуазного государства. Это — потому, что для социалистического переворота еще не наступило время; для этого еще не созрели хозяйственные условия России, еще не поднялось на соответствующий уровень культурное и политическое развитие большинства ее населения. По той же причине рабочая демократия еще не может взять в свои руки управление государством» [6].

То же самое писал и центральный орган российского «Бунда»:

> «Это революция политическая, а не социальная. Это революция, которая ставит себе целью свержение политического строя, — строя, в котором господствует помещик-дворянин, — а не свержение буржуазного строя» [7].

Точно такую же позицию заняли и бакинские меньшевики, руководившие Советом. Еще 9 мая они выпускают от имени Совета рабочих депутатов воззвание, где пишут: «Все время С. Р. Д. твердо помнил, что сперва надо упрочить свое политическое положение, а потом думать об осуществлении экономических требований рабочего класса».

Эта философия являлась общим местом для всего меньшевизма. Боязнь

---

[5] Ст. в „Летописи“, июль-август 1917 г. Для простого сопоставления, без всяких комментариев мы приводим цитату из Ленина — впечатление его от разговора с одним рабочим — приблизительно того же периода: „К основе всего, к классовой борьбе за хлеб, мысль приводит через политический анализ необыкновенно сложным и запутанным путем. А представитель угнетенного класса, хотя из хорошо оплачиваемых и вполне интеллигентных рабочих, берет прямо быка за рога“ (Соч., т. XIV, ч. 2, с.244).

[6] Ст. «Кризис» в «Рабочей газете» № 37 от 22/IV.

[7] «Арбейтер Штимме» № 1, 1917, цит. по М. Рафесу, Очерки истории еврейского рабочего движения, 1929.

власти и боязнь масс являлись пожалуй наиболее отличительными чертами всех этих «героических революционеров», даже поскольку дело шло о задачах буржуазной революции. Можно было бы привести огромное количество цитат, которые это подтверждают, мы ограничимся еще только одной — цитатой из «Известий киевского Сов. раб. деп.», редактировавшейся меньшевиками. 23 апреля, т. е. на следующий день после того как сделались известными подробности движения питерских рабочих в передовице «Задачи Советов рабочих депутатов» меньшевистские «Известия» писали:

«В некоторых случаях, как например во время первой французской революции, а затем во время революции 1871 года в той же Франции рабочим удавалось захватить власть в свои руки. Но положение от этого не становилось, лучше, а пожалуй *даже хуже*. Власть рабочих вызывала недоверие и страх всех не чисто рабочих слоев, тем более, что сами рабочие опьяненные успехом, не организованные в массы, не в состоянии были сохранить меру в проявлении власти, не в состоянии были учесть, что возможно и что невозможно выполнить сейчас».

В чем же по мнению киевских меньшевиков заключалась задача Советов? О, она была исключительно простой: «Следить за тем, чтобы новое правительство... вело решительную борьбу со всеми *пережитками* прежнего строя». И только выполняя эту задачу,—кончает передовица,—Совет «может выполнить также и другую: сдерживать исстрадавшееся при прежнем режиме население от неумеренных требований, от стихийных, неорганизованных и потому вредных выступлений».

Эта позиция, повторяем, не мимолетна и не случайна для меньшевизма, она проводилсь им в течение всего дооктябрьского периода.

Выступив с первых же недель революции с программой, которая гласила: отложить проведение всех специальных реформ до Учредительного собрания, меньшевики практически вместе с тем содействовали и реализации другой половины программы буржуазных империалистов — отложить само Учредительное собрание до окончания войны.

Таким образом не только тогда, когда перед пролетариатом стояли задачи социалистической революции, но и в пределах буржуазной революции меньшевики оставались не только не революционной силой, но силой антиреволюционной, силой, тормозящей дальнейшее движение революции вперед. Эта борьба исключительно за политическое обновление страны, за отказ от удовлетворения основных социальных требований революционных масс, за оттяжку решения основных социальных проблем до Учредительного собрания, (а самого созыва Учредительного собрания до окончания войны) — все это неизбежно превращало меньшевиков в левый фланг того стихийно сложившегося контрреволюционного блока, который организовался против пролетариата. Под давлением обстоятельств меньшевики оказались вынужденными войти в коалицию, но сама коалиция имела только один смысл — организовать страну для дальнейшего ведения войны, затянуть войну, сорвать то стихийно установившееся сепаратное перемирие, которое грозило переброситься и на другие фронты. Меньшевики не могли не понимать этого смысла коалиции и не случайно как раз в те дни, когда решался вопрос о вхождении в правительство, руководимый меньшевиками Петроградский совет принимает писанное меньшевиком Войтинским воззвание, где армия призывалась не отказываться от наступательных действий.

С первых же дней коалиции Керенский по прямому приказу военных, биржевых, политических штабов союзного империализма организует наступление. Церетелли, фактический вождь меньшевизма в этот период, на прямой вопрос, заданный ему, солидаризируется ли Совет с этой политикой Керенского, отвечал, что Керенский действует в полном согласии и с ведома руководства Совета. Попытка большевиков организовать в Петрограде протест, чтобы продемонстрировать перед лицом всероссийского съезда Советов тот факт, что огромное большинство петроградского пролетариата и

гарнизона давно разошлось с политикой обороноческой верхушки Петроградского совета, вызвала со стороны Церетелли требование выбить из рук большевиков оружие.

Эта программа, программа разоружения питерского пролетариата, была прямо продиктована российским и союзным империализмом. Ее не удалось провести в те дни, хотя Церетелли и пытался сконструировать для этой цели мнимый заговор большевиков, но эта задача была наполовину выполнена в дни 3—6 июля, когда по прямому призыву меньшевиков из ЦИК—явились с фронта реакционные кавалерийские части во главе с меньшевиком Мазуренко. Задача заключалась в том, чтобы усмирить питерский пролетариат и гарнизон. Не было ни одного акта репрессии в июльские дни, к которому так или иначе не приложили бы своей руки меньшевики. «Известия», редактором которых состоял Дан, писали:

> «4 июля правительство, принужденное принять решительные меры к подавлению мятежа, предписало арестовать целый ряд лиц, так или иначе прикосновенных к движению 3—5 июля...
>
> В список этот входили: Ленин, Каменев, Зиновьев и др...»

«Известия» только забывали прибавить, что это решение было во Временном правительстве принято единогласно, что за него голосовали все министры-меньшевики. С эпическим спокойствием меньшевики сообщали о том, что «в штаб округа беспрерывно в течение всего дня доставляются задержанные на улицах матросы, солдаты и рабочие, тут же с них образованная следственная комиссия снимает показания». По мнению меньшевиков аресты рабочих, солдат и матросов были хотя и не совсем приятными, но неизбежными при подавлении «мятежа». Любопытно сравнить номера меньшевистских «Известий» от начала июля и номера меньшевистской «Рабочей газеты» от конца октября и начала ноября: в июле сухие протокольные сообщения об арестах рабочих, солдат и матросов, травля большевиков, крокодиловы слезы о дезорганизаторских актах столичного пролетариата и гарнизона, которые приводят к эксцессам, — и все. Между тем в первые дни после Октябрьской революции меньшевистские газеты сплошь заполнены воплями и причитаниями об арестах всякого рода крупных царских чиновников, злостных саботажников, откровенных контрреволюционеров. Арест царского директора Государственного банка, помещика и капиталиста Шипова, вызвал на страницах послеоктябрьской «Рабочей газеты» значительно больше возмущения, протестов и требований, чем те непрерывные аресты рабочих, солдат и матросов, о которых с наивно-деланным спокойствием сообщали «Известия» в июльские дни.

Больше того. Меньшевики не только возлагали на большевиков ответственность за стихийное выступление возмущенных масс 3—5 июля, но на них же возлагали ответственность за контрреволюционный разгул после июльских дней. На заседании ЦИК Советов раб. и солдатских депутатов и Исполнительного комитета совета крестьянских депутатов 13 июля, т. е. как раз в дни, когда военщина чувствовала себя наиболее прочно и вела себя наиболее разнузданно, выступил меньшевик Либер с заявлением, которое иначе как черносотенным назвать нельзя.

> «Разве кто-нибудь трогал «Правду», «Солдатскую правду» и даже «Голос правды» с провокаторскими статьями? Их закрыла сама жизнь. Вы, большевики, двинули полки против полномочных органов революционной демократии, вы организовали восстание, вы развязали руки контрреволюции и вы—вы спрашиваете, кто в этом виноват? — Виноваты вы».

Таким образом это большевики были виноваты в убийстве старого большевика Воинова, в разгроме редакций и типографий, смертных казнях на фронте, в сотнях арестов революционеров. Это выступление, которое почти буквально совпадает с выступлениями Замысловских по вопросу о том, кто виновен в еврейских погромах, отнюдь не было единоличным. Еще 5 июля меньшевистско-бундовско-банковский «День» в передовице писал следующее: «Два дня лилась кровь во имя анархии. Завтра она прольется во имя порядка. Но в том и в другом случае кровь эта падает на головы

тех, кто преступно-предательски разбрасывал семена гражданской войны». Этот прямой призыв к кровопусканию был предотвращен в те дни только тактикой большевиков, уговоривших кронштадтских матросов и рабочих Выборгской стороны не сопротивляться и подчиниться унизительным требованиям «социалистических» министров.

Меньшевики не только протестовали против репрессий, но и фактически выдавали революционеров в руки контрреволюционной буржуазно-генеральской юстиции. Один за другим арестовывались большевики — члены Центрального исполнительного комитета С. Р. и С. Д., верховного органа демократии, и всегда у мелкобуржуазных вождей находились слова оправдания и объяснения этим арестам. Больше того, они пытались даже оказать моральное давление на большевиков, чтобы заставить их выдать Ленина реакционной дворянско-офицерской сволочи. На пленуме ЦИК 17-18 июля Чхеидзе от имени Бюро ЦИК предложил принять резолюцию осуждения лидеров большевиков за неявку их на суд. Даже соглашательское большинство ЦИК растерялось — они предпочитали считать это «частным делом» большевистских лидеров и не сталкиваться на каждом митинге с вопросом: «Каин! Каин! Где брат твой Авель?» За резолюцию Чхеидзе голосовало 77 отборных соглашателей, против 72, при 63 воздержавшихся.

В июльские дни мелкобуржуазный социализм под руководством меньшевиков совершил крутой и резкий перелом в сторону открытого союза с империалистическими силами против революционных масс. Уже в ночь на 4 июля Чхеидзе от имени ЦИК вызывал с фронта реакционные кавалерийские части. Другой меньшевистский лидер Церетелли все время находился в штабе генерала Половцева, руководившего всеми военными действиями против восставших масс.

В чем же была причина такого резкого и крутого поворота к союзу с буржуазно-империалистической реакцией?

Она коренилась несомненно в классовом положении верхушечных слоев мелкой буржуазии, в их линии на мирное врастание в буржуазное общество, мирное использование тех возможностей, которые предоставляет развитая буржуазно-парламентарная демократия. Меньшевизм боялся движения масс именно потому, что это движение выносило наверх не политические, а социальные требования. Он мог посочувствовать этим социальным требованиям, но он абсолютно не был способен драться за них, итти на величайшие жертвы во имя задач ликвидации социального рабства, итти для этого в огонь, воду и на смерть. Но меньшевизм, боясь массового движения, все-же пытался эксплоатировать силу этого движения. Меньшевизм запугивал силой массового движения буржуазно-империалистические круги, требовал от них уступок в пользу массы и больше всего маклерских для себя. Используя неизбежные колебания мелкобуржуазных масс, недостаточную сознательность и организованность рабочих, наличие в среде пролетариата мелкобуржуазных элементов и т. д., меньшевизм пытался теоретически оформить и организационно закрепить как раз наиболее слабые, наименее прогрессивные, даже реакционные черты в рабочем движении и особенно в движении мелкобуржуазных масс города. Теория меньшевизма выросла из классовой почвы последнего. Эта теория объективно имела своим единственным назначением идеологическое разоружение революционных масс. Ее основным, решающим положением, как мы видели, было то, что никакая социалистическая революция в России невозможна.

В применении к конкретным условиям революции 1917 года смысл этого положения заключался прежде всего в том, что без участия буржуазии революция обречена на поражение.

«Не нужно преувеличивать своих сил. Когда даже теперь при напряжении всех сил едва может существовать уверенность в победе революции (разрядка моя — *М. Ю.*), нельзя сбрасывать со счетов несоциалистические элементы, идущие под знаменем революции» — говорил меньшевик Церетелли на заседании ЦИК 9 июля. «Можно провозгласить такую диктатуру (пролетариата и крестьянства. — М. Ю.), говорил на заседании того же ЦИК Церетелли, — но она неизбежно приведет к

контрреволюции, ибо одна революционная демократия не в силах будет удержать власть». «Если революционная демократия не сумеет соединиться со всеми остальными живыми силами страны для поддержки правительства спасения страны, то спасения для страны нет».

Другое положение заключалось в том, что если мол и можно избавиться от буржуазных министров, то никак уже нельзя избавиться от капиталистической войны. Всеми словами это прямо и открыто высказали крупнейшие политики меньшевизма, Дан и Церетелли:

«Для нас, в данный момент, — говорил Дан в трагический день 4 июля, — война неизбежна в той или иной комбинации — мы не можем, не в силах заключить мир. Дав такое обещание, мы обманули бы страну. Раз война продолжается, то мы не можем обещать чудодейственных рецептов, и в области экономической жизни мы немногим (разрядка моя. — *М. Ю.*) больше можем дать, чем то, что в этой области уже дано коалиционным правительством».

И еще яснее с классической простотой, с редкой в политике откровенностью говорил о том же Церетелли:

«Когда наши противники предлагают нам разорвать с буржуазными элементами, взять всю власть в свои руки, они забывают добавить, что требуют от нас также и перемены всей нашей политики. Если бы мы, советское большинство, взяли всю власть в наши руки, то разве бы вы все, от Мартова до Ленина, не потребовали бы от нас действий, ведущих по нашему мнению к сепаратной войне, или разве не выдвинули бы вы нам вашего лозунга: «Не в наступление, а в перемирие»? Но ведь мы этой политики не примем. И если бы мы, захватившие власть, не позволили вам диктовать нам вашу политику, то разве не стали бы вы говорить о нас то же, что говорите теперь в «Правде» (речь на пленуме ЦИК 4 июля). «Не в наступление а в перемирие» — вот чего вы хотите, а «мы всегда призывали и призываем ради спасения революции к наступлению» (речь Либера на заседании ЦИК 9 июля) — здесь действительно не могло быть никакого общего языка.

Меньшевики не только принимали участие во всех репрессивных актах правительства, но они фактически присоединились к тому подлому навету, который специльно был пущен контрразведкой с тем, чтобы внести деморализацию в солдатские массы. Церетелли был в штабе Половцева, когда там составлялось знаменитое сообщение о том, что большевики и Ленин раньше всего суть немецкие шпионы. Формально пытаясь отгородиться от этой дикой, злобной и идиотски-невежественной клеветы, меньшевики фактически выдавали реакционерам революционную партию. Они не только не оказали активного противодействия, но по сути дела содействовали распространению и внедрению в массы империалистической клеветы. Вот что писали в передовице, выразительно озаглавленной «Друзья Николая и Вильгельма», меньшевики о пролетарской партии:

«В дни революции их дергала за ниточку черная рука контрреволюции. Они не замечали этого, дали окружить и окутать себя черносотенцами, провокаторами и германскими агентами и в безумном ослеплении вели революционные массы на контрреволюционное дело».

Некоторые из меньшевиков, из числа тех, что поменьше стеснялись, прямо обвиняли большевиков, что они являются наемными немецкими агентами. Так в Казани официальный докладчик на пленуме Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Центрального бюро профсоюзов меньшевик Денике выразил уверенность в несомненности обвинения вождей большевизма в работе на немецкие деньги, делая правда персональное исключение для Ленина.

Вся задача меньшевиков в период послеиюльских дней заключалась в том, чтобы удержать массы от революционных выступлений и протестов, сохранить власть в руках той буржуазии, к которой ведь все равно по исторической схеме меньшевиков власть должна перейти. Нужно было облегчить родовые муки истории, и меньшевики оказывают полную поддержку тому правительству Керенского, которое ввело смертную казнь для солдат на фронте, взяло в железо большевистскую партию в тылу, за-

крыло всю большевистскую прессу, арестовало сотни большевиков и тысячи солдат, рабочих и крестьян. Меньшевики не только предоставили этому правительству всю полноту власти, но они всячески старались сдержать протест масс против действий правительства, вступившего в союз с контрреволюционным генералитетом, полубандитскими офицерскими шайками, реакционными буржуазно-помещичьими партиями. Они требовали всяких уступок и жертв пролетариата, угрожая в противном случае всякими бедствиями.

Меньшевики не только сознательно попустительствовали всему тому контрреволюционному террору, который установился в послеиюльские дни, но и являлись его проводниками и в известной мере идеологами. Один из руководителей армейского комитета меньшевик Виленкин говорил: «Задача нашего комитета довести армию до такого состояния, чтобы по приказу командующего армией любая часть арестовала без колебаний Комитет. Тогда мы — деятели Комитета скажем: наш долг перед родиной выполнен». Министр внутренних дел Церетелли не только санкционировал все террористические и репрессивные меры против большевиков и рабочего класса, но и явился одним из инициаторов нападения на крестьян. В средине июля он выступил с циркуляром, в котором строго предписывалось наблюдать за защитой помещичьей собственности от всякого рода незакономерных захватов. И неудивительно, что еще до того как капиталист Бубликов пожал ему руку, помещик Капацынский на том же самом Московском совещании приветствовал язык социалистического министра от имени крупных землевладельцев:

«И вот, когда со свойственной ему чуткостью Церетелли издал распоряжение о земельных захватах, сельское хозяйство на минуту вздохнуло свободно» [8].

Вся политика меньшевиков в этот период являлась по существу предательством интересов не только пролетарских масс, но и интересов широких мелкобуржуазных масс. Меньшевики выступали в качестве пособников и соучастников не только антисоциалистического террора, но и в качестве участников репрессивных мер, направленных против крестьян, заинтересованных в получении земли, против солдатской массы, стремившейся освободиться от гнета буржуазно-помещичьего командного состава и добиться мира. Вся их тактика исходила из того простого положения, что «чем навлекать на себя опасность реставрации, опасность реакции, лучше войти в сделку с реакцией». Так Ленин характеризовал в 1906 году политическую мудрость кадетов, отмечая, что эта мудрость целиком вытекает из их классовой позиции. Но сейчас, когда борьба против царизма сменилась борьбой против капитала, роли переменились: «кадеты заняли место монархии, Церетелли и Черновы заняли место кадетов» (Ленин). И Церетелли, и Черновы проводили сейчас тактику сделки с буржуазно-империалистической реакции. Они видели только одно средство избежать той единственной опасности, которая, по их мнению, грозила революции, опасности феодальной реакции — это средство заключалось в непрерывных уступках, непрерывном подчинении буржуазному империализму. Еще в ночь на 21 июля, ко-

[8] Как был встречен циркуляр Церетелли на местах, хорошо показывают две нижеприводимых выдержки.

Ярославский губернский комиссар, видный кадет и помещик К. Черносвитов, в своем докладе писал следующее: «Телеграмма Церетелли от 19 июля и последующие распоряжения правительства устанавливают решающие в этом отношении положения, и, надо надеяться, при твердости проведения тех положений наладится желанная жизнь обновленной России». Так откликнулись помещики.

Крестьяне откликнулись несколько иначе: так, Балашовская уездная земская управа (в которой скорее всего не было ни одного большевика) 24 июля отправила большую почто-телеграмму Керенскому, Церетелли и Чернову о циркуляре министра внутренних дел (т. е. Церетелли):

«Сохранение прежних кабальных отношений, хотя бы и на самый короткий срок, невозможно. Зем. комитеты не в силах взять на себя урегулирование отношений крестьян и помещиков в этом направлении; не могут они этого сделать и по долгу своей гражданской совести. И если на них будет возложена такая миссия, то им останется одно — устраниться. Товарищи! Вас вводят в заблуждение люди, сеющие бурю и анархию. Вы далеки от настроений деревни» («Известия Тульского сов. раб. и солд. деп.» № 5 от 7 августа).

гда решался вопрос о том, чтобы предоставить целиком всю власть правительству Керенского и отказаться от какого бы то ни было контроля, Церетелли, выступая в защиту этой коалиции, говорил:

> «Соглашение, достигнутое теперь с представителями всех сил страны (среди которых понятно партии пролетариата не было), имеет одну цель— всю страну поставить на ноги и заставить все классы жертвовать своими интересами ради спасения страны. Должно и свой класс призвать к жетрвам... Сейчас вся полнота власти должна быть вручена Временному правительству. Организации революционной демократии оставляют за собой критику действий этого правительства, но не вмешиваются в дело управления».

Тогда же другой лидер меньшевизма, нынешний его вождь Дан, требовал точно также уступок и жертв:

> «Никогда еще страна не подвергалась той опасности, какой она подвергается теперь. Опасность эта вызвана главным образом ужасающими событиями на фронте. Никогда не был так близок к нам распад государства... Может быть, сейчас дописывается не только последняя страница в истории революции, но и последние страницы государства российского».

Этой тактики и теории жертв и уступок со стороны пролетариата меньшевики не изменили и тогда, когда довольно явственно вырисовывалась перспектива помещичьей, генеральско-дворянской контрреволюции. Вожди меньшевизма знали только одно средство избежать реставрации и реакции: это войти с ними в сделку. Перед самым московским государственным совещанием, которое было созвано за тем, чтобы создать всероссийский центр реакционных сил, меньшевики Либер и Церетелли сформулировали свою теорию уступок:

> «Вы должны пойти на совещание,— говорил Либер, — чтобы сказать стране, что вы готовы на все жертвы для спасения революции и что если революция погибнет, то в этом виноваты будете не вы, а те группы, которые не пожелали поступиться своими интересами».

Эти жертвы заключались раньше всего в том, что выбросили представителей пролетариата из делегации ЦИК и затем на самом совещании пошли на крупнейшие уступки. Эти уступки и жертвы были настолько серьезны, что даже вождь буржуазного империализма в России Милюков должен был заявить по адресу Церетелли: «По содержанию этих мер у нас нет разногласий, ибо теперь и в речи Церетелли, да и во многих речах, теперь произносимых, повторяется то, что мы говорили три месяца тому назад».

Сделка с реакцией у меньшевиков зашла так далеко, что они характеризовали полумиллионное выступление московского пролетариата против контрреволюционного московского совещания как акт, играющий на руку контрреволюции. «Самый злейший враг нашей революции,— писал в те дни меньшевик Миров-Иков,— не мог бы придумать ничего лучшего в целях ее гибели. Московская забастовка — новый тяжелый удар по демократии и свободе». Меньшевики могли расценивать итоги московского совещания, в котором они фактически установили единый фронт со всеми контрреволюционными силами против революционных масс, как новое торжество демократии. На пленуме Петроградского совета 21 августа Б. Богданов от имени меньшевистской фракции предлагал резолюцию, где признавалось, «что создавшееся Московским государственным совещанием объединение в с е х с и л д е м о к р а т и и (большевики и огромное большинство пролетариев вообще таким образом не то исключались из демократии, не то сбрасывались со счета сил) на общенародной платформе дает как н и к о г д а р а н ь ш е прочную основу революции».

Но сделка с реакцией неизбежно должна была дополняться обманом масс. Реакцию можно было заставить пойти на сделку лишь перед угрозой непосредственных революционных действий масс. Эта угроза в течение всего 1917 г. висела над всеми реакционными силами, и меньшевикам вовсе не нужно было тратить своего дара красноречия, чтобы убедить господ реакционеров, что нужны демократические декорации. Не случайно, что во всех списках проектировавшихся

в 1917 г. откровенно контрреволюционных правительств фигурировали также имена Плеханова, Крапоткина, Церетелли и т. д.

Но сделка должна быть двусторонней. Если реакцию удается «уговорить» пойти на уступки, то остается ведь еще задача уговорить народные массы не бунтовать... И именно в этой области лежал центр тяжести всей политической агитационной работы меньшевиков. Запугивая реакционные круги действительной силой революции, меньшевики в то же время должны были запугивать революционные массы мнимой силой реакции.

Нельзя конечно сказать, чтобы в 1917 году это запугивание было исключительно лишь обманом масс; в известной мере оно являлось и следствием самообмана мелкой буржуазии.

Но лидеры мелкой буржуазии, ее парламентеры, литераторы, искушенные политические дельцы знали конечно, что они предлагают, что они защищают.

Они считали абсолютно неизбежным переход власти, как и во всех других странах, к буржуазии. Они считали, что всякое покушение пролетариата на власть является в лучшем случае следствием реакционной романтики большевизма; более всего они боялись открытого выступления масс, которое сорвет уже почти налаженную сделку с реакцией. Вот почему всеми мерами они стремятся дезориентировать массу, идеологически демобилизовать ее, политически обезоружить. Угашение революционного духа — вот к чему сводится вся политическо-пропагандистская работа меньшевиков в среде пролетариата.

Они запугивали рабочие массы всякими неизбежными и надвигающимися катастрофами. Но там, где они не очень рассчитывали на безмолвие аудитории, они требования уступок и жертв сопровождали указаниями, что это последняя жертва, и больше они не уступали.

На пленуме ЦИК, в ночь на 21 июля, Церетелли говорил только о жертвах,— там была «своя» квалифицированно-соглашательская аудитория, где немногие, уже хорошо известные, интернационалисты не портили ансамбля. Не то было на пленуме Петроградского совета. Здесь четверть аудитории была враждебной уже в первые дни после июльских событий; к концу июля число «недовольных» еще более увеличилось... Там нужны были другие средства воздействия, вернее, другие приемы преподнесения той же самой теории уступок, жертв, самоограничения. Вот почему так разнится речь того же Церетелли на пленуме Петроградского совета 24 июля от его же речи на пленуме ЦИК.

«Прежняя организация власти должна быть перестроена. Надо помнить, что переживаемое нами время — это новый период революции, суровый и железный... воссоздать боевую мощь армии одними репрессиями невозможно. Это не значит, что мы отказываемся от репрессии. Мы будем и должны применять репрессии и самые суровые... Настоящее правительство — не наше правительство, хотя там есть вполне надежные представители наши. Но наши товарищи в правительстве находятся не для того, чтобы быть механическими передатчиками наших желаний. Нет. Это правительство — правительство соглашения всех сил страны. Это правительство взаимных уступок. Однако уступкам мы положили предел. И этим пределом является возвещенная нами программа 8 мая. Ни шагу далее. Правительство должно обладать диктаторскими полномочиями для спасения страны. Но власть не должна переходить за указанную нами черту, так как она потеряла бы лицо революции... Мы должны итти под знаменем общей национальной платформы. Неограниченные полномочия революционных организаций должны быть ограничены».

Сущность, содержание речи нисколько не изменилось, а ее форма, новые мотивы в речи ни в какой мере не могли смутить буржуазных «людей дела».

«Речь И. Г. Церетелли, — сообщал на следующий день центральный орган кадетской партии, — ни разу не упоминавшего слова «социализм» и высказавшегося о великой России и ее мощи, произвела сильное впечатление на собрание».

Буржуазные политики не смущались ни претенциозным заявлением, что мы (Совет) «положим передел» уступок, ни указаниями, что власть не должна переходить за указанные им, Церетелли, пределы, ни громогласным объявлением «ни

шагу дальше». Люди дела, кадеты, прекрасно понимали, что это необходимые украшения в речи, применительно к составу аудитории — не более.

Само собой разумеется, что предел был перейден в ближайшие же дни, и политикам меньшевизма приходилось заботиться о новых аргументах в защиту необходимости новых жертв и новых уступок.

Сделка с реакцией, логика политической теории и тактики уступок, неизбежно приводила меньшевиков к тому, что они не только оказывались привязанными к колеснице буржуазного империализма, но что они фактически стали сообщниками к подготовлявшейся помещичьей реакции.

Как раз в тот период, когда Корнилов подготовлял свое выступление не только против большевиков, но и против мелкобуржуазной демократии, как раз в это время вожди мелкобуржуазных партий делали все возможное и невозможное для того, чтобы расчистить дорогу корниловским отрядам. Корнилов требовал, чтобы абсолютно ко всем политическим вопросам подходили только с одной точки зрения, с точки зрения затягивания империалистической войны. Под флагом обороны ту же самую идею проводят и развивают меньшевики. На пленуме ЦИК, за три дня до выступления Корнилова, меньшевик Богданов взывал:

> «Сейчас нужно всем без различия фракций, без различия политических мнений объединиться в деле защиты родины. Сейчас мы обязаны все вопросы рассматривать под одним только углом: оборона революционной России».

Больше того, у меньшевика Богданова нашлось печальное мужество первому открыто сказать то, что боялись сказать вслух и полукрепостническая Ставка, и империалистическая большая и малая погромная пресса, и политический штаб консолидированной контрреволюции ЦК кадетов, и октябристско-черносотенные остатки третьеиюньской Думы. Богданов вслух сказал о *новой зимней кампании*:

> «Доклады на Московском совещании не должны стать пустым звуком — это наше основное требование, способное спасти армию и страну, находящуюся на 4-м году войны. Это поможет ей перейти к зимней кампании. Без зимней кампании не обойтись. Это ясно теперь для всех».

Это была не оговорка. В передовицах «Известий ЦИК и Петроградского совета» точно также утверждалось: «Зимняя кампания почти неизбежна».

Соответственно этой перспективе, меньшевики, политически и идейно руководящая сила и в ЦИК, и в мелкобуржуазном блоке вообще развернули программу своей ближайшей деятельности. С наибольшей откровенностью план этот был изложен на заседании меньшевистской фракции Петроградского совета от 24 августа. Нужно было прежде всего создать новые политические центры, взамен Советов, в которых соглашатели изо дня в день теряли большинство. Создание таких новых центров, где за мелкобуржуазными политиками обеспечивалось бы руководящее большинство, мыслилось двумя способами: во-первых, разводнением самих Советов и, во-вторых, устранением большевиков.

> «Достигнутое на Московском совещании объединение (это при полумиллионной стачке в Москве против соглашателей!) должно быть закреплено путем создания в центре и на местах комитетов обороны, к которым должны быть привлечены все демократические организации...» (среди которых, как известно, не было большевиков).

Таков был первый пункт резолюции, принятой меньшевистской фракцией по докладу М. Бройдо о создавшемся положении в связи с падением Риги.

Далее меньшевики требовали от пролетариата и армии добровольного выполнения тех требований, с которыми обращались к демократии на Московском совещании вожди капиталистической промышленности и империалистической армии. Промышленники требовали фиксированной нормы производительности, устранение лишней, прежде всего политически активной, рабочей силы. Меньшевики именно это и записывали в своей резолюции:

> «Рабочие... призываются к подъему производительности труда и к органи-

зации охраны заводов. Все лишние элементы... должны быть немедленно сняты с учета».

Генералы требовали усиления дисциплины, устранения комитетов или, по крайней мере, низведения их до роли простых придатков штаба и организации сил для продолжения войны, для подготовки зимней кампании. Резолюция и здесь шла на значительные уступки:

«Товарищи военные должны принять все меры к поднятию боеспособности гарнизона, к усилению занятий в войсковых частях, и вообще к подъему духа и сознательности войска».

Правда, последним—«подъемом духа и сознательности войска» — уже занимался ряд организаций: союз офицеров, георгиевские кавалеры, ударные батальоны. Меньшевики предлагали в этом деле организовать соревнование.

«Сознательные товарищи-меньшевики должны взять на себя инициативу в деле обороны во всех организациях, куда они входят... Проявляясь в разнообразных формах (создание добровольческих отрядов, организация «Займа свободы» и т. д.), эта инициатива должна находиться в соответствии с общим направлением деятельности комитета обороны».

Мы решаемся немного продлить цитирование меньшевистских выступлений, резолюций, предложений с тем, чтобы, по возможности, наиболее полно характеризовать контрреволюционное существо политики меньшевиков. В тот самый вечер 29 августа, когда прорвался корниловский мятеж, меньшевик Вайнштейн убеждал от имени ЦИК заседание Петроградского совета профессиональных союзов и Центрального совета заводских комитетов:

«Что бы ни говорилось о новом правительстве, все же оно является олицетворением свободной России, и теперь этой свободной России наносятся удары и ее уничтожают. Назревание контрреволюции имеет за собой объективные условия. Мы сейчас представляем собой столь грозную силу, что контрреволюция не осмелится помериться с нами. Но если революция будет и впредь вести себя таким же образом, как и до сих пор, и ослаблять себя, самоизолируясь от широкой демократии, тогда контрреволюция окрепнет».

Когда же центр профессионального движения Петрограда отверг эти силлогизмы, имевшие одно заключение — нужно поддержать правительство, тогда другой член бюро ЦИК, Б. Богданов, в испуге, возможно искреннем, заявил:

«Впервые мне страшно в рядах рабочего класса, и я чувствую, что дело социал-демократии погублено... Если большинство петроградских товарищей думает, как вы, то неизбежна коммуна и все ужасные последствия, связанные с ее разгромом... революция будет раздавлена, и многие ее завоевания погибнут. Будет настоящая буржуазная куцая республика...».

Так путал Б. Богданов, забывая, что в августе не было еще никакой, даже куцой, республики. Все эти пророчества, запугивания, шантаж немецкими полчищами не оказали на рабочий класс Питера никакого влияния, но на солдатские организации (не на массы) оборонцы еще раз сумели воздействовать. Правительство и Ставка, осуществляя каждый часть своего заговора, предъявляли требование о выводе полностью четырех революционных полков петроградского гарнизона. Мотивировка была одна: угрожающее положение на фронте требует пополнений. В это же самое время по приказанию и Керенского и Корнилова с фронта в тыл перебрасывался конный корпус. На солдатской секции 25 августа встал вопрос о выводе этих частей.

Соглашатели не допустили даже обсуждения этого вопроса. Спекулируя падением Риги, раздувая успехи немецких войск, внося паническое настроение в собрание, меньшевистско-эсеровские руководители требовали беспрекословного выполнения приказа, так как это приказ боевой, его критиковать нельзя и должно без возражений подчиниться, так заявлял меньшевик Н. Д. Соколов.

«Я и некоторые другие товарищи,— говорил он,—были командированы Бюро ЦИК в штаб округа. Мы убедились, что приказ о выводе войск является лишь боевым приказом, пре-

следует цели обороны, и в критику его мы входить не можем... Накануне новых тяжелых событий мы не можем принимать решений, которые хоть на один день смогут затормозить работы по обороне».

Солдатская секция единогласно приняла резолюцию:

«Исходя из принципа необходимости безусловного и немедленного выполнения всех боевых приказов, секция считает необходимым указать нашим товарищам-солдатам, что они обязаны итти на фронт как для работы, так и для боевых задач».

Это было торжество мелкобуржуазного государственного разума. Нужно было об этом напомнить.

«Закрывая заседание, председатель указал, что исполнением первого боевого приказа, касающегося не частичного отправления маршевых рот, а вывода целых частей, петроградский гарнизон показал свою гражданственность и государственную мудрость демократии».

Как раз в это самое время Терещенко отправлял русским послам телеграмму, где писал:

«Взятие Риги произвело громадное впечатление в стране и значительно усилило наблюдавшийся ранее процесс отрезвления. Вопрос о боеспособности армии волнует всех, и можно наблюдать в демократических организациях поворот в сторону патриотизма и сознания надвигающейся опасности».

Терещенко ссылался на «последнее заседание СРД (последнее, где меньшевики провели свои резолюции) и организаций петроградского гарнизона». Ссылка на меньшевистско-эсеровские решения имела для Терещенко определенный смысл.

«Общественное мнение союзников,—жаловался Терещенко послам,—как бы отказывает нам в доверии. Это вызывает здесь тем бо́льшее недоумение, что, несмотря на наши неудачи, цель правительства Керенского — прекратить в о ч т о б ы т о н и с т а л о то фактическое состояние перемирия, которое весной позволяло переброску войск неприятеля с нашего фронта на французский фронт — вполне достигнута... Здесь нет ни в правительстве, ни в ответственных кругах, не исключая демократически настроенных (т. е. раньше всего меньшевистско-эсеровских — *М. Ю.*), никаких сомнений и колебаний относительно будущего направления нашей политики в смысле п р о д о л ж е н и я в с е м и с р е д с т в а м и в о й н ы в полном согласии с союзниками».

Одна эта секретная телеграмма лучше вскрывает подлинную сущность резолюций и деклараций меньшевистско-эсеровского блока, действительное их назначение и служебную, вернее, прислужническую роль всей их политики.

Основная цель правительства Керенского — во что бы то ни стало сохранить состояние войны. «Нам» это удастся, и к «нашим» неудачам, — обращается Терещенко к союзникам, — вы должны подходить только с этой точки зрения. Под этим же углом зрения нужно расценивать и поведение ответственных демократических кругов. В силу политического разделения труда соглашатели (среди которых политически руководящую роль все время играли меньшевики) должны были говорить о мире, о демократизме, об империалистических разбойниках.

Конечно, это плохо, но без этого нельзя призывать массы к новой зимней кампании; вся демократическая мишура соглашательского блока была только одним из средств продолжения войны «в полном согласии с союзниками».

Это проявление государственной мудрости демократии должно было еще быть записанным в каком-нибудь акте. Это было сделано в воззвании ЦИК 25 августа к солдатам:

«Солдаты Петрограда и его окрестностей... Будьте примером д о в е р и я и п о в и н о в е н и я вашему революционному Временному правительству, вашему ЦИК Советов Р. и С. Д., вашим комитетам и вашим к о м а н д и р а м. Ныне все они служат одному революционному делу».

Чего же хочет руководимый меньшевиками ЦИК взамен столь откровенных признаний и громадных жертв от правительства? Он не предъявляет даже сло-

весных требований, формальных притязаний—«Сейчас не место поддержке «постольку—поскольку». Демократия должна защищать страну. Можно стремиться к дальнейшему обновлению правительства, но для осуществления этих стремлений в настоящую минуту их нужно оставить. «Настоящий момент слишком тяжел для того, чтобы говорить о новой базе для правительства», — говорил Скобелев на этом же пленуме ЦИК. «И если в этот момент, когда на карту поставлено все будущее, — продолжал Богданов, — борьба с Временным правительством будет и со стороны большевиков продолжаться тем же темпом, то дело революции кончено». Взамен всего этого ЦИК обращался только с уговорами к правительству: «Не надо репрессий, иначе мы получим армию, способную к бунтам, иначе затихшая рознь между офицерством и солдатами с ужасающей силой разговорится вновь».

Меньшевики, которые в конце концов все же оказались вынужденными перед угрозой ликвидации их Корниловым выступить против мятежного генерала, сейчас же однако повернули фронт против масс, как только увидели, что корниловщина оказалась разгромленной. Буквально в первые же часы ликвидации мятежа меньшевики ищут союза с наиболее рьяными корниловцами. Когда в Пскове меньшевик Войтинский еще 30 августа встретился с арестованным солдатами монархистом и крепостником генералом Красновым, то он сейчас же принял меры к тому, чтобы сохранить Краснова в качестве союзника против питерского пролетариата и революционных солдат. Краснов так передает характер допроса: «Допрос начал принимать форму беседы. Я скоро понял, что Войтинский и Станкевич на моей стороне». Войтинский принимает все меры к тому, чтобы выполнить приказ Керенского о сосредоточении казачьих частей под Петроградом на случай борьбы с большевизмом.

Неудивительно, что вся эта политика меньшевиков неизбежно должна была привести к полному отрыву их не только от пролетарских масс, но и от революционных масс мелкой буржуазии.

Эта политика неизбежно должна была превратить меньшевиков в штаб без армии, в группу профессиональных политиков, вынужденных искать себе новую социальную базу, и при этом передвигаться в сторону самых реакционных слоев мелкой буржуазии. Уже на июльской общегородской конференции в Петрограде один из виднейших левых меньшевиков, Семковский, с горечью должен был признаться:

> «Прежде мы, меньшевики, были рабочей фракцией, затем мы стали фракцией еще только приобщающихся к политической жизни солдат, теперь же мы становимся фракцией высшего командного состава».

Эта фракция высшего командного состава вынуждена была однако приспособливать свою линию, лозунги и агитацию к той основной задаче, которая перед ней стояла, к обману возможно более широких масс. Она вынуждена была призывать к подчинению буржуазному правительству и помещичьему командному составу во имя революции. Во имя революции Церетелли издавал циркуляры, угрожавшие волостным крестьянским комитетам всеми карами, во имя революции меньшевики сдавали одну позицию за другой. Перед самой корниловщиной—во имя революции — они выступают в роли прямых пособников корниловского мятежа.

Но этот обман был быстро разоблачен массами. И именно после июля усиливается развал меньшевизма.

Этот развал продолжался непрерывно вплоть до самой Октябрьской революции. Уже в конце сентября левоменьшевистская «Новая жизнь» так описывала положение дел у меньшевиков:

> «Кто знаком с положением дел петроградской крупнейшей организации меньшевиков, еще недавно насчитывавшей около десяти тысяч членов, тот знает, что она перестала фактически существовать. Районные собрания происходят при ничтожном количестве 20—25 человек; членские взносы не поступают; тираж «Рабочей газеты» катастрофически падает. Последняя общегородская конференция не могла собраться из-за отсутствия кворума».

Тогда-то на сцену выступает левый меньшевизм. Левый меньшевизм явился отражением того катастрофического разрыва с массами, который получился

у всей партии. Они нисколько не расходились с правыми меньшевиками в основных программных положениях, в том, что наша революция должна быть буржуазной и не может выйти за пределы буржуазных отношений. Но в отличие от правых, левый меньшевизм пытался освободиться от того союза с реакционными элементами торгово-промышленной буржуазии, от того подчинения русскому и союзному империализму, который превращал меньшевизм в простой придаток к руководящему центру империалистической политики в России. Левый меньшевизм даже предоставлял революционным массам право на разрешение буржуазных задач революции — и это делало его утопическим крылом мелкобуржуазной контрреволюции, ибо вся историческая обстановка России накануне Октября так сложилась, что только выходя за пределы буржуазной революции, только врываясь в святая святых буржуазного общества, в капиталистическую собственность, только не боясь итти к социализму, можно было попутно, как говорил Ленин, разрешить те задачи буржуазной революции, которые стояли перед страной. Мелкобуржуазные массы могли получить мир и землю, могли освободиться от гнета империалистической экономической политики, могли переложить тяготы, порожденные империалистической войной на плечи имущих только при условии, если они пойдут за партией пролетариата, разрешающей задачи социалистической революции.

Левое крыло меньшевизма пыталось каким-нибудь образом сохранить за собой хотя бы мелкобуржуазные массы, от которых и оно все более и более отрывалось. Вот почему левый меньшевизм и выступает с теорией, которая являлась как бы попыткой признания демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, однако диктатуры без гегемонии пролетариата, диктатуры, заранее себя ограничивающей лишь разрешением задач буржуазной революции, заранее исключающей какие бы то ни было шаги и меры, направленные к перерастанию буржуазно-демократической революции.

«Задача идеологов пролетариата, — так писал Мартов в одной из интереснейших своих статей в начале сентября,—выяснить пролетариату пределы его классовой борьбы в данной фазе исторического развития, то-есть выяснить ему, что его классовая диктатура является утопией в данной фазе. Но их же задачей является уяснить ему, что временная политическая диктатура или полнота власти всех демократических слоев буржуазного общества является неизбежной фазой развития всякого глубокого поворота, преобразующего сословно-полицейское государство в современное буржуазное. Таково было историческое значение диктатуры индепендентов английской мелкобуржуазной демократии в XVII веке, таково же значение диктатуры якобинцев во время Великой революции. Та и другая как высшие фазы буржуазной революции осуществлялись против уже сформировавшихся при старом режиме капиталистических групп».

Мартов предвидит однако опасность того, что сторонники меньшевистской доктрины объявят революцию антибуржуазной:

«Но как же будет буржуазная революция осуществлена без буржуазии? Это не по закону. Успокойтесь, читатель. В процессе реализации демократической революции из демократических масс выкристаллизуются те широкие пласты новой буржуазии, рождаемые в бурях революции, которые в свое время образовались в Англии и во Франции. И если вы пристально присмотритесь к политическим фигурам той городской и сельской демократии, которая сейчас выдвигается как носительница революционного развития, то вы без особого труда убедитесь в том, что новая буржуазия действительно зарождается, что никакой «опасности» того, что революция соскочила с буржуазных рельс, не предвидится».

Таким образом левый меньшевизм расходился с правым меньшевизмом отнюдь не в вопросе о содержании революции, он расходился с ним только в вопросе о путях удержания револю-

ции в буржуазных пределах. Заранее исключая всякую возможность перерастания революции, заранее подчиняя пролетариат мелкой буржуазии и считая невозможным руководство мелкобуржуазными массами со стороны пролетариата, левый меньшевизм объективно являлся только новым, более утонченным, более «социалистическим» средством обмана революционных масс. Эта роль и правого и левого меньшевизма особенно наглядно выступает на сцену в период, непосредственно предшествовавший Октябрьскому восстанию пролетариата. Вся задача, весь смысл существования, все действия меньшевизма в целом, вне зависимости от оттенков различных течений были направлены к тому, чтобы не допустить выступления рабочих масс против капитализма, чтобы дезорганизовать массы, ввести в них деморализацию, разложить и распылить их. Правый и левый меньшевизм провели здесь своеобразное разделение труда, но сущность их политики оставалась одной и той же — это борьба за буржуазное содержание революции.

Правда, это будет стоить немного рабочей крови, но, успокаивали себя меньшевики, диктатура пролетариата ведь все равно невозможна, а превентивный выпуск крови все же более экономный способ устранения «невозможной» диктатуры пролетариата, чем всякий другой; да и к тому же ответственность за рабочую кровь можно будет взвалить, как и в июньские дни, на большевиков. Ведь это же они вместе с провокаторами и немецкими шпионами зовут к пролетарской революции.

Особенно наглядно капитулянтское, антиреволюционное существо меньшевизма вскрывается во время Демократического совещания. Искусственно подобранное это Демократическое совещание тем не менее не сумело обеспечить за мелкобуржуазным соглашательством достаточно устойчивого большинства и — в обход всех решений совещания, где бо́льшая половина была против коалиции с кадетами, а половина против какой-либо коалиции с нецензовыми элементами, вообще, — меньшевики (Дан, Чхеидзе, Церетелли) организуют форменный подлог в деле организации власти, на что они уже сами готовы были пойти в дни, когда подъем миллионных масс грозил вместе с корниловщиной ликвидировать и керенщину. Вместо этого они передают дело организации власти в руки буржуазно-империалистического правительства Керенского.

Церетелли защищает всеми возможными и невозможными аргументами коалицию с цензовой буржуазией. «Когда вы произносите свое суждение о коалиции, — утверждал он, — вы произносите свое суждение о революции». И этому заявлению аплодировала коалиция всех контрреволюционных сил. «Вождю революционной демократии (т. е. Церетелли), — сообщала организованная русскими банками «Русская воля», — собрание устраивает горячую овацию, в которой принимали участие и представители союзных держав, сидящие в ложе дипломатического корпуса». Этот небольшой, но выразительный эпизод может быть рассматриваем как начало тех прочных, длительных антисоветских соглашений и блоков, которые устанавливала — прямо и косвенно — меньшевистская партия с буржуазно-империалистическим миром.

Меньшевикам нужна была фикция парламентаризма, как одно из средств воздействия на отходящие от них массы, и они пытались уговорить Керенского, кадетов и торгово-промышленные круги согласиться на создание ответственного предпарламента («Совета республики»), которому подотчетно будет буржуазное правительство. Но после короткого и больше для проформы, сопротивления они соглашаются на безответственность правительства, на совещательный характер создаваемого предпарламента. Церетелли пытался уверять, что ответственность собственно нужна даже не столько им, мелкобуржуазным соглашателям, сколько буржуазным империалистам, ибо эта ответственность, которая все равно не будет иметь большого значения, больше всего необходима с точки зрения у с п о к о е н и я масс.

Больше того, меньшевики должны были пойти на дальнейшие уступки контрреволюционной буржуазии и в вопросах программы. Меньшевистские «Известия» писали:

«Эта программа м и н и м а л ь н а я, эта программа к о м п р о м и с с н а я, эта программа к о а л и ц и о н н а я,

потому что всякая коалиция на почве урезывания этой программы не могла бы привести не к чему иному, как к дальнейшему усилению разрухи, дальнейшему росту недовольства широких масс, дальнейшему разложению армии, то есть не к чему иному, как к новым поражениям на фронте и гражданской войне внутри».

Но и эта программа, о которой меньшевики писали, что «было бы величайшей политической близорукостью поступиться хотя бы частью этой программы», программа, с большинством положений которой был согласен Милюков в период подготовки корниловщины, все же была урезана в самых существенных пунктах — в вопросах аграрной, национальной, экономической, налоговой политики.

Эту сплошную цепь подлогов Церетелли оправдывал 22 сентября тем соображением, что «парламент» во что бы то ни стало необходим, а без крупной буржуазии никакого парламента не создать. Парламент необходим потому, что «кретинизму, физической силе, когда в ней видят только орудие борьбы, нужно противопоставить средство парламентского воздействия».

Итоги демократического совещания оказались только теми, что меньшевики окончательно себя разоблачили не только перед пролетариатом, но и перед мелкобуржуазными массами.

Лидер кавказских меньшевиков Ной Жордания на областном съезде своей партии 30 сентября следующим образом оценивал итоги Демократического совещания:

«Пришлось пойти на компромисс и согласиться на создание власти на основе выработанной программы. Результаты этого решения и состав министерства явились полной неожиданностью, так как никто не предполагал, что будет подготовлена такая победа кадетов. Совещание создало сплошной триумф кадетам».

Это вынуждены были признать сами меньшевики.

Они делали все возможное и невозможное, чтобы не допустить мира или перемирия, чтобы сохранить власть в руках буржуазии, землю в руках помещиков, чтобы восстановить господство командного состава над солдатами, чтобы сохранить в неприкосновенности созданную захватами и грабежами единую и неделимую Россию. Эта политика должна была привести мелкобуржуазную империалистическую партию к полному разрыву с массами, и Ленин уже в середине сентября так характеризовал положение вещей:

«Эсеры и меньшевики изменили народу и революции... Действительными вождями масс, даже эсеровских и меньшевистских, становятся большевики... Большевики выступают как представители интересов всех народов...»

Начиная с этого периода, меньшевики выступают в качестве основной и, пожалуй, единственной серьезной охранительной силы против готовящегося восстания. Не было ни одного такого средства, которое меньшевики не пытались бы испробовать. Они действовали запугиваниями:

«Быть может днями считается тот момент, когда в Смольном будут заседать уже не члены Петроградского совета, а представители какого-нибудь германского корпуса. Как вы не понимаете, что теперь нужно говорить не только о мире, но и о поднятии боевой силы нашей армии. Вы говорите о немедленном захвате всех помещичьих земель, но посмотрите на те уезды и губернии, где это сделано и где при дележе вся помещичья земля попала в руки кулаков и богачей, где оделенной оказалась беднота».

Так говорил Дан еще 11 сентября на заседании Петроградского совета.

Меньшевики повели самую отчаянную борьбу против созыва нового съезда Советов, который, как это было ясно, был бы большевистским. Меньшевики пытались опорочить всю систему советской организации вообще. Вот что писал советский официоз, редактируемый меньшевиками, о Советах:

«Сеть советских организаций во многих местах прорвалась, в других ослабела, в третьих прогнила... Мы построили Советы депутатов как временные бараки, в которых могла найти приют вся демократия. Теперь на месте бараков строится постоянное ка-

менное здание нового строя, и естественно люди постепенно уходят из бараков в более удобное помещение».

Эта статья была правильно расценена всей буржуазной и помещичьей прессой. Черносотенное «Новое время» писало:

«Центральный совет признает роль Советов конченной... Заявление означает начало действительной борьбы с анархией, оно ставит главарей анархии — большевиков и находящиеся в их распоряжении темные массы — в изолированное положение, оно отделяет опомнившуюся демократию от черни».

Меньшевики снова как и раньше яростно выступают в защиту обороны, то есть за продолжение попрежнему империалистической войны.

Меньшевистские «Известия ЦИК» требуют внимания армии, помощи ей, сосредоточения всех сил революции для защиты от внешнего врага. Но вместе с тем они «готовят мир». Как они готовят мир, об этом прекрасно рассказывает передовица «Известий» от 7 октября — «Внешняя политика и революционная демократия»:

«Делегату (речь идет о Скобелеве— делегате на союзную конференцию) вменяется в обязанность добиваться опубликования нового договора... Делегату поручено также добиваться опубликования от имени союзников общего торжественного заявления о согласии начать мирные переговоры, как только правительства германской коалиции откажутся от захватных целей войны. Б*ó*льшего в настоящий момент для дела мира сделать невозможно».

Так успокаивали массу те меньшевики, которые находились на культпроповской работе, те же, которые стояли у власти, выражались немного определеннее.

За неделю до Октябрьской победы министр-меньшевик Никитин в беседе с корреспондентом меньшевистских «Известий» на вопрос, нужно ли продолжать войну, высказался:

«Воевать! Воевать до того момента, когда станет возможным возвращение России занятого ныне неприятелем Балтийского побережья... Я знаю, что в стране нет нужного воодушевления, нужной воли к борьбе. Все это мне известно и тем не менее нужно воевать».

Меньшевики берут на себя инициативу в деле подавления «анархии». Меньшевистская фракция предпарламента постановляет спешно разработать вопрос о мерах борьбы с «анархическим» движением масс на местах. «Нужно, — аргументируют они,—чтобы демократия взяла на себя руководство непосредственной борьбой с анархией». Меньшевики обращались с призывом к буржуазии: «Имущие классы должны найти в себе в минуту, грозящую почти смертельной опасностью на фронте и внутри страны, достаточно разума и силы воли, чтобы поступиться кое-чем и не потерять все» (передовая статья «Известий» от окт. 1917 г.). Когда восстание фактически уже началось, меньшевики принимают все меры к тому, чтобы сорвать его, чтобы помешать победе питерского пролетариата. Когда Петроградский совет выделяет своих комиссаров в части, ЦИК немедленно выделяет от себя своих комиссаров затем, чтобы создать иллюзию подконтрольности действий военных властей советским комиссарам. ЦИК издает запрещение за запрещением: он запрещает слушаться комиссаров Петроградского совета, он запрещает покупать и выдавать оружие и т. д.

Уже в самые последние часы перед октябрьским восстанием меньшевики пытаются пустить под откос октябрьское восстание. Не доверяя плану подавления восстания, выработанному Керенским, меньшевики выдвигают свой план. Этот план заключается в том, чтобы в последнюю минуту вырвать у пролетарской партии лозунг мира и земли и бросить их мелкобуржуазным массам. Сейчас даже фабрикант Коновалов, заместитель Керенского в правительстве, резко формулировал: «Или мир, или Ленин». И Дан, который только еще две недели тому назад предлагал готовить четвертую зимнюю кампанию, сейчас пытается использовать лозунг мира. Дан, который еще несколько недель тому назад утверждал, что нельзя передавать землю до Учредительного собрания, потому что она попадет кулакам, сейчас предлагал в спешном порядке отдавать эту землю крестьянам.

Каково же было поведение и тактика интернационалистского крыла меньшевиков и насколько резко их деятельность расходилась с действиями официального меньшевизма?

Именно в эти важнейшие часы исторической жизни России обнаружилось, насколько ограничены и мелки в конце концов расхождения между правым и левым крылом меньшевизма.

В течение двух месяцев — от июльского выступления питерских пролетариев до выступления генеральной ставки в конце августа — расхождения казались весьма значительными. Тогда действительно разногласия между Даном и Мартовым, не говоря уже о разногласиях между потресовцами и новожизненцами, были наибольшими. Пожалуй не только во всей истории революции, но и во всей истории меньшевизма не было столь острых разногласий между различными течениями в меньшевизме. Но разгром корниловщины показал, что все эти разногласия были локальными разногласиями. Они имели значение лишь постольку, поскольку революция, как им казалось, не перейдет грани буржуазных отношений. В период послеиюльской реакции вопрос стоял о методах борьбы с надвигающейся буржуазно-помещичьей реакцией, и тогда голос Марата звучит безусловно несколько иначе, чем призывы Дана. Но как только массовое движение против Корнилова сняло эти разногласия, как только гигантски быстрое развитие событий поставило на очередь дня не преодоление Корнилова, а ликвидацию Керенского — тогда и выяснилось, что и Мартов, и Дан являются фактически союзниками Керенского и в одинаковой мере противниками Ленина.

Если подробно анализировать резолюции, доклады, прения всех меньшевистских конференций и съездов в 1917 г., то пожалуй разногласия между различными течениями показались бы резко оформленными, сами эти течения сильно диференцированными. Но суть заключается как раз в том, чтобы, не увлекаясь политической фразеологией различных меньшевистских групп иногда весьма различной, суметь нащупать подлинную политическую идеологию, вскрыть классовое существо, в основном единое у различных течений меньшевизма. Самый характер мелкой буржуазии, подчеркивал Ленин, ее экономическое положение и жизненные условия таковы, что она не может не обманываться, не может не колебаться, не проявлять нерешительности. Но эта характеристика тем более приложима к мелкобуржуазной интеллигенции. Меньшевизм в целом, во всех своих течениях, в продолжение революции 1917 г. потерял связь не только с рабочими массами, но даже и с теми мелкобуржуазными прослойками внутри и около рабочего класса, на которые он как будто и мог опереться. Лишь в немногих районах в силу специфических условий у меньшевиков оставались какие-то связи и влияние в рабочей среде (позже, во время гражданской войны, полностью ими растерянные). Почти всюду в революции 1917 г. все течения в меньшевизме, не только по характеру и направлению политики, но и по своему социальному составу выступают как типичные мелкобуржуазные организации. Результаты выборов в Учредительное собрание показывают, как уже к концу 1917 г. абсолютно повсюду (за исключением Закавказья) у меньшевиков отсутствует какая-либо массовая опора.

Именно интеллигентский состав организаций обусловил такую своеобразную многоцветность партии. Она существовала больше как совокупность мелкобуржуазных политических группировок, чем как массовая политическая партия. Диапазон колебаний в политических тонах меньшевизма был внешне, словесно весьма велик. Но фактически, по существу, основным было то, что несмотря на разногласия (вернее разноголосицу), различную политическую тактику, различную даже как будто оценку классов в революции, все течения от Потресова до Суханова мирно объединялись в одно политическое целое.

Не только Потресов и Гарви, но и Богданов и Дан защищали необходимость арестов (правда с соблюдением формальностей: ордера должны быть подписаны, за номером и т. д.). Мартов резко выступал против арестов. Отдельные меньшевики - интернационалисты были даже арестованы. Тем не менее Мартов

решительно борется против раскола партии, как Дан решительно возражал бы против исключения арестованных интернационалистов из партии.

Корнилов борется не только против большевиков, но и против Советов вообще, в том числе значит и против меньшевиков. А приехавший из Могилева Либер, рисуя настроение офицерского корпуса, сообщал, что «среди подписей, под воззванием главного комитета союза офицеров о поддержке генерала Корнилова имеется подпись офицера, по своим убеждениям социал-демократа, партийного работника до революции и во время революции». И ничего, меньшевистский офицер-корниловец мирно уживался с Либером, как Дан мирно уживался с арестованными по приказу Церетелли меньшевистскими интернационалистами. И тот факт, что меньшевизм все же остался единым, показывает, что́ в разногласиях различных течений являлось действительно серьезным и что́ являлось словесной шелухой.

Левое интернационалистское крыло меньшевизма, так же как и все правые течения, главного врага видит в большевистском пролетариате. В борьбе с готовящимся выступлением большевиков, так наз. «левые» полностью отказываются от всей своей программы, и не случайно за четыре дня до Октябрьского восстания — 21 октября — в «Искре» (№ 5), органе мартовцев, появляется статья одного из руководителей этого течения и редактора органа — А. Мартынова: «Есть два пути... каким итти?», где он фактически отказывается от лозунга немедленной передачи земли и от контроля над производством и распределением, от всех радикальных экономических мероприятий.

Перед Октябрем быстрое развитие событий привело к тому, что стерлись грани между Даном и Мартовым. Дан внешне уступил Мартову, и Мартов по существу пошел за Даном.

Вот почему можно несмотря на оттенки политической фразеологии рассматривать меньшевизм в его отношении к Октябрьской революции как единое целое.

Политическая ситуация накануне Октября, революционизирование широких масс, грозившее окончательно свести на нет всякое влияние меньшевиков в рабочем классе и даже мелкой буржуазии, заставили меньшевистское руководство произвести тактический маневр видимого «полевения». В своих записках Суханов подробно рассказывает, как начали «леветь» меньшевики вместе с Даном.

«Дан протягивал руку Мартову», пишет в своих записках меньшевик Суханов. Он забывает прибавить, что сам Мартов теперь, когда от бесформенной критики нужно было переходить к определенным действиям, все более правел. Мартов настоял, чтобы в список кандидатов в Учредительное собрание по Петрограду был включен Церетелли (которого однако, из-за возмущения даже меньшевистских рабочих, все же пришлось выбросить); Мартов, по свидетельству самого же Суханова, убеждал своих сторонников, что «тяготение к большевикам в настоящий момент совершенно несвоевременно. Сейчас для революции предстоит опасность слева, а не справа». Об этом же Мартов писал в своих статьях:

«Ведя агитацию за этот наш лозунг «вся власть демократии», меньшевики-интернационалисты ныне, когда идеи соглашения с буржуазией потеряли всякий кредит в народных массах, должны направить свою критику преимущественно против утопических и авантюристических представлений о формах и существе демократической власти или демократической диктатуры. Иначе нам грозит переход революционного движения из болота оппортунизма в трясину анархии.

«Вся власть демократии» не должна пониматься как «вся власть Советам».

Но накануне Октября и Дан, и Мартов неожиданно начали леветь с катастрофической быстротой. На заседании предпарламента 24 октября они совместно проводят почти «большевистскую» резолюцию: «Прежде всего необходимы немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление по внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры».

Суть этой левизны раскрывал сам Дан в речи на этом же заседании предпарла-

мента: «Мы, меньшевики, не хотели кризиса власти, мы готовы со всей энергией до последней капли крови защищать это Временное правительство», и только во имя спасения правительства, во имя сохранения в руках буржуазии основного, коренного, важнейшего во всякой революции — власти, Дан предлагает выбросить лозунг мира и земли. Это была попытка оторвать солдат от рабочих, натравить их, если возможно, на большевиков; это была попытка максимальными уступками сохранить власть капиталистического империализма в России. Когда разразилось Октябрьское восстание, то правые и левые меньшевики, твердо убежденные в том, что никакая социалистическая революция в России невозможна, делали все для того, чтобы это их убеждение претворилось в жизнь. Меньшевики, которые сейчас тщетно пытаются отрицать абсолютно несомненный факт их участия в интервенции и подготовке вооруженного свержения советской власти, забывают о том, как они встретили Октябрьскую революцию. В то самое время, когда вождь меньшевиков и меньшевистского ЦИК Дан на II съезде Советов уговаривал съезд принять его план, в то время, когда он обещал дать мир, хлеб, землю, свободу и все-все, только, чтобы массы не тронули правительства, когда он заявил, что правительства они не отдадут, правительство можно забрать только, перейдя через их труп, в это время меньшевик Никитин «все время по телефону говорил нашим социалистическим организациям, чтобы они собрали одну-две сотни своих приверженцев и пошли в тыл нападающим» (на Зимний дворец). Если Дан не мог послать одну-две сотни приверженцев, то во всяком случае не из-за недостатка желания.

Всюду меньшевики организовывали вооруженное сопротивление Октябрьской революции. Тот самый Шер, который недавно сидел на скамье подсудимых, в день 25 октября из дома военного министерства непрерывно сносился по прямому проводу со Ставкой, требуя вооруженных сил для разгрома большевиков. Меньшевик Войтинский на северном фронте, меньшевик Жданов на западном фронте, меньшевик Иорданский на юго-западном фронте, — все они пытались собрать вооруженный кулак из частей, которые согласились бы защищать капитализм и подавить Октябрьскую революцию.

В 11 часов вечера 25 октября меньшевик Н. И. Иорданский, тогда комиссар юго-западного фронта, в разговоре по проводу со Ставкой предлагал свои услуги.

«Мы располагаем силами, чтобы подавить частичные выступления. Поэтому существует предположение в случае необходимости взять инициативу в свои руки и если не послать отряд в Петроград, то обеспечить спокойствие в Киеве, приведя тамошних большевиков в состоянии неподвижности».

Это каваньяковское предложение дополнялось тьеровскими советами:

«Вообще я должен сказать, что решительные действия правительства и его неколеблющаяся политика по отношению к анархическим элементам... увеличат активность поддержки и вольют уверенность в действие власти на местах».

В разговоре на следующий день тот же Иорданский благодарил за разъяснение, что Главковерх (сиречь Керенский) на компромиссы не идет. «Мы — сообщает Иорданский: — были бы совершенно выбиты из колеи, если бы повторились полумеры (!) 3—5 июля»[9].

И если усилия Войтинского, Жданова и Иорданского окончились так же безуспешно, как и усилия Дана и Никитина, то не меньшевики были тому виной.

Дан не отрицал участия меньшевиков в попытках вооруженной силой свергнуть социалистическую революцию: на заседаниях меньшевистских фракций ЦИК, Петроградского совета и предпарламента 3 ноября Дан говорил:

«В первые дни заговора была надежда, что он может быть ликвидирован военной силой, но попытки подавления оказались неудачными. Нападение на Петроград сделало защиту Петрограда делом пролетариата... Поэтому мы встали на точку зрения соглашения: смысл соглашения заставить большевиков отказаться от идеи

[9] ВИА, Фонд Ставки, с. 813, разговор Иорданского и Вырубова 25 октября.

власти Советов и признать равноправие всей демократии».

Но Дан 3 ноября, после того как двинутые усилиями меньшевика Войтинского казачьи части Краснова оказались никуда негодной силой для подавления большевистского Петрограда, снова был «левым». Другие меньшевики и теперь требовали вооруженного свержения пролетарской власти. Меньшевик Вайнштейн на том же совещании говорил:

«Если демократия не подавит большевизма, даже военными силами, это сделают за нее другие и вместе с большевиками раздавят революцию и пролетариат».

Выступившая от имени меньшинства (почти половины) ЦК Зарецкая заявила:

«По отношению к большевистскому правительству наши задачи те же, как и по отношению к царизму».

В заключительном слове Дан раскрывал смысл своих попыток соглашения с правым крылом большевизма: «большевики уже раскалываются благодаря нашей тактике». И дальше он намечал перспективы, которые были общими уже и для левых и для правых.

«Когда этим соглашением мы отвлечем от большевиков более здоровые элементы пролетарских масс, тогда создастся почва для подавления солдатчины, группирующейся вокруг Ленина».

Через несколько дней в передовице «Рабочей газеты» от 6 ноября снова в ответ на упрек ушедшей половины ЦК разъяснялось существо левой тактики:

«Теперь кажется и слепой должен видеть, что искренние и честные стремления небольшевистской партии и демократии путем соглашения добиться прекращения гражданской войны не только не укрепили большевизм в его бандитской заговорщицкой форме, но наоборот ускорили его разложение. И что бесконечно важно — «соглашательство», за которое нас только клеймили, ускорило отход пролетарских масс от большевистских захватчиков... Но в конце концов без пролетариата это (большевизм) — мыльный пузырь — д о с т а т о ч н о н а д а в и т ь е г о, ч т о б ы о н л о п н у л».

Эта попытка всяческими способами оторвать рабочие массы от большевизма и затем надавить на пролетарскую революцию так, чтобы она лопнула, делалась неоднократно меньшевиками в течение всех тех лет, которые прошли со времени Октябрьской революции.

Через месяц после Октябрьского восстания на экстренном всероссийском съезде меньшевиков Дан давал такую оценку Октябрьской революции:

«Я согласен с Либером, — говорил он, — насчет превалирования в нашей революции деклассированных элементов... Этой особенностью движения и объясняется р е а к ц и о н н ы й, к о н т р р е в о л ю ц и о н н ы й х а р а к т е р б о л ь ш е в и с т с к о й д и к т а т у р ы. Но все же нужно признать, что в движение это втянуто огромное большинство пролетарских масс, подчиненных ему иллюзией с помощью штыков совершить социальный переворот. Эта иллюзия настолько глубоко проникла в рабочие массы, что даже петроградские рабочие-меньшевики иногда спрашивают: а почему это невозможно?»

Из этих настроений даже меньшевистских рабочих Дан делал только один вывод:

«И сейчас мы готовы итти к созданию однородного социалистического министерства, если нет другого средства спасения. Но это не значит, что мы делаем шаг вперед. Мы стремимся таким путем дать возможность пролетариату наиболее безболезненно отступить с занятых им анархически-синдикалистских позиций».

То же самое провозглашал и Мартов. Он точно так же соглашался на компромиссы, то-есть на то, чтобы допустить большевиков к участию в правительстве буржуазных социалистов, но при одном условии: «к о н е ч н о, в о п р о с о б у р ж у а з н о м х а р а к т е р е р е в о л ю ц и и д о л ж е н с т о я т ь в н е к о м п р о м и с с о в».

Тот же самый Мартов, весной 1918 г., на основании «точного» и «всестороннего» анализа, пришел к еще более изумительному выводу: диктатура в советской России «осуществляется интеллигентской богемой (!!), известной частью городского пролетариата и приобщив-

шейся к власти части мелкой буржуазии... Что это господство социально-разношерстных слоев не случайно,—умозаключал Мартов, — а коренится в общих условиях русской жизни, подтверждается тем, что и там, где нет большевистской диктатуры, правят те же слои, что у нас. На Украине например правят те же (подчеркнуто мною — *М. Ю.* социально-разношерстные элементы». К этому Мартов добавлял, что в конгломерате элементов, составляющих партию большевиков, первое место бесспорно принадлежало мелкобуржуазным слоям.

Все эти контрреволюционные откровения, политые елеем «марксистских» словечек, Мартов приводил в своей лекции о мелкобуржуазной стихии в российской революции, читанной им в Москве 14 апреля 1918 г. [10].

Приблизительно через месяц по приказу из Версаля последовало выступление чехо-словаков, под прикрытием которой оформилась эсеровская директория. Само собой разумеется, что, будучи последовательным и исходя из приведенных вполне официальных для партии тезисов своего вождя, меньшевизм должен был выступить ярым защитником учредиловской контрреволюции. И если Мартов все же дезавуировал слишком усердную солидаризацию Майского с восточной эсеровско-кадетской контрреволюцией, то не из-за избытка теоретического мужества и политической последовательности.

Левые и правые меньшевики осуществили только определенное разделение труда. До тех пор, пока была надежда, что левыми фразами удастся оторвать рабочие массы от большевиков, или удастся под знаменем левоменьшевистской реакции мобилизовать широкие мелкобуржуазные слои и противопоставить их пролетариату, — до тех пор левый меньшевизм пытался нащупывать эти мостики, не принимаясь непосредственно за прямую вооруженную борьбу против советской власти. Он ограничивался тем, что ее прикрывал. Левый меньшевизм обнаруживал известные колебания в период гражданской войны, когда буржуазная контрреволюция очень быстро перерастала в типичную генеральско-помещичью реакцию. Но левый меньшевизм изжил все свои колебания с того момента, как революция начала выкорчевывать в СССР последние капиталистические силы.

То, что в жестокой гражданской войне пролетариату удалось удержать в своих руках власть, сохранить и укрепить союз с основными массами крестьянства, в несыханно быстрый срок восстановить разрушенное народное хозяйство и наконец приступить во главе трудящихся масс Советского союза к выполнению невиданного еще в истории человечества плана ликвидации капитализма, завершая построение фундамента социалистического общества — все эти факты ничего не значили для меньшевиков.

Для них и сейчас задача заключалась в том, чтобы реставрировать так зверски и дико нарушенные большевиками нормальные буржуазные отношения. Задача заключалась в том, чтобы реставрировать капитализм.

Потеряв какую бы то ни было опору внутри страны, на которую можно было бы рассчитывать как на достаточную для свержения большевизма силу, левый меньшевизм вместе с правым переходит на позицию интервенционистскую.

Попрежнему исходя из того, что все законы исторического развития отрицают возможность социализма в России, что никакая диктатура пролетариата здесь немыслима, весь меньшевизм в целом делает все, чтобы подорвать ту гигантскую социалистическую стройку, которая ведется пролетариатом. Он выступает здесь как левый фланг объединенного империалистического фронта против побеждающего социализма.

Вся история меньшевизма в предоктябрьский период, равно как и в послеоктябрьский, служит лишь наглядным подтверждением той характеристики мелкобуржуазных партий, какую Ленин дал им в июле 1917 года: «Во всем решающем, во всем важном мелкобуржуазная демократия всегда оказывалась в хвосте буржуазии, более сильным придатком ее, послушным орудием в руках финансовых королей».

---

[10] См. изданные бюро ЦК РСДРП тезисы этой лекции.

ТРИБУНА

Эм. Газганов

ПРОТИВ РЕВИЗИИ МАРКСО-ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ О ФЕОДАЛИЗМЕ И КРЕПОСТНИЧЕСТВЕ

(О статьях А. Малышева) [1]

Рассматривая общий характер развития русской исторической науки за последние годы под углом зрения тех проблем, которые ее интересовали, мы должны в первую очередь констатировать большой и напряженный интерес, проявленный исторической мыслью к проблемам, связанным с докапиталистическими общественно - экономическими формациями. Достаточно просмотреть основные дискуссии, происходившие за последнее время, чтобы увидеть, что эти дискуссии вращались вокруг вопросов, связанных с докапиталистическими общественно-экономическими формациями. Нет нужды доказывать, что этот интерес к докапиталистическим формациям питался не только и не столько академическими соображениями, сколько соображениями политическими, в частности и особенности теми революционными сдвигами всемирноисторического значения, которые происходят в ряде колониальных и полуколониальных стран Востока. Если эти дискуссии расположить последовательно, под углом зрения близости или враждебности марксизму-ленинизму тех точек зрения, которые в них высказывались и вокруг которых происходила борьба, то можно будет наметить три этапа в развитии этих дискуссий о докапиталистических общественно-экономических формациях.

Первый этап — это дискуссия по поводу книги Д. М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы» и — в связи с книгой Петрушевского — по поводу теории Допша о феодализме в Западной Европе. В этой дискуссии с интересующей нас точки зрения мы имели враждебное выступление буржуазной историографии против марксизма. Правда, формально, внешне Петрушевский не выступал против марксизма, но по существу это была атака на марксизм в его основных пунктах, на его основные методологические позиции в области изучения исторического процесса.

Второй этап — дискуссия вокруг выступления Дубровского с книжкой «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала». Если на первом этапе мы имели дело с выступлением против марксизма буржуазной исторической науки, то в случае с Дубровским — и в этом была суть второго этапа — марксизм подвергся атаке изнутри, т. е. из своих собственных рядов. Декларируя свое полное согласие с Марксом и Лениным, провозглашая это urbi et orbi, Дубровский пытался под этим прикрытием ревизовать основные положения марксо-ленинской исторической науки. Выступление Дубровского носило настолько явно выраженный характер ревизии, его попытки опереться на Маркса, Энгельса и Ленина настолько противоречили основным взглядам Маркса, Энгельса, Ленина в этих вопросах, что борьба с Дубровским не представляла сравнительно большой трудности. На борьбу с Дубровским довольно дружно, без больших колебаний и шатаний, мобилизовались основные кадры марксистов, работающих в области истории. Благодаря этому удалось общим и единым фронтом установить целый ряд необходимых методологических предпосылок для изучения докапиталистических формаций.

Третий этап — это этап, в который, как мне кажется, мы вступили сейчас. Его можно определить как диференциацию, разделение того единого фронта историков-марксистов, кото-

---

[1] Настоящая статья представляет собой слегка переработанную стенограмму доклада, сделанного автором 3/XI 1930 г. на заседании кафедры истории народов СССР Института подготовки кадров ИКП.

рый был противопоставлен Дубровскому. Оказалось, как это часто бывает, что, дружно выступая против Дубровского, полемизируя с ним, доказывая ревизионистский характер его точки зрения, ее непосредственную зависимость от богдановско-бухаринской методологии, не все товарищи одинаково понимали, одинаково представляли себе существо тех позиций, которые они отстаивали в борьбе с Дубровским. Когда двое говорят одно и то же, это не одно и то же — это выражение из «Фауста» Гете хорошо поясняет, в чем тут дело. Против Дубровского выступили единым сомкнутым фронтом: говорили одно и то же. В дальнейшем однако оказалось, что говорили далеко не одно и то же. Вот почему сейчас возникает потребность дальнейшего и более глубокого разбора тех вопросов, которым была посвящена дискуссия с Дубровским, и на этой основе неизбежны дальнейшая диференциация, дальнейшее размежевание внутри историков-марксистов.

С этой стороны необходимо подойти и к статьям т. Малышева. Если несомненно, что статьи т. Малышева представляют собой, по сравнению с высказываниями Дубровского, более высокую ступень, то столь же несомненно, и это я попытаюсь в дальнейшем доказать, что они представляют собой такую ступень, на которой не должна стоять историческая наука в деле изучения и исследования докапиталистических общественно-экономических формаций.

Необходимо заранее признать известную трудность полемики с т. Малышевым. Это объясняется прежде всего тем, что его статьи о феодализме и крепостничестве являются статьями полемическими. Полемизируя с Дубровским, отстаивая против него ряд бесспорных марксистских положений, т. Малышев попутно, походя, развивает свое положительное позитивное понимание этих вопросов. Благодаря этому в статьях т. Малышева мы не находим законченной, во всех частях отделанной концепции. Мы имеем дело со статьями полемического характера, где для целей полемики, в интересах аргументации, развивается попутно положительное понимание затрагиваемых вопросов. Та часть, в которой т. Малышев полемизирует против Дубровского и противопоставляет фальсифицированным Марксу, Энгельсу и Ленину подлинные высказывания Маркса, Энгельса и Ленина, эта часть не вызывает особо серьезных возражений. Однако как только т. Малышев переходит от простых ссылок на Маркса, Энгельса и Ленина к изложению своих собственных взглядов на трактуемые вопросы, тотчас же начинается у т. Малышева соскальзывание с той марксистско-ленинской позиции, которую он выдвигал и укреплял в борьбе с Дубровским, на чуждые, враждебные марксизму позиции. Вот этот полемический характер работ т. Малышева не может не создавать некоторых дополнительных трудностей в их критике.

Следующий момент, осложняющий задачу борьбы с ошибочными взглядами Малышева, это то несомненное обстоятельство, что сам т. Малышев еще по сию пору находится в процессе становления, или, употребляя его собственное выражение, в процессе «линяния». Нетрудно убедиться даже при беглом рассмотрении работ т. Малышева, что он «линяет» от одной статьи к другой. Так, накануне дискуссии о книге Дубровского он весьма рьяно защищал точку зрения «торгово-крепостнической системы»[2], в начале дискуссии отстаивал теорию о том, что «русский торговый капитал и русское крепостное хозяйство представляли собой в известном смысле нечто слитное и единое»[3], в последних же статьях мы не находим уже у т. Малышева столь откровенных и заостренных формулировок. Таким образом это «линяние», то обстоятельство, что от одной статьи к другой т. Малышев проделывает известную эволюцию, — это конечно затрудняет полемику с Малышевым. Чтобы избежать этой трудности, разрешение которой ничего плодотворного и заслуживающего интереса не представляет, я останавливаюсь в своей критике только на последних статьях т. Малышева[4].

---

[2] «Заочный коммунистический университет» № 1, 1929, с. 35.

[3] «Историк-марксист» № 16, с. 107.

[4] Имеются в виду следующие статьи: «О феодализме и крепостничестве» в «Историке-марксисте» № 15 и 16; «К вопросу о сущности крепостного права» в сб. «Крепостная Россия».

I.

Исходным методологическим моментом в анализе интересующей нас проблемы о сущности и характере крепостничества является вопрос о происхождении, генезисе крепостничества. В свою очередь вопрос о генезисе крепостничества есть вопрос о том, как, почему, на какой экономической и социально-классовой основе возникло крепостничество как известный строй, определенная система отношений. Я подчеркиваю момент генезиса, так как считаю, что анализ его является решающим для понимания проблемы в целом. Разумеется, мы должны учитывать то, что определенные явления, раз возникнув, эволюционизируют в известном направлении. Мы не метафизики, которые берут явления в их застывшем, неизменном виде. Мы диалектики и потому берем явления в их развитии, изменении, усложнении и т. д. Однако для правильного понимания характера развития решающее значение имеет вопрос о происхождении данного явления. Происхождение накладывает свою печать на данное явление на всем пути его «становления», детерминирует тип и характер его развития, лимитирует пределы его эволюции. Вот почему и по вопросу о сущности крепостничества мы должны в первую голову обратиться к анализу тех условий, той обстановки, тех движущих сил, которые вызвали его к исторической жизни.

Под этим углом зрения обратимся к статьям т. Малышева. В первую очередь я остановлюсь на критике тех методологических ошибок, которые имеются у т. Малышева и которые обусловливают его ошибки фактического порядка. Для того чтобы не вдаваться в подробности, остановимся на основных методологических ошибках т. Малышева.

Первая из них заключается в том, что он не понимает и не умеет пользоваться такими важнейшими категориями марксистской исторической науки, как понятие абстрактного и понятие конкретного.

Когда перед нами стоит задача анализа какой-нибудь законченной общественно-экономической формации, то мы вполне законно даем абстрактный анализ этой формации. Это предпосылка для дальнейшего конкретного исторического анализа. Классическим образцом такого анализа является «Капитал». В «Капитале» Маркс дал абстрактный анализ капиталистической формации, абстрактный, разумеется, не в идеалистически-формалистическом, а в диалектико-материалистическом смысле этого слова. Иначе стоит вопрос, когда мы подходим к изучению проблемы перехода одной общественно-экономической формации в другую. В этом случае абстрактный анализ, сам по себе правильный, методологически необходимый и целесообразный, окажется недостаточным и потребует своего развития в частности и на новом материале. В этом случае исследователь-марксист должен будет с особым вниманием, с особой тщательностью проанализировать те конкретные, частные, особенные и единичные условия, взаимодействие которых определяет собой данный тип, данный характер, данную структуру перехода.

Здесь уместно будет сослаться на пример Ленина. Ленин был мастером абстрактного анализа, но возьмем ленинский анализ экономики переходного периода. В этом анализе экономики переходного периода Ленин всячески выпячивает и подчеркивает необходимость учета всех и всяческих моментов переходной экономики. Он требует, чтобы, анализируя то или иное явление переходной экономики, тот, кто этим анализом занимается, имел бы перед глазами все экономические уклады, все элементы экономических укладов, которые своеобразно сталкиваются, своеобразно взаимодействуют друг на друга. Только эти элементы во всей их связи, во всех их «опосредствованиях» и притом взятые не в статике, а в динамике, дают полную картину перехода. Переходный период — это борьба двух общественно-экономических формаций. Поэтому Ленин ставил вопрос: «кто—кого?». Поэтому он ставил вопрос о борьбе социалистической формации с формацией капиталистической. Но Ленин не ограничивался только одной этой, если можно так выразиться, генеральной постановкой. Он давал и требовал от других анализа всех тех привходящих, но имею-

щих первостепенное значение для конкретного исторического перехода, моментов, которые переплетались, вплетались и оказывали влияние на основную центральную линию борьбы между капиталистической и социалистической общественно-экономическими формациями.

Еще с большей силой это требование всестороннего учета многоцветной и мазаичной исторической «конъюнктуры», со всеми ее оттенками и деталями, должно быть предъявлено историку-марксисту в том случае, когда мы имеем дело даже не с переходом одной формации в другую, а, как в случае с феодализмом и крепостничеством, с существенными изменениями, значительными модификациями в пределах одной и той же общественно-экономической формации.

Всего этого т. Малышев не только не понимает, но он даже не догадывается о необходимости максимально конкретного анализа причин и условий возникновения крепостничества. На всем протяжении своего анализа он не идет дальше весьма абстрактных и тощих истин.

Если взять его анализ условий разложения феодализма, его анализ причин возникновения крепостничества, то коренным недостатком, главным пороком этого анализа является то, что это слишком абстрактный, даже не доходящий до действительного существа вопроса анализ, это анализ, который берет общие явления, общие формы развития и из них *непосредственно* пытается вывести тот конкретно-исторический тип развития, который был свойствен Московской Руси. А между тем, как бы мы ни рассматривали крепостничество, сравнивая его с феодализмом, мы здесь имеем какое-то конкретно историческое *новообразование*. Для того, чтобы понять и объяснить это новообразование, недостаточно ссылаться на общие условия развития, а надо дать непосредственный, конкретный, исторический анализ данного явления. От абстрактного понятия нужно спуститься к более земному, конкретному понятию. Слишком абстрактный подход к такой проблеме, которая по самой своей сути требует перехода к конкретному анализу, учитывающему все исторические частности и особенности, ибо только их взаимодействие, их сцепление, их переплетение и может объяснить тот конкретный тип развития, который свойственен данной стране в отличие от всякой другой страны,—такова первая основная методологическая ошибка т. Малышева.

Другая серьезнейшая ошибка методологического порядка, допускаемая т. Малышевым, механистический, вульгарно экономический, чуждый диалектике подход к тем проблемам, разрешению которых посвящены его статьи. Вульгарно экономический метод т. Малышева ярче всего сказывается в центральном месте его работы, как раз там, где он дает анализ причин и условий возникновения крепостничества. Ошибка здесь заключается в том, что Малышев пытается дать картину возникновения крепостничества, оставаясь в пределах одних только экономических явлений. Не сознавая, не понимая своего методологического греха, т. Малышев наивно в нем признается, указывая, что он дает «чисто экономическое объяснение перехода к крепостному праву». И несколькими страницами ниже: «Выше мы рассматривали процесс развития крепостных отношений, не касаясь сопутствующих этому процессу классовых битв, войн и т. д.» [5]. Что может быть выразительнее этой характеристики классовой борьбы как явления только «*сопутствующего*» экономическим процессам? Подход т. Малышева к делу очень прост: сначала дается чисто экономическое объяснение, потом, когда вопрос уже объяснен, оказывается, что, если нужно, мы можем дополнительно к этому экономическому анализу, привлечь и моменты классовой борьбы и моменты политической борьбы, короче говоря, все моменты обратного влияния надстроечной системы на экономический базис. Надо ли доказывать, что такая постановка, такая попытка дать чисто экономическое объяснение сложному историческому явлению есть попытка немарксистская, ибо марксизм не ограничивается чисто экономическим объяснением, а он дает объяснение, исходя из исторического процесса в целом, ставя во главу угла классовую борь-

---

[5] «Историк-марксист» № 16, с. 87.

бу. Специально же по отношению к крепостничеству эта постановка вопроса возвращает нас к Ключевскому, ибо именно Ключевский пытался объяснить происхождение крепостного права, исходя из чисто экономических моментов, абстрагируя и не привлекая моменты классовой борьбы, роль государства и т. д. Не приходится сомневаться, что эта методологическая установка, этот способ аргументации, этот способ анализа находятся в кричащем противоречии с марксизмом. Абстрагироваться от классовой борьбы, ограничиться чисто экономическим анализом, это значит в лучшем случае встать на вульгарно-экономическую позицию. Это значит не понять диалектического материализма, не суметь применить его к делу. И если в части фактической стороны вопроса т. Малышев возвращает нас к Ключевскому, то в части методологической он тянет нас назад к Струве. Ибо что такое метод т. Малышева, как не тот объективизм, который Ленин охарактеризовал в применении к автору «Критических заметок» следующим образом: «Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологетов этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет... какой именно класс определяет эту необходимость» [6].

Таким образом, с одной стороны, абстрактность, непонимание значения конкретно исторического анализа для объяснения данного явления во всем его своеобразии, во всей его специфичности, во всей его особенности, с другой стороны, механистический подход, попытка абстрагироваться от классовой борьбы, попытка вести анализ в пределах одних экономических факторов, — таковы два основных порока, взаимодействие которых дает неверную точку зрения и приводит т. Малышева к целому ряду неправильных, в корне ошибочных выводов.

Третий момент методологического порядка, который заслуживает быть освещенным, это неправильное понимание т. Малышевым условий перехода от феодального способа производства к капиталистическому. Тов. Малышев неверно толкует, извращенно толкует, фальсифицирует ту достаточно хорошо всем известную постановку вопроса о переходе от феодализма к капитализму, которую Маркс дал в «Капитале», в главе «Из истории купеческого капитала».

Общеизвестно, что в переходе от феодализма к капитализму громадную роль, как выражается Энгельс, революционизирующую роль, играл торговый капитал. Однако торговый капитал сам по себе точно так же, как торговый капитал в применении только к аграрному строю отношений, не в состоянии объяснить перехода, не в состоянии дать картину перехода. Для того чтобы понять картину перехода, нам приходится от сферы торгового капитала, равно как и от сферы аграрных отношений, переходить к сфере промышленного производства. Маркс всячески подчеркивает эту сторону дела. Он говорит: развитие торговли связано с отделением городской промышленности от земледелия, однако для перехода от феодализма к капитализму необходимо «чисто промышленное развитие». Второй момент, который выдвигает в этой связи Маркс, сводится к следующему: «...Современный способ производства в своем первом периоде, мануфактурном периоде, развивался только там, где условия для этого создались еще в средние века». Наконец третий момент, который я напомню: если торговые революции XVI и XVII столетий привели к возникновению капиталистического способа производства, «то это... произошло на основе уже созданного капиталистического способа производства» [7].

Таковы высказывания Маркса по этому вопросу. Какой из них следует вывод? Полагаю тот, что Маркс свой анализ перехода от феодализма к капитализму ведет под углом зрения решающе-

[6] Ленин, Соч., т. II, с. 65, разрядка Ленина.

[7] «Капитал», т. II, с. 316—317.

го значения собственно промышленного развития стран, переходящих к капитализму. Там, где в рамках экономической структуры феодальной общественно-экономической формации не произошло собственно промышленного развития, т. е. не были подготовлены все условия для собственно капиталистического способа производства, там, какой бы гигантский размах ни принимали революции торгового капитала, они не приводили к капиталистическому способу производства. И Маркс, чтобы не оставлять места сомнению, иллюстрирует свою мысль: «Стоит сравнить напр. Голландию с Португалией», и дальше: «Стоит сравнить напр. Англию с Голландией». Испания и Португалия — страны, которые первыми из европейских стран приобщились к великому колониальному грабежу, страны, народное хозяйство которых было оплодотворено громадными богатствами, вывезенными из новооткрытых материков и континентов. И однако эти страны не развили капиталистического способа производства. После кратковременного расцвета они оказались даже неспособными предотвратить свой хозяйственный упадок. Наоборот Англия, вступившая на путь колониального развития позже этих стран, оказалась в состоянии развить капиталистический способ производства. Почему? Мы не получим ответа на этот вопрос, если станем искать его в анализе роли торгового капитала, точно так же как не получим ответа, анализируя сельское хозяйство, взятое само по себе или в его связи с торговым капиталом. Ответ мы получим только в том случае, если будем анализировать те производственные отношения, которые были созданы средневековым развитием в английском городе и которые бурным развитием торговли были оплодотворены, приведены в движение как отношения капиталистического способа производства. Этого решающего значения в марксовом анализе перехода от феодализма к капитализму проблемы производства т. Малышев не понимает.

Ближайшего рассмотрения в этой связи заслуживает то, как т. Малышев комментирует и, комментируя, извращает соответствующие высказывания Маркса. Излагая точку зрения Маркса на переход от феодализма к капитализму, т. Малышев пишет: «Маркс намечает три исторических формы превращения ремесла в капиталистическую мануфактуру. Первая форма — постепенный переход ремесленника-производителя путем накопления капитала в организатора простой кооперации, а затем и мануфактуры». Вторая форма: «Когда мануфактуры создавались быстрым темпом, путем приложения капитала, накопленного в торговле и ростовщичестве, к промышленности». Запомним, что последнюю форму Малышев называет, употребляя выражение Маркса, «действительно революционизирующим путем», и пойдем дальше. Третья форма: «Когда купец непосредственно подчиняет себе производство» [8]. Итак, в одном случае производитель сам становится купцом и капиталистом, в другом—торговый капитал организует мануфактуры, в третьем—купец подчиняет себе производство. Какой путь развития Маркс называет «действительно революционизирующим путем»? Безусловно первую форму развития, когда производитель становится капиталистом и купцом. А что получается у т. Малышева? Форму, действительно революционизирующую он ухитрился охарактеризовать как форму отсталую и в соответствии с этим форму вторую, о которой Маркс говорит, что это были мануфактуры, работавшие на привозном сырье, для экспорта, эту форму т. Малышев характеризует как форму действительно революционизирующую. А между тем на той же странице т. Малышев сам приводит подлинные высказывания Маркса, начисто опровергающие его точку зрения. «Переход от феодального способа производства, — цитирует он Маркса, — совершается двояким образом. В противоположность земледельческому натуральному хозяйству и связанному цехами ремеслу... производитель становится купцом и капиталистом. Это действительно революционизирующий путь. Или же купец непосредственно подчиняет себе производство... Последний путь... сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, который скорее консервируется и удерживается при этом как не-

[8] «Историк-марксист» № 16, с. 78—79.

обходимое для него самого предварительное условие».

Почему Маркс считает, первый путь, путь превращения производителя в купца и капиталиста, действительно революционизирующим путем? Потому что в этом случае, в отличие от других, мы имеем действительное создание капиталистического способа производства, когда торговля, обращение, становится только моментом капиталистического способа производства и воспроизводства. Если же купец подчиняет своему влиянию, своей организующей роли кустарей, то производство еще продолжает быть моментом обращения. Поэтому Маркс этот путь считает не революционизирующим, а консервирующим старый способ производства.

Тов. Малышев не понял этих простых и ясных вещей. Вместо того чтобы отправляться от анализа производства, он этот «производственный» путь считает нереволюционизирующим путем. Революционизирующим путем т. Малышев признает охват производства торговым капиталом, будь то подчинение самостоятельных производителей контролю купца, или создание мануфактур, рассчитанных на экспорт и работающих на импортном, выражаясь современными понятиями, сырье.

Такова третья ошибка т. Малышева. Ошибка методологического свойства, которая не может не дать себя знать при переходе к конкретному анализу.

Последнее замечание методологического характера. Необходимо остановиться на вопросе о натуральном хозяйстве, точнее о той борьбе, о том походе, который т. Малышев предпринял против понятия «натуральное хозяйство».

Тов. Малышев как-будто бы исходит из благих пожеланий. Он ставит перед собой задачу борьбы со схемой Бюхера. Схема Бюхера действительно немарксистская, неправильная схема, она не дает объективного отражения реального исторического хода развития. Ополчаясь на схему Бюхера, т. Малышев вносит предложение: отказаться от употребления термина «натуральное хозяйство» в применении к феодальной общественно-экономической формации. Он пишет следующее: «Термин «натуральное хозяйство» нужно устранить из научного обихода, когда мы имеем дело с феодальной общественно-экономической формацией, так как с этим термином связана целая теория экономического развития, именно бюхеровская...» И дальше: «Маркс такого термина по отношению к феодальному хозяйству не употреблял, а если и употреблял, то оговаривал» [9]. Что же предлагает нам т. Малышев взамен «уничтоженного» им понятия «натуральное хозяйство»? Он предлагает якобы бюхеровский термин «натуральное хозяйство» заменить термином хозяйства «продуктопроизводящего» в отличие и в противоположность хозяйству «торговопроизводящему».

Покушение т. Малышева на термин «натуральное хозяйство» мне представляется, с одной стороны, необоснованным, а, с другой, противоречащим той точке зрения, которая развивалась Марксом, которая развивалась Лениным и которая находится в соответствии не только с буквой, но и со всем духом марксистского подхода к изучению исторических явлений. Полемизируя против якобы бюхеровской схемы, пытаясь ликвидировать понятие натурального хозяйства в применении к феодализму, т. е. «денатурализовать» феодализм, т. Малышев тем самым открывает лазейку к своему неверному пониманию крепостничества. То обстоятельство, что т. Малышев ссылается при этом на то, что Маркс почти не употреблял понятия «натуральное хозяйство», надо признать просто невежеством. У Маркса мы находим сплошь и рядом, почти без исключений, многочисленные характеристики феодального способа производства как способа производства по своей структуре натурального.

Что понимает Маркс под натуральным хозяйством? «Натуральное хозяйство,— говорит Маркс, — предполагает, что условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта» [10].

Возьмем характеристику, которую Маркс дает непосредственно средневековью. «Перенесемся в мрачное, европей-

---

[9] «Историк-марксист» № 15, с. 53.

[10] «Капитал», т. III, ч. 2, с. 332.

ское средневековье, — пишет он. — Личная зависимость характеризует здесь общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные, воздвигнутые на этой основе сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, отдельным работам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в круговорот общественной жизни в качестве натуральных служб и натуральных повинностей, непосредственной общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства» [11].

Больше того, у Маркса можно встретить такой термин, как «натуральный капитал». Натуральный капитал — с первого взгляда это кажется даже чем-то внутренне противоречивым. У Маркса однако это не случайная обмолвка и не терминолигическая небрежность. Это — продуманная постановка вопроса о натуральном капитале. Вот соответствующее место. «Капитал в этих городах был натуральным капиталом; он заключался в жилище, инструментах и натуральной, наследственной клиентуре и вследствие недостаточно развитых сношений и недостаточного обращения не мог быть реализован, передаваясь по наследству от отца к сыну. Капитал этот — в отличие от современного капитала — выражался не в деньгах... Это был непосредственно связанный с трудом владельца, совершенно неотделимый от него и постольку сословный капитал» [12].

Таким образом употребление термина «натуральное хозяйство» имеет место не только у Бюхера, но и у Маркса. Точно так же оно имеет место и у Ленина [13]. В чем же отличие в применении этого термина Марксом и Лениным, с одной стороны, и Бюхером — с другой?

Натуральное хозяйство у Бюхера равнозначно безобменному хозяйству. Бюхер рассматривает развитие хозяйственных форм под углом зрения наличия или отсутствия связи с рынком, наличия или отсутствия торговли и денежных отношений. Принципиально отличным является подход марксизма. Когда Маркс, Энгельс и Ленин говорят о натуральном хозяйстве, в частности в применении к феодализму, то они имеют в виду те условия производства, ту производственную структуру, которая определяет феодальную формацию. Как труд выступает в своей натуральной форме, так и отношения собственников условий и средств производства к непосредственным производителям носят натуральный характер. Продукты этого производства не должны принимать товарной формы, они производятся как предметы потребления, обусловливая натуральный характер всего процесса воспроизводства. Способ производства определяет также способ обмена. Обмен является функцией производства. Вполне естественно поэтому, что натуральный характер способа производства определяет и характер того обмена, который свойственен феодализму. Но это отнюдь не значит, что натуральный способ производства, натуральные отношения производства, которые специфичны для феодальной общественно-экономической формации, предопределяют полное отсутствие обмена, что этот способ производства является «ойкосом». Нет, связь между производством и обменом не так проста. Натуральному характеру феодализма нисколько не противоречит с точки зрения марксизма известный уровень развития товарно-денежных отношений, возникающих как следствие отделения города от деревни, промышленности от «основной базы» феодализма—сельского хозяйства. Развитие торгово-денежных отношений, имеет, разумеется, место при феодализме, но определяющими, решающими, дающими тон, дающими специфическую характеристику являются отношения производства с их преобладающе натуральным характером. В этом смысле, а

[11] «Капитал», т. I, с. 46.

[12] «Архив М. и Э.», т. I, с. 235.

[13] «При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий). Каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к употреблению» (т. III, с. 19).

не в смысле отрицания роли торгово-денежных отношений при феодализме, именно в смысле подчеркивания производственной структуры феодализма применяли этот термин Маркс, Энгельс и Ленин. Вот иллюстрация из Ленина. Характеризуя докапиталистическую деревню, он пишет, что последняя немыслима «без мелких торговцев и скупщиков, являющихся «хозяйствами» мелких крестьянских рынков». Казалось бы это подтверждает точку зрения т. Малышева. А между тем на той же странице мы читаем у Ленина: «Преобладание натурального хозяйства, обусловливая редкость и дороговизну денег в деревне, ведет к тому, что значение всех этих «кулаков» оказывается непомерно громадным по сравнению с размерами их капитала» [14]. Таким образом в отличие от т. Малышева для Ленина преобладающе натуральный характер хозяйства нисколько не отменяется значительным развитием «мелких рынков» и наличием торговцев и скупщиков.

У нас есть все основания для вывода о том, что когда т. Малышев критикует понятие «натуральное хозяйство», когда он требует ликвидации этого термина в применении к феодальной общественно-экономической формации, выдавая это за борьбу против схемы Бюхера, он по сути дела извращенно понимает Маркса и Ленина, по сути дела он вкладывает в понимание Маркса и Ленина бюхеровскую трактовку этого вопроса, и таким образом сражается с тем призраком, который создало его собственное воображение. Мне представляется, что нам отказываться от термина «натуральное хозяйство» в марксовом понимании этого слова, точно так же как и от применения его к феодализму, нет никаких оснований и никакой нужды. То, что проделывает т. Малышев в этом вопросе, мне кажется надо считать результатом влияния на него теорий Допша и Петрушевского, которые, как известно, непомерно преувеличивают развитие торговли и денежных отношений в условиях феодализма и склонны поэтому характеризовать феодализм не по тому строю производственных отношений, не по той структуре производства, которая для него специфична, а по вторичному производственному отношению: развитию торговли и меновых отношений. И Допш с его теорией «вотчинного или натурально-хозяйственного капитализма средних веков», и Петрушевский с его аналогичной теорией «вотчинного капитализма» так же далеки от марксизма, как Бюхер, хотя и с другого конца. Марксизм стоит методологически выше и Допша—Петрушевского и Бюхера. Ему одинаково чужды крайности обеих этих точек зрения, родственных друг другу своим неумением дать анализ производства и исходящих из решающей роли обмена... «Узости буржуазного кругозора, где все внимание поглощается практическими операциями, как раз соответствует воззрение, что не характер способа производства служит основанием соответствующего ему способа обмена, а, наоборот» [15]. Вот почему Малышев, не умеющий опровергнуть Бюхера с точки зрения Маркса, volens-nolens попадает в объятия Допша и Петрушевского, скатываясь к их точке зрения. Это очень серьезное обвинение против Малышева, и вряд ли ему удастся здесь оправдаться. Точно так же нетрудно понять, что, выступая с методологической полемикой против понятия «натуральное хозяйство», т. Малышев неправильностью этой полемики создал для себя возможность в своем анализе крепостничества, т. е. также натурального хозяйства, встать на неверную точку зрения.

Критикуя понятие «натуральное хозяйство», Малышев предлагает нам его реформировать. Реформа сводится к необходимости заменить понятие натурального хозяйства понятием хозяйства «п р о д у к т о п р о и з в о д я щ е г о». Такая п о д с т а н о в к а — вместо натурального хозяйства хозяйство продуктопроизводящее — является глубоко ошибочной. Ошибка, которую при этом делает т. Малышев, заключается в том, что он пытается класть в основу классификации, разделения или разграничения типов хозяйства не основные признаки, а признаки производные. Если мы говорим, что данный строй отношений есть строй отношений натурально-хозяйственный, то мы тем самым подразумева-

[14] Ленин, Соч., т. II, с. 297.

[15] «Капитал», т. II, с. 93.

ем, что данный строй производства есть производство не меновых, а потребительных стоимостей. Это есть производство не товаров для продажи на рынок, а производство продуктов для собственного потребления. Уже характеристика данного способа производства как натурального способа производства, как натурального хозяйства, эта характеристика предопределяет и обусловливает и то, что данное хозяйство производит в решающей степени не товары, а продукты. Однако, как было отмечено выше, связь между производством и обращением не механическая, а диалектическая. А это значит, что если данное хозяйство начинает производить в известных размерах товары, то оно этим самым не перестает еще быть натуральным. Оно остается натуральным даже в том случае, если известная часть произведенного продукта проходит через сферу обращения. Здесь отношение гораздо более эластично. Под влиянием ряда условий, требующих каждый раз своего конкретного исторического анализа, натуральный строй отношений, не теряя своего преобладающе натурального характера, начинает в известной степени ориентироваться на рынок, т. е. производить товары. Это и имел в виду Маркс, когда писал: «Денежное и товарное обращение может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости» [16]. То, что предлагает Малышев, стирает грани между различными типами хозяйства и создает неверное противопоставление. Отождествление хозяйства натурального с хозяйством продуктопроизводящим столь же неверно, как и противопоставление ему хозяйства товаропроизводящего вместо хозяйства товарного. Эти понятия не совпадают: одни из них характеризуют внутреннюю структуру, т. е. строй производства (натуральное, товарное производство), другие — отношение производства к обращению (продуктопроизводящее, товаропроизводящее). Так разрешается этот невероятно запутанный т. Малышевым вопрос.

[16] «Капитал», т. III, ч. I, с. 253.

Зачем однако понадобилась эта путаница т. Малышеву? Путаница понадобилась ему для вполне определенной цели. Устранив понятие натурального хозяйства, устранив понятие натурального строя производства, центральное понятие марксистской исторической науки в изучении докапиталистических формаций, выдвинув взамен него понятия продуктопроизводящего хозяйства, с одной стороны, торговопроизводящего хозяйства, с другой стороны, т. Малышев открыл себе возможность денатурализовать крепостное хозяйство, натуральное в своем существе, характеризуя его в терминах «продуктопроизводящее» и «товаропроизводящее» хозяйство. Благодаря этой подстановке отчетливая грань между хозяйством натуральным, с одной стороны, и хозяйством товарным, с другой, исчезла.

Надо сказать со всей определенностью, что эта попытка ревизии марксова понимания натурального хозяйства, которого полностью и целиком придерживался Ленин, должна быть решительно отброшена. Она ничего не дает с точки зрения научного изучения и анализа, она в то же время неизбежно приводит к неправильному пониманию как феодальной общественно-экономической формации, так и крепостничества, которое возникает на основе известного развития феодальной общественно-экономической формации.

Таковы основные ошибки методологического порядка, которые имеются в работах т. Малышева. Они сводятся: во-первых, к непониманию и неумению пользоваться понятием абстрактного и конкретного в их применении к историческому процессу; во-вторых, к связанному с этим непониманием механистическому подходу при изучении исторических явлений, к абстрагированию от классовой борьбы, к вульгарной попытке вести анализ в пределах «чисто экономических». Третья методологическая ошибка заключается в непонимании марксистской характеристики условий перехода от феодализма к капитализму, в неумении вести этот анализ по линии производства, в попытке перескочить от сферы производства к сфере обращения. Наконец четвертая методологическая ошибка сводится к ревизии понятия «на-

туральное хозяйство» в применении к феодализму и к крепостничестку, к попытке заменить его понятием хозяйства «продуктопроизводящего» в отличие от хозяйства «товаропроизводящего».

Оставляя в стороне ряд частных ошибок, таковы основные моменты, значение которых в том, что, став на путь этих неправильных методологических предпосылок, т. Малышев не мог не притти к извращенному, чуждому марксизму пониманию крепостничества в России.

Переходя к разбору конкретно-исторических высказываний Малышева, я постараюсь показать, что в этих конкретно исторических высказываниях мы имеем эквивалент тех методологических ошибок, тех погрешностей против методологии марксизма, которые были мною вскрыты выше [17].

II

В одном месте своей статьи «О феодализме и крепостничестве» Малышев упрекает Дубровского в том, что его, Дубровского, постановка вопроса о крепостничестве как общественно-экономической формации приводит к явной бессмыслице. Попытаемся узнать, в чем же заключаестя эта бессмыслица. «...Крепостничество XVI—XVIII веков в России и Германии как раз развивается в эпоху, когда рядом с ремеслом начинает развиваться простая капиталистическая кооперация и мануфактура. Но если исправить эту ошибку т. Дубровского, то получается еще хуже для его теории. Оказывается, что начальные стадии капитализма в области обрабатывающей промышленности порождают крепостническую общественно-экономическую формацию в деревне. Пускай сам т. Дубровский скажет, как можно характеризовать теорию, приводящую к таким бессмысленным, с точки зрения марксизма, выводам?» [18]. Я вполне разделяю негодование т. Малышева и вместе с ним предоставляю Дубровскому характеризовать свою «теорию», действительно приводящую к таким бессмысленным выводам. Бессмысленность этих выводов заключается в том, что развитие первых стадий капитализма в промышленности, простой капиталистической кооперации и мануфактуры, приводит к возникновению крепостничества в аграрном строе. Но здесь уместно будет спросить, как сам т. Малышев, назвавший эту постановку вопроса бессмысленной, определяет причины возникновения крепостничества? Через несколько строк после приведенного места мы имеем определение самого т. Малышева. Оно заключается в следующем: «Объяснить факт развития первых стадий капитализма в области обрабатывающей промышленности возможно, не прибегая к конструкированию новой общественно-экономической формации, а рассматривая крепостничество XVI—XVIII веков как своеобразную форму разложения феодализма, как результат воздействия торгово-денежных отношений, связанных с начальной стадией развития промышленного капитализма, на феодальную экономику, как своеобразную форму проникновения капитализма в сельское хозяйство» [19].

Оказывается суть протеста т. Малышева против Дубровского заключается в том, что Дубровский называет крепостничество общественно-экономической формацией. Только в этом, по мнению т. Малышева, бессмыслица. Что же касается существа характеристики этого процесса, т. е. того, что разви-

[17] С этими ошибками связана та терминологическая небрежность, которою отличаются писания Малышева. В свою очередь непонимание и неумение пользоваться марксистскими терминами конечно не может пройти бесследно и для теории. Ограничусь несколькими примерами. В статье, помещенной в сборнике «Крепостная Россия», Малышев ставит знак равенства между «начальными стадиями капитализма» и торговым капиталом (с. 8). Столь же странными для марксиста кажутся определения форм ренты как «организационных форм, в которых реализуется процесс эксплоатации», или фабрики «как организационной формы, где происходит реализация... общественных отношений производства» (с. 23, разрядка автора). Здесь действительно Марксом и не пахнет, зато Богдановым и Бухариным очень сильно.

[18] «Историк-марксист» № 15, с. 56 (разрядка автора).

[19] Там же, с. 56—57.

Быть может не лишним будет сопоставить с этим положением формулу Богданова: «...Сила меновых отношений вызвала переход феодальных порядков в крепостное право» («Краткий курс экономических наук», 1924, с. 85).

тие первых стадий промышленного капитализма в городе приводит к созданию крепостничества в деревне, это существо с точки зрения т. Малышева не вызывает протеста, не кажется бессмысленным. Этот ход развития кажется нашему автору вполне естественным, вполне закономерным. Вот почему я думаю, что в этой части т. Малышев только по недоразумению спорит с Дубровским, ибо по существу их точек зрения расхождения нет, хотя Дубровский и называет крепостничество общественно-экономической формацией, а т. Малышев от этого воздерживается, давая свою собственную формулу. Существо дела в том, что теория, которую развивает т. Малышев в своих статьях, утверждает, что развитие крепостничества в сельском хозяйстве причинно обусловлено и определяется развитием первых стадий промышленного капитализма, простой капиталистической кооперации и мануфактуры в области обрабатывающей промышленности. Точка зрения т. Малышева неверна. Не потому возникает крепостничество в деревне, как думает т. Малышев, что в городе развиваются первые стадии промышленного капитализма: простая капиталистическая кооперация и мануфактура. Крепостничество возникает в причинной связи с отсутствием или недостаточным развитием простой капиталистической кооперации и мануфактуры в обрабатывающей промышленности. Крепостничество тормозит, воздействует задерживающим образом на развитие элементов капиталистического способа производства. У т. Малышева же получается как раз наоборот: именно рост первых форм промышленного капитализма по каким-то совершенно необъяснимым причинам приводит к развитию крепостного строя.

Возьмем еще одно определение, которое т. Малышев дает крепостничеству. Действительное своеобразие крепостного (барщинного) хозяйства, — пишет Малышев, — его действительная историческая роль заключается в следующем. «Это — форма разложения феодализма и в то же время — форма внедрения капитализма в сельское хозяйство [20].

Нетрудно видеть, что эта характеристика крепостного хозяйства вполне согласуется и увязывается у т. Малышева с той характеристикой генезиса крепостничества, которую я разобрал раньше: если крепостничество возникает как следствие развития первых стадий промышленного капитализма в городе, то совершенно ясно, что оно представляет собою форму внедрения капитализма в сельское хозяйство. Но если эта точка зрения логически согласована, то это еще не значит, что она соответствует действительности.

Обратимся к формуле т. Малышева: крепостное хозяйство — форма разложения феодализма, форма проникновения капитализма в сельское хозяйство. Уже внешняя конструкция этой генеральной формулы т. Малышева наводит на мысль, что она дана по аналогии к известной формуле Маркса, характеризующей переход от феодализма к капитализму. «Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого» [21]. Маркс говорит: разложение феодализма освободило элементы капитализма. Капитализм возникает на развалинах, возникает как отрицание феодальной общественно-экономической формации. Вы находите первую часть марксовой характеристики у т. Малышева: крепостничество возникает как результат, как следствие, как форма разложения, как форма отрицания феодализма. Согласимся с этим и пойдем дальше. Оказывается, что крепостничество есть форма внедрения, форма проникновения капитализма в сельское хозяйство. Иначе говоря, марксов анализ перехода от феодализма к капитализму Малышев не критически, без всякого учета совершенно иной, принципиально отличной обстановки, прилагает к характеристике условий перехода и сути перехода от феодализма к крепостному хозяйству. И у Маркса и у т. Малышева одинаково разлагается феодализм, одинаково возникает капитализм.

[20] «Историк-марксист» № 16, с. 96.

[21] «Капитал», т. I, с. 708.

Таким образом здесь не только внешнее сходство или внешняя аналогия формулы Маркса и формулы т. Малышева. Само это внешнее сходство получилось потому, что т. Малышев возникновение крепостничества по существу характеризует в тех же понятиях, совершенно одинаково с тем, как Маркс объяснял переход от феодализма к капитализму.

Приведу дополнительное доказательство. Когда т. Малышеву приходится анализировать исторический процесс возникновения капитализма в Англии, Франции, исторический процесс возникновения и развития крепостничества в России, то т. Малышев говорит: в Англии капитализм возникает таким-то образом из разложения феодализма, во Франции капитализм возникает таким-то образом из разложения феодализма, в России точно так же крепостничество возникает таким-то образом из разложения феодализма [22].

Таким образом благодаря дурной абстракции известной уже нам формулы т. Малышева ставится на одну доску и стирается принципиальное различие между тем, как на Западе, в той же Англии, которая явилась классическим образцом перехода от феодализма к капитализму, при крушении феодализма действительно возник капитализм, и тем, как в России или, скажем, в Германии на смену феодализма не пришел капитализм, а развилось крепостничество. Формула т. Малышева не дает выражения этому различию, она вся построена на подчеркивании моментов сходства. Ей нет никакого дела до принципиальной противоположности в характере развития Англии, скажем, и России. И тут и там т. Малышев видит одно и то же развитие капитализма.

Припираемый к стене конкретно историческими фактами, т. Малышев видит себя вынужденным однако характеризовать и момент различия: капитализм возникает в своеобразной форме. Крепостничество есть капитализм, но своеобразный капитализм. Это есть своеобразная форма проникновения капитализма в сельское хозяйство, своеобразная форма перерастания помещика-продуктопроизводителя в помещика-товаропроизводителя, феодала-потребителя в сельскохозяйственного предпринимателя.

На Западе содержание возникающего капитализма находит себе соответствующую адэкватную форму в капиталистических производственных отношениях. В России и Германии то же самое капиталистическое содержание отливается в старые, унаследованные от феодализма, формы. Итак, различие между типом исторического развития России и типом исторического развития Англии или Франции — это различие сводится т. Малышевым к различию в форме. Содержание одно и то же. И там и тут разложение феодализма, возникновение и проникновение в сельское хозяйство капитализма, но это разложение феодализма и это проникновение капитализма происходят в различных формах. Тов. Малышев разрывает и противопоставляет друг другу капиталистическое содержание и крепостническую форму. У него крепостническая форма в России зиждется на каком-то капиталистическом содержании, она оформляет капиталистическое содержание. К таким чудовищным, нелепым с моей точки зрения, совершенно противоречащим нашим представлениям о крепостничестве, выводам приходит Малышев благодаря тому, что, оставаясь в пределах той абстракции, которую Гегель называл дурной абстракцией, смазывает принципиальное отличие в содержании того процесса, который был в передовых странах Запада.

Поставим перед собой такой вопрос: правильно ли будет сказать, что крепостничество по аналогии с капитализмом, как это делает т. Малышев, является формой разложения феодализма. Я считаю, что такая формулировка будет односторонней, а потому и неверной. Сказать, что крепостничество является формой разложения феодализма, это значит не сказать еще ничего по существу того особенного, что отличает разложение феодализма, освобождающее элементы капитализма от возникновения крепостничества. И там и тут бесспорно разложение. Однако как раз не этот момент надо подчеркивать. Надо подчеркивать другой момент; в отличие от возникновения капи-

[22] «Историк-марксист» № 16, с. 96.

тализма возникновение крепостничества есть не столько разложение, сколько консервация феодализма. Если возникновение капиталистической общественно-экономической формации предполагает разрушение до основ всего строя феодальных отношений, то возникновение крепостничества наоборот предполагает как свое предварительное условие сохранение феодального строя отношений, консервацию феодального строя отношений, консервацию феодального способа производства. «Крепостное состояние в XVI веке... появилось только подновленное, вторым изданием» (Энгельс). Это однако не значит, что мы совершенно не имеем моментов разложения или должны от них абстрагироваться в нашем анализе. Мы их имеем. Торговые, денежные отношения, создание рынков, внешнего и внутреннего, все эти быстро развивающиеся в XVI столетии в России процессы разлагают старую, натуральную, феодальную общественно-экономическую организацию, но они ее — и в этом суть — разлагают поверхностно, недостаточно глубоко. Это поверхностное разложение именно благодаря своей поверхностности не связано с созданием в городах предпосылок для капиталистического способа производства. Вот почему на известном этапе возникает необходимость в консервации, в замораживании феодальных отношений. В этом заключается принципиальное отличие. Это отличает процесс возникновения и развития капитализма из феодализма от прецесса перехода феодализма в крепостничество.

Перейдем теперь к рассмотрению второй части формулы т. Малышева. Верно ли будет сказать, что крепостничество есть форма проникновения капитализма в сельское хозяйство, причинно обусловленная развитием первых стадий капитализма в сфере обрабатывающей промышленности? Я считаю, что и вторая половина формулы т. Малышева неверна. Она—абстрактна в указанном выше смысле, она даже не затрагивает конкретного исторического процесса. Вернее будет сказать обратное. Крепостничество не есть форма внедрения капитализма в сельское хозяйство — это просто чушь. Крепостничество — это форма консервации феодального строя отношений, такая форма консервации, которая как раз тормозит развитие капиталистического способа производства в городе и проникновение капитализма в сельское хозяйство. Так решается вопрос, и мне представляется, что это решение находится в полном согласии со всем тем, что говорил по этому вопросу Маркс, со всеми конкретно историческими работами Энгельса, посвященными этому вопросу, точно так же, как и со всем тем, что говорил по этому поводу Ленин. Ввиду того, что мне указанное решение вопроса о крепостничестве представляется бесспорным, я ограничусь приведением только одной цитаты из недавно опубликованной статьи Ленина «К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства».

Предварительно вспомним, что для Малышева различие исторического процесса возникновения капиталистического способа производства во Франции и Англии, с одной стороны, в России — с другой, сводится к различию формы, под которой скрывается одно и то же содержание. У Ленина мы найдем совсем другую характеристику крепостничества, совсем другой подход, совсем другую оценку с точки зрения общественно-экономического и социального содержания. Ленин пишет: «Нелегко найти в Европе и даже во всем мире страну, где сохранилось в таких чудовищных размерах крупное крепостническое землевладение. И самое важное, это то что на этих землях ведется только частью капиталистическое хозяйство... Большей же частью хозяйство ведется крепостническое, то-есть помещики кабалят крестьянство, как было сто, и тристо, и пятьсот лет тому назад, заставляя их крестьянской лошадью, крестьянскими орудиями обрабатывать помещичью землю. — Это не капитализм. Это не европейский способ хозяйства... Нет, это совсем не по-европейски. Это по-старокитайски. Это по-турецки. Это по-крепостнически. Это не крупное хозяйство помещиков. Это крепостническая эксплоатация...»[23].

Приведенная цитата весьма убедительна в том отношении, что она ясно пока-

[23] Ленин, Соч., т. XVI, с. 459.

зывает, что для Ленина отличие крепостничества в России от западноевропейского капитализма отнюдь не сводилось к различию в форме. У Ленина не было разрыва формы от содержания и наоборот. Крепостнической форме соответствовало крепостническое содержание в отличие от Запада, где капиталистическое содержание находило себе капиталистическую форму. Это совсем другое, чем то, что мы имеем у т. Малышева. Тов. Малышев всячески приглаживает крепостничество, всячески разрисовывает его под капитализм. Крепостничество говорит он, это хозяйство, перерастающее из потребительского в товаропроизводящее. Он эту сторону «перерастания» усиленно подчеркивает. Так, когда он вынужден говорить о потребительском характере крепостного хозяйства, то он всячески ослабляет это, подчеркивая, что крепостничество перерождается, что оно является своеобразной формой проникновения капитализма в сельское хозяйство. Совсем с другой оценкой, с другим анализом, с другой классификацией, даже с другой терминологией мы встречаемся у Ленина. Ленин подчеркивает, что это было не капиталистическое, а крепостническое в своей основе хозяйство, и хотя оно обладало способностью приспособления к возникающей торговле, к развитию денежных отношений, давало известный простор развитию производительных сил, — оно в своей основе оставалось крепостническим. Оно оставалось крепостническим, ибо возможность известной эволюции в определенном направлении не отменяла его существа как хозяйства крепостнического. Это существо должно было быть разрушенным как раз тогда, когда уровень этой эволюции оказался настолько высок, что его уже невозможно было совместить с крепостным хозяйством.

Может быть эти две принципиально различных точки зрения, эти два диаметрально противоположных подхода к крепостному хозяйству можно примирить? Мне кажется, что примирить их никак невозможно. Одна из этих двух точек зрения должна быть отброшена, и вряд ли встретятся возражения, если я скажу, что точка зрения т. Малышева должна быть отброшена, а точка зрения Ленина сохранена.

Перейдем теперь на почву фактов и поставим перед собой вопрос: в какой мере анализ возникновения крепостничества в России, данный т. Малышевым, соответствует действительному ходу исторического развития России в этот период?

В качестве примера предварительно обратимся к тому анализу, который дали Маркс и Энгельс генезису крепостничества в Германии. Развитие Германии в XVI—XVII веках поразительно похоже на развитие России, и тот материал, и та аргументация, которую развивают Маркс и Энгельс по отношению к Германии, способны во многом помочь при анализе русского исторического процесса. Не останавливаясь на этом подробно, тем более, что в статьях Малышева этот анализ в наиболее важной части воспроизведен, отметим наиболее существенное.

К чему сводится анализ Энгельса и Маркса, что является исходным для этого анализа? Маркс и Энгельс дают не абстрактную формулу, а подробно перечисляют конкретно исторические условия, которые предопределяли репродукцию крепостничества в Германии в отличие от исторического процесса во Франции или в Англии. Энгельс говорит: «Великая крестьянская война... Крестьяне были побеждены после ожесточенной борьбы. К этому моменту относится начало возобновившегося, всеобщего преобладания крепостного состояния германских крестьян» [24].

Итак, первая причина возобновления крепостного состояния — победа дворян в великой крестьянской войне, потерпевшая поражение крестьянская война. Дальше Энгельс говорит: «Это превращение вначале все же шло довольно медленно. Но вот наступила 30-летняя война. В течение целого поколения в Германии хозяйничала самая разнузданная солдатчина, какую знает история. Опустошения и обезлюдение было безгранично. Когда наступил мир, Германия лежала беспомощной, растоптанной, растерзанной, истекая кровью; но в самом бедственном положении был опять-таки крестьянин». Такова вторая причина реставрации крепостничества в Германии,

[24] Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. Приложение «Марка», с. 93.

которую отмечает Энгельс. В другом месте Энгельс подчеркивает, что, раз возникши, крепостное право оказало самое тормозящее влияние на развитие промышленности: «Всеобщее восстановление крепостной зависимости является одной из причин, почему в Германии в XVII и XVIII веках не могло возникнуть никакой промышленности» [25].

Какие моменты подчеркивает Маркс? Маркс подчеркивает следующие моменты: упадок свободных мещанских городов в Германии, упадок немецкой индустрии и торговли, поражение крестьян, обезлюдение страны в результате 30-летней войны, преимущественно сырьевой характер немецкого экспорта, что вело к усилению роли и влияния земельного дворянства в ущерб городскому населению, отпадение Германии от мирового рынка как раз тогда, когда он создался, перемещением путей торговли от берегов Балтийского моря к Атлантическому океану [26].

Приведенные высказывания Маркса и Энгельса разумеется не исчерпывают вопроса, но, во-первых, они являются образцом конкретно исторического (а не абстрактного) подхода к этому вопросу, во-вторых, они дают характеристику основных причин и условий, определивших возобновление крепостничества в Германии. Как можно охарактеризовать эти конкретные причины? Это моменты восхождения вверх, экономического прогресса, или наоборот моменты упадка, экономического кризиса? Я думаю, что не надо быть диалектиком для того, чтобы ответить на этот вопрос так, что те моменты, которые перечисляют Маркс и Энгельс и которые исторически объясняют генезис крепостничества в Германии, это есть моменты упадка народного хозяйства. Крепостничество в Германии возникает не на основе бурного роста торговли и денежных отношений, роста промышленности, капиталистической кооперации и мануфактуры в городе, оно возникает в условиях упадка городов, упадка индустрии, разрушения самого крестьянского хозяйства, разрушительных битв и войн и т. д. Вот положение, которое можно установить на основе взглядов Маркса—Энгельса в отношении Германии. Полемизируя с Маурером и указывая на его предрассудок, унаследованный от просветителей, «будто после темного средневековья д о л ж н о быть постоянное движение вперед, к лучшему», Энгельс писал: «Это мешает ему видеть не только противоречивый характер действительного прогресса, но он не видит также и отдельных случаев регресса» [27].

Надо отметить, что в этой части я не расхожусь с т. Малышевым. Он сам замечает: «...Экономический упадок Германии, прекративший распад феодализма, способствовал утверждению крепостничества, которое, раз утвердившись, в свою очередь стало тормозить экономическое развитие Германии» [28]. Против этого положения я, разумеется, спорить не буду. Когда у т. Малышева есть надежные путеводители в лице Маркса и Энгельса, тогда он приходит к правильному выводу. Однако, как только ему приходится руководствоваться собственными познаниями и самостоятельно применять марксистский метод к анализу исторических фактов и явлений, он сбивается с верной дороги марксизма на торные пути Допша — Петрушевского или Струве. Это с ним и случилось, когда ему пришлось дать характеристику генезису крепостничества в России. Тут он прибегает к совершенно другой аргументации, противоположной, которая выведена им для характеристики условий возникновения крепостничества в Германии.

---

[25] «Переписка», с. 281.

Для России эту связь между «восстановлением крепостной зависимости» и характером промышленного развития отметил, хотя и односторонне, Ключевский. «Поместное землевладение... подорвало развитие русских городов и городской промышленности... Поместная система, увлекая массы служилых людей из города в деревню, лишила городскую промышленность и городской ремесленный труд сбыта и спроса главных, наиболее доходных потребителей... Вот чем между прочим объясняется медленный, зяблый рост наших городов и городской промышленности в XVI и XVII веках и не только в южной заокской, но и в центральной окско-волжской полосе» («Курс», ч. 2, с. 296—297).

[26] «Морализующая критика и критикующая мораль», «Под знаменем марксизма» № 4—5, 1923, с. 32.

[27] «Письма», с. 281.

[28] «Историк-марксист» № 16, с. 73.

Перехожу к России. Я не имею возможности подробно останавливаться на анализе XVI и начала XVII столетий в историческом развитии России. Основная ошибка т. Малышева, ошибка методологического характера, заключается как раз в том, что он дает характеристику крепостничества в России, даже не анализируя того своеобразия, той конкретно исторической ситуации, которая сложилась на исходе XVI и в первой половине XVII столетий.

XVI столетие является моментом известного перелома. Историк, желающий объяснить исторические особенности развития России от феодализма к крепостничеству ,не может обойтись без хоть сколько-нибудь основательного анализа XVI столетия. Генезис крепостничества нужно выводить, исходя из характеристики развития народного хозяйства и хода классовой борьбы в XVI и первой половине XVII столетия.

Что же мы имеем в XVI столетии? Я дам самую беглую характеристику основных явлений, которая при необходимости может быть подкреплена соответствующим фактическим материалом.

Я констатирую три ряда явлений, взаимно связанных, взаимно обусловленных, которые мы можем отметить в конце XVI и в начале XVII столетий. Если XVI век в истории России до 70—80 годов, беря формы эксплоатации, характерен быстрым ростом денежного оброка, т. е. ростом наиболее развитой докапиталистической формы ренты, как характеризует денежную ренту Маркс, то в 70-х, 80-х и 90-х годах, точно так же как и в первые десятилетия XVII столетия, мы имеем быстрый упадок денежной формы ренты. Этот упадок денежной ренты идет параллельно росту отработочной ренты, т. е. барщины, характерной тем, что в этом случае, как говорит Маркс, прибавочный труд выжимается «в его натуральном виде». Вспомним, что по Марксу отработочная рента связана в отличие от денежной с «неразвитостью всех общественных производительных сил труда... примитивностью самого способа труда». К концу XVI и в начале XVII столетий намечается все более разрастающийся процесс реставрации барщины. «Перед крепостным правом, — пишет П. А. Соколовский, — барщина составляет весьма редкое исключение; развитие ее принадлежит следующему периоду»[29].

Итак, в конце XVI, в начале XVII столетий вытесняется денежная рента, и ее начинает сменять барщина. Это значит, что возникает наиболее отсталая, наиболее примитивная, требующая максимального внеэкономического принуждения, форма ренты, форма эксплоатации[30]. Таков один ряд, который надо констатировать.

Параллельно этому явлению идет развитие поместий, сменяющих вотчинное землевладение. Если взять данные, которые приводит В. О. Ключевский по Коломенскому и по Московскому уездам и которые относятся к концу XVI века, то из них следует, что процент пашни по отношению к перелогу был в вотчинах более высок, а в поместьях наоборот более высок процент перелога по отношению к пашне. «...В вотчинах приходилась десятина пашни на 2—6 десятин перелога, в поместьях—на 12—29 десятин»[31].

Приведенные данные свидетельствуют, что поместья представляли собой более экстенсивную форму хозяйства, чем крупное вотчинное землевладение[32].

Третий ряд явлений—разрушение крестьянского двора и хозяйства, того, что получило название крестьянского тягла. В течение XVI века запашка на двор па-

---

[29] «Экономический быт земледельческого населения России», 1878, с. 34.

[30] Отмечу попутно, что анализ, который дал Маркс историческому развитию форм ренты, не есть только логический анализ. Это есть и исторический анализ. С точки зрения марксизма логический анализ — это освобожденное от случайностей историческое развитие, и противопоставлять одно другому нельзя. Между тем этого Малышев не понимает. Для него смена форм ренты это скорее «логическая систематизация по типам, нежели историческая картина разворачивания форм ренты» («Спорные вопросы методологии истории», с. 223). Маркс стоял на другой точке зрения и не понимал своего учения о генезисе капиталистической ренты как произвольную логическую конструкцию.

[31] «Курс», ч. 2, с. 358.

[32] Связь этого процесса с развитием барщины видна из следующего замечания Рожкова: «Чрезвычайно любопытно, что особенного относительного развития барская запашка достигает к концу столетия во всех тех уездах, где к этому времени паровая зерновая система сменилась более экстенсивной, переложной».

дает в 2 или 2½ раза. Уменьшается также количество рабочей силы, завязанной в одном крестьянском дворе. Растет количество бобылей, подворников, захребетников, усиливается сразу задолженность крестьян, растет число холопов.

О чем говорят все эти явления? Они говорят о том, что со второй половины XVI столетия народное хозяйство Московской Руси в ее центральных областях — Замосковье и Новгородской области — вступило в серьезный, затяжной, оказавшийся очень тяжелым по своим последствиям, аграрный кризис. На основе этого аграрного кризиса, охарактеризованного Ключевским как «геометрическая прогрессия запустения», как следствие этого аграрного кризиса, как следствие изменившихся отношений мы имеем ожесточенную классовую борьбу, которую старые историки именовали «Смутой». Это была крестьянская война, а не дворянская революция, как это писал Рожков, а вслед за ним повторял и Дубровский. В этой крестьянской войне крестьянство потерпело жестокое поражение. Именно с этого момента в России быстрыми шагами идет крестьянское закрепощение. Весь этот период вплоть до конца 40-х годов XVII столетия сводится к постепенному закрепощению крестьян, причем в Уложении 1649 года это закрепощение отливается уже в относительно законченные юридические формы. Весь период конца XVI и начала XVII веков — период непрекращающейся социальной борьбы в самых острых формах. Отвлекаться от исхода крестьянской войны в начале XVII века совершенно невозможно. Ленин писал: «Подавление революции есть величайшая гражданская война, война против целого народа. Эта война стоит не менее внешней войны, причем разоряет она не чужую, а собственную страну» [33]. С известными ограничениями это применимо и к народнохозяйственным итогам смутного времени. Поэтому если наряду с аграрным кризисом учесть и те последствия, к которым должно было привести смутное время, то легко будет понять, что положение народного хозяйства России во весь этот период возникновения крепостнических отношений характеризовать как бурное развитие торговли, денежных отношений, как возникновение первых стадий промышленного капитализма в городах нельзя. Его надо характеризовать в тех же терминах, в каких характеризует Маркс положение Германии после победы дворянства в крестьянской войне и после 30-летней войны; в терминах упадка народного хозяйства, в терминах разрушения торговли, денежных отношений, которые в предшествующую эпоху создавались, в терминах натурализации.

В подтверждение правильности этой точки зрения сошлюсь на некоторые высказывания М. Н. Покровского. В I томе «Русской истории» М. Н. Покровский ставит вопрос о «парадоксе». В чем же этот «парадокс» заключается? «Во имя экономического прогресса раздавив феодального вотчинника, помещик очень быстро сам становится экономически отсталым типом. Вот каким парадоксом заканчивается история русского народного хозяйства эпохи Грозного» (с. 277). Эта постановка вопроса вплотную подводит нас к тем конкретным историческим условиям, которые обусловили развитие крепостничества. Как М. Н. Покровский характеризует следствия аграрного кризиса? Он пишет: «Экономический расцвет времен молодости Грозного не повторился. Осталось хронически угнетенное состояние, к которому помещичье хозяйство приспособилось мало-помалу и с которого начался новый подъем, но уже гораздо позже, не ранее конца XVII столетия. Первые ¾ этого века носят в этой области определенно выраженный реакционый или, если угодно, реставрационный характер» [34]. Эта характеристика правильна. Нетрудно также видеть, что она близка той характеристике, которую Маркс и Энгельс давали в этом вопросе Германии. Неслучайно несомненно М. Н. Покровский соответствующую главу своей книги назвал «Феодальная реакция». Мы эту феодальную реакцию действительно имели в различных направлениях. Она прояви-

---

[33] Ленин, Соч., т. IX, с. 32.

[34] М. Н. Покровский. Русская история, т. II, с. 97 (разрядка моя—*Э. Г.*).

ла себя в области государственных финансов в том, что ряд налогов начал взиматься в натуральной форме, она проявила себя и в сфере государственного управления реставрацией менее развитых, более примитивных форм правительственной деятельности и т. д. и т. п.

Прежде чем покончить с этим вопросом, приведу образец того, как наши «почтенные» исследователи путаются по вопросу о причинах возникновения крепостничества. Беру Лященко, который по своим взглядам весьма близок т. Малышеву. Вот что он пишет по интересующему нас вопросу: «Со второй половины XVI века и вплоть до начала XVII века отмечается определенный регресс сельского хозяйства, сокращение запашки, возврат к залежи и т. п.» [35]. Положение ясное и с моей точки зрения бесспорное. Однако как только Лященко переходит к анализу условий возникновения крепостной системы хозяйства, он неожиданно начинает говорить прямо противоположное. «К концу XVI века и в начале XVII окончательно складывается та новая хозяйственная система, которая в виде крепостного хозяйства всецело овладевает всем народным хозяйством. Она возникает на почве развития производительных сил в сельском хозяйстве в виде необходимости перехода к более интенсивным и устойчивым формам хозяйства, шедшим на смену прежним экстенсивным формам...» [36]. Итак, пойми кто может: с одной стороны, Лященко констатирует в этот период аграрный кризис, с другой — тот же Лященко за тот же период времени констатирует подъем. Из этого якобы подъема сельского хозяйства на рубеже XVI—XVII веков он легко и свободно выводит свою теорию «работающего на рынок поместного хозяйства».

Вывод, к которому я прихожу на основании сказанного, следующий. Генезис крепостного хозяйства объясняет нам сущность этого крепостного хозяйства. Крепостное хозяйство развивается в пределах феодальной общественно-экономической формации не на основе быстро товаризирующихся отношений в городе и деревне, не на базе быстро растущего обмена между городом и деревней. Крепостное хозяйство как в Германии, так и в России возникает на основе известного упадка производительных сил, на основе аграрного кризиса в области экономической. В области социально-классовой мы имеем борьбу в самых острых формах, вплоть до гражданской войны. Поражение крестьянства — факт величайшей исторической важности. Говоря о России, надо указать и на неудачу упорных и изнурительных Ливонских войн за выход к берегам Балтийского моря, и на характер внешней торговли, и т. д. Совокупность этих конкретно исторических условий, их сложное взаимодействие в состоянии объяснить нам возникновение крепостных отношений. Разложение феодализма приостанавливается, феодализм консервируется, замораживается, происходит известная натурализация всех отношений. На этой основе начинается новый и медленный прогресс, который в своем развитии в первой половине XIX века приводит к возникновению промышленного капитализма и ставит в порядок дня ликвидацию крепостного хозяйства и права. Вот вывод, к которому я прихожу и который я противопоставляю формуле т. Малышева.

Перейдем к следующему вопросу. Закономерность и историческую целесообразность возникновения крепостного хозяйства в России т. Малышев пытается объяснить, опираясь на анализ хозяйственной природы крестьянина. В отличие от крестьянина Западной Европы «русский крестьянин, — по мнению т. Малышева, — не был подготовлен своим историческим прошлым для того, чтобы выступить в качестве арендатора или даже просто плательщика денежной ренты, его нужно было стимулировать». Каким же образом капитализм внедрялся в сельское хозяйство? Тов. Малышев отвечает: «Капитализм в сельское хозяйство России внедрялся через помещичье хозяйство». Помещик стал сельским хозяином, сельскохозяйственным предпринимателем, организатором барщины [37]. По этой странной теории крестьянин является «ответственным» за возникно-

[35] Лященко, История народного хозяйства, с. 150.

[36] Там же, с. 157—158.

[37] «Историк-марксист» № 16, с. 96.

вение крепостного хозяйства, а само это хозяйство, оказывается, было «могучим рычагом товаризации крестьянских хозяйств» [38].

Способ рассуждения т. Малышева подозрительно напоминает тот самый объективизм, который я выше характеризовал словами Ленина и от которого рукой подать до апологетизма. Точка зрения т. Малышева на природу крестьянского хозяйства мне представляется совершенно необоснованной. Никаких фактических данных кроме голых рассуждений мы у т. Малышева не находим. Обратимся к некоторым фактам. Данные, касающиеся XVI столетия, говорят о том, что крестьянин приспособлялся к развитию торгово-денежных отношений. «Во второй половине XVI века легко заметить рост денежного оброка за счет натурального: тогда как до этого времени в Вотской пятине Великого Новгорода только 6—9% всех крестьянских хозяйств платили оброк деньгами, в 1568 г. процент таких хозяйств повышается до 16, а в 1581 г. черная волость знала здесь только один денежный оброк; в Бежецкой пятине уже в 1545 г. более 26% всех крестьян сидели на оброке деньгами, а в Обонежской — в 1565 г. таких крестьян было даже около 76%; наконец во всех вотчинах Троицко-Сергиева монастыря, расположенных в центральных уездах, в последние десятилетия XVI века совсем уже не существовало натурального оброка, а все монастырские крестьяне, сидевшие на оброке, вносили последний деньгами» [39].

Тот факт, что денежный оброк начал играть громадную роль во взаимоотношениях между землевладельцами и крестьянами, говорит о том, что крестьянин выходил на рынок в качестве продавца своей продукции. Об этом же свидетельствует и перевод натуральных государственных повинностей в денежные налоги. Общеизвестен факт быстрого роста внутреннего рынка в XVI веке, факт роста крестьянской торговли. Все эти явления были бы немыслимы, если бы крестьянин не выступал активным агентом рыночных отношений. Именно потому, что помещик, основой хозяйства которого было крестьянство, под влиянием торгово-денежных отношений в громадной прогрессии повысил свою эксплоатацию в денежной форме, именно потому, что в течение XVI века государство в 3½ раза повышает подати и налоги в денежной форме, именно потому, что город своими монопольными ценами так же эксплоатировал крестьян, — соединенные усилия этих сил разоряли быстро крестьянство, заставляя его «брести розно». Крестьянин был «повинен» только в том, что он не в состоянии был удержаться на ногах под ударами объединенной эксплоатации: помещика, государства, ростовщического и торгового капитала. Таким образом дело не в природе крестьянина. Дело в том, что помещик, государство и торговый (в том числе и иностранный) капитал в такой мере эксплоатировали в своих интересах эти начавшиеся торгово-денежные отношения, что убивали всякую возможность самостоятельного хозяйства, всякий стимул к накоплению в крестьянском хозяйстве. Последнее в свою очередь обусловливало невозможность для крестьян перейти от денежного оброка к аренде или другим, более развитым, отношениям с землевладельцем. Тов. Малышев говорит, что барщинное хозяйство явилось могучим стимулом для товаризации крестьянских хозяйств. Верно как раз обратное: крепостное право с его барщинной системой хозяйства убивало стимулы к товаризации, оно означало закрепление натуральных отношений.

Разобранная здесь точка зрения т. Малышева отнюдь не является новой. Сознательно или бессознательно, но т. Малышев по ряду решающих вопросов крепостного хозяйства воспроизводит точку зрения П. Струве.

Возникновение крепостного хозяйства Струве объясняет, подобно т. Малышеву, неаргументированной ссылкой на хозяйственные потенции крестьянина. «Задолженность и вообще маломощность крестьян делала их совершенно неспособными стать в положение денежных арендаторов: они не имели для этого ни капитала, ни рынка, а даже если бы у них был рынок, то они были бы на нем совершенно бессильны» [40]. Неясно ли, что та постановка вопроса, ко-

[38] «Историк-марксист» № 16, с. 82.

[39] Н. Рожков, Происхождение самодержавия в России, 1906, с. 43.

торую дает т. Малышев, представляет собою полностью повторение того неумеренного «скептицизма», который «в минувшие годы» проявлял в оценке хозяйственных возможностей крестьянства П. Струве? Причины несостоятельности денежнооброчной системы по Струве «могут быть сведены к одному кардинальному моменту: русский крестьянин-земледелец—плохой сельскохозяйственный предприниматель. Он производит мало продукта, и это малое количество он не в силах реализовать на рынке по высшим возможным ценам. Поэтому он не годится в денежные арендаторы для помещика хлебородных губерний, и помещик, стремясь к наивысшему доходу, должен организовать свое хозяйство на началах барщины» [41].

Итак, по мнению Струве, крестьянин — представитель натурального мира, он равнодушен к деньгам, он не в состоянии выступать на рынке. Наоборот помещик, выступая организатором барщины, — представитель товарного хозяйства, сельскохозяйственного предпринимательства. «С точки зрения помещика барщина — элемент денежного хозяйства, средство получения денежного дохода. Барщина если не создалась, то во всяком случае закрепилась благодаря своему денежно-хозяйственному значению для землевладельческого класса» [42].

Точка зрения т. Малышева во всех этих вопросах — только повторение того, что говорил Струве. И вовсе не случайно, а наоборот закономерно то обстоятельство, что т. Малышев на страницах «Историка-марксиста» полемизирует с Лениным буквально в тех же выражениях, в каких это делал в свое время Струве. Выдвигая свое определение крепостного хозяйства как формы разложения феодализма и формы проникновения капитализма в сельское хозяйство, т. Малышев полемизирует с Лениным. Для Ленина крепостное хозяйство—хозяйство натуральное. Наткнувшись на это положение, т. Малышев начинает разъяснять читателю, что этого не надо понимать буквально. Для Ленина втягивание помещика в товарно-рыночные отношения — начало и симптом разложения крепостного хозяйства. Для т. Малышева же именно втягивание помещика в товарно-денежные отношения есть причина возникновения крепостного хозяйства. Ясно, что тут дело не в каком-то особом понимании Ленина, а в том, что т. Малышев и Ленин в этом вопросе стоят на противоположных полюсах.

Если т. Малышев, опровергая ленинскую характеристику крепостного хозяйства как хозяйства натурального, искренне полагает, что он спорит только против одного признака, сохраняя и соглашаясь с другими, то он попросту ничего не понял в ленинской характеристике крепостного права. Устраняя этот «признак» натуральности, разрушаешь всю ленинскую постановку вопроса. Это—не отдельный, не частный признак, это не просто деталь в общей схеме ленинского понимания, это—центральный пункт, и Ленин его все время ставит на первое место. Исходя из этого момента, Ленин объясняет и внеэкономическое принуждение, и натуральный характер отношений между собственниками средств производства и непосредственными производителями. Ленин дает эту характеристику крепостного хозяйства как хозяйства, основывавшегося на натуральных связях и отношениях не в смысле полного отрицания обмена, а в смысле того типа производства, той структуры производственных отношений, которая характерна для крепостничества.

Нельзя играть словами, как это делает т. Малышев, нельзя увертываться за словами — буквальное или небуквальное понимание Ленина. Надо Ленина понимать так, как он писал. Если бы Ленин захотел выразиться иначе, он нашел бы у себя необходимый для этого запас слов. И незачем через несколько десятков лет приходить в этом смысле на помощь Ленину, исправлять его в угоду собственной точке зрения. Все это тем более странно, что уже давно против Ленина, именно против этой постановки вопроса о крепостном хозяйстве как хозяйстве натуральном велась полемика. Тот же предтеча т. Малышева — Струве — писал: «Производство хлеба на продажу (ленинская цитата — *Э. Г.*) вовсе не было чем-то противоречащим суще-

[40] П. Струве, Основные моменты, с. 20.
[41] Там же, с. 83.
[42] Там же, с. 22.

ству крепостного хозяйства, как думает один новейший исследователь (Вл. Ильин), а наоборот составляло его движущий мотив и определяющую цель»[13].

По сути дела т. Малышев, и это надо прямо сказать, критикует Ленина, становясь на позицию Струве. Пусть же т. Малышев вместо бесплодной возни вокруг Ленина покажет нам, в чем он расходится со Струве? Я очень боюсь, что кроме второстепенных деталей он вряд ли найдет какие-нибудь существенные моменты расхождения своей теории с теорией отца «легального марксизма».

Пока же он этого не сделал, у нас есть все основания для вывода о том, что в своей разобранной нами теории т. Малышев попросту подогревает старое струвистское блюдо, всячески украшая его марксистским гарниром.

III

В связи с характеристикой крепостничества как формы внедрения капитализма в сельское хозяйство находится и неверная постановка т. Малышевым вопроса о прусском и американском путях аграрного капиталистического развития. Если действительно исходить из того, что крепостничество есть своеобразная форма проникновения капитализма в аграрный строй отношений, тогда вполне уместна и законна постановка вопроса о том, что в этом «крепостничестве» имела место, хотя и «в скрытой форме», борьба и прусского и американского путей развития капитализма[44]. С другой стороны, если мы признаем правильность ленинской постановки вопроса о натуральном характере крепостного хозяйства, тогда о какой борьбе двух типов аграрного капитализма в пределах «крепостничества» может итти речь? Если мы станем на ленинскую точку зрения, то мы должны будем признать, что т. Малышев неправ, характеризуя победу дворян в XVII столетии над крестьянами как победу прусского пути к а п и т а л и с т и ч е с к о г о развития, ибо это было развитие не капиталистическое, а крепостническое, ибо это была победа не капитализма, а победа к р е п о с т н и ч е с т в а. Точно так же нельзя характеризовать и борьбу крестьянства с помещиками в XVI и XVII веках как борьбу за американский путь капиталистического развития.

Заодно отметим то, что в этом последнем вопросе у т. Малышева вообще налицо непримиримое противоречие. Раньше т. Малышев, как мы помним, доказывал неспособность крестьянина к товарно-торговым отношениям и этим обосновывал неизбежность и экономическую целесообразность помещичьего предпринимательского барщинного хозяйства; теперь он этого же крестьянина характеризует как представителя американского пути развития капитализма. Здесь т. Малышев явно не сводит концы с концами, причем в результате всех этих злоключений хозяйственная природа крестьянина и реальные возможности его борьбы так и остаются невыясненными.

Ленинская постановка вопроса о двух объективно возможных путях аграрно-капиталистического развития имеет в виду борьбу этих двух путей, начиная с 1861 г. Возможность борьбы двух путей предполагает в качестве своей предпосылки определенный характер самой реформы 1861 г. Реформа создала возможность для развития крестьянского хозяйства по американскому пути. Поэтому крестьянин и пытался реформу 1861 г. «дополнить». В этом заключалась сущность революций и 1905 и 1917 гг. В то же время реформа создала и для помещика-крепостника возможность медленного перерастания в капиталистического предпринимателя. Однако сама возможность для развития крестьянского хозяйства по американскому пути, для развития помещичьего хозяйства по прусскому пути, эта возможность была дана развитием капиталистического производства в промышленности. Вне этого последнего условия никакого аграрно - капиталистического развития быть не могло.

В письме к И. И. Степанову-Скворцову Ленин писал: «Национализация земли — крестьянская ломка старого землевладения — есть экономическая основа американского пути. Закон 22 (9)/XI 1906 г. — помещичья ломка старого зем-

---

[43] П. Струве. Основные моменты. с. 159.
[44] «Историк-марксист» № 16, с. 99—103.

левладения — есть экономическая основа прусского пути»[45]. И в том и в другом случае Ленин употребляет слово ломка. Старые аграрные отношения надо было не приспособлять, а их нужно было сломать для того, чтобы расчистить дорогу тому или другому типу аграрно-капиталистического развития.

Нетрудно видеть, что точка зрения т. Малышева, если делать из нее последовательно все выводы, прямым путем ведет к ликвидации ленинской постановки вопроса о борьбе двух путей. О какой «ломке» «устаревшего средневекового землевладения» может итти речь с точки зрения Малышева, если крепостничество — форма внедрения капитализма в сельское хозяйство, если уже с XVI века «помещичье хозяйство и помещик... постепенно проделывали эволюцию в сторону товаропроизводства»? Не «ломка», ибо ломать-то нечего, а дальнейшая эволюция по тому пути, который определился с конца XVI столетия—таков должен быть ответ т. Малышева. Но отрицание необходимости «ломки» для победы прусского пути есть в то же время отрицание возможности победы американского пути. Если верно, что «предпосылки прусского пути, исторические корни его уходят к XVI веку и жизненность прусского пути была определена долговековой эволюцией нашего сельского хозяйства...», тогда утверждение о возможности победы американского пути в XX веке должно казаться не больше, чем реакционной утопией или слащавой мечтой об исправлении «исторической несправедливости». Хочет или не хочет этого т. Малышев, но только такой вывод вытекает из его теории. Кто говорит А, тот должен сказать и Б...

Следующий вопрос, который надо поставить, это вопрос о том, является ли крепостничество переходным периодом? Тов. Малышев эту точку зрения отстаивает. Сошлюсь на его выступление по докладу Дубровского: «Что выражала собою наша монархия?» ставил вопрос т. Малышев. И отвечал: «Она выражала переходный период от феодализма к капиталистическому хозяйству»[46]. На точке зрения характеристики крепостничества как переходного периода стоит и ряд других товарищей. Верна ли эта постановка вопроса? Я думаю — неверна. Крепостничество не есть переходный период, не есть переходная система отношений. Ленин придерживался на этот счет других взглядов. Он считал переходным периодом первые десятилетия после реформы 1861 г. «Капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, — писал он, — барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой хозяйства была следовательно переходная система, система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической системы»[47].

В ближайшей связи с этой точкой зрения на крепостничество как на переходную эпоху находится попытка трактовать крепостнические отношения как отношения эпохи так называемого первоначального накопления.

Общеизвестно, что глава «Так называемое первоначальное накопление» представляет собой очерк генезиса капитализма. На конкретном историческом материале ряда стран Западной Европы Маркс показывает, как создавались необходимые условия для капиталистического способа производства, ибо анализ капиталистического способа производства в «Капитале» Маркс дает, исходя из того, что все предпосылки его преданы. Необходимо также помнить, что в своем письме в редакцию «Отечественных записок» Маркс особено возражал против превращения его конкретно исторической главы «Первоначальное накопление» в «историко-философскую теорию общего хода экономического развития, в теорию, которой фатально должны подчиняться все народы...»[48].

«Русские историки-марксисты, — пишет т. Малышев,—эпоху господства крепостного хозяйства рассматривают в то же время как эпоху первоначального накопления капитала, тем самым оттеняя сущность крепостного хозяйства как своеобразной формы разложения фео-

[45] Ленин, Соч., т. XIV, с. 215.

[46] «Историк-марксист» № 16, с. 99—103. моя.—*Э. Г.*).

[47] Ленин, Соч., т. III, с. 144 (разрядка моя—*Э. Г.*)

[48] «Письма», с. 266.

дализма, перерастания его в капитализм»[49]. Под «русскими историками-марксистами» у т. Малышева скромно фигурируют кроме него самого повидимому тт. Меерсон и Томсинский. Так, в том же сборнике «Крепостная Россия» т. Томсинский пишет: «В России первоначальное капиталистическое (?) накопление происходило в своеобразной форме в барщинном и оброчном хозяйстве...». И дальше: «Крепостничество является не самостоятельной общественной формацией, а последним этапом в развитии феодализма и своеобразной формой процесса первоначального капиталистического (?) накопления в России» (с. 99). Оставим на совести Томсинского вопиющую экономическую безграмотность, которая позволяет ему смешивать «первоначальное накопление» с «первоначальным капиталистическим (?) накоплением». Приведем высказывание т. Меерсона: «Барщинное хозяйство является особой, специфической формой первоначального капиталистического (?) накопления...»[50]. Нетрудно видеть, что эти положения представляют собой только вариант той теории, которую я разобрал выше, а именно: крепостничество — своеобразная форма, разновидность капитализма. Так как сам т. Малышев никаких доказательств кроме ссылки на «русских историков-марксистов» не приводит, то разбор этой точки зрения о крепостничестве как эпохе первоначального накопления целесообразнее дать на разборе взглядов т. Томского.

«Так называемое первоначальное накопление, — пишет Маркс, — есть лишь исторический процесс отделения производителя от средств производства». В другом месте Маркс пишет: «Экспроприация сельскохозяйственного производителя, обезземелепие крестьянина составляет основу всего процесса»[51]. Никакого сомнения быть не может: основой всего процесса первоначального накопления для Маркса являлось отделение производителя от средств производства, обезземеление крестьянства и создание благодаря этому основных предпосылок капиталистического способа производства: свободных, как птица, пролетариев, которым противостоят, как собственники условий и средств производства, капиталисты. А что такое крепостничество? Это есть наделение производителя средствами производства, закрепление его за этими средствами производства, т. е. нечто диаметрально противоположное, как говорит Ленин, процессу создания «свободных, как птица», пролетариев. Как можно спутать, поставить на одну доску такие принципиально различные явления?

Чувствуя, что у него не все благополучно, т. Томсинский пытается опереться на Маркса. Эти попытки заслуживают внимательного рассмотрения, так как они лучше всего разоблачают самого же т. Томсинского и его единомышленников. Приведя положение Маркса, что «различные моменты первоначального накопления распределяются теперь между различными странами, а именно между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией», и сославшись на то, что «Маркс великолепно знал, что в эпоху первоначального накопления Португалия и Испания имели крепостных крестьян», т. Томсинский делает следующий вывод: «Следовательно Маркс относит к первоначальному накоплению те процессы, которые связаны не только с раскрепощением, но и с закрепощением» (с. 98). Этот вывод, совершенно неожиданный с точки зрения своих посылок, показывает, что т. Томсинский не только ничего не понял в марксовой постановке вопроса о первоначальном накоплении капитала, но даже повидимому незнаком с соответствующими взглядами Маркса. Так, сейчас же вслед за фразой о «различных моментах первоначального накопления», которую цитирует т. Томсинский, Маркс пишет: «В Англии к концу XVII века они (различные моменты первоначального накопления — *Э. Г.*) систематически объединяются в колониальной системе, системе государственных займов, современной налоговой системе и системе протекционизма». Похоже ли это на «закрепощение» крестьян, которое нашел в этом месте у Маркса т. Томсинский?

После того, как т. Томсинский навязал Марксу свою собственную точку зрения,

[49] «Крепостная Россия», с. 42.
[50] «Вестник Комакадемии» № 13, с. 35.
[51] «Капитал», т. I, с. 737.

он констатирует у него «кажущееся противоречие». А затем приходит на помощь Марксу, показывая, как разрешается это «кажущееся противоречие». Объектом своих манипуляций т. Томсинский на этот раз избирает письма Маркса и В. Засулич о русской общине. Он приводит оттуда следующее место: «Чтобы экспроприировать земледельцев, нет необходимости изгнать их из их земель, как это было в Англии и в других странах, нет необходимости уничтожить... Наоборот: попробуйте вырвать у них продукт их земледельческого труда сверх известной меры и, несмотря на имеющихся в вашем распоряжении жандармов, в а м н е у д а с т с я у д е р ж а т ь и х н а з е м л е!»[52]. И дальше, по известной уже нам методе, пристегивается вывод: «Следовательно экспроприация крестьян, — умозаключает т. Томсинский, — совершается не только изгнанием их с земель, но и «если у них вырвать продукт их земледельческого труда сверх известной меры». В России в крепостную эпоху продукт крестьянского труда вырывался «сверх известной меры» (с. 98).

Доказывает ли однако эта цитата Маркса то, что тщится доказать опираясь на нее т. Томсинский? Нисколько. Она наоборот опровергает его теорию. Маркс говорит здесь только о различных методах экспроприации крестьян, причем, несмотря на различие методов, результат их один и тот же: «Вам не удастся удержать их (крестьян — *Э. Г.*) на земле». Что именно это имел в виду Маркс, видно из продолжения этой цитаты, которого, по вполне понятным соображениям, не приводит т. Томсинский: «В последние времена Римской империи провинциальные декурионы... покинули свои земли, стали бродягами, продавались даже в рабство, лишь бы избавиться от земли...»[53]. Похоже ли это на закрепощение крестьян в России, на их прикрепление к земле?

Если уже проводить аналогию с Россией, то, с известной условностью, можно сказать, что процесс, описанный в приведенных цитатах Марксом, в некоторых чертах совпадает не с периодом установления и развития крепостного хозяйства, а с периодом непосредственно пореформенного развития России. В письме в редакцию «Отечественных записок» Маркс писал: «...Если Россия стремится стать нацией капиталистической..., ей не удастся достигнуть этой цели, не превратив сначала доброй доли своих крестьян в пролетариев...»[54]. Это превращение крестьян в пролетариев усиленным темпом стало развиваться после реформы 1861 г. Характер реформы 1861 г. обусловил «вырывание продукта сверх известной меры» у крестьян и определил их стремление «избавиться от земли».

Такое понимание пореформенного развития России, учитывая глубокую разницу в ходе первоначального накопления на Западе и у нас, как и наличие ряда методов первоначального накопления в дореформеную эпоху, вполне согласуется с тем, что Ленин, как я показал выше, этот период характеризовал как переходный. Чтобы внести полную ясность в этот важнейший вопрос, я приведу высказывание Ленина специально по вопросу о первоначальном накоплении в России.

В статье «Третья дума», указав, что помимо официального правительства — кабинета министров — у нас существует закулисное правительство — придворная камарилья, Ленин характеризует ее следующим образом: «Эта последняя всегда и везде опирается на самые реакционные слои общества, на феодальное — по-нашему черносотенное — дворянство, черпающее свою экономическую силу из крупного землевладения и связанного с ним полукрепостнического хозяйства»[55]. Такова социальная характеристика одной классовой группы.

Ленин переходит к социально-политической характеристике другой группы. Он пишет: «Сплошь и рядом большинство кабинета по своему составу не вполне соответствует требованиям камарильи. Конкуренцию допотопному хищнику, хищнику крепостнической эпохи составляет в данном случае х и щ н и к э п о х и п е р в о н а ч а л ь н о г о н а к о-

[52] «Архив М. и Э.», т. I, с. 278 (разрядка автора).

[53] Там же.

[54] «Письма», с. 265—266.

[55] Л е н и н, Соч., т. XII, с. 95.

пления... Этот слой землевладельческой и промышленной буржуазии, типичной для эпохи первоначального накопления, находит себе выражение в октябризме и примыкающих к нему течениях» (разрядка моя — *Э. Г.*). Элементарная логика обязывает признать, что если бы Ленин считал, что крепостничество и первоначальное накопление тождественны, ему не нужно было бы противопоставлять хищников эпохи крепостничества хищникам эпохи первоначального накопления. А между тем он это противопоставление делает, специально говорит об октябристах как о политическом представительстве земледельческой и промышленной буржуазии, «типичной для эпохи первоначального накопления». Уж не существовали ли октябристы в XVI—XVII веках? По Томсинскому—Малышеву это было бы вполне естественно и закономерно.

Третья группа, которую Ленин характеризует, это буржуазия эпохи упорядоченного капиталистического производства: «Молодая русская буржуазия эпохи капиталистического накопления, представляемая кадетами...» (разрядка моя — *Э. Г.*).

Таким образом в приведенных цитатах на анализе Третьей думы Ленин дает характеристику трех различных эпох в развитии России: эпохи крепостного хозяйства с его политическим представительством, эпохи так называемого первоначального накопления с его политическим представительством, эпохи капиталистического производства с его политическим представительством [56]. Если мы хотим остаться верными Ленину, мы должны отвергнуть ту постановку вопроса, которая трактует крепостничество как переходную эпоху и как эпоху первоначального накопления.

В заключение отмечу, что столь же неправильной мне представляется попытка характеризовать крепостничество как последний этап в развитии феодализма. Нельзя называть крепостничество последним этапом развития феодализма, как это делает например тот же т. Томсинский. Такая постановка вопроса построена на внешней аналогии развития феодализма с развитием капитализма. Империализм есть последний этап в развитии капитализма, или, как Ленин вынужден был, исходя из цензурных соображений, писать, для легальной печати: империализм — высшая стадия капитализма. Можно ли крепостничество по аналогии назвать «последним этапом феодализма?» Нельзя. Здесь аналогии по существу нет. Империализм — закономерное развитие капитализма. В своем развитии, в исторической эволюции капитализм закономерно порождает империализм, который является его высшей и последней стадией — кануном социалистической революции.

Можно ли выдержать эту аналогию в применении к эволюции феодализма? Можно ли сказать, что феодализм в своем развитии закономерно приходит к крепостничеству как к своей высшей и последней стадии? Я считаю, что так сказать будет неверно. Феодализм может, разлагаясь, уступить непосредственно место капитализму, как это было в Англии и во Франции и в ряде других стран. Из феодализма закономерно, неизбежно не вытекает крепостничество. Крепостничество объясняется не развитием каких-нибудь имманентных тенденций, свойственных феодализму. Крепостничество может быть объяснено, исходя из конкретной обстановки развития феодализма, из всего переплета общих, особенных и единичных причин. Вот почему во избежание ошибочных выводов мало отказаться от применения в отношении крепостничества характеристики — последний или новейший этап феодализма.

«Теоретическая ложь непременно ведет к практическому вреду». Эти слова Чернышевского уместно вспомнить в связи со статьями т. Малышева. Подвергнув пересмотру методологические позиции марксизма в ряде важнейших вопросов, подвергнув ревизии концепцию Ленина на русский исторический процесс, т. Малышев тем самым стал перед необходимостью пересмотра тактическо-политической линии Ленина и большевизма. Существует только один способ устранить «практический вред» взглядов т. Малышева: решительно отбросить всю его ложную теорию.

[56] Суммарно всю эту эпоху в целом Ленин характеризует как эпоху «до окончательного утверждения национального пути капитализма» (т. XVI, с. 216).

Г. Зайдель

ПОБОЛЬШЕ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ, ПОМЕНЬШЕ ЗЛОПЫХАТЕЛЬСТВА

(Ответ т. Бантке) [1]

I

Преждевременная радость моего рецензента. Как не надо цитировать. О периодизации II Интернационала. Энгельс и борьба Бебеля и Либкнехта на два фронта

Тов. Бантке начинает свою рецензию на мою книгу с выражения радости по поводу того, что она вышла в свет: «Можно порадоваться, — пишет он, — со всеми историками-марксистами выходу в свет книги т. Зайделя, посвященной одному из кардинальнейших вопросов международного рабочего движения до войны, вопросу изучения истории II Интернационала». Но на поверку оказывается, что т. Бантке либо радовался лицемерно, либо поспешил изобразить свои ощущения радости преждевременно, — по крайней мере выводы т. Бантке оказываются совсем нерадостными: «Мы должны, — заканчивает т. Бантке свою рецензию, — систематически проверять, насколько четко и последовательно применяется в работах наших историков марксистско-ленинская методология. В данном случае нужно сказать, что т. Зайдель не справился с этой задачей».

Стоило ли радоваться, т. Бантке? Приходится констатировать, что т. Бантке с первой же строки своей рецензии не запасся достаточной добросовестностью, ибо радоваться книге, которая не четко и не последовательно применяет марксистско-ленинскую методологию, по меньшей мере странно. Зафиксируем эту «странность» и пойдем дальше.

Тов. Бантке цитирует то место из моего предисловия, где я прошу не смотреть на мою работу «как на вполне самостоятельное исследование выдвинутых проблем». Казалось бы такое заявление автора к чему-то обязывает рецензента: если бы я выдал свою работу за «самостоятельное исследование», меня надо было бы основательно ругать за то, что я не исчерпал всех источников, в том числе и архивных. Но добросовестно ли в данном случае поступает т. Бантке, когда через пару абзацев, после упомянутой цитаты из моего предисловия, упрекает меня в том, что «т. Зайдель почему-то ограничил себя только печатной литературой, в то время, как в ИМЭ имеются богатейшие архивные материалы по истории II Интернационала: архив Ньювенгуиса, архив В. Либкнехта и др.». Тов. Бантке бьет «моим же добром мне же челом». Зафиксируем эту «странность» номер два.

Разбирая мое историографическое введение, т. Бантке упрекает меня в том, что я «сузил свою критику Плеханова т о л ь к о вопросом об итальянском синдикализме» (разрядка здесь, как и дальше, моя — *Г. З.*) Он приводит абзац из моего введения, где я действительно критикую неправильную оценку Плехановым синдикализма, и начинает меня поучать, что следовало бы расширить мою критику Плеханова. Приведя цитату из статьи Ленина о брошюре Плеханова «Анархизм и социализм», цитату, в которой Ленин констатирует, что Плеханов скатывается к оппортунизму, т. Бантке, глубокомысленно подняв палец, читает мне нотацию: «Тов. Зайделю следовало, исходя из ленинской характеристики, н е о г р а н и ч и в а т ь с е б я в о п р о с о м о б и т а л ь я н с к о м с и н д и к а л и з м е, а поставить по-ленински вопрос об одной из основных работ Плеханова, написанных, как известно, по поручению правления Германской социал-демократии». Но тут мы принуждены констатировать «странность» номер три. В своем историографическом введении, которое

---

[1] См. ст. т. Бантке «Побольше ленинской четкости» (по поводу книги Г. Зайделя «Очерки по истории II Интернационала»), «Историк-марксист» № 21.

занимает у меня 14 страниц и где я вынужден был Плеханову уделить (по точному подсчету) 17 строк, *я вовсе не ограничил свою* критику Плеханова вопросом об итальянском синдикализме. Вслед за приведенным т. Бантке абзацем я пишу: «Не всегда правильно освещена Плехановым и деятельность германской с.-д.; например, то обстоятельство, что Плеханов по вопросу о профсоюзах сам стоял на неправильной точке зрения «нейтральности» профдвижения, мешает ему видеть оппортунистические сползания Бебеля. Вообще элементы «центризма», присущие Плеханову даже в лучшие годы его деятельности, накладывают отпечаток и на его оценку смысла того или другого исторического события в жизни международного рабочего движения» (с. 9).

Как видит читатель, я вовсе не ограничивал критики Плеханова вопросом об итальянском синдикализме. Тов. Бантке просто не дочитал тех строк, которые читать ему было *невыгодно*. Пусть читатель сам решит, насколько добросовестен мой критик и в данном случае [2].

Далее, т. Бантке поучает меня по вопросу о периодизации истории II Интернационала: вместо трех периодов, которые я даю, — организационный (1889—1900), зарождение и рост реформизма (1900—1907) и оформление левого крыла и руководящая роль центризма (1907—1914), — причем я оговариваюсь, что хронология — вещь условная, что для первого периода концом следует считать 1898 г. (выступление Бернштейна), «но нами взят 1900 год, так как в этом году на Парижском конгрессе вопрос о ревизионизме был впервые поставлен в международном масштабе» (косвенно в связи с «казусом Мильерана») (с. 16) — вместо моего деления на три периода, т. Бантке устанавливает четыре периода. Новое у т. Бантке заключается в следующем: «Второй — 1896—1904 — период оформления и борьбы с оппортунизмом (Бернштейн и Мильеран), третий — 1904—1907 — период после революции 1905 года и крена налево каутскианских элементов под влиянием русской революции». Всякие деления конечно условны — в том числе и деления мои, и т. Бантке, но позволительно спросить — неужели в период 1904—1907 гг. не происходило во II Интернационале «борьбы с оппортунизмом»? Почему т. Бантке «борьбу с оппортунизмом» внутри II Интернационала заканчивает 1904 годом? Ведь именно никто иной, как Ленин писал по поводу Штутгартского конгресса (1907 года) следующее: «В общем и целом Штутгартский съезд рельефно сопоставил по целому ряду крупнейших вопросов оппортунистическое и революционное крыло международной социал-демократии и *дал решение этих вопросов в духе революционного марксизма*»[3]. Побольше «ленинской четкости», т. Бантке! Не стоит высасывать из пальца новые периоды и заканчивать «борьбу с оппортунизмом» внутри II Интернационала 1904 г., вопреки совершенно отчетливому мнению Ленина.

Но пойдем дальше. Тов. Бантке по своему рецепту выхватывает из моей книги следующую фразу по вопросу о борьбе II Интернационала с анархистами в первый период: «Понятно, что эта односторонняя борьба «налево» давала возможность анархистам удерживать свое влияние на некоторые круги рабочего класса». Подчеркнув слово «односторонняя», т. Бантке не без ехидства замечает: «Тов. Зайдель в данном случае только вторит тем, которые пишут, что, «удалив часть анархистов, Брюссельский конгресс установил единство социалистического движения, путем блока с правыми элементами». Утверждение о «блоке с правыми элементами», как и разговоры о Брюссельском конгрессе, принадлежат не мне, а т. Бантке торжественно поучает меня: «Получается, во-

³ Ленин, Соч., изд. 1-е, т. VIII, с. 503, (раз-

первых, односторонняя борьба налево, а во-вторых, тезис, что эта борьба возможна была только путем блока с правыми элементами». Получается, т. Бантке, недобросовестное цитирование с вашей

² Кстати мы совершенно согласны с т. Бантке, что предисловие к брошюре Плеханова «Анархизм и социализм», выпущенной ИМЭ, дает в корне неправильную характеристику этой работы Плеханова.

³ Ленин, Соч., изд. 1-е, т. VIII, с. 503 (разрядка моя — *Г. З.*).

сторсны — это, во-первых, а во-вторых, путаница в ваших рассуждениях, которые к счастью ничего общего не имеют с марксизмом-ленинизмом. Доказать это не трудно. В самом деле, что я пишу (и неоднократно) о борьбе II Интернационала в первый период с анархистами? «...Мы не должны забывать, что общая линия II Интернационала в этот период была правильной, несмотря на отдельные мелкие ошибки и зародыши крупных ошибок. Намеченная нами выше расстановка классовых сил и боевое настроение рабочего класса были теми стимулами, которые направляли политику II Интернационала в тот период по совершенно извильному руслу — консолидации сил международного рабочего движения в первую очередь. В свете этой первоочередной задачи отсечение анархистов нужно признать совершенно правильным мероприятием, продолжением единственно верной тактики Маркса и Энгельса» (с. 20).

В каком же смысле я употребил в дальнейшем выражение «односторонняя борьба «налево», которое привело в такое негодование т. Бантке? А вот в каком: «Значит ли это, — писал я, — что в ту эпоху II Интернационал выявил себя как совершенно зрелая пролетарская организация, научно, по-марксистски подходящая к разрешению всех вопросов. Конечно, нет. Даже при проведении тех мероприятий, которые, как выше было указано, были единственно правильны и необходимы рабочему движению, II Интернационал допускал теоретические и практические ошибки. Так например, отсекая вождей-путаников, почти совсем не считались с массой революционных рабочих, которые шли тогда за анархистами. Так было на Лондонском конгрессе, когда аннулированием мандатов анархо-синдикалистов, представлявших французские профсоюзы, при одновременном признании мандатов «независимых социалистов», Интернационал давал прямой повод обвинять социалистических вождей в «парламентаризации» рабочего движения. Понятно, — заключаю я, — что эта односторонняя борьба «налево» давала возможность анархистам удерживать свое влияние на некоторые круги рабочего класса» (с. 211).

Пусть т. Бантке потребует доказать, что II Интернационал на Лондонском конгрессе сумел удержаться на правильных позициях по вопросу о борьбе на два фронта — против правого и «левого» оппортунизма. Разве т. Бантке неизвестно, что зародыши «центризма» были уже в ту пору у самых ортодоксальных вождей II Интернационала? Разве Энгельс солидаризировался когда-либо с теми методами «борьбы на два фронта», которыми в лучшие годы своей деятельности пользовался II Интернационал? Разве Энгельс с первых же шагов деятельности II Интернационала не критиковал его вождей, в частности Бебеля и Либкнехта, за их недостаточную борьбу с правыми? Не вспомнит ли т. Бантке, что писал Энгельс о тактике лучшей партии во II Интернационале, немецкой с.-д. в пору борьбы с баварцами (Франкфуртский съезд), в 1894 г., т. е. за два года до Лондонского съезда. «В последние годы, — писал Энгельс, — вопрос об единстве партии (германской с.-д.— *Г. З.*) раздувался до крайней степени; не удивительно поэтому, что при большом числе новых членов, недостаточно еще опытных, подобное поведение (баварцев — *Г. З.*), делающее дальнейшее существование партии невозможным, прошло без заслуживающего решительного отпора, и по вопросу о бюджете не было принято никакого решения»[4].

Итак, смазывать вопрос о том, что II Интернационал и его лучшая партия и в первый период своей деятельности не умели правильно бороться на два фронта, вовсе не следует, — и Энгельс этого не делал. Не советую этого делать и т. Бантке: нет никакого сомнения, что те методы, при помощи которых II Интернационал отсекал анархистов, выбрасывая вместе с вождями также и массы, не давая одновременно достаточного отпора правым, — были в

[4] «Письма Ф. Энгельса к Зорге» от 4 декабря 1894 г. (разрядка моя—*Г. З.*).

конечном счете односторонней борьбой «налево», как я и пишу. Однако, неуменье правильно бороться на два фронта вовсе еще не означает, что «эта борьба «налево» возможна была только путем блока с правыми элементами», как это хочет представить т. Бантке. У меня такой формулировки т. Бантке не найдет, каким бы запасом недобросовестности он ни вооружился. Если вы боретесь с «левыми» так, что выбрасываете с ними идущие за ними массы, а против правых боретесь недостаточно, то вы не умеете правильно бороться на два фронта — и объективно получается «односторонняя борьба налево», — но это вовсе не означает, что вы вступили в блок с правыми. Одно из двух, т. Бантке, либо вы считаете, что II Интернационал в первый период стоял на стопроцентно-революционно-марксистских позициях, и тогда вы должны пройти мимо критики Энгельса, не обратить внимание на такую «мелочь», как «зародыши центризма» в лучших партиях II Интернационала, у лучших вождей (и по вопросу о революции, о государстве, по аграрному вопросу и проч.) с первых же шагов, либо вы это видите, и тогда вам придется мобилизовать некоторые остатки добросовестности и не приписывать мне формулировок о «блоке с правыми», которых у меня нет.

Итак, можно зафиксировать «странность» номер четыре. Самое интересное, однако, заключается в том, что т. Бантке упорно смешивает позицию Энгельса с позицией вождей II Интернационала. «..Получается, — пишет он, — такая картина: выгоняют анархистов, а Ф. Энгельс и В. Либкнехт и др. блокируются с поссибилистами, фабианцами и прочими явными оппортунистами». И дальше т. Бантке вновь поучительно поднимает свой указательный перст, приведя цитату из Ленина о линии Маркса и Энгельса, чтобы показать, что т. Зайдель не марксист-ленинец, так как он не хочет смешивать даже В. Либкнехта с основоположниками марксизма. Что же писал Ленин в приведенной Бантке цитате (мне приходится привести ее целиком, так как она бьет т. Бантке, поучающего меня, не в бровь, а прямо в глаз)? «Англо-американских социалистов, — пишет Ленин, — они (Маркс и Энгельс) всего настойчивее призывали слиться с рабочим движением, вытравить из своих организаций узкий и заскорузлый сектантский дух. Немецких социалистов они всего настойчивее учили: «не впадаете в филистерство», в «парламентский идиотизм», в «мещанско-интеллигентский оппортунизм» (из предисловия Ленина к вышеупомянутым «Письмам... к Зорге»). Каких же это «немецких социалистов» учили искусству бороться на два фронта, по словам Ленина, Маркс и Энгельс? Да все тех же В. Либкнехта, А. Бебеля и др. Прочтите, т. Бантке, письма Энгельса к Зорге от 11 мая, 8 июня, 17 июля 1889 года и много других и вы убедитесь, как терпеливо Энгельс поучал В. Либкнехта и др. немецких социалистов правильной тактике. Не путайте сами и не путайте других: Энгельс, вслед за Марксом, давал правильные указания вождям II Интернационала о борьбе на два фронта, а те не всегда их хорошо выполняли. Только и всего, т. Бантке!

II

Тов. Бантке боится «грома» и «несчастья». Ленин и Энгельс о ситуации конца 90-х годов. Можно ли механически отмахнуться от проблемы перерождения II Интернационала?

Мы зафиксировали уже достаточное количество «странностей» у т. Бантке. Зафиксируем еще одну: т. Бантке не нравятся мои выражения: 1) вступление Мильерана в министерство «как громом поразило международное рабочее движение», 2) «на знаменитом банкете в Сен-Манде... Гэд, к несчастью, продолжал свое единение с оппортунизмом». Тов. Бантке боится и «грома» и «несчастья». Простим ему эту слабость и пойдем дальше.

Несколько слов о подсчетах т. Бантке по поводу результатов проведения 10-часового рабочего дня к моменту войны во Франции. Странно было бы думать, что в течение более чем десяти лет после проведения закона о 10-часо-

вом рабочем дне (с 1900 по 1914 г.) Мильераном никаких результатов не получится. Никакого противоречия в этом нет с моим утверждением, что в первый период «закон этот совершенно не выполнялся». Никакого противоречия нет также в моем заявлении, что Мильеран своим «социальным законодательством пускал пыль в глаза рабочим» с приведенной т. Бантке формулировкой Ленина, что Мильераны отманивали пролетариат «посулом крохотных социальных реформ». Я, правда, не привел этой цитаты Ленина, но в этом духе я высказывался.

Отметим кстати такой «перл» рассуждений моего критика, свидетельствующий о чем угодно, но только не о ленинском понимании т. Бантке сущности борьбы рабочего класса за реформы. «Именно потому, — пишет т. Бантке, — что в 70% предприятий, плохо ли, хорошо ли, но применялся закон Мильерана о 10-часовом рабочем дне, введение 8-часового рабочего дня после войны стало возможным и послужило одним из факторов, задержавшим революционизирование рабочих». До сих пор мы, грешные, думали, вместе с Лениным и Коминтерном, что завоевание пролетариатом, в том числе и французским, после войны 8-часового рабочего дня является результатом революционного подъема рабочих масс. По Бантке же получается, что Мильеран своим законодательством подготовил введение 8-часового рабочего дня. Правда, т, Бантке дальше пишет о том, что 8-часовой рабочий день дан «под сильнейшим напором снизу». Но в таком случае при чем тут законодательство Мильерана? Разве т. Бантке неизвестно, что в настоящее время почти во всех странах (в том числе и во Франции) фактически 8-часовой рабочий день либо отменен, либо существует на бумаге: законодательство Мильерана отнюдь не «помогает», когда, воспользовавшись частичной стабилизацией капитализма, буржуазия перешла в наступление на рабочий класс, стремясь увеличить свои прибыли за счет пролетариата, а теперь, в период кризиса, всеми мерами — вплоть до безграничного увеличения рабочего дня и уменьшения зарплаты, пытаясь выйти из кризиса путем понижения жизненного уровня рабочего класса. Еще менее соответствует ленинизму заявление т. Бантке о том, что введение 8-часового рабочего дня задержало «революционизирование рабочих». Так, пожалуй, т. Бантке дойдет и до анархистского утверждения, что не стоит бороться за реформы. А ведь именно это вытекает из заявления т. Бантке.

Я не могу принять упрека т. Бантке в том, что я не понимаю, будто на рубеже XIX и XX веков «перед рабочим классом объективно выдвигались уже историей задачи социалистического переворота» (Ленин). В моей работе (на с. 69) я пишу: «В свете этого соотношения классовых сил совершенно понятно, почему Энгельс в 90-х годах прошлого столетия ожидал подъема революционного движения и даже революционного взрыва». И далее я привожу высказывания Энгельса относительно задач рабочих партий в Германии и во Франции, в связи с возможным захватом власти. Заветы Энгельса по аграрному вопросу трактуются мною под углом зрения «как использовать крестьянство в качестве резервов для революции» (с. 70), в ее связи с задачами социалистического переворота, которые объективно выдвигались с середины 90-х годов историей. Надо внимательно читать книгу, которую рецензируешь, т. Бантке.

Тов. Бантке никак не может понять, каким образом я в эпоху 1900—1907 гг. зачисляю Каутского и будущих «центристов» вообще в ряды «образовавшегося блока всех левых элементов во II Интернационале», который противостоял международному реформизму. «Здесь нам непонятны две вещи,—пишет т. Бантке,—первая—как мог оформиться этот блок, когда Каутский рьяно выступал против Ленина и считал его раскольником и т. д., и т. д., а во-вторых, когда ему было образоваться вплоть до Ленина, если последний впервые стал принимать участие в работе II Интернационала только с 1907 г. со Штутгартского конгресса. Получается что-то не совсем ясное насчет этого блока — от Ленина до Каутского».

Тов. Бантке мыслит себе блок против ревизионистов плоско механистически: раз блок, значит надо было, повидимому, персонально Ленину с Каутским сговариваться что-ли, заключать письменное соглашение, должно было быть полное единогласие по всем вопросам у участников блока. Между тем дело в действительности обстояло таким образом, что несмотря на крупные расхождения между Каутским с одной стороны, и например Розой Люксембург и, особенно, Лениным, с другой, мы в период до Штутгартского конгресса имели общий антиревизионистский фронт: в этот фронт входили и Каутский, и Роза Люксембург, и Ленин. Если бы я смазал разногласия между участниками этого общего блока, этого общего антиревизионистского фронта, т. Бантке имел бы право высказать непонимание, но в данном случае я разрешу себе не согласиться с механистическим толкованием блока со стороны т. Бантке.

Между прочим т. Бантке думает, что он поймал меня на противоречии, когда цитирует другие места моей книги, где относительно Каутского сказано, что он был в антиревизионистском блоке вплоть до 1910 года. Никакого противоречия здесь нет. Каутский позже Бебеля и др. бывших ортодоксов, превратившихся в «центристов», сумел в общем и целом остаться на радикальных позициях. Я попытался этому дать объяснение: «Каутского, — пишу я, — на некоторое время спасали от ревизионистского перерождения его теоретическая закалка, уменье анализировать предмет и углубленно мыслить. К этому надо прибавить, что профсоюзная верхушка оказывала на Каутского, стоявшего в стороне от практической работы, меньшее влияние, чем на Бебеля. В данном случае, по счастливой диалектике истории, оторванность Каутского от непосредственной исторической парламентской и профсоюзной работы сослужила ему на несколько лет хорошую службу. Но это продолжалось недолго. Когда вопросы, заново поставленные массами в порядке дня, потребовали ясных и четких решений, — эта оторванность Каутского от практического движения, от революционной практики обернулась своей противоположной стороной» (с. 201).

Пусть т. Бантке попробует, если он не приемлет моего объяснения, дать свое — по поводу того, что работа Каутского «Путь к власти», написанная в 1909 г., в общем и целом, несмотря на все недомолвки, не является еще произведением «центристским». Именно об этой книге Ленин писал следующее: «Когда Каутский был еще марксистом, например, в 1909 году, когда он писал «Путь к власти», он отстаивал именно идею о неизбежности революции в связи с войной, он говорил о приближении этой революции»[5]. Тов. Бантке, некритически оперирующий цитатами, механически подгоняет одно явление под другое. Каутский и «центризм» — это синонимы, но лишь в 1910 г. Каутский возглавил центристское течение, которое в германской партии и во II Интернационале определилось несколько раньше — к концу революции 1905 года. Тов. Бантке ловит меня на противоречиях, которые являются не чем иным, как плодом непонимания диалектики исторического процесса самим т. Бантке.

Кстати т. Бантке напрасно возмущается моим утверждением, «что существовало единое ортодоксальное крыло с 1900 года до 1910 года, от Каутского до Ленина». Ничего зазорного, антиленинского в таком моем утверждении нет. Вот что писал, между прочим, Ленин в 1918 г.: «И Каутский, когда он был еще марксистом (в 1899—1909 гг.), неоднократно признавал, — говорил я, — что переходные меры к социализму не могут быть одинаковы в странах мелкого земледелия»[6]. Итак Ленин считает Каутского марксистом на всем протяжении периода 1899—1909 гг., несмотря на то, что в 1900 г. Каутский на Парижском конгрессе провел свою печально знаменитую «каучуковую» резолюцию, несмотря на то, что во всех работах Каутского этого периода (об этом я пишу в своей книге) есть достаточное количество «центристских» идей и мыслей. А ведь никто лучше Ленина не вскрыл

[5] Ленин, Соч., изд. 1-е, т. XV, с. 439, (разрядка Ленина).

[6] Там же, с. 38.

всех элементов «центризма», которые в это время имелись уже у Каутского.

Это замечание Ленина дает нам ключ и к правильному пониманию марксизма эпохи II Интернационала. Тов. Бантке не согласен со мною в том, что «Каутский, Гэд, Гайндман, Плеханов даже Бернштейн — все они в 80—90-х гг. XIX столетия выступали как революционные марксисты». Тов. Бантке выражает сомнение в том, «действительно ли все названные вожди II Интернационала правильно усвоили учение Маркса и Энгельса». Тов. Бантке ломится в данном случае в открытую дверь: и в своей статье о Гэде (см. «Книгу для чтения по новой и новейшей истории», т. III), и в своих главах о марксизме эпохи II Интернационала в рецензируемой т. Бантке книге я доказываю, что кроме Ленина никто из вождей II Интернационала до конца правильно не усвоил учения Маркса и Энгельса, даже Роза Люксембург в целом ряде вопросов стояла на неправильных позициях. Но следует ли отсюда, что названные вожди II Интернационала в лучшие годы не стояли, в общем и целом, на позициях революционного марксизма? Можно ли, например, утверждать, что Гэд, толковавший овладение пролетариатом властью накануне войны как завоевание большинства в парламенте, стоял на той же точке зрения в 80-х годах, когда он вместе с Лафаргом писал о «гемороидальных» парламентариях? Ведь пишет же Ленин, как мы выше цитировали, что Каутский в 1909 г. «отстаивал идею о неизбежности революции».

Между тем никто иной как Ленин показал, что в самые лучшие времена Каутский понимал идею революции по-центристски. И неужели, если бы дело обстояло так просто, как представляется т. Бантке, Ленин писал бы, например, о Гэде следующее: «Учитесь на примере всей жизни Гэда, скажем мы рабочим, кроме его явной измены социализму в 1914 г.» [7]. Нет, т. Бантке, с вашими механистическими рассуждениями далеко не уедешь. Дело обстоит именно так, как рисует это Ленин и как я попробовал рассказать в своей книге, а не так, как изображено в статье т. Бантке. Каутский, Плеханов, Гэд, даже Бернштейн (да, т. Бантке, даже Бернштейн, в годы редактирования им «Социал-демократа») были в 80—90 гг. революционными марксистами, ибо они, при всех своих колебаниях и недомолвках, выступали против буржуазии и за пролетариат [8]. Но революционный марксизм этих вождей не был основан на органическом усвоении всей глубины марксистского учения. Это обстоятельство — на фоне классовых сдвигов и перегруппировок эпохи довоенного империализма — объясняет нам, почему эти «ортодоксы» так легко скатились к «центризму», почему они переродились.

Ища причин, почему вожди II Интернационала переродились, почему они перешли от марксизма к либерализму, от революции к контрреволюции, — я присоединяю к анализу социально-экономической обстановки анализ биографий вождей (делаю это по совету Ленина, т. Бантке!) и показываю, что прежде чем притти к марксизму, эти вожди прошли через дарвинизм (Каутский), дюрингианство (Бебель), мелкобуржуазный эгалитаризм (Гэд) и проч. Когда создались социальные условия, способствующие усвоению буржуазных и мелкобуржуазных идей, микробы непролетарской идеологии, которые были и у Каутского, и у Бебеля, и у Гэда, и у других, пышно расцвели, и произошло перерождение, т. е. «возвращение на другой основе к их первоначальным взглядам, возвращение в лоно буржуазной идеологии, из которой они вышли». Если ревизионизм и «центризм» являются не чем иным как буржуазной идеологией, «переодетой в марксистские оде-

[7] Ленин, Соч., т. XII, с. 41, (разрядка моя — *Г. З.*).

[8] Можно, конечно, спорить о том, насколько самый термин, применяемый мной к указанным лицам для периода 80-90-х гг. — «революционные марксисты» — является адэкватным. Может быть лучше было бы употреблять просто термин «марксисты». Но т. Бантке спорит не против терминологии, а по существу. Тем самым т. Бантке просто снимает, как мы увидим из дальнейшего, проблему перерождения вождей II Интернационала.

жды», то прошлое вождей облегчило им восприятие этой буржуазной идеологии.

Тов. Бантке просто отмахивается от проблемы перерождения II Интернационала. Совершенно непонятно все-таки, что же произошло с довоенным II Интернационалом и его крупнейшими вождями? Повидимому, по Бантке, получается, что Бернштейн, Гэд, Каутский и друг. всегда были контрреволюционерами, и тогда т. Бантке прямо отдает весь довоенный Интернационал нынешнему социал-фашистскому, вопреки совершенно точному смыслу программы Коммунистического Интернационала, что Коминтерн воспринял «плоды работ II Интернационала». Я попытался, по совету Ленина, проследить биографии вождей, чтобы яснее представить себе и читателям проблему перерождения II Интернационала.

Почему мое объяснение является «эклектизмом», — это известно только одному т. Бантке. Правда, т. Бантке квалифицирует мое объяснение перерождения вождей II Интернационала и несколько иначе: «У т. Зайделя,—пишет он,—получилось то, что на марксистском языке называется похлебка». Тов. Бантке изволит, как видим, выражаться «изящно» и «аппетитно», но от этого он не стал лучше понимать существо проблемы.

III

Развивался ли ревизионизм? Был ли довоенный II Интернационал «зубатовской» организацией? Извращение рецензентом моих мыслей и мои действительные ошибки

Переходим к вопросу о ревизионизме. Тов. Бантке формулирует против меня три тяжких обвинения: «Отсюда следует,—пишет т. Бантке,—что бернштейнианство: 1) выросло не только на немецкой почве, но и в международном масштабе, 2) что оно продолжительно развивалось и 3) что оно родилось в рабочем движении, для которого оно не было вначале опасностью, а потом стало таковою». Тов. Бантке приводит цитату из «Что делать» Ленина и думает, что этим он решительно «разоблачил» мои «антиленинские» утверждения. К счастью (т. Бантке не нравится слово «к несчастью», обрадуем его хотя бы словом «к счастью»!) дело обстоит как раз наоборот: т. Бантке поверхностно читает Ленина — отсюда постоянные заключения моего рецензента.

Возьмем вопрос о международном значении «бернштейнианства». Несколькими строчками до цитаты, приведенной т. Бантке, в том же «Что делать», в примечании Ленин пишет следующее: «Кстати, в истории новейшего социализма это едва ли не единичное и в своем роде чрезвычайно утешительное явление, что распря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную... В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министериалисты, немецкие бернштейнианцы, русские критики, — все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против догматического марксизма. Может быть в этой первой действительно международной схватке с социалистическим оппортунизмом международная революционная социал-демократия достаточно окрепнет, чтобы положить конец давно уже царящей в Европе политической реакции» (цитировано по книге Ленина «За 12 лет», 1919 г., с. 197.)

Именно эту мысль Ленина я иллюстрирую сопоставлением программ и высказываний Мильерана, фабианцев и Бернштейна. Я показываю, что по содержанию все они стоят на одной оппортунистической почве, взятой напрокат у буржуазии. Ленин поэтому совершенно прав, когда он пишет, что «по своему содержанию (разрядка моя — *Г. З.*), этому направлению не приходилось развиваться и складываться: оно прямо было перенесено из буржуазной литературы в социалистическую». Но т. Бантке смешивает две вещи: оформление ревизионизма как международного течения, которое произошло только в 1898 г., когда выступил Бернштейн, с возникновением до этого разных национальных течений ревизионистского типа... Я показываю, как развивался национальный ревизио-

низм в международный,—следуя в данном вопросе только за Лениным. В цитированном уже мною примечании Ленина к первой главе «Что делать» мы читаем: «В прежние времена споры между лассальянцами и эйзенахцами, между гэдистами и поссибилистами, между фабианцами и социал-демократами, между народовольцами и социал-демократами оставались чисто национальными спорами, отражали чисто национальные особенности, происходили, так сказать, в разных плоскостях». Далее следует уже приведенное мною место, что ревизионизм стал международным явлением. Таким образом, т. Бантке, ревизионизм развивался и по Ленину из национального явления в международное. Для доказательства этой мысли Ленина я рассматриваю и идеологию лассальянцев, поссибилистов, Фольмара, и показываю, что по содержанию эта идеология является такой же, как и идеология Бернштейна. Вот например мое заключение о Фольмаре: «Мы видим, таким образом, что Фольмар развивал уже до Бернштейна теорию и практику оппортунизма, что по всем существенным пунктам эта теория и практика совпадает с положениями, развивавшимися поссибилистами, фабианцами и Мильераном» (с. 147). Само же «бернштейнианство» я квалифицирую как «приспособление» марксизма к апологетам капитализма, «катедер-социалистам» типа Шульце-Геверница и Юлиуса Вольфа (с. 155), «поворотом от социализма к либерализму, от пролетарских интересов к капиталистическим, возвращением в лоно буржуазной идеологии» (с. 165).

Нескладно получается у т. Бантке. Ленин говорил, что «по содержанию» ревизионизму «не приходилось развиваться и складываться», а т. Бантке механистически толкует слова Ленина, считая, что ревизионизм вообще не развивался, что он не перерастал из национального течения в международное. Приходится напомнить поучающему меня т. Бантке о необходимости максимальной «ленинской четкости» — старое изречение: «врачу, исцелися сам»! Надо ли доказывать ту мысль, что, сделавшись в лице «бернштейнианства» международным явлением, ревизионизм стал опасностью для II Интернационала. До того он представлял, т. Бантке, опасность, но опасность национальную для каждой партии, с момента «оформления» бернштейнианства ревизионизм стал опасностью международной, опасностью для II Интернационала в целом.

Я не буду прослеживать в дальнейшем шаг за шагом все те «обвинения», которые т. Бантке выдвигает против меня. Тов. Бантке настолько мало ответственен за свои возражения, что оспаривает даже такую мою мысль: «II Интернационал, — пишу я, — и его партия однако не только не оказались способными дать настоящий отпор ревизионизму, но сами подверглись его воздействию и в лице большинства сами оказались ревизионистскими» (с. 140). Тов. Бантке беззубо острит по этому поводу в таких выражениях: «Бедный революционный марксист Каутский, бедная теория перерождения, ты уже на второй странице оказалась неспособной справиться с Бернштейном». Бедный рецензент, он с первой (а не со второй) страницы оказался неспособным справиться ни с одной проблемой, ибо нельзя не назвать злопыхательство и выдергивание цитат разрешением проблем.

При тех методах, какими действует т. Бантке, неминуемы такие перлы, как сравнение довоенного II Интернационала с... «зубатовской организацией». «Также как и Бабушкин,—пишет Бантке,—вылавливал рабочих из лап зубатовцев, также и Ленин, работая в недрах II Интернационала, стремился сгруппировать вокруг себя подлинных революционных марксистов...». Социал-фашисты изображают II Интернационал реформистским и филистерским с первых же дней его существования, а т. Бантке идет еще дальше — он отдает II Интернационал прямо в руки «зубатовщине». Кто вам за это спасибо скажет, т. Бантке? Коминтерн? Разрешите выразить сомнение.

Но самое непозволительное в манере рассуждения т. Бантке, — это его беспардонное извращение моих собственных утверждений. Я неоднократно пишу в моих «Очерках», что накануне войны,

несмотря на единство международного рабочего движения, «везде во всех странах, во всем мире, рабочее движение, организационно еще не расколовшееся, повсюду было разделено на две противоположные идеологические струи, боровшиеся за влияние на рабочие массы» (с. 64). На протяжении всей своей книги я доказываю, что в рамках формально-единого II Интернационала мы имели: в России—большевизм и меньшевизм, в Германии—левых радикалов и оппортунистическое большинство, «две отдельных партии друг против друга в Италии, Голландии, Болгарии» (с. 64, см. также с. 101 и др.). Мало того, я пишу о том, что со стороны «левых радикалов» в Германии была ошибочной их «фетишизация единства партии», то что они боялись итти на «организационное размежевание с ними (оппортунистами), хотя бы в виде создания самостоятельной фракции» (с. 59), а т. Бантке имеет смелость с невинным лицом поучать меня: «Задача историка-марксиста показать, что в общем накануне войны во всех странах мы имеем по существу две партии: одну — оппортунистическую, а вторую — революционную «пролетарскую». Именно это я и показываю, т. Бантке! Только я делаю это не по рецепту механистов, как это требуется с точки зрения вашей, с позволения сказать, «методологии», а по-ленински, показывая, как в рамках формально-единой организации выкристаллизовывались два основных течения — оппортунистическое и революционно-марксистское. Своеобразие положения накануне войны заключается именно в этом. Тов. Бантке механически извращает не только мои мысли, но и исторический процесс.

Не меньшим извращением моих мыслей является утверждение т. Бантке, будто я «отождествляю радикалов в Германии с революционным синдикализмом», будто я считаю, что «революционные синдикалисты были не чем иным как революционной партией». В своей книге я доказываю, что «левый радикализм» был «наиболее выдержанным отрядом на арене западноевропейского рабочего движения» (с. 208), что вне России «левый радикализм» был «единственным течением, приближавшимся к ленинизму» (с. 209). Что касается революционных синдикалистов, то об их теории, в частности например о теории Сореля я пишу: «Теория, развитая Сорелем и его непосредственными учениками, была более революционой по фразеологии, но не менее ревизионистской по существу, реформистской, чем теория Бернштейна» (с. 179). То же я доказываю и в отношении итальянских синдикалистов и в отношении де Лиона и английских синдикалистов. Самое название главы, посвященной синдикализму—«левый ревизионизм» — свидетельствует о недобросовестном обвинении т. Бантке. Нужно в самом деле быть лишенным всякого чувства ответственности за свои слова, чтобы обвинить меня в отождествлении «левых радикалов» и анархо-синдикалистов. Так как, к счастью, это сделано в воображении т. Бантке, а не в действительности, то весь его заряд из Л. Троцкого с нарочито вытащенным письмом последнего к Монату, пропадает даром.

Как же это случилось, что по мнению т. Бантке, стоя на той точке зрения, что синдикализм является «левым ревизионизмом», я «отождествляю» его с «левым радикализмом». Объясняется этот фантастический вывод т. Бантке тем, что он не в состоянии к революционному синдикализму подойти диалектически: понять его сильные и слабые стороны. Слабые стороны синдикализма ясны: это—«мелкобуржуазный революционизм», по выражению Ленина. Сильная сторона синдикализма это то, что он является реакцией на оппортунизм, во многих странах он был, как выражается Ленин, «наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения». Недовольная оппортунистическим загниванием социалистических партий часть революционно-настроенных рабочих отходила к синдикализму там, где налицо не было достаточно ярко выраженной, марксистски-выдержанной оппозиции внутри социал-демократических партий: так было во Франции, так было в Англии, отчасти в Италии. Мало того, некоторая часть социалистов сама увлеклась синдикализмом (эрвеизм был течением внутри французской социа-

листической партии), последний оказывал влияние даже на социалистические партии: ведь де Лион стоял во главе социалистической рабочей партии, даже британская социалистическая партия сама подверглась влиянию синдикализма: «Британская социалистическая партия, — гласит резолюция, принятая съездом БСП в 1912 г., — стремится к самой полной и совершенной форме промышленной организации путем объединения тред-юнионов и их укрепления, дабы они стали способными взять на себя управление производством в социалистическом обществе».

Таким образом, за революционным синдикализмом шли массы и часто неплохие, революционные массы. Это обстоятельство необходимо учесть для правильного суждения о роли революционного синдикализма. Большинство вождей-путаников (типа Моната) приходили после войны в компартию, как в проходной двор, но хороший революционный рабочий оставался в компартии: Вильям Хейвуд умер коммунистом, Монмуссо борется в рядах французской компартии и т. д., Томас Манн, например, до сих пор находится в рядах английской компартии. При всей своей путаности и «левом» фразерстве синдикализм часто лучше улавливал настроения рабочих, чем правоцентристское большинство в социалистических партиях. Что же удивительного в том, что после войны компартии обычно создавались на базе левого крыла социалистических партий плюс лучшие элементы у синдикалистов. Только это я и утверждаю в своей книге.

Можно мне поставить в упрек то, что я в книге почти ничего не говорю о британской социалистической партии, что недостаточно пишу о левом крыле гэдистов во Франции, социалистической партия в Италии и проч. Это безусловный и существенный недостаток моей книги. Недостаточное освещение даже не столь ярко выраженной, как например в Германии, революционной оппозиции внутри упомянутых социалистических партий может привести читателя к ложному выводу, что синдикалистские элементы во Франции, Италии, Англии, САСШ были единственной базой для создания впоследствии компартии. Этого вывода я в своей книге не делаю, но этот вывод может быть сделан. И в этом недостаток моего анализа. Если бы т. Бантке действительно добросовестно подходил к своей задаче—помочь автору своей рецензией указанием на эту, например, ошибку, можно было бы только приветствовать его рецензентское мнение. Но т. Бантке обязательно хочет приписать мне мысль, будто я считаю синдикализм «антипарламентской партией рабочего класса». Этим т. Бантке только лишний раз демонстрирует свою недобросовестность, переходящую в прямое злопыхательство.

Насколько злопыхательски настроен мой рецензент, видно из того, что даже там, где при всем его желании лягнуть меня и потребовать «большей четкости», он этого сделать не в состоянии даже при помощи механически-склеенных цитат,—т. Бантке придумывает все-таки упрек. Так по аграрному вопросу (одному из основных вопросов теории и тактики, т. Бантке, вопросу о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством!) т. Бантке признает, что я «довольно удачно» справился с этой задачей и «действительно пополняю» пробелы, «которые имеются в уже вышедших работах советских историков». Но тут же мой «зоил» формулирует такой «упрек». «Этот свежий и в общем ценный материал несколько перегрузил книгу, так как автор кроме истории II Интернационала дал таким образом и историю аграрного вопроса в отдельных партиях, расширив этим рамки своей работы». Вот пойди пойми капризы людей типа т. Бантке! Неужели II Интернационал для Бантке есть организация, которую можно понять вне анализа его составных частей—социалистических партий? И если мною этот анализ, в частности по аграрному вопросу, проделан, то неужели это тоже недостаток? Впрочем к чему эти вопросы? Для рецензентов типа т. Бантке существует только один закон — покрепче «лягнуть».

И т. Бантке «лягает» в ряде случаев, как мы уже видели, прямо извращая

мысль автора. В частности т. Бантке острит по поводу моего отношения к «молодым» и к Ньювенгуису. Тов. Бантке выдумывает несуществующее у меня противоречие, будто в одном месте я считаю ядром «левой» оппозиции во II Интернационале в первый период немецких «молодых», а в другом месте Ньювенгуиса. А я пишу только то, что и «молодые» и Ньювенгуис были ядром «левого» крыла в первый период во II Интернационале. Я пишу ядром, так как есть основания думать, что к этому ядру примыкали и кое-кто из англичан, французов и из других наций. Этот вопрос требует еще исследования на дополнительном материале. А т. Бантке, ничего не поняв в моих заявлениях, не зная материала, пляшет и играет по поводу моих мнимых «противоречий».

Вообще не прочитав даже внимательно всей моей книги, т. Бантке формулирует обвинения вроде таких: «Тов. Зайдель не только не заметил борьбы против «левых», но и не понимает, что такое борьба на два фронта». В чем дело?

Рассказывая о заседании сессии МСБ, где принималась английская рабочая партия, я не привел высказывания «левого» Аврамова. Нужды нет, что Гайндман защищал ту же точку зрения, что и Аврамов — был против приема английской рабочей партии во II Интернационал, — и что я это мнение Гайндмана привожу. Почему привести мнение Аврамова важнее, чем мнение Гайндмана? Не ждите ответа от т. Бантке. Ему необходимо лягнуть и он лягает [9].

[9] В одном месте т. Бантке правильно констатирует, что у меня на с. 132 есть неудачное выражение о том, что «большевики, в том числе и Ленин, приветствовали принятое решение МСБ» (по вопросу о споре между большевиками и ликвидаторами). Это выражение было мною исправлено в корректуре и в допечатке моей книги («Прибой», 1931 г. Дата 1931 г.—дело издательства, фактически допечатка произведена в ноябре 1930 г.). Это место гласит (см. ту же 171 с.): «Впоследствии большевики, в том числе и Ленин, подчеркивали, что решение Международного соц. бюро приемлемей предложенной Р. Люксембург резолюции. Ленин однако возмущался «путаницей» и «необдуманным утверждением» Каутского...».

IV

Заключение. К чему приводят недобросовестность и злопыхательство?

Подведем итоги. Тов. Бантке написал о моей книге недобросовестную и злопыхательскую рецензию. В процессе критики он обнаружил непонимание диалектики развития II Интернационала до войны. Он обошел важнейшую проблему — проблему перерождения II Интернационала, ограничившись поверхностным замечанием о моей попытке обосновать ленинский анализ. Он смешал правильную политику Энгельса, его (и Маркса) действительное умение последовательно бороться на два фронта, с неустойчивой, колеблющейся (несмотря на все достоинства в этот период II Интернационала, в основном стоявшего на правильных позициях) борьбой на два фронта вождей II Интернационала в лучший (первый) период существования его, объективно приводившей к «односторонней борьбе налево». Этим т. Бантке закрыл себе пути к пониманию элементов центризма, имевшихся в зародыше во II Интернационале уже в годы 1889—1900. Тем самым т. Бантке впадает в противоречие со своим собственным тезисом (который я провожу также, но последовательно и без противоречия т. Бантке) о том, что у II Интернационала с самого начала был «марксизм с пониженным революционным уровнем». Противоречие т. Бантке объясняется тем, что он механистически подходит к объяснению ряда явлений. Для него непонятно, что Гэд, Каутский, Плеханов (даже Бернштейн в период «Социал-демократа»), несмотря на то, что они никогда органически не усваивали марксизма, в известный период в общем и целом стояли на революционных позициях, были против буржуазии и за пролетариат.

Неудивительно поэтому, что т. Бантке даже не считает нужным обосновать теорию перерождения II Интернационала. В основном мой «четкий» критик стоит в этом вопросе на антиленинской позиции — для него вопроса о перерождении, видимо, не существует. Просто

Каутский, Гэд и др. были с самого начала оппортунистами и такими остались до сегодняшнего дня. Доказательство этой антиленинской, механистической точки зрения, отдающей довоенный II Интернационал целиком в руки нынешним социал-фашистами — налицо. В своей статье, напечатанной в «Пролетарской революции» [10], т. Бантке не сумел удержаться в рамках правильной исторической перспективы по вопросу о роли большевизма на мировой арене до войны.

Некоторые товарищи смазывают революционизирующую роль большевизма на мировой арене после революции 1905 года, утверждая, что и накануне войны у Ленина была «некоторая доля недооценки центризма и силы оппортунизма» [11]. Подобная точка зрения не соответствует действительности: с первых же дней своей деятельности Ленин великолепно видел все слабые стороны оппортунизма, а затем и центризма. Мало того, Ленин своевременно делал из этого организационные выводы. Уже на Штутгартском конгрессе он пытался организовать международную левую фракцию и неоднократно после революции 1905 года ставил вопрос о «размежевании» между оппортунистами и революционным крылом международной социал-демократии. Это извращение т. Слуцким, например, роли большевизма и Ленина накануне войны приводит логически к мысли, что большевизм вырос как deus ex machina, что он является продуктом войны. Эта точка зрения выгодна социал-фашизму.

Но если представить подобно т. Бантке, что большевизм был с первых же шагов своей деятельности изолирован от международного рабочего движения, что он и до революции 1905 года противопоставлял себя по всем основным вопросам всему ортодоксальному крылу социал-демократии, что никаких точек соприкосновения не было между Каутским, например эпоха 900-х годов, и Лениным, то мы с «левого» конца придем к тому же выводу, к которому приходит т. Слуцкий, но только под другим соусом, — под соусом, что большевизм был чисто русским явлением. Такая точка зрения не менее противоречит действительности и не менее выгодна социал-фашизму. Логически к этому ведет точка зрения т. Бантке в упомянутой статье. Она целиком и полностью увязана с недиалектической постановкой вопроса т. Бантке в рецензии на мою книгу, в частности, с легкомысленным отмахиванием его от проблемы перерождения.

Таким образом недобросовестность и злопыхательство моего критика отнюдь не случайны: они являются необходимым орудием для нашего «историка», который в борьбе против ряда правильных и следовательно марксистско-ленинских положений, выдвинутых в моей книге, не может опереться на факты, на историческую действительность. Тем хуже для фактов? Нет тем хуже для т. Бантке. Выправляя свою книгу в тех местах, где я недостаточно четко проводил ленинскую точку зрения (в частности по вопросу о соотношении между левым крылом социалистических партий и анархо-синдикализмом), я в большинстве случаев вынужден буду поступать как раз противоположно тому, что советует мой «критик»: я отброшу его механистическую методологию, как негодную ветошь, ибо этому учили нас Маркс и Ленин. Ленинский этап в науке, в частности в истории, означает, в первую очередь, преодоление механицизма, сторонником которого фактически мой критик является, хочет ли он этого или не хочет. Недобросовестностью и злопыхательством этого факта не замажешь.

---

[10] «Пролетарская революция» № 2-3 за **1929 г., ст. «В. И. Ленин и большевизм на мировой арене».**

[11] А. Слуцкий, Большевизм о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса («Пролетарская революция» № 6 за 1930 г.).

ДОКЛАДЫ В ОБЩЕСТВЕ

ПРОБЛЕМА ДВУХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ В РАБОТАХ ЛЕНИНА[1]

Доклад Н. ВАНАГА

I

Проблема «двух путей» занимает в ленинском учении о революции кардинальнейшее место. Наша историческая мысль до сих пор уделяла этой проблеме далеко недостаточное внимание. Более того, одно время эта проблема даже не стояла в поле зрения исторической мысли, за что нам приходится расплачиваться довольно дорогой ценой. Ряд крупнейших ошибок в нашей исторической литературе является результатом недооценки ленинского учения о «двух путях».

Если в настоящий момент среди историков-марксистов установилось большее или меньшее единство в осознании важности проблемы «двух путей», то напротив в понимании самой проблемы ни о каком единстве нет и речи. Это говорит о том, что пора по-серьезному заняться изучением ленинских взглядов на «два пути» развития. Мое сообщение я рассматриваю как один из шагов по этому пути.

Начиная исследование вопроса, надо прежде всего подчеркнуть, что ленинская проблема «двух путей» есть основная методологическая проблема всего исторического процесса России XIX и XX вв. до 1917 г., что она составляет ось всей истории Российской империи этого периода.

Вторая половина XIX в. и начало XX в., до 1917 г., характеризовались в России развитием капитализма, сменой крепостных отношений капитализмом, незавершенностью буржуазно-демократического решения аграрно-крестьянского вопроса. На основе анализа совершавшегося, но не завершившегося процесса смены крепостнических отношений капиталистическими, Ленин выдвинул вопрос о путях этого завершения, придав ему кардинальнейшее, решающее значение для всей классовой борьбы XIX и XX вв. и для определения задач пролетариата в этой борьбе.

Анализ объективных условий борьбы классов, стремившихся к раскрепощению России, в особенности в революции 1905—1907 гг., привел Ленина к конкретизации вопроса о том, «как уложится» буржуазный строй России, привел его к постановке вопроса о «прусском и американском» типе капиталистической эволюции России и о борьбе двух путей или двух методов капиталистического преобразования.

Придавая этому вопросу характер национального вопроса буржуазного развития, Ленин естественно признал за ним определяющее значение в истории эпохи буржуазно-демократической революции в России. «Вся история политического освобождения России, — говорит он, — есть история борьбы первой и второй буржуазных тенденций» [1а]. В этих словах вся колоссальность значения проблемы двух путей. Эпоха политического освобождения России — это эпоха от реформы 1861 г. до 1917 г. Следовательно вся история России с 1861 г. до 1917 г. есть история борьбы первой и второй буржуазных тенденций, есть история борьбы двух путей развития капитализма в России. В правильности такого вывода нас убеждает данный Лениным конкретный анализ основных этапов истории классовой борьбы XIX и XX вв. Возьмем основные этапы этой борьбы.

Крестьянская реформа 1861 г. являлась одним из эпизодов смены крепостнического способа производства капиталистическим. Изменения, внесенные реформой в уклад государства, были «шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию» [2]. Шаг этот был вызван к жизни развитием капитализма, ломавшим старое крепостничество. Но направление и характер шага определялись борьбой двух тенденций, которые давали себя знать уже в 1861 г.

Эти две тенденции были: одна — демократическая, «опирающаяся на сознательность и самодеятельность не помещичьих, не чиновничьих и не буржуазных кругов»; другая — опирающаяся именно на эти помещичьи, чиновничьи и

---

[1] Сокращенная стенограмма заседаний Секции истории империализма от 10 и 18 февраля и 2 марта 1931 г.

[1а] Ленин, Либерализм и демократия. Соч., т. XV, с. 452.

[2] Его же, т. XV, с. 96.

буржуазные круги. Характер реформы как маленького шага по пути к превращению России в буржуазную монархию был обусловлен борьбой этих тенденций, слабостью демократической тенденции, слабостью объективных сил, стоявших за полное раскрепощение, за «американский» путь развития капитализма в России.

Народничество. С особенной отчетливостью значение проблемы двух путей как основного содержания классовой борьбы выступает в анализе Лениным народничества.

> «Сравнение 1861 года с 1905—1907 годами, — пишет он, — яснее ясного показывает, что это реальное историческое значение народнической идеологии состояло в противоположении двух путей капиталистического развития: одного пути, приспособляющего новую капиталистическую Россию к старой, подчиняющего первую второй, замедляющего ход развития, и другого пути, заменяющего старое новым, устраняющего полностью отжившие помехи новому, ускоряющего ход развития» [3].

Итак, реальное, следовательно единственное и основное значение народничества состояло в противоположении «американского» пути «прусскому».

Подходим к революции 1905 г. Основной вопрос революции — аграрный (крестьянский) вопрос, он сводился к альтернативе: либо развитие капитализма будет обеспечено в России победой крестьянства, руководимого пролетариатом, над помещиками и царизмом, либо это развитие будет результатом победы помещиков над рабочим классом и крестьянством. Теоретический и конкретный анализ классовой борьбы привел Ленина к выводу, что из «сочетания действий наличных сил, творящих это преобразование, может получиться двоякий результат, или двоякая форма этого преобразования» [4].

В «Двух тактиках» классовая борьба в революции 1905—1907 гг. сводится Лениным к борьбе за форму раскрепощения России. Содержание классовой борьбы приобретает характер борьбы за два метода буржуазного преобразования страны. В статье «Сила и слабость русской революции» Ленин с особенной четкостью подчеркнул это содержание борьбы классов и партий в революции. Указывая, что весь вопрос буржуазного развития России в том, пойдет ли она по типу «прусскому» с сохранением помещичьих латифундий, или по типу «американскому», с уничтожением помещичьего землевладения, с переходом земли к крестьянам, Ленин заключает: «Это — основной вопрос нашей буржуазно-демократической революции, вопрос ее поражения и победы» [5].

> «В революции 1905 г., — писал Ленин, — те две тенденции, которые в 1861 г. только наметились в жизнь, только-только обрисовались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении масс, в борьбе партий на самых различных поприщах: в печати, на митингах, в союзах, в стачках, в восстании, в государственных думах» [6].

Итак, массовое движение в революции, борьба партий, крестьянские восстания, охватившие всю Россию, всеобщая стачка, вооруженные восстания, борьба классов и партий в государственной думе — все это выражения борьбы тех двух тенденций, которые наметились с 1861 года, это выражение борьбы «американского» и «прусского» пути.

Не следует долго останавливаться на доказательстве того положения, что Ленин даже не мыслил себе иной постановки вопроса о столыпинщине, чем постановку в плоскости борьбы двух путей. Столыпинщину Ленин рассматривал как второй шаг массового насилия над крестьянством в интересах помещичьего капитализма, как «еще один шаг вперед по прусскому пути». Всю деятельность Столыпина и помогавших ему либералов Ленин рассматривал как систематическую и упорную работу над завершением революции по «прусскому» образцу [7]. Работа эта состояла в упорной и систематической борьбе с силами демократической революции, стремившимися направить развитие капитализма в России по «американскому» пути.

Эпоха политической реакции, упадка революционного движения после рево-

---

[3] Ленин, По поводу юбилея, Соч., т. XI, с. 98.

[4] Его же. Две техники, Соч., т. VIII, с. 61.

[5] Там же.

[6] Его же, Крестьянская реформа и пролетарская, крестьянская революции, Соч., т. XV, с. 145.

[7] Ленин, Предисловие ко 2-му изд. «Развитие капитализма».

люции была тоже лишь этапом в борьбе двух путей [8].

Наконец под углом той же борьбы за пути и способы раскрепощения Ленин подходит и к широко развернувшейся борьбе пролетариата в годы подъема рабочего движения перед войной 1914 г. Устанавливая, что с лета 1910 г. начался новый подъем, что полоса господства реакции кончилась, Ленин приходит к заключению, что «русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции». Эта новая революция характеризуется тем, что «старый кризис нарастает по-новому, в новой обстановке, при гораздо более определившихся отношениях между классами, но он нарастает, и его социально-экономическая (и не только экономическая) природа остается по сути дела прежней» [9]. Широкое массовое движение в годы подъема рассматривается Лениным снова под углом зрения неразрешенности вопроса о путях развития капитализма в стране.

Проблема двух путей остается центральной на всем протяжении второй половины XIX и начала XX вв. Всю борьбу общественных классовых сил Ленин рассматривал как этапы в борьбе двух путей раскрепощения. Насколько велико кля нас значение ленинской концепции «двух путей», свидетельствует весь конкретный анализ классовой борьбы, проведенный Лениным. Проблема «двух путей» — основная методологическая проблема исторического процесса XIX и XX вв., под углом зрения которой необходимо рассматривать всю сложность переплета классовой и партийной борьбы данной эпохи. Мы должны особо подчеркнуть последнее, так как оно имеет непосредственное отношение и к борьбе большевизма с меньшевизмом. Ленин неоднократно подчеркивал ту мысль, что своеобразие русского оппортунизма, меньшевизма заключалось в игнорировании двух путей развития капитализма. В письме к Скворцову-Степанову Ленин прямо утверждает: «В этом суть меньшевизма и состоит».

> «Вся путаница и все недомыслие Ф. Дана, — пишет Ленин в другом месте, — зависят от того, что он радикально не понял экономической основы русской буржуазной революции... За разногласиями марксистского и мещанского социализма в России по вопросу об экономическом содержании и значении борьбы крестьян за землю в данной революции он «не заметил» борьбы реальных общественных сил за тот или иной путь объективно-возможной капиталистической аграрной эволюции».

Игнорирование меньшевизмом двух путей приводило его к фактической защите одного — «прусского» пути. Борьба большевизма с оппортунизмом приобретала характер борьбы с проводником идеи «прусского» пути развития в среду пролетариата. С этой точки зрения Ленин и разоблачал ликвидаторство, меньшевизм и разновидность меньшевизма — троцкизм. Непонимание Троцким характера революции, роли пролетариата и недооценка им крестьянства Ленин выводил именно из этого существа реформизма Троцкого, игнорировавшего экономическое содержание революции в Росси, которое столкнуло классы в борьбе за пути капиталистической эволюции страны.

Нет ни одного сколько-нибудь крупного фактора общественной и партийной жизни. России, начиная с реформы 1861 г. до 1917 г., который стоял бы по Ленину в стороне от основной оси борьбы классов и партий за тот или иной путь буржуазного преобразования России.

Ленинское учение о двух путях имеет характер основной методологической проблемы исторического процесса народов СССР в эпоху смены крепостнических отношений капиталистическими.

II

Установив это значение ленинской концепции двух путей, мы можем перейти к рассмотрению ее существа. Следует прямо сказать: у нас нет установившегося взгляда на ленинскую концепцию двух путей. Мы все спорим по основным вопросам этой концепции, фабрикуя точки зрения на основе цитатного метода. Между тем тщательное изучение ленинского наследства вскрывает редкую цельность решительно всех высказываний Ленина о двух путях и исключает какую бы то ни было возможность и необходимость формировать точки зрения на основании якобы противоречивых цитат. Кажущаяся противоречивость высказываний — результат нашего недостаточного понимания учения Ленина о двух путях. Основной дефект существующих точек зрения за-

---

[8] Ленин, О некоторых особенностях исторического развития марксизма, Соч., т. XV, с. 73.

[9] Его же, Последний клапан, Соч., т. XVI, с. 91. Ср. «Крепостное хозяйство в деревне», Соч., т. XVII, с. 338.

ключается в том, что проблему двух путей развития капитализма рассматривают по преимуществу с точки зрения чисто экономической («nur oekonomisch», как выразился по другому поводу М. Н. Покровский), сводя вопрос к степени проникновения капитализма в помещичье и крестьянское хозяйство, к борьбе крестьянского капитализма с помещичьим. Наиболее последовательно эту точку зрения развил т. Гайстер в своей статье, посвященной сельскому хозяйству накануне революции 1905 г., и в особенности в своем заключительном слове на тему о развитии капитализма в сельском хозяйстве (см. «Бюллетень ЗКО ИКП» № 7). С чисто экономической стороны попытался подойти к вопросу и я в своем заключительном слове, опубликованном в «Бюллетене» № 4[10].

Проблема двух путей не находит подчас правильного решения и в специальных работах. Тов. Дубровский например в своем труде о столыпинщине остается в пределах узко экономической трактовки вопроса, обнаруживая непонимание основного в учении Ленина о двух путях. В дальнейшем мы подробнее остановимся на взглядах С. М. Дубровского, ограничиваясь сейчас рассмотрением одного из его положений.

> «Когда только-что,—пишет Дубровский,— наметилось проведение в жизнь столыпинской реформы, Ленин назвал ее прусским путем развития капитализма в сельском хозяйстве по аналогии превращения прусского полукрепостнического хозяйства в капиталистическое, в крупнопомещичье — юнкерское и крупное крестьянское — «гроссбауэровское» — хозяйство»[11].

Эти соображения т. Дубровского могут привести к целому ряду недоразумений. Во-первых, они дают неправильное представление об условиях, в которых складывалась ленинская концепция двух путей. Вопрос о двух путях отнюдь не был поставлен Лениным «как только начиналось проведение в жизнь столыпинской реформы». Вопрос о «прусском» и «американском типе аграрной эволюции в России был поставлен борьбой 1905—1907 гг., доказавшей его реальность[12].

Это критическое замечание, на первый взгляд кажущееся чисто формальным, имеет большое принципиальное значение для уяснения существа вопроса. Вопрос о «прусском» (а следовательно и об «американском») пути развития был поставлен не проведением в жизнь аграрной реформы, а революционной борьбой 1905—1907 гг. Реальность этих путей доказала борьба классов в революции 1905—1907 гг. В ленинской постановке вопроса узко-экономическое (результаты столыпинской чистки) отступает на второй план, а классовая борьба явно выступает на первое место. К такому же выводу мы придем, критически присмотревшись ко второй части формулы т. Дубровского, касающейся аналогии с Пруссией.

Спору нет, что прусское землевладение, не будучи разбито буржуазной революцией, стало основой буржуазно-юнкерского хозяйства. Юнкерское хозяйство Восточной Пруссии стало путеводной звездой Столыпина. Однако с точки зрения ленинского учения о борьбе двух путей развития капитализма, механической является такая аналогия с Пруссией, какую проводит т. Дубровский. Ленин, указывая, что аграрный вопрос в России является национальным вопросом буржуазного развития, предостерегал:

> «Чтобы не впасть в ошибочное (механическое) перенесение к нам во многом верного и во всех отношениях крайне ценного немецкого образца, надо ясно себе представить, что национальным вопросом вполне утвердившегося буржуазного развития Германии было объединение и. т. п., но не аграрный вопрос»[13].

Вот этого не уяснил себе С. Дубровский, да и многие другие товарищи. Между тем в усвоении этого положения — один из ключей к пониманию всей ленинской концепции о двух путях. Указывая на разницу в развитии Германии и России, Ленин все же находит возможным не только упомянуть об аналогии борьбы двух путей в Германии и России, но и всемерно эту аналогию подчеркивает.

> «Наша эпоха, — пишет он, — 1905—?? годы, есть эпоха революционной и контрреволюционной борьбы этих путей («американского» и «прусского» — *Н. В.*), подобно тому, как 1848—1871 гг. в Гер-

[10] Основные положения, выдвинутые мною в этом слове, считаю ошибочными, впредь я не собираюсь их поддерживать.

[11] С. Дубровский, Столыпинская реформа, изд. 2-е, с. 12.

[12] Ленин, О некоторых источниках современного идейного разброда, Соч., т. XIV, с. 202.

[13] Ленин, Письмо к И. И. Скворцову-Степанову, Соч., т. XV, с. 214.

мании были эпохой революционной и контрреволюционной борьбы двух путей объединения (решения национальной проблемы буржуазного развития Германии), пути через великогерманскую республику и пути через прусскую монархию. Только к 1871 г. второй путь окончательно победил»[14].

Это яснее ясного показывает, что аналогия с Пруссией лежит в области революционной и контрреволюционной борьбы классов за методы решения проблемы буржуазного развития (в одном случае аграрного вопроса, в другом — национального об'единения). Сущность «прусского» пути развития капитализма заключается в победе контрреволюционных сил общества и соответственно этому контрреволюционного метода решения путей развития капитализма, оставляющего во главе капиталистического хозяйства помещика-крепостника, постепенно заменяющего крепостнический способ эксплоатации буржуазным. Революционный метод разрешения этой задачи, который противостоял бисмарковскому, потерпел окончательно поражение в 1871 г.

Революционный метод решения задач буржуазного преобразования Ленин назвал «американским» путем. Его содержание сводится к тому, что революция удаляет из общественного организма феодально-крепостнические или рабовладельческие, как в Америке, «наросты» и открывает путь к широкому и свободному развитию капитализма в стране. Этот путь Ленин назвал «американским», основываясь на опыте гражданской войны 1861—1865 гг. в Америке, решавшей, по представлению основоположников марксизма, также задачу национального существования Соединенных штатов. Борьба между буржуазным Севером и рабовладельчским Югом, обнаружившим также капиталистические тенденции (по крайней мере Энгельс не сомневался в «буржуазной природе плантаторов»)[15], шла за верховенство северян или рабовладельцев в капиталистической Америке. В гражданской войне при своеобразных условиях решалась также проблема двух возможных путей развития капитализма. Это с достаточной ясностью вытекает из следующих замечаний Маркса в письме к Энгельсу от 10 сентября 1862 года:

> «Юг может заключить или заключит мир только под условием, что он получит пограничные рабовладельческие штаты. Тогда к нему перешла бы и Калифорния, а за ней последовал бы и весь Северо-запад, так что вся федерация, за исключением Ново-английских штатов, снова образовала бы одно государство, но на сей раз уже под признанным верховенством рабовладельцев. Это означало бы реконструкцию Соединенных штатов на основе, предлагаемой Югом»[16].

Революционная война Севера была средством для уничтожения господства юга в пограничных рабовладельческих штатах[17], этого «нароста» на буржуазном теле Америки. Война смела рабство, покончив революционным путем с рабовладением, открыв дорогу широкому и свободному развитию капитализма в Америке.

Таким образом мы приходим к заключению, что вопрос о ленинских двух путях развития капитализма есть вопрос о революционном или контрреволюционном методах разрешения путей развития капитализма. Так ставил Ленин вопрос о развитии двух путей в Германии.

> «Слабость пролетариата в Пруссии и в Австрии, — писал Ленин в 1911 г., — была причиной того, что он не мог помешать аграриям и буржуазии совершить преобразование вопреки интересам рабочих, в самой невыгодной для рабочих форме, с сохранением монархии и привилегий дворянства, бесправия в деревне и массы других остатков средневековья... Почему «кризисы» в Австрии и в Пруссии в 60-х гг. оказались «конституционными», а не революционными кризисами? Потому что ряд особых обстоятельств облегчил трудное положение монархии («революция сверху» в Германии, об'единение ее «железом и кровью»), потому что пролетариат названных стран был тогда еще крайне слаб и неразвит, а либеральная буржуазия отличалась такой же подлой трусостью и изменами, как русские кадеты»[18].

Победе так наз. «прусского» пути, победа «юнкера» в Германии явилась результатом равнодействующей классовой борьбы, равнодействующей борьбы Бисмарка и либералов, с одной стороны, пролетариа-

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XIII, с. 75.

[16] Там же, с. 107.
[17] Там же, с. 110.
[18] Ленин, Соч., т. XV, с. 211, 212.

та и мелкобуржуазной демократии, стремившихся к полной демократизации Германии, с другой [19].

Итак смысл теории двух путей буржуазного развития, сводится по Ленину к тому, что соотношение классовых сил в стране в эпоху буржуазного преобразования определяет два возможных пути решения национальной проблемы буржуазного развития. Путь первый— революция, путь второй — реформа. Борьба двух путей, это — борьба революции и контрреволюции в вопросе о «чистке» путей для капитализма.

Переходя к России, нетрудно будет доказать, что и для нее остается в силе то основное содержание ленинской концепции борьбы двух путей развития капитализма, которое мы только что установили. Наиболее очевидно это положение вытекает из противопоставления Лениным в «Аграрной программе» «реформаторского пути создания юнкерски-буржуазной России» «революционному пути создания крестьянско-буржуазной России».

Национальный вопрос буржуазного развития в России был аграрный вопрос, или как Ленин выражается в одном месте точнее — крестьянский вопрос. Особенностью России конца XIX и начала XX вв. было то, что перед крестьянством стоял «крепостнический землевладелец, являвшийся главной опорой экономической и политической отсталости России». Остатки крепостничества вызвали широкое крестьянское движение, «сделали из этого движения оселок всей буржуазной революции». Движение было направлено против крепостнических латифундий, являвшихся «гвоздем» аграрной борьбы в революции».

В России рядом с общим капиталистически-аграрным вопросом существовал другой «истинно-русский аграрный вопрос»; ярким показателем этого являлось широкое движение крестьянских масс за ликвидацию крупного помещичьего землевладения.

> «Аграрный вопрос, — писал Ленин, — есть вопрос об устранении остатков крепостничества, сделавшихся невыносимой помехой капиталистическому развитию России».

Только уяснив себе вопрос о национальном значении аграрной проблемы в деле раскрепощения России, мы можем подойти к вопросу о путях этого раскрепощения, к вопросу о капитализме типа «α» и типа «β». Эту проблему Ленин решает следующим образом:

> «Но если ломка не может не быть крутой, не может не быть буржуазной, то остается еще нерешенным, **какой** класс из двух непосредственно заинтересованных классов, помещичьего и крестьянского, поведет это преобразование или направит его, определит его формы» [20].

По Ленину проблема путей развития капитализма решается классовой борьбой. Характер ломки определяется тем, какой класс будет ее производить: революционное крестьянство или помещик путем реформирования крепостнических отношений. Вопрос о двух путях развития капитализма приобретает таким образом то же содержание, какое мы вскрыли по отношению к Германии. Два пути развития— это путь революционного и контрреволюционного разрешения национальной задачи буржуазного преобразования. Это — либо путь революционной ломки старых аграрных отношений, разрушение помещичьего землевладения и всех главных устоев старой «надстройки» и наиболее быстрого и свободного развития производственных сил на капиталистической основе при наилучшем положении рабочей и крестьянской массы, либо ломка старых аграрных отношений путем реформы, путем сохранения помещичьего землевладения и главных устоев старой «надстройки», очищая их от крепостнических черт и тем самым ведя страну к **наименее** быстрому, **наименее** свободному развитию капитализма. Каким из двух указанных методов будет решена задача буржуазного развития—зависит от соотношения классовых сил и результатов классовой борьбы, от равнодействующей борьбы классов, стремящихся к ликвидации феодальных пережитков. Свое учение о двух путях Ленин подробно обосновал в 1905 г. в «Двух тактиках». Указывая на то, что практические наблюдения над событиями революции 1905 г. и теоретический анализ, произведенный задолго до революции, ставили вопрос о возможности двоякого исхода революции, Ленин писал:

> «Но **из сочетания действий наличных сил, творящих это преобразование**, может получиться двоякий результат или двоякая форма этого преобразования. Одно из двух: 1) или дело кончится «решительной победой революции над царизмом» или 2) для решительной победы сил нехватит, и дело кон-

[19] Ленин, Поучительные речи Соч., т. XV, с. 356.

[20] Ленин, Соч., т. XV, с. 505.

чится сделкой царизма с наиболее непоследовательными, наиболее своекорыстными «элементами буржуазии»[21].

В этой же брошюре Ленин доказывал, что налицо силы, способные привести к революционному решению вопроса. Сила эта—в координированном натиске пролетариата и крестьянства на помещичье-крепостнические устои. «Нехватит этих сил, тогда царизм успеет заключить сделку, пишет Ленин. — ...Это будет тоже «буржуазная революция», только выкидыш, недоносок, ублюдок». «Удастся решительная победа революции, тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински, или, если хотите, по-плебейски».

«Плебейский»[22] и «реформаторский» характер буржуазного преобразования России отвечает содержанию «американского» и «прусского» пути.

Вопрос о том, по какому из этих путей пойдет развитие капитализма в России, решается сочетанием действий классовых сил — равнодействующей классовой борьбы, точно так, как победа «прусского» пути в Германии оказалась результатом равнодействующей стремлений Бисмарка и либералов, с одной стороны, и рабочих, с другой.

С этой точки зрения большой методологический интерес приобретают указания Ленина сначала в «Двух тактиках», а затем и в предисловии ко 2-му изд. «Развитие капитализма в России» о том, что возможно бесконечное разнообразие комбинаций того или иного решения вопроса, что «возможны бесконечно разнообразные сочетания элементов того или иного типа капиталистической эволюции». Эти указания могуту быть поняты только в свете ленинской постановки вопроса о равнодействующей классовой борьбы как определяющей тот или иной («американский» или «прусский») путь капиталистического развития. То или иное соотношение сил в революции, та или иная степень мощи революционного натиска и сопротивления контрреволюции определяют исход борьбы ближе к одному из двух возможных решений аграрного вопроса подобно тому как сила и слабость пролетариата в Германии 1848—1871 гг. могли определить победу Бисмарка наполовину, на четверть или определить его поражение[23].

[21] „Две тактики", т. VIII, с. 61 (разрядка моя—*Н. В.*).

[22] Там же с. 337.

[23] Ленин, Поучительные речи. Соч., т. XVI, с. 536.

Говоря о победе того или иного пути, Ленин имеет в виду приближение к одному из возможных решений вопроса. История не давала такого соотношения классовых сил, при котором была бы возможна победа того или иного пути в чистом его виде. Образец Пруссии является лишь сравнительно максимальным приближением, которое давала история, к контрреволюционному решению проблемы «чистки» путей для капитализма. Силы революции не были настолько слабы, чтобы дать полную победу Бисмарку. Вынужденный под напором рабочего класса дать всеобщее избирательное право, ряд гражданских свобод, Бисмарк лишь «наполовину» победил. Точно так же лишь приближение к революционному решению дает нам образец Америки. Далеко не достаточная решительност, с какой север вел борьбу с югом, то обстоятельство, что борьбу возглавляла буржуазия, а негры Южных штатов не представляли революционной силы, привели к тому, что северяне, уничтожив рабовладение, не стремились ликвидировать до конца докапиталистические формы эксплоатации, стараясь на почве «свободного» капитализма восстановить угнетение негров. Отсюда докапиталистические пережитки на бывшем рабовладельческом юге Сев. Америки, распространение издольщины и т. п., на что указывает Ленин в своей работе, посвященной изучению развития капитализма в сельском хозяйстве САСШ.

На Лондонском съезде, докладе по вопросу об отношении к буржуазным партиям, Ленин с наибольшей полнотой разъясняет, что значат «прусский» и «американский» пути развития.

> «Объективно, не с точки зрения наших желаний... основной вопрос нашей революции сводится именно к тому, обеспечит ли она развитие капитализма через полную победу крестьян над помещиками или через победу помещиков над крестьянами... переворот возможен в двоякой форме — по прусскому, если можно выразиться, или по американскому типу. Это значит вот что: помещики могут победить, навязать крестьянам выкуп или иные жалкие уступки, соединиться с кучкой богатеев, разорить массы окончательно и превратить свои хозяйства в юнкерские, капиталистические. Буржуазно-демократическим такой переворот будет, но он будет наименее выгодным для крестьян, наименее выгодным с точки зрения быстрого разви-

тия капитализма. Наоборот полная победа крестьянского восстания, конфискация всей помещичьей земли, раздел их поровну означает наиболее быстрое развитие капитализма, наиболее выгодную для крестьян форму буржуазно-демократического переворота. И не только для крестьян это выгоднее. То же самое и для пролетариата»[24].

Итак, вскрывая содержание проблемы двух путей под углом зрения классовой борьбы, мы приходим к заключению, что соотношение классовых сил в эпоху ломки крепостничества может определить либо победу контрреволюции и реформирование старых докапиталистических отношений, либо победу революционных сил и революционную ломку крепостничества. Развитие капитализма по типу «α» или «β» определяется равнодействующей борьбы классов, стремящихся к преобразованию крепостничества методами реформы и революции.

Мы не будем дольше останавливаться на доказательстве этого положения, оно насквозь пронизывает все работы Ленина, и упомянем в заключение лишь статью Ленина «О двух путях». Это последнее крупное высказывание Ленина по вопросу о двух путях (статья относится к маю 1914 г.), и в ней дается одна из наиболее полных и наиболее четких постановок вопроса, которая может быть сведена к следующим четырем положениям:

1. Проблема двух путей — проблема классовой борьбы эпохи освобождения капитализма от феодализма и крепостничества.

2. Соотношение классовых сил и равнодействующая борьбы классов, стремящихся к раскрепощению, решают вопрос о том или ином пути («американском» или «прусском») развития.

3. То или иное сочетание классовых сил в революции, определяя исход борьбы за пути развития капитализма, в итоге дает такое решение проблемы двух путей, которое проходит ближе к одному из теоретически мыслимых типов α» и «β» — революции и реформы.

4. О двух путях развития капитализма в России речь может итти в том смысле, что идет борьба классов за пути «α» и «β» и до тех пор, пока эта борьба продолжается[25].

Практика революционной борьбы полностью подтвердила правильность этих ленинских взглядов.

В России эпоха буржуазного преобразования страны охватывает период с реформы 1861 г. до революции 1917 г. На протяжении всего этого периода классовая борьба сводилась к борьбе за тот или иной метод преобразования старых докапиталистических отношений и всей соответствующей им надстройка. На протяжении всего этого периода классы, стремившиеся к буржуазному преобразованию, боролись за один из возможных способов решения вопроса, боролись за революцию или за реформу. В силу этого ленинские два пути развития капитализма в России за весь указанный нами период времени сохраняют значение основной проблемы исторического развития России второй половины XIX и XX вв., разумеется до Октябрьской революции, снявшей с очереди дня вопрос о капиталистической эволюции страны, следовательно и вопрос о «двух путях».

III

Борьбу «американского» и «прусского» путей необходимо рассматривать как борьбу классов в пределах буржуазного общества и буржуазной эволюции на почве феодально-крепостнических отношений хозяйства, за революционную или реформистскую чистку пути буржуазного развития от феодально-крепостнических пут. Корни этой борьбы лежат в экономической структуре страны. «Эту борьбу нельзя понять, — писал Ленин в «Аграрной программе», — как закономерное общественное явление, если не свести ее к об'ективным тенденциям экономического развития капиталистической России»[26].

Мы выше указали, что и революционная и реформаторская «чистка земель» являются результатом открытой массовой борьбы, что оба эти метода чистки являются равнодействующей столкновения классовых сил в революции, что исход массовой борьбы определяет методы и формы «чистки» и следовательно пути дальнейшего развития капитализма.

С точки зрения такого решения вопроса о двух путях так наз. реформы должны быть рассматриваемы как продукт массовой борьбы, как результат этой борьбы. Ленин писал:

> «Исторический опыт, опыт Англии, Франции, Германии, России, опыт всей новейшей истории человечества в Европе

[24] Ленин, Соч., т. XI, с. 252.
[25] Там же, т. XVII, с. 402, 403.
[26] Ленин, Соч., т. XI, с. 355.

и в Азии, показывает, что серьезные реформы бывали лишь побочным результатом движения совершенно свободного от узости реформизма [27].

Это теоретическое обобщение Ленина занимает первое место в его учении о двух путях. Оно обязывает и нас пересмотреть традиционные взгляды на сущность реформ в России. Взгляд на реформу 1861 г. должен быть решительно пересмотрен под углом зрения «побочного результата движения, совершенно свободного от узости реформизма». То же должно быть сделано и со взглядом на реформу Столыпина.

Переходим к вопросу об объективных тенденциях экономического развития капитализма в России. Основной экономический фон, на котором развивалась эта борьба, нами уже выяснен при разрешении вопроса о национальных задачах буржуазного преобразования. Сейчас нас интересует вопрос об объективных тенденциях экономического развития под углом зрения борьбы двух путей.

В чем были заложены объективные тенденции развития капитализма по «прусскому» пути? Они были заложены в развитии капиталистических отношений в помещичьем хозяйстве, сохранившем в своей массе черты барщиной системы. Медленная эволюция этого крепостнического, помещичьего хозяйства в капиталистическое являлась той объективной тенденцией экономического развития России, которая определила возможность борьбы за прусский путь буржуазного преобразования страны.

Капиталистическое развитие помещичьего хозяйства было налицо. В нем шла смена барщины на буржуазное хозяйство. В нем намечался технический процесс. Но процессы эти были медленны, обременяли страну гнетом крепостника. В результате Россия на пороге XX в. оказалась в условиях острейшего противоречия между потребностями буржуазного развития и крепостничества в виде латифундий и отработок, которые являлись «тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни» [28].

Но из наметившихся тенденций капиталистического развития помещичьего хозяйства вытекала экономическая реальность такого разрешения противоречий между потребностями всего общественного развития и крепостничеством, которое, идя по линии капиталистической эволюции, оставляло все же во главе этой эволюции помещичье хозяйство. Такую ломку старых отношений, как мы знаем, пытался совершить Столыпин, причем Ленин неоднократ о подчеркивал экономическую реальность [illegible]го столыпинского решения проблемы: «Законодательство Столыпина, — писал он в «Аграрной программе», — прогрессивно в научно-экономическом смысле... лежит по линии прогрессивного капиталистического развития». В ней «есть безусловный хозяйственный смысл».

Экономическая реальность борьбы за «американский» путь заключалась в преобладании мелкой крестьянской культуры, закабаляемой крепостническими латифундиями, заключалась в преобладании мелкого крестьянского хозяйства, превращающегося в условиях развития капитализма, в мелкое товарное хозяйство, ежеминутно и ежечасно рождающее капитализм. Эту сторону вопроса с непревзойденной ясностью и глубиной вскрыл Ленин в гл. II «Развития капитализма», где дана картина создания в пореформенной России двух новых типов крестьянства — зажиточного крестьянства и класса наемных рабочих с наделом. Разложение крестьянства — основной показатель проникновения в крестьянское хозяйство капитализма, разрушавшего сельскую общину, ломавшего строе крестьянское надельное землевладение, основной показатель того, куда растет мелкое товарное крестьянское хозяйство в условиях капитализма, каков объективный смысл борьбы крестьянства за землю. Это экономическое содержание борьбы за землю Ленин передал в кратких, но выразительных словах:

> «Борется мелкая (буржуазная) культура против крупного (крепостнического) землевладения» [29].

Эту экономическую основу борьбы крестьянства за землю Ленин представил в известной таблице «Теперь и тогда». Содержание этой таблицы сводится к доказательству экономической реальности борьбы за капитализм «β», за революционную «чистку» земель. Многомиллионное крестьянство с владением от 7—16 десятин на хозяйство, отягченное кабальной арендой, борется против горстки помещиков-крепостников с владениями в 2 333 десятины на хозяйство. Эта борьба крестьянства

[27] Ленин, Соч., т. XVI, с. 593 (разрядка моя— *Н. В.*).
[28] Там же, т. XII, с. 233.
[29] Ленин, «Аграрная программа», Соч., т. IX.

против крупнопомещичьего хозяйства была прогрессивна, поскольку выражала борьбу с неравенством феодальным за равенство буржуазное. Объективные тенденции экономического развития, которые лежали в основе борьбы двух путей, сводятся к тому, что капитализм, проникая в деревню, разлагал там старые крепостнические отношения. Помещичье хозяйство, поскольку в нем отживали крепостнические формы эксплоатации, обнаруживало явную тенденцию буржуазного развития. Масса крестьянских хозяйств, поскольку она высвобождалась из-под власти крепостника, становилась под власть денег, приобретала характер товарного хозяйства, обнаруживала черты капиталистической эволюции. В этом и состояли объективные экономические тенденции, определявшие борьбу за «американский» или «прусский» пути развития капитализма в России. Эти объективные экономические условия были вскрыты Лениным еще задолго до революции 1905 г. в его книге «Развитие капитализма». По справедливому замечанию Ленина, из этой книги «вытекает возможность двух видов капиталистического аграрного развития»[30]. Была возможность развития капитализма либо путем медленной и мучительной эволюции во главе с помещичьим хозяйством (она требовала реформирования старых форм землевладения, в том числе и крестьянского, сохранившего в виде надела средневековую оболочку), либо таким путем, который определил бы быстрое и свободное развитие капитализма в крестьянском хозяйстве. В этом последнем случае, по Ленину, «зачатки капитализма в помещичьем хозяйстве могут и должны быть принесены в жертву широкому и свободному развитию капитализма на почве обновленного мелкого хозяйства»[31].

Обновление крестьянского хозяйства требовало революционной «чистки» земель, конфискации помещичьих латифундий и национализации всей земли как меры, максимально способствующей коренному обновлению всех старых отношений землевладения[32].

Таковы те тенденции экономического развития, которые определяли борьбу за объективно возможные «прусский» и «американский» пути. «Все остальное — призраки», писал Ленин в «Аграрной программе».

Мы вплотную подошли к вопросам, вызывающим массу споров, кривотолков как в литературе, так в особенности в преподавании, к вопросам о реальности двух путей в России и о том, по какому именно пути направлялось развитие капитализма в стране. Эти вопросы наиболее запутаны, более всего надергано по ним цитат, а ясности по ним меньше всего, и все лишь потому, что неправилен был тот угол зрения, под которым мы подходили к разрешению проблемы. Оставаясь в рамках узко экономической трактовки вопроса, мы не сможем выпутаться из той схоластики, характер которой приобрели споры о реальном существовании двух путей развития капитализма в пореформенной России. Подходя же к вопросу с точки зрения основного существа проблемы двух путей, вскрытого выше, т. е. с точки зрения борьбы классов, заинтересованных в «чистке» буржуазного развития от феодальных препятствий взаимнопротивоположными методами этой чистки, мы сможем диалектически разрешить кажущуюся запутанность вопроса в работах Ленина.

На вопрос о типе капиталистического аграрного развития в пореформенной России можно дать ответ в зависимости от того соотношения классовых сил, которое сложилось в пореформенной России, от пути, по которому шла революция в России. На этот вопрос Ленин в статье «Готовится новый государственный переворот» дал ответ, что «до сих пор наша революция идет по второму пути», по пути, обеспечивающему «больше всего интересы имущих классов, помещиков и капиталистов»[33]. Этот путь революции и определил характер развития капитализма в России, определил реформирование старого крепостничества и движение капитализма по «прусскому» пути. Это был путь реформаторской чистки крепостничества

---

[30] Ленин, Соч., т. XIV, с. 214.

[31] Там же, т. XI, с. 390.

[32] Теоретически однако неверно было бы усмотреть в национализации земли — единственно возможный исход борьбы за перевод поезда на «американские рельсы». Это был бы исход, максимально благоприятствующий решению вопроса о свободном развитии капитализма в стране, максимально соответствующий интересам пролетариата. Поэтому партия пролетариата боролась за национализацию, усматривая в разделе, к которому может повернуть фермерство, поворот «успокаивающейся» буржуазии в сторону контрреволюции. Пролетариат программой национализации отстаивал наиболее последовательный и решительный поворот и самые благоприятные условия «американского» развития, борясь против половинчатости раздела, представляющего один из тех типов приближения к «американскому» пути, в которых возможны сочетания элементов того и другого пути.

[33] Ленин, Соч., т. X, с. 75.

постольку, поскольку недостаточны были общественные силы, интересы которых требовали революционного преобразования старого крепостнического общества, поскольку несокрушенной оставалась диктатура помещика-крепостника, поскольку в его руках оставались «власть и доходы». Реформа 1861 г. была первым шагом массового насилия над крестьянством в интересах помещичьего капитализма, это была «помещичья чистка земель для капитализма».

В силу бессознательности, распыленности крестьянства, в силу слабости революционного движения и отсутствия класса-гегемона революции, в 1861 г. дело не пошло дальше самого маленького шага по «прусскому» пути, «пути превращения в буржуазную монархию». В «Аграрной программе», полемизируя с Плехановым, Ленин четко и ясно решает вопрос о типе буржуазного развития России после реформы 1861 г.

> «Действительная «трудность» заключается в том, чтобы в стране, развивающейся, по крайней мере с 1861 г., по юнкерско-буржуазному типу, победила крестьянская революция, а раз вы допускаете эту основную экономическую трудность, то смешно усматривать чуть ли не анархизм в трудностях политического демократизма».

Соотношение классовых сил в ходе буржуазной революции, которая хронологически тянется в России в продолжение полувека, от 1861 до 1917 г., определило развитие капитализма в России по юнкерско-буржуазному пути.

Государственный переворот 3 июня, знаменуя победу контрреволюции, стремился обеспечить господство помещиков в капиталистической России. Столыпинское аграрное законодательство, явившееся «побочным продуктом движения, совершенно свободного от узости реформизма», т. е. результатом резкого революционного столкновения классов, такого столкновения, которое «занимает одно из первых мест во всемирной истории... столкновений между классами», но которое на первом этапе привело в России к перевесу сил помещика-крепостника, поддержанного буржуа, было направлено на завершение революции по «прусскому» образцу.

> «Что такое столыпинское аграрное законодательство по 87 ст.?—спрашивает Ленин,—это поощрение грабежа общин кулаками, это ломка старых поземельных отношений в пользу горстки зажиточных хозяев ценою быстрого разорения массы? Это—второй крупный шаг массового насилия над крестьянством в интересах капитализма. Это—вторая помещичья «чистка земель» для капитализма... она верно выражает действительный ход развития, каким он должен быть при господстве помещиков, превращающихся в юнкеров» [34].

Не может быть сомнений, что из всей ленинской постановки вопроса о двух путях, содержанием которой является борьба классов за методы раскрепощения, вытекало наличие «прусского» типа развития капитализма в России как продукта революции, в которой силы революции на данном историческом этапе оказались недостаточно сплоченными и организованными для проведения в жизнь революционных методов преобразования крепостнической России. Столыпин делал еще шаг вперед по «прусскому» пути. Из ленинского анализа соотношения классов в борьбе за буржуазное преобразование в 1861—1917 гг. вытекает, что помещики-крепостники вели развитие капитализма в России по «прусскому» пути, или, другими словами, что капитализм развивался в пореформенной и в пореволюционной России по юнкерскому образцу [35].

В каком же смысле следует тогда понимать основной тезис ленинского письма к т. Теодоровичу?

> «Нет, мы не можем «ликвидировать» идею «общедемократического кризиса», это было бы коренной ошибкой. Мы должны признать возможность «немецких рельсов», но не забывать, что их пока нет, нет и нет» [36].

Не находится ли этот тезис в противоречии с основной концепцией Ленина? Ни в какой мере. Наоборот, он вытекает из той же ленинской постановки вопроса о борьбе классов за тот или иной способ «чистки». Тот факт, что помещики-крепостники были вынуждены ходом экономического развития, крестьянской борьбой эпохи 1861 г. и глубоким столкновением классов в 1905—1907 гг., встать на путь буржуазной реформы, ни в коей мере не свидетельствует о том, что в России сложился буржуазно-аграрный строй прусского типа [37].

В этом смысле и не было «немецких рельсов», о которых Ленин писал в письме к Теодоровичу. Отрицание Лениным «немецких рель-

[34] Ленин, Соч., т. XI, с. 378. 379.
[35] Там же, т. XII, с. 190—195, 283; т. XIV, с. 212; т. XV, с. 81 и др.
[36] Там же, т. XV, с. 93.
[37] Ленин, По торной дорожке, Соч., т. XII, с. 194.

сов», квалификация усилий Столыпина как «импотентность», вытекают из основного взгляда Ленина на два пути развития. «Немецких» рельсов нет, нет и нет потому, что не закончена борьба за тот или иной путь капиталистической эволюции.

Один из существеннейших моментов ленинского учения о двух путях заключается в том, что оно не только допускало, но и считало неизбежной буржуазно-демократическую революцию почве «прусского» пути, в силу сохранения пережитков феодализма-крепостничества и соответствующих им «надстроек». «Немецкие рельсы» возможны — слов нет, — писал Ленин Теодоровичу, — и мы это прямо признали в начале 1908 г. Но эта возможность превратится в действительность не иначе, как через ряд «общедемократических натисков» (или под'емов или кризисов и т. п.), подобно тому, как Франция пришла к концу общедемократических натисков не после 1789—1793 гг., а после 1871 (т. е. после 1830, 1848 и 1871 гг.). Германия не в 1849—1850 гг., а также после 1871 г., т. е. после Verfassungsstreit 60-х гг.» «И таких законов истории нет, — обобщает свою мысль Ленин, — чтобы гнилой кризис не мог превратиться в хорошенькую передрягу. Нет таких законов» [38].

В борьбе против меньшевистских взглядов на характер столыпинской реформы, изложенных Даном, Ленин заметил, что «буржуазные революции возможны, даже неизбежны в России и на почве столыпинско-кадетского аграрного пути» [39]. В силу того, что буржуазной политикой «заведывали» господа Пуришкевичи и Марковы, классовые противоречия не только не ослабели в результате реформы, но наоборот обострились на почве усиления эксплоатации и «совершенно ничтожного прогресса хозяйства».

> «Нет, — заключает Ленин, — дворянская или столыпинская земельная политика не выход, а только наиболее мучительный подход к разрешению земельного вопроса в России... На этих (помещичьих — *М. В*) землях ведется только частью капиталистическое хозяйство, т. е. обработка земли наемными рабочими и инвентарем землевладельца. Большей же частью хозяйство ведется к р е п о с т н и ч е с к и, т. е. помещики кабалят крестьян, как это было 100, 300 и 500 лет тому назад, заставляя их к р е с т ь я н с к о й лошадью, к р е с т ь я н с к и м и орудиями обрабатывать помещичью землю. Это—не капитализм. Это не европейский способ хозяйства... Нет, это совсем не по-европейски. Это по-старокитайски. Это по-турецки. Это по-крепостнически. Это не крупное хозяйство помещиков. Это кабала мужика. Выход один — избавление деревни от гнета этих крепостнических латифундий, переход этих 70 млн. десятин земли от помещиков к крестьянам» [40].

На фоне развития капитализма, уродуемого и задерживаемого «пуришкевичевщиной», общественные силы, стоящие за революционную «чистку» путей капиталистического развития, оставались живой силой и в условиях третьеиюньской монархии.

Из сказанного не следует делать вывода, что ленинская концепция исключает победу «прусского» пути. «На этом пути, — писал Ленин, — на известной ступени м о ж е т наступить диалектический перелом, с н и м а ю щ и й с очереди все надежды и виды на «американский путь» [41]. Так было например в Германии в результате 60-х гг.

Что это за перелом, снимающий с очереди все надежды и виды на «американский» путь?

В соответствии с основным содержанием ленинской концепции победа «прусского» пути является результатом р а в н о д е й с т в у ю щ е й борьбы классов, стремящихся к буржуазному преобразованию, следовательно ступень, на которой может произойти диалектический перелом — э т о с т у п е н ь к л а с с о в о й б о р ь б ы. Такая ступень, на которой крестьянство (которое было непосредственно заинтересовано в революционном преобразовании), будучи в массе превращено в пролетариев, а в верхушечной части удовлетворено результатом буржуазного реформирования аграрного строя, вступает в компромиссное соглашение с буржуазией и помещиками, становится опорой реформированного строя, т. е. буржуазной монархии. Ленин имел как раз это в виду, когда писал:

> «Но я утверждаю, что с е й ч а с этот перелом н а в е р н о е еще не наступил и что поэтому абсолютно недопустимо для марксиста, абсолютно неверно теоретически отказываться от «классической» постановки вопроса» [42].

> «Мы обязаны, — писал в подтверждение этой же мысли Ленин, — исполнить свой долг руководителей «общедемократического движения» до конца, д о р у с с к о г о

---

[38] Л е н и н, Соч., т. XIV, с. 193.

[39] Т а м ж е, т. XII, с. 194.

[40] Л е н и н, Соч., т. XVI, с. 458—460.

[41] Т а м ж е, т. XIV, с. 212.

[42] Т а м ж е.

1871 г., до полного поворота крестьянства на сторону Ordnungspate»[43].

В этой цитате с полной ясностью вскрывается сущность той «ступени», которая снимает всякие надежды на «американский путь», это русский 1871 г., это поворот крестьянства в сторону Ordnungspate, — крестного отца порядка. До того пока крестьянство борется за конфискацию помещичьих земель против Пуришкевичей, Марковых и др., не может быть речи о том, чтобы «прусский» путь утвердился. До этих пор реально существует второй путь капиталистического аграрного развития, реально «налицо об'ективные условия для перевода поезда на американкие рельсы». Реальное существование второго пути находится в зависимости от наличия революционной демократии (крестьянства), способной бороться с реформаторскими методами под руководством пролетариата, а не плестись в хвосте у либералов, не вступать в соглашение и компромиссы с Пуришкевичами.

До утверждения «прусского» пути в России было не близко. «Американский» путь был реален, поскольку положение массы крестьянства было таково, что ни о каком компромиссе с крепостниками не могло быть и речи. Столыпинская реформа и весь режим 3 июля не могли создать ничего прочного, кроме голодовки миллионов крестьян. Буржуазное преобразование России оказалось и в результате столыпинщины незаконченным. Продолжалась борьба двух путей развития капитализма, одинаково реальных в период «до окончательного утверждения национального пути капитализма».

На почве неразрешенности задач буржуазно-демократического преобразования неизбежно было столкновение классов из-за определения типа дальнейшего пути развития капитализма в России. Реальность перевода поезда на «американские рельсы», т. е. реальность американского пути, Ленин всецело выводил из анализа соотношения классов пореформенной — столыпинской России. Те сдвиги, которые происходили в крестьянстве в результате реформы, Ленин внимательнейшим образом изучал под углом зрения их влияния на соотношение классов, на подготовку того общедемократического натиска, задачей которого являлось стереть с лица земли самодержавное правительство помещика-крепостника, этого оплота «прусского» пути развития. Движение по этому пути приводило в результате столыпинщины к выделению в крестьянстве незначительного слоя, горстки сознательных контрреволюционеров, союзников царя и помещиков. «Но, — заключал Ленин, — чем больше помогают царь и Дума крестьянам-богатеям разорять массу крестьян, тем сознательнее становится эта масса, тем меньше будет она сохранять веру в царя, веру крепостных рабов, веру забитых и темных людей... С каждым годом все больше становится в деревне разоренных, обнищавших до конца, изголодавшихся крестьян, из них миллионы и миллионы пойдут, когда поднимется городской пролетариат, на более решительную, на более сплоченную борьбу с царем и помещиками»[44].

Реальность борьбы с царем и помещиком, реальность борьбы за второй «американский» путь развития капитализма в России, демонстрируется Лениным на анализе думских материалов, тщательнейшим образом изучавшихся Владимиром Ильичем.

> «Неудержимое бешенство, с которым правые нападают на революцию, на конец 1905 г., на восстания, на обе первые думы, показывает лучше всяких длинных рассуждений, что хранители самодержавия видят перед собой живого врага, что борьбу с революцией они не считают конченной, что возрождение революции стоит перед ними ежеминутно как самая реальная непосредственная угроза. С мертвым врагом так не борются. Мертвого так не ненавидят»[45].

Реальной и непосредственной угрозой для помещичьего капитализма был путь широкого, свободного и быстрого развития капитализма по «американскому» образцу. Этот путь был жив, поскольку жива была революция. С этим «американским» путем—революцией помещики боролись как с живым врагом. «С мертвым врагом так не борются. Мертвого так не ненавидят» — вот наиболее яркий ответ на вопрос о реальном существовании «американского» пути развития капитализма в условиях попыток решить задачи буржуазного преобразования реформаторским, бисмарковско-столыпинским путем.

Победит ли в силу этого демократическая революция и направит ли она страну по «американскому» пути, это решает только борьба, она «докажет итоги усилий крепостников и

[43] Ленин, Соч., т. XIV, с. 193.

[44] Ленин, Соч., т. XIV, с. 372.

[45] Там же, т. XII, с. 404, 405.

усилий пролетариата, идущего во главе демократии», заключает Ленин в 1913 г. [46].

Итак, поскольку борьба продолжалась, постольку реальными оставались оба пути. Реальность этих путей находила свое выражение в борьбе крестьянства, возглавляемого пролетариатом, против контрреволюционного блока крепостника-помещика и либерального буржуа, пытавшихся удержать развитие капитализма в пределах «прусского» пути развития. Решение вопроса о том, по какому пути шло развитие капитализма в России, находится таким образом в зависимости от правильного понимания основного существа ленинской концепции двух путей. С этой точки зрения мы не найдем никаких противоречий между отдельными высказываниями Ленина о двух путях.

Вопрос о методах разрешения аграрной проблемы решается на деле борьбой реально существующих тенденций, наметившихся еще в эпоху крестьянской реформы. По поводу этих тенденций Ленин писал, что в течение полувека обе тенденции выжили, окрепли, развились и выросли. По вопросу об экономических корнях этой борьбы Ленин между прочим писал:

> «В экономической истории России совершенно явно обнаруживаются оба эти типа эволюции... И в тех местностях России, где не было крепостного права, где за земледелие брался всецело или главным образом свободный крестьянин (напр. в заселявшихся после реформы степях Заволжья, Новороссии, Сев. Кавказа), развитие производительных сил и развитие капитализма шло сравнительно быстрее, чем в обремененном пережитками крепостничества центре.
>
> Основные черты гой и другой эволюции явственно видны также во всех местностях, где существуют рядом помещичье и крестьянское хозяйство. Две струи аграрной эволюции имеются следовательно налицо повсюду» [47].

На ту же тему и почти в тех же выражениях Ленин писал в статье-автореферате для польских товарищей «Аграрная программа», а также в брошюре «Аграрный вопрос в России в конце XIX века», где Ленин говорит об образовании класса сельских предпринимателей-фермеров.

Не стоит труда доказать, что о преобладании того или иного типа в разных географических районах и о существовании этих типов повсюду, где налицо помещичье и крестьянское хозяйство, Ленин говорит как о наличии объективных условий для развития капитализма по тому или иному пути. Объективных условий для «американского» пути, вне сомнения было больше на «свободном» юге, где тенденция к широкому развитию капитализма в крестьянском хозяйстве могла в результате революционного разрешения аграрного вопроса в целом привести к широкому развитию фермерского хозяйства. Ленин говорит о существовании той или иной эволюции как о наличии экономических тенденций, определявших возможность развития помещичьего или крестьянского капитализма, определявших борьбу за тот или иной вид капитализма. Отсюда ленинская постановка вопроса об объективно возможных путях развития.

В статье «Сила и слабость русской революции» уничтожение помещичьего землевладения ясно выступает как акт, предшествующий и определяющий превращение крестьянина в свободного фермера. Следовательно развитие мелкого товарного крестьянского хозяйства по пути капитализма в пореформенной России может быть рассматриваемо как условие для возможности развития фермерского хозяйства, или, как Ленин выражается, в заключительной части брошюры «Аграрная программа», как «элементы фермерства», которые созданы в хозяйстве хозяйственной историей страны. Для того, чтобы эти «условия» или «элементы» превратились в капиталистическую эволюцию, имеющую во главе мелкое крестьянское хозяйство, необходимо, чтобы эти мелкие крестьянские хозяйства революционным путем удалили нарост крепостнических латифундий и свободно развивались «затем без них по пути капиталистического фермерства» [48].

Что речь у Ленина идет о будущих фермерских хозяйствах, свидетельствует еще следующее высказывание Ленина в той же «Аграрной программе»:

> «...Экономическое развитие России фактически вырывает крестьянство из этой средневековой обстановки, с одной стороны, порождая сдачу наделов и забрасывание их, с другой стороны, создавая хозяйство будущих свободных фермеров (или будущих гроссбауэров юнкерской России) из кусочков самого различного землевладения» [49].

---

[46] Ленин, Соч., т. XVI, с. 403.
[47] Там же, т. X, с. 349, 350.
[48] Там же, т. XI, с. 348.
[49] Там же; т. XIV, с. 193.

Крестьянские хозяйства буржуазного типа в пореформенной России это хозяйства лишь будущих, а не настоящих еще фермеров. Они могут стать и могут не стать фермерскими в зависимости от результатов борьбы. При победе помещичьего капитализма эти хозяйства становятся основой хозяйства гроссбауэров юнкерской России.

Из сказанного совершенно очевидно, что Ленин говорит о существовании двух видов капитализма, о географическом расположении местностей по преобладанию аграрной эволюции того или иного типа и наконец об образовании класса фермеров — в смысле наличия элементов того или иного типа или наличия хозяйственных условий для эволюции страны по фермерскому или помещичьему пути.

К числу хозяйственных условий, определяющих возможность «американской» эволюции, принадлежит и колонизационный фонд России.

Точно так же как крестьянское хозяйство лишь в будущем способно превратиться в фермерское, точно так же и колонизационный фонд способен стать фактором расширения капиталистического производства в сельском хозяйстве лишь при благоприятном исходе революции. Для того, чтобы наличные хозяйственные условия действительно способствовали капиталистическому обновлению мелкого крестьянского хозяйства, необходима была победоносная революция, необходима была организация масс на борьбу за лучшие условия капиталистического развития. Классовая борьба решала вопрос об этих условиях.

Наше представление о ленинской концепции двух путей было бы неполным и ошибочным, если бы мы всемерно не подчеркнули того, что она целиком и полностью увязана у Ленина с теорией гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. Вопрос о двух путях неразрывно связан с гегемонией пролетариата и с проблемой перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Это с ясностью вытекает из следующего ленинского обобщения 1911 г., направленного против либералов и в частности против писаний Левицкого.

> «Вот эта, историческим опытом всех европейских стран подтверждаемая идея о том, что в эпохе буржуазных преобразований (или вернее: буржуазных революций) буржуазная демократия каждой страны оформляется так или иначе, принимает тот или иной вид, воспитывается в той или иной традиции, признает тот или другой минимум демократизма, смотря по тому, насколько гегемония переходит в решающие моменты национальной истории не к буржуазии, а к «низам», к «плебейству» XVIII в., к пролетариату XIX и XX вв., эта идея т. В. Левицкому чужда. Эта идея гегемонии и составляет одно из коренных положений марксизма, разрыв с которыми (или даже равнодушие к которым) у ликвидаторов является глубочайшим источником целого ряда непримиримых принципиальных разногласий с противниками ликвидаторства.
>
> Каждая капиталистическая страна переживает эпоху буржуазных революций, когда складывается та или иная степень демократизма, тот или иной уклад конституционализма или парламентаризма, та или иная степень самостоятельности, независимости, свободолюбия и инициативности «низов» вообще — пролетариата в частности, та или иная традиция во всей государственной и общественной жизни.
>
> Какова будет эта степень демократизма и эта традиция — зависит именно от того, будет ли гегемония в решающие моменты принадлежать буржуазии или ее антиподу, будет ли первая или последний (опять-таки в эти решающие моменты) «центром притяжения для демократического крестьянства» и для всех вообще демократических промежуточных групп и слоев» [50].

Здесь важно подчеркнуть два момента: во-первых, что идея гегемонии пролетариата в буржуазно-демократических революциях XIX и XX вв. составляет одно из коренных положений марксизма-ленинизма. Во-вторых, что та или иная степень демократизации страны в итоге революции, уклад всего буржуазного общества зависят от того, будет ли в решающие моменты революции гегемония принадлежать буржуазии или пролетариату, поведет ли с собой пролетариат демократическое крестьянство и все вообще демократические промежуточные группы. Эти положения являются чрезвы-

[50] Ленин, Соч., т. XV, с. 196 (разр. моя—*Н. В.*)

чайно важными для полного и правильного понимания ленинской концепции двух путей. Они, во-первых, лишний раз убеждают нас, что проблема двух путей, проблема двух методов оформления уклада буржуазного общества является проблемой классовой борьбы. Во-вторых, эти положения подчеркивают, что проблема двух путей может реально существовать только в условиях широкого движения низов и пролетарского движения в эпоху революций XIX и XX вв.

В-третьих, они свидетельствуют, что полнейшая победа демократии, т. е. победа «американского» пути например в России возможна только при условии, когда гегемония в решающие моменты революции принадлежит пролетариату, и наконец, в-четвертых, они гласят, что степень демократизации в результате революции, степень приближения к тому или иному решению вопроса о путях развития определяется этой гегемонией.

Без гегемонии пролетариата в революциях XIX и XX вв., без возглавления пролетариатом демократического крестьянства и др. промежуточных групп не может быть и речи о реальности борьбы за дальнейшую демократизацию страны, за «американский» путь против «прусского» пути развития капитализма. Гегемония пролетариата определяет эту борьбу за революционные методы капиталистического преобразования страны. Сила и слабость пролетариата в деле овладения демократическими низами, крестьянством в первую очередь, решает исход борьбы двух путей. Руководство пролетариата определяет успех в борьбе. Эту руководящую роль пролетариата, роль вождя в борьбе за революционное преобразование крепостнической России, т. е. в борьбе за «американский» путь, Ленин выводил из объективных условий развития капитализма в России. Одно из этих условий — крестьянская борьба за революционную «чистку» земель; победа крестьянства в этой борьбе сокращала путь, ведущий к полной победе пролетариата, сокращала путь к социалистической революции. Пролетариат в революции шел гораздо дальше буржуазного преобразования страны, он шел «до полного конца самого деления общества на классы» [51]. Поэтому пролетариат был готов всеми силами поддержать общедемократический натиск на самодержание и помещика-крепостника, чтобы не оставить камня на камне от старой крепостнической и самодержавной России, чтобы создать условия, в которых «развивается на просторе наша борьба за социализм». Пролетариат кровно заинтересован в победе буржуазно-демократической революции, в победе крестьянского капитализма — «американского» пути, чтобы тем легче было «перейти как можно скорее к новой высшей задаче — революции социалистической» [52].

Это основа ленинского учения о том, что последовательным борцом за демократизм, а следовательно и за демократический путь чистки земель для капитализма может быть только пролетариат.

Однако ленинская формула несколько шире только что сказанного. «Победоносным борцом» за демократизм пролетариат «может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства» [53].

Таким образом в совместной борьбе пролетариата и крестьянства, в борьбе, в которой пролетариат выступает в роли вождя широкого крестьянского движения против крепостнических пережитков, против прусского пути, — вот в чем находило свое выражение борьба за «американский» путь. Руководство демократическим движением крестьянства обусловливалось тем, что пролетариат выступал как единственно последовательный борец за полную демократизацию страны, обусловливалось тем, что буржуазное преобразование России происходило в такую эпоху, когда пролетариат осознал себя особым классом, организовался в самостоятельную социалистическую организацию. В этих условиях пролетариат должен был пользоваться всяким демократическим завоеванием, чтобы усилить свою борьбу против капитала.

Только революционным решением аграрного вопроса пролетариат обеспечивал перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, обеспечивал наилучшие условия для борьбы за социализм.

Поскольку пролетариат являлся гегемоном демократической революции, борцом за доведение революции до конца, за перерастание ее в социалистическую, буржуазия стремилась к тому, чтобы сохранить организацию и учреждения старой власти с тем, чтобы применить их в борьбе против пролетариата, она стала на путь реформаторской ломки старых докапиталистических отношений. Борьба за

[51] Ленин, Соч., изд. 1-е, т. VI, с. 146.

[52] Ленин. Соч., т. VIII, с. 187.

[53] Там же, с. 65.

«американский» путь неизбежно превращалась в борьбу и против либерализма наряду с царизмом и крепостничеством. В этой борьбе роль пролетариата как вождя крестьянского движения, как вождя борьбы масс за лучшие условия капиталистического развития, т. е. за «американский» путь, выступает со всей отчетливостью. Ленин учил, что во всех странах мира, в том числе и в России, крестьяне в условиях буржуазно-демократического преобразования колеблются между пролетариатом и буржуазией, т. к. будучи противниками крепостника-помещика, они в то же самое время являются мелкими хозяйчиками. Развивая эту мысль в цитированной уже статье «О двух путях», Ленин заканчивает так:

> «Если большинство крестьян и населения пойдет за либералами, «путь» будет из наихудших, наименее выгодный для рабочих и эксплоатируемых, наиболее мучительный для них. Если большинство крестьян и населения пойдет за рабочими — получится обратное» [54].

В борьбе за «американский» путь неизбежна гегемония пролетариата, только она решает вопрос о переводе «поезда» на «американские» рельсы. Борьба крестьянства, возглавляемого пролетариатом, против царизма, помещика-крепостника и либерала, раскрывает ту или иную равнодействующую борьбы двух путей.

Всякие компромиссы с либеральной буржуазией, признание ее революционной роли в движении против крепостничества, игнорирование роли крестьянства как союзника пролетариата в революционной борьбе означали бы поддержку наихудшего, наименее выгодного для пролетариата и крестьянства пути развития капитализма, означали бы поддержку «прусского» пути, игнорирование задачи доведения революции до конца в целях борьбы за социализм.

Игнорируя два пути развития и вытекающее из них соотношение классовых сил в революции, меньшевизм, троцкизм и ликвидаторство отражали колебания «хозяйчика» в сторону буржуа и служили поддержкой наиболее выгодного для него — буржуа — пути развития капитализма.

В отрицании гегемонии пролетариата, его роли как вождя революционного крестьянства, в фактической передаче руководства крестьянским движением либеральной буржуазии и в поддержке таким образом развития капитализма по «прусскому» пути и состояло существо русского оппортунизма в условиях буржуазно-демократической революции вне зависимости от того, бряцал ли он оружием борьбы с «антиреволюционными чертами большевизма», с «quasi-марксизмом» [55] или с «трудовическим уравнительным знаменем» [56], или же «научно» доказывал, что «пролетариат в своих революционных чаяниях изолирован притоком средств в русское земледелие» [57].

Объективные условия вынуждали крестьянство на решительную борьбу. Они революционизировали крестьянство, толкали его на борьбу с помещиками, а не на сделку с ними. Вся жизнь крестьянства, кабала и отработки, научили его ненавидеть помещика, ненавидеть царского чиновника, этого охранителя прав крепостника. Но жизнь не научила крестьянство тому, где искать выход из кабалы, из отработков, какими путями преобразовать свое хозяйство на надельной земле. В силу этого крестьянство шло на борьбу колеблясь, попадая в зависимость от либералов. При этих условиях пролетариат-гегемон берет на себя роль вождя крестьянского движения за преобразование его мелкого хозяйства, роль вождя, указывающего пути и методы высвобождения крестьянства из-под ярма крепостнической эксплоатации и опеки либеральной буржуазии.

«Противодействие этим колебаниям, разрушение этой зависимости—одна из важнейших исторических задач марксизма в России», писал Ленин. Успех в борьбе за революционное преобразование докапиталистических отношений достижим при условии высвобождения крестьянства из-под зависимости от либералов и борьбы с оппортунизмом-меньшевизмом, пытавшимся превратить пролетариат из вождя в пособника либеральной буржуазии и проводить буржуазные идеи отречения от революции—идеи «прусского» пути развития — в среду пролетариата. Эти мысли Ленин с настойчивостью подчеркивает в ряде статей, в особенности в статье «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России», в которой подчеркивается неразрывная связь борьбы большевизма и меньшевизма с борьбой за руководство крестьянским движением, за высвобожде-

---

[54] Ленин, Соч., XVII, с. 403.

[55] Троцкий, Наши разногласия, 1905, с. 284, 285.

[56] Мартов, Буржуазия и контрреволюция. «Возрождение» № 5—6, 1909.

[57] Ларин, Подъем русского земледелия и его общественно-политические последствия, «Возрождение» № 9—10, 1910.

ние крестьянства из-под зависимости либералов [58].

Успех «американского» пути был возможен при совместной борьбе пролетариата и крестьянства как против старого режима и крепостников, так и против контрреволюционной буржуазии. Успех был возможен при беспощадной борьбе против всякого рода оппортунизма, сводившегося в своем отрицании руководящей роли пролетариата в борьбе и в недооценке крестьянства к отречению от борьбы за «американский» путь, к отречению от революции и поддержке реформирования старого крепостничества бисмарковско-кадетскими методами.

В борьбе за доведение революции до конца, в интересах перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, познав верно направление борьбы крестьянства, пролетариат становится во главе крестьянской борьбы за буржуазную революцию крестьянского типа, становится во главе борьбы за эволюцию «американского» типа против эволюции «помещичьего» (прусского) типа [59]. Единственно возможным средством помешать победе «прусского» пути развития было восстание пролетариата вместе с крестьянством, а это есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства [60]. Ленинская демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, являясь единственно возможным средством перевода России на «американские» рельсы, составляет неразрывное целое с ленинским учением о двух путях развития. Ленинские «два пути» являются обоснованием этой диктатуры, являются обоснованием большевистской тактики в революции.

Проблема демократической диктатуры пролетариата и крестьянства обоснована Лениным в ряде статей, написанных за время начиная с весны 1905 г. и в течение всего революционного периода. Смысл всех ленинских высказываний по этому вопросу один: вне революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства нет надежды на успех борьбы за «американский» путь, победоносный исход революции возможен только как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Подводя на Лондонском съезде итоги борьбы, Ленин по вопросу о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства говорил:

> »Такая постановка вопроса, данная еще в начале 1905 г. — я говорю о с'езде РСДРП весной 1905 г., — нашла себе полное подтверждение в событиях всех крупнейших этапов в русской революции. Наши теоретические выводы подтверждались на деле в ходе революционной борьбы...
>
> Пролетариат шел вперед, крестьянство более или менее решительно двигалось за ним против самодержавия и против колеблющихся либералов» [61].

Пролетариат своими стачками и восстаниями объединял и направлял крестьянскую борьбу.

Ленинская концепция двух путей развития завершается революционно - демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Она (концепция) определяла большевистскую тактику в эпоху буржуазной революции в России. К этому выводу приводит нас весь анализ ленинских работ. О нем прямо говорит и Ленин в статье «О некоторых источниках современного идейного разброда».

> «Основой тактики большевиков в революции 1905 — 1907 гг. было то положение, что полная победа этой революции возможна лишь как диктатура пролетариата и крестьянства. Каково экономическое обоснование этого взгляда? Начиная с «Двух тактик» (1905 г.) и продолжая многочисленными статьями в газетах и сборниках 1906 и 1907 гг., мы всегда давали следующее обоснование: буржуазное развитие России уже вполне предрешено и неизбежно, но оно возможно в двух формах—в так называемой «прусской» форме... и в так называемой «американской» форме...
>
> Пролетариат должен бороться за второй путь, ибо он обеспечивает наибольшую свободу и быстроту развития производительных сил капиталистической России, а победа в такой борьбе возможна только при революционном союзе пролетариата и крестьянства» [62].

Конечно борьба за «второй» путь, задача осуществления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства не являлась самоцелью пролетарской борьбы. Эта задача преходящая, как выражался Ленин — «временная задача социалиста». Пролетариат

[58] Ленин, Соч., т. XI², с. 296 (изд. 1-е).
[59] Там же, Аграрная программа, т. XI, с. 352.
[60] Там же, Соч., т. XI², с. 295 (изд. 1-е).
[61] Там же, т. VIII, с. 391 (изд. 1-е).
[62] Там же, т. XIV, с. 197, 198.

боролся за «американский» путь, осуществляя революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства в целях наиболее быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

> «У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, — писал Ленин, — как и у всего на свете, прошлое и будущее, и прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контрреволюцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов. Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму» [63].

Как только это будущее становится на очередь дня (в условиях 1905 — 1907 гг. оно стало бы в порядок дня с доведением революции до конца, с победносным исходом борьбы за «американский» путь), снимается проблема двух путей развития, снимается вытекающая из нее революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. В условиях же борьбы с самодержавием, в условиях борьбы за революционное разрешение задач буржуазно-демократического преобразования, т. е. в условиях 1861 — 1917 гг., проблема борьбы двух путей была центральной проблемой всей классовой борьбы, всего исторического процесса России. Игнорировать это значение ленинской проблемы двух путей развития абсолютно невозможно.

IV

Перехожу к последней, заключительной части своего сообщения — к некоторым критическим замечаниям по вопросу о «двух путях» в нашей исторической литературе.

Здесь далеко не все обстоит благополучно. Мы определили проблему «двух путей» как проблему классовой борьбы эпохи буржуазной революции, классовой борьбы за революционные и реформаторские методы и формы «чистки» путей для капитализма.

Как с этой точки зрения на существо вопроса следует определить хронологические рамки борьбы двух тенденций-путей?

Мы дали в своем сообщении, базируясь на Ленине, ответ, что борьба эта занимает период времени от эпохи 1861 г. до 1917 г., и вслед за Лениным назвали эту эпоху эпохой буржуазного преобразования России.

В нашей литературе поднят вопрос о расширении указанных хронологических рамок. Почин в этом вопросе положен т. Меерсоном, рассматривающим программу пугачевщины как программу расчистки в России пути для свободного капиталистического развития. Лозунги пугачевщины сведены к лозунгам Великой французской революции, к лозунгам борьбы за «американский» путь развития капитализма.

Правильна ли такая постановка вопроса в свете выше данной нами трактовки ленинского понимания двух путей? Нет, неправильна. Вспомним ленинское замечание о том, что борьбу за «американский» и «прусский» пути нельзя понять как закономерное общественное явление, если не свести ее к объективным тенденциям экономического развития капитализма.

По отношению к России XIX века Ленин установил эти тенденции—эволюцию крепостного помещичьего хозяйства по капиталистическому пути и эволюцию мелкого товарного хозяйства крестьянства по тому же пути.

Можно ли установить и устанавливает ли т. Меерсон эти тенденции в эпоху Екатерины II? Категорически следует ответить — нет! Тенденцию эволюции крепостнического помещичьего хозяйства по капиталистическому пути, т. е. от методов крепостнической эксплоатации к методам капиталистическим, т. Меерсон даже и не пытался проследить, да и тщетной бы это оказалось попыткой!

Что же касается торгово-капиталистического накопления среди части крестьян, то его ни в коем случае нельзя рассматривать как эволюцию хозяйства крестьянина по пути капитализма.

Не установив экономической эволюции крестьянского хозяйства по пути капитализма, нельзя его классовую борьбу свести к этим несуществующим тенденциям «американского» типа развития.

Методологическую несостоятельность положений т. Меерсона можно показать, подходя к вопросу и с другой стороны. Мы указывали, что Ленин сугубо подчеркивает ту мысль, что и революционное, и реформаторское решения задач буржуазной революции являются продуктом столкования классов, стремящихся к разрешению задач буржуазного развития.

---

[63] Ленин, Соч., т. VIII, с. 84, 85.

Предположим, что перед пугачевщиной стояла экономически реальная задача расчистки путей капиталистического развития по-плебейски, т. е. путем революционной ломки старого феодального землевладения.

Совершенно естественно, что это предположение равносильно признанию того, что помещик-крепостник, борясь против революционной ломки старого феодализма, должен был в силу экономической необходимости развития капитализма противопоставить революционной ломке реформаторскую ломку, противопоставить борьбу за прусский тип развития, оставляющего во главе капиталистической эволюции помещичье хозяйство.

В эпоху XIX в. это противопоставление нашло свое яркое выражение в крестьянской реформе 1861 г. Имеем ли мы что-нибудь подобное в эпоху Екатерины II? Можем ли мы выдвинуть ленинское положение о шаге по *пути к буржуазной монархии по отношению* к эпохе Екатерины II? Очевидно нет. Следовательно вся концепция борьбы за «американский» путь в эпоху пугачевщины рушится.

Эта концепция с точки зрения ленинского учения о двух путях не выдерживает критики, но она имеет свою логику, которая нашла свое завершение в заключительных словах статьи т. Меерсона: «Разгадка экономической отсталости России, — говорит т. Меерсон, — ее отставание от стран Западной Европы кроется в поражении американского типа развития капитализма в царских колониях»[64].

Поражение «американского» пути развития капитализма есть неизбежный вывод из всей конструкции т. Меерсона.

В каком противоречии это находится с Лениным, указавшим, что обе тенденции окрепли, нашли свое выражение в движении масс, борьбе партий и т. д. в революции 1905—1907 гг. — не стоит указывать, это очевидно само по себе.

Вся беда в том, что другого вывода т. Меерсон сделать не мог, так как нащупать реальные тенденции капиталистического развития крестьянского хозяйства и борьбы за «американский» путь непосредственно после пугачевщины он не смог, отсюда и вывод о поражении «американского» пути.

Но вывод этот обязывает ко многому: 1) к признанию реальности одного «прусского» пути; 2) к признанию его победы; 3) к отрицанию реальности «американского» пути и борьбы за него; 4) к пересмотру соотношения классовых сил в революции; 5) к пересмотру ленинского учения о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и двух путей как ее обоснования.

Итоги т. Меерсона обязывают снять проблему двух путей развития. Таковы выводы, которые должен сделать т. Меерсон, хотя бы и против воли, исходя из своего взгляда на пугачевщину.

Мы немного поймем в ленинской концепции двух путей развития капитализма, если подойдем к ней с точки зрения тех комментариев к Ленину, которые дает в своей статье «К вопросу о сущности крепостного хозяйства» т. Малышев, рассматривающий крепостное хозяйство как одну из форм внедрения капитализма в сельское хозяйство.

Крепостнические отношения как раз были *теми отношениями*, которые *тормозили* развитие капитализма в сельском хозяйстве, которые приходилось ломать в интересах капитализма, которые пытались ломать сами помещики - крепостники реформированием их в 1861 г. и в эпоху Столыпина, которые ломали крестьяне в 1861 г. и пролетариат в союзе с крестьянством в эпоху буржуазно-демократической революции в России.

Не поняв, что крепостнические отношения как раз были объектом ломки как прусского так и американского типа, нельзя представить себе четко борьбу за методы этой ломки, борьбу классов за «прусский» и «американский» пути этой ломки, трудно обосновать ленинскую демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства.

Представим себе на минуту, что корни классовой борьбы за «американский» и «прусский» пути уходят в XVI в. Что получится тогда с ленинской концепцией двух путей развития?

Помня, с одной стороны, что корни этой борьбы должны лежать в экономической структуре страны, с другой, что сама борьба этих путей есть борьба классов за революционные и реформаторские методы преобразования старого феодального строя в капиталистический,— мы должны будем принять наличие тенденции капиталистического развития помещичьего и крестьянского хозяйства в XVI в. и этими объективными тенденциями объяснить классовую борьбу в эпоху укрепления в стране крепостничества, т. е. как раз тех феодальных отношений, борьба против

[64] Вестник Комакадемии», сб. XIII, с. 107 (Разрядка моя — *Н. В.*)

которых составляет сущность борьбы «американского» и «прусского» путей.

Поиски корней борьбы «американского» и «прусского» путей в XVI веке равносильны игнорированию ленинского учения о двух путях как учения о борьбе классов в эпоху буржуазного преобразования за методы этого преобразования, т. е. по отношению к России—учения о борьбе классов в эпоху 1861—1917 гг. за революционные и реформаторские методы «чистки земель» для капитализма.

Эти поиски, точно так же как и поиски т. Меерсона, имеют свою логику. Логика проста, — сводится она к такой борьбе крестьянского и помещичьего хозяйства в дореформенной России, которая подготовляет борьбу капиталистического крестьянского хозяйства с капиталистическим же помещичьим хозяйством в пореформенной, т. е. борьбу капиталиста фермера с капиталистом же юнкером.

Просмотрев внимательно страницы 13—15 работы т. Малышева, мы убедились, что т. Малышев находится на пути к такой постановке... Во всяком случае он дает основание делать такие выводы.

Если т. Малышев находится на пути к такой постановке вопроса, то статьи т. Гайстера, вне всякого сомнения, завершают концепцию т. Малышева.

Центральным местом исследования т. Гайстера является именно характеристика конфликта крестьянства с помещиком как столкновения капиталиста-крестьянина с капиталистом-помещиком [65]. Эта мысль находится в явном противоречии с Лениным, рассматривающим борьбу крестьянства не на почве капитализма, а на почве сохранившихся крепостнических отношений. Борьба крестьянства заключается в борьбе с этими крепостническими отношениями за обновление мелкого крестьянского хозяйства.

На этой основе создается союз сил пролетариата и всего крестьянства. На основе же борьбы капиталиста с капиталистом ни о каком таком союзе сил речи быть не может. В условиях капиталистических противоречий пролетариат борется вместе с сельским пролетариатом и беднейшим крестьянством против капиталистов, в том числе и капиталиста-крестьянина, это уже борьба на почве капитализма, за социализм, в условиях которой демократическая диктатура пролетариата и крестьянства снята с порядка дня, снята проблема «двух путей».

Концепция т. Гайстера дает осечку на одном из основных и решающих звеньев ленинского учения о двух путях, на демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

Перехожу к некоторым критическим замечаниям по вопросу о борьбе двух путей в работах т. Дубровского. Беру его основную работу «Столыпинская реформа» (в последнем издании).

Мы уже отметили раньше, что т. Дубровский не понял основного в двух путях — он не понял сущности проблемы как реальной борьбы классов за тот или иной метод решения национального вопроса русской буржуазной революции — аграрного вопроса.

Его работа производит несколько странное впечатление. Отдав в ней должное проблеме двух путей, он всю столыпинщину, являющуюся лишь одним из этапов в этой борьбе, рассматривает абсолютно изолированно от этой проблемы. Наиболее рельефное отражение это нашло в одной из центральных глав книги — «Экономические предпосылки и условия осуществления реформы».

Мы установили, что вопрос о путях капиталистического развития России определялся равнодействующей борьбы классов, стремившихся к раскрепощению страны. Следовательно вопрос об успехе столыпинско-кадетского решения аграрного вопроса решался борьбой классов, борьбой крестьянства, возглавляемого пролетариатом против столыпинско-кадетского реформирования.

Тов. Дубровский решает эту проблему иначе. Он пишет: «Успех реформы определялся исключительно возможностями капиталистического развития сельского хозяйства» [66]. Это занимающее центральное место в работе положение т. Дубровского сводит на-нет отдельные, казалось бы, правильно взятые у Ленина мысли и цитаты.

Разве так по Ленину стоял вопрос о столыпинщине?

Что развитие капитализма в сельском хозяйстве не только было возможно, но что не было такой силы, которая могла бы противостоять этому развитию, что капитализм развивался в помещичьем и в крестьянском хозяйстве, это доказал Ленин еще в споре с народниками. В

[65] См. «Бюллетень ЗКО ИКП», № 7, с. 29 и «1905», т. I, с. 151.

[66] С. М. Дубровский, Столыпинская реформа, изд. 2-е, с. 116.

письме к Скворцову-Степанову Ленин подчеркивает другое — что на очереди дня стоял вопрос более конкретный — вопрос о борьбе за капитализм «β».

Не развитие капитализма вообще в сельском хозяйстве определяло степень успеха Столыпина, а борьба классов за капитализм «α» и «β», результаты этой борьбы определяли тот или иной исход реформы.

Если успех столыпинщины определялся исключительно возможностями капиталистического развития сельского хозяйства, то отсюда следует вывод, что столыпинщина была единственным реально возможным путем, так как возможность капиталистического развития сельского хозяйства в России не подлежала сомнению.

Эта в корне ложная предпосылка накладывает особый отпечаток на всю работу т. Дубровского. Поскольку в возможностях капиталистического развития сомневаться не приходится, вся работа сводится к доказательству успеха столыпинской реформы. Вот важнейшие из этих доказательств: 1) после 1906 г. общая обстановка для развития капитализма в деревне была весьма благоприятна; 2) внедрение капитализма дало сильный толчок росту и развитию кооперации, она начинает захватывать одну за другой различные отрасли хозяйства, 3) общий под'ем сопровождается интенсификацией сельского хозяйства; 4) рост производительности сельского хозяйства был тесно связан с широким применением машин, удобрений и т. д.; 5) плуг почти окончательно завоевал сельское хозяйство; 6) значительный под'ем сельского хозяйства обнаруживается в росте посевных площадей.

В результате такого доказательства успеха столыпинской реформы абсолютно не обоснованным остается вывод, что в сельском хозяйстве еще не совершился радикальный переворот и только наметились тенденции к этому перевороту. Весь анализ т. Дубровского приводит как раз к обратным выводам.

Беда в том, что он оставил проблему борьбы за «американский» путь вне своего анализа. Признав столыпинщину данным путем, он не противопоставил ему иного пути, он оставил вне рассмотрения те экономические условия, которые питали борьбу за «американский» путь развития, борьбу крестьянства за землю.

Правильная постановка вопроса с точки зрения ленинских взглядов на два пути была бы такая, которая раскрыла бы не картину успеха капитализма в сельском хозяйстве, а того, как уродовалось это развитие Пуришкевичами, которая раскрыла бы оборотную сторону медали, показав этим реальную борьбу против реформистской чистки земель за революционную чистку и подтвердив ленинское положение о реальности борьбы за «перевод поезда» на «американские» рельсы.

Ленин дает прямое указание на то, как это сделать.

В статье «К вопросу о смете министерства земледелия» он пишет:

> «Нам все говорят о том, как растет число «укреплений» земли в частную собственность, как увеличивается количество отрубов. Но нам ни слова не говорят о том, каких размеров и теперь еще достигают кабальные и крепостнические отношения в нашей деревне. А в этом — гвоздь вопроса. Число отрубников растет, машин ввозится в Россию больше, травосеяние развивается, кооперативы в деревне множатся. Все это верно, господа защитники правительства! Но есть другая сторона медали, которую вы скрываете. От этого так узки и шатки все «прогрессы», от этого неизбежны голодовки, от этого слаб и убог весь внутренний рынок... от этого еще сильнее неизбежность новой аграрной революции»» [67].

Эти слова как будто специально предназначены для критики наших исследователей по столыпинщине. Игнорирование реальности «американского» пути приводило к тому, что они не вскрывали в своих работах того, что обусловливало «еще сильнее неизбежность новой аграрной революции», не вскрывали другой стороны медали. Это относится и к соратнику т. Дубровского, т. Литвинову (Дубровский: «Нашли саратника»). Я знаю, что вы его не рады зачислить в свои соратники, но ничего не поделаешь, — вы стоите с ним на одних методологических позициях. Он тоже вместе с двумя путями «прозевал» оборотную стронону медали столыпинщины, и в результате этого у него налицо подлинная идеализация столыпинской реформы. Он рисует, примерно, такую картину итогов реформы: если развитие капитализма в России не было бы прервано войной, то города покрылись бы асфальтовыми улицами, которые

---

[67] Ленин, Соч. т. XVII, с. 397.

ежедневно подметаются, убираются, в городе галош носить не будут, все будут ходить в изящной обуви (а изящная обувь не выносит галош), галоши пойдут в деревню, вся деревня будет галошная.

Другая иллюстрация той же самой мысли: в деревне развивается огнеупорное строительство. Крестьяне становятся в очередь у фабричных ворот и ждут, пока они получат огнеупорный кирпич. Оказывается, русский крестьянин «целые годы» ждал в очереди у кирпичных заводов, настолько возросли строительные потребности крестьянства. Больше того, для этого крестьянина строительные материалы выписываются даже из-за границы.

Вот вам две картинки деревни, изменившейся до неузнаваемости в итоге столыпинщины. Они могут быть дополнены картинками того, как «помещики вымирали как зубры в Беловежской пуще», как деревня в результате увеличения емкости рынка оказалась перед товарным голодом (ср. у Ленина: «узки и шатки все прогрессы... слаб и убог внутренний рынок») и т. д. Такая идеализация — результат пользования методами т. Дубровского. Итог следующий: крестьянин, носивший галоши, стоявший в очереди за огнеупорным кирпичом, этот крестьянин — кулак — оказался самым отпетым врагом помещика и первым революционером. «В этой, — пишет т. Литвинов, — борьбе против помещика (в 1917 г. Н. В.) об'единилось все крестьянство, не исключая кулака; кулак даже пылал нередко большей ненавистью к помещику — своему конкуренту на хлебном рынке, — чем остальное крестьянство (этим об'ясняется тот факт, что при отнятии земель у помещиков в 1917 г. кулаки иногда играли роль предводителей крестьянской массы и благодаря этому забирали себе лучший инвентарь и лучшие участки). Экономическая борьба кулаков с помещиком все время горела» [68].

Вот куда ведет, т. Дубровский, последовательно развитая и доведенная до конца ваша концепция! Вы деретесь с Литвиновым, но методология у вас одна.

Игнорируя «два пути» развития капитализма, вы против своей воли оказались в положении людей, защищающих «прусский» путь, идеализирующих столыпинского кулака, этого неизбежного спутника движения по «прусскому» пути.

Ленинская проблема двух путей развития капитализма в России не завоевала в наших исследованиях должного к себе внимания. До сих пор еще ухитряются писать целые исследования на сотнях страниц о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, не только не проникнувшись сознанием неразрывной связи этой проблемы у Ленина с учением о двух путях, но ни словом даже не обмолвившись о них [69].

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

Н. Второв. Учение Ленина о двух путях капиталистического преобразования полуфеодальной России целиком вытекает из учения о смене социально-экономических формаций.

В России (как и во всякой другой стране с наличием феодальных пережитков) это учение было вызвано необходимостью борьбы с остатками феодального способа производства за окончательное утверждение капитализма. Однако неправильно было бы думать, чего как раз не понимают многие товарищи, что в основе борьбы двух путей капиталистического развития лежит борьба за капитализм, а не борьба за один из двух об'ективно возможных типов капиталистического развития вставшей уже на путь капитализма страны.

Этого не понимает т. Малышев, который ведет борьбу двух путей капиталистического развития с XVI века. Не понимает этого и т. Меерсон, который отсталость России в XVIII веке об'ясняет поражением американского пути.

Механически перенеся учение Ленина о двух путях капиталистического развития на почву феодализма, эти товарищи не поняли, что классовая борьба в недрах феодального общества в XVI, XVII и даже XVIII вв. велась не за определенный тип развития капитализма и даже не за капитализм (борьбу за капитализм нужно отнести к более позднему периоду), а вокруг расширения и углубления феодально-крепостнической эксплоатации.

Вопрос о двух путях капиталистического развития России был поставлен классовой борьбой в реформе 1861 г., когда перед крепостниками оставалось на выбор одно из двух: или реформа, или революция. И тогда под влия-

---

[68] Литвинов, Экономические последствия столыпинского аграрного законодательства, с. 107

[69] Н. Попов и Я. Резвушкин, О перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, изд. 1929 г.

нием натиска классовой борьбы, не помышляя ни о каком прусском типе капиталистического развития, крепостники сделали первый шаг в сторону капитализма, об'ективно совпавший с первым шагом по прусскому образцу.

> «Возьмите эпоху падения крепостного права, — писал Ленин, — шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого)» [1].

Но после рофрмы 1861 г. крепостники еще не сознавали необходимости ломки остатков старого средневекового землевладения и вплоть до нового общедемократического натиска вовсе не ставили перед собой задачи капиталистического преобразования России по прусскому образцу.

После реформы 1861 г. русское черносотенное самодержавие, по словам Ленина, могло еще опираться на прежние средневековые формы земледелия, а это значит, что ни о какой реальной борьбе за прусский тип капиталистического развития для этого времени не может быть и речи.

> «В чем сущность поворота? — писал по поводу столыпинской реформы Ленин. — В том, что до сих пор неприкосновенность старого, средневекового, надельного землевладения крестьян и их «исконной» общины находила себе самых горячих сторонников в командующих классах реакционной России. Крепостники-помещики, будучи господствующим классом в дореформенной России, будучи политически главенствующим классом в течение всего XIX века, вели в общем и целом политику охранения старых общинных порядков крестьянского землевладения» [2].

А если крепостники «вели в общем и целом политику охранения старых общинных порядков», а не ломали их, то очевидно реальная классовая борьба с их стороны велась не за прусский путь капиталистического преобразования России, а за сохранение остатков средневекового землевладения. Бороться за прусский путь капиталистического развития России крепостники стали только с того момента, когда перешли от политики охранения к политике ломки остатков средневековых отношений, ибо «помещичья ломка старого землевладения, — говорит Ленин, — есть экономическая основа прусского пути» [3].

> «Перемена аграрной политики самодержавия имеет чрезвычайно большое значение для «крестьянской» страны, как Россия, — писал о столыпинской реформе Ленин, — это глубочайший «сдвиг» в сторону аграрного бонапартизма, в сторону либеральной (в экономическом смысле слова, т. е. буржуазной) политики в области крестьянских поземельных отношений. Бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую патриархальную или феодальную, простую и сплошную опору, монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, заигрывать, чтобы управлять, подкупать, чтобы нравиться, брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке» [4].

Но эту свою старую патриархальную опору, на которую опиралась помещичья монархия Александра III в отличие от помещичьей монархии Николая II, пытавшейся опираться на контрреволюционное настроение буржуазии и на буржуазную аграрную политику, русское черносотенное самодержавие окончательно потеряло только в революции 1905 г.

Таким образом реальная классовая борьба за прусский путь капиталистического развития со стороны крепостников стала вестись, только начиная с революции 1905 г., когда под влиянием общедемократического натиска потерявшие свою прежнюю опору крепостники убедились, что иного выхода, кроме ломки остатков старого средневекового землевладения, для них нет.

> «Черносотенные помещики и их министр Столыпин, — говорил Ленин, — встали именно на этот путь. Они поняли, что без насильственной ломки заржавевших средневековых форм землевладения нельзя очистить дороги для развития России. И они смело пошли на эту ломку в интересах помещиков. Они выкинули за борт недавно еще распространенную в бюрократии и среди помещиков симпатию к полуфеодальной общине. Они обошли все «конституционные» законы, чтобы разорвать ее насильственно» [5].

---

[1] Ленин, Соч., т. IX, изд. 1-е, с. 444.
[2] Там же, т. XII, с. 135.
[3] Ленин, Соч., т. XIV, с. 265.
[4] Там же, т. XII, с. 377.
[5] Там же, с. 493.

Следовательно понадобился общедемократический натиск, чтобы черносотенное самодержавие крепостников поняло наконец, что без ломки старого средневекового землевладения «не может быть выхода из того противоречия, которое глубже всего об'ясняет революцию», поняло, что перед ним только один выбор: или реформа, или революция; и оно встало на путь реформ, т. е. окончательно и бесповоротно встало на прусский путь капиталистического развития. Какой же из двух об'ективно возможных путей капиталистического развития был реальным, и можно ли в этом вопросе согласиться с т. Ванагом?

Тов. Ванаг пишет:

> «Вопрос о прусском (а следовательно и об американском) пути развития был поставлен не проведением в жизнь аграрной реформы, а борьбой 1905—1907 гг. Реальность этого пути доказала борьба классов в революции 1905—1907 гг. Реальность доказала борьба революционного крестьянства, возглавляемого пролетариатом, с силами контрреволюции».

Насколько неточно утверждение т. Ванага, что вопрос о двух путях капиталистического развития России не стоял раньше, видно хотя бы из неоднократных замечаний Ленина, что развитие России, по крайней мере начиная с реформы 1861 г., шло по юнкерско-буржуазному типу.

Следовательно дело вовсе не в том, что этот вопрос не стоял раньше (стоять-то он стоял уже в реформе 1861 г.), а в том, что под влиянием общедемократического натиска революции 1905 г. крепостники вынуждены были не только об'ективно, как в 1861 г., а окончательно и бесповоротно встать на прусский путь капиталистического развития, чем и была доказана реальность вопроса о двух путях. Была доказана реальность вопроса, а не путей, и была доказана именно потому, что в революции 1905 г. классовая борьба велась из-за способа чистки пути для развития капитализма по тому или иному типу. Тот или иной тип капиталистического развития России мог стать реальным следовательно только в результате борьбы классов, исход которой был еще далеко не решен [6].

> «Мы должны признать возможность «немецких рельсов», — говорил Ленин, — но не забывать, что их пока н е т. Нет и нет» [7].

Если бы в России был реален «прусский» путь капиталистического развития, то это означало бы, что наступил «диалектический перелом, с н и м а ю щ и й с очереди все надежды и виды на американский путь» (Ленин), т. е. снимающий проблему буржуазно-демократической революции.

> «В Германии поддержка р а б о ч и м пожелания мужичка, — говорил Ленин — получить с е б е (т. е. мужичку) землю крупного помещика, юнкера—реакционна» [8].

Почему? Потому что прусский путь капиталистического развития в Германии победил. Другими словами, он стал реален. Ну а в России, по словам Ленина, был реакционен отказ от этой поддержки, реакционен именно потому, что у нас в России до реальной победы прусского пути капиталистического развития было «ой-ой, как не близко». «У нас еще идет борьба, — говорил Ленин, — еще не победил один из двух аграрных путей. У нас при всяком кризисе нашей эпохи (1905—1909—19?? гг.), выступит, обязательно выступит о б щ е д е м о к р а т и ч е с к о е движение «мужичка», и игнорирование этого было бы коренной ошибкой, н а д е л е приводящей к меньшевизму, хотя бы в т е о р и и спор ставили на иную плоскость» [9].

В том-то и трагедия меньшевизма, что для них (меньшевиков-ликвидаторов) прусский путь капиталистического развития был реален [10], поэтому они выбрасывали аграрную программу, поэтому они отрицали американский путь.

> «Ошибка Рожкова, — говорит Ленин, — состоит в том, что он до смешного преувеличил «перерождение» крепостнического хозяйства в буржуазное, это во-первых, а во-вторых, позабыл «мелочь», как раз такую «мелочь», которая отличает марксиста от либерала, именно: сложность и скачкообразность процесса приспособления политической надстройки к перерождению хозяйства» [11].

У нас в России реальными были следовательно не прусский или американский пути развития капитализма, а была реальная классовая борьба за методы чистки пути для развития капитализма по тому или иному типу,

---

[6] Ленин, т. XIV, с. 65.
[7] Там же, с. 193.
[8] Там же, т. XIV, с. 216.
[9] Там же, с. 215—216.
[10] Там же, т. XVII, с. 75, 76.
[11] Там же, т. XIV, с. 274.

борьба за чистку путем реформ или путем революции, чего как раз и не понял т. Ванаг.

Эту борьбу за революционную чистку против контрреволюционной реформы, — говорит он, — Ленин и выражал в формуле: «Борьба двух путей развития капитализма, или борьба американского и прусского пути, или борьба двух методов аграрного развития». Другими словами у т. Ванага получается, что борьба за революционную чистку против контрреволюционной реформы это и есть уже борьба двух путей капиталистического развития России.

На наш взгляд утверждение т. Ванага ни в какой степени не является верным и вот почему: во-первых, под прусским и американским путями развития капитализма Ленин понимал две разновидности капиталистического способа производства и, во-вторых, борьбу двух путей капиталистического развития Ленин нигде не отождествлял с борьбой за эти пути развития. Вернее, во всем собрании его сочинений вы нигде не встретите утверждения, будто в России боролись уже два пути капиталистического развития, т. е. две разновидности капитализма.

Отождествляя борьбу за революционную чистку против контрреволюционной реформы с борьбой двух путей капиталистического развития, т. Ванаг смешивает тем самым борьбу двух видов капитализма с борьбой за один из этих возможных видов. Он смешивает в одну кучу и цель и средства, в то время как у Ленина эти понятия разграничены.

У Ленина два пути капиталистического развития: это — конечная цель борьбы классов на данном этапе буржуазно-демократической революции, а пути реформаторский и революционный — средства к этой конечной цели, средства к победе одного из двух об'ективно возможных путей. Итак, в России боролись не два пути капиталистического развития, как думает т. Ванаг, а два способа разрешения аграрного вопроса — реформаторский и революционный, и оба эти способа (поскольку не победил один из них) были в одинаковой степени реальны, как была реальна сама классовая борьба; оба они имели глубокие корни в экономической действительности России.

> «Экономический анализ, — писал Ленин, — и заставляет различать в вопросе о капитализме в России земледельческий центр с обильными остатками крепостничества и окраины с отсутствием или слабостью этих остатков, с чертами свободно крестьянской капиталистической эволюции» [12].

> «Если земледельческий центр России и ее земледельческие окраины показывают нам, так сказать, пространственное или географическое распределение местностей, в которых преобладает аграрная эволюция того или иного типа, то основные черты той и другой эволюции явственно видны также во всех местностях, где существуют рядом помещичье и крестьянское хозяйство...» [13].

Следовательно и та и другая эволюция, и эволюция прусского и эволюция американского типа капиталистического развития, имели место в экономической действительности России. Но отсюда вовсе еще не следует, что в экономической действительности России имели место оба пути капиталистического развития, т. е. были реальны и прусский и американский пути.

Что касается американского пути развития капитализма, то вопрос о его реальности не вызывает как будто бы никаких сомнений, и у Ленина на этот счет можно встретить целый ряд указаний, из которых следует вывод, что американский путь капиталистического развития мог стать реальным только после своей победы.

Точно так же не был реальным и прусский путь. Аграрная эволюция прусского типа капиталистического развития могла стать реальной только в том случае, если бы черносотенное самодержавие сумело обеспечить ее победу.

По какому же из двух об'ективно-возможных путей капиталистического развития развивалась Россия, если в экономической действительности России была эволюция того и другого типа?

Если понимать это развитие по-ленински, а не по-эволюционистски, как понимают его «сторонники» прусского пути капиталистического развития России, то нужно сказать, что Россия развивалась по юнкерско-буржуазному типу. По крайней мере те два шага (две реформы), которые были сделаны по капиталистическому пути, были сделаны под руководством крепостников, пытавшихся обеспечить аграрную эволюцию прусского типа.

Но это вовсе еще не означает (как думают некоторые товарищи), что в России отсутствовала свободно-крестьянская эволюция, что у нас в России не было таких хозяйств, кото-

[12] Ленин, Соч., т. XI, с. 350.
[13] Ленин, Соч., т. XI, с. 350.

рые по типу производственных отношений походили на американские. Такие хозяйства и даже целые районы таких хозяйств в России, ка мы видели, были, и именно на них указывал Ленин, находя основные черты свободно-крестьянской эволюции повсюду, где существуют рядом помещичьи и крестьянские хозяйства.

Правда, определить экономическое развитие России до своей победы эта свободно крестьянская эволюция не могла, но за нее шла борьба; она была условием перехода из одной общественной формации в другую, обеспечивающим наиболее быстрое развитие капитализма.

Эта реальная возможность двух условий перехода из одной общественно-экономической формации в другую и определила тактику пролетариата в русской буржуазно-демократической революции, а в этом суть и значение ленинского учения о двух путях. В этом его актуальное политическое значение для целого ряда стран, не прошедших еще до сих пор этапа буржуазно-демократических революций.

Е. Грановский. Проблема двух путей капиталистического развития бросает свет на сущность и характер всего русского исторического процесса в конце XIX и в начале XX вв.

Поэтому я ожидал, что в своем докладе т. Ванаг, исходя из ленинской постановки вопроса о двух путях капиталистического развития, даст хотя бы основные характеристики развития промышленного и финансового капитала в России. К сожалению т. Ванаг этого не сделал. А не сделал он потому, что взгляды Ленина по вопросу о двух путях капиталистического развития в России стоят в *коренном противоречии* с той оценкой развития капитализма в России, которую т. Ванаг давал во всех своих работах.

Как стоит вопрос о двух путях капиталистического развития у Ленина? Ленин говорит о двух возможных путях: прусском и американском. Какой путь будет основным — оставалось нерешенным вопросом.

Столыпинщина представляла собой шаг по прусскому пути развития капитализма. Но пока революция жива, а революция была жива, ибо противоречия, вызвавшие ее, изжиты не были, американский путь капиталистического развития оставался реальным и являлся путем пролетариата и крестьянства. Однако прусский путь развития был также возможным и также оставлял место для развития капитализма в России.

Как ставил вопрос т. Ванаг в своих прежних выступлениях? На конференции историков-марксистов он утверждал, что столыпинщина, не разрешив об'ективных задач революции, тем самым делала немыслимым развитие «национального» капитализма в России.

Ленин никогда не ставил так вопроса не только в отношении развития промышленного капитализма, но и в отношении развития капитализма в земледелии, где задерживающее влияние феодальных остатков в экономике и крепостнической политической надстройке было особенно сильно. Конечно феодальные пережитки, пронизавшие столыпинщину, обусловливали черепашьи темпы развития капитализма в сельском хозяйстве. Они же оказывали задерживающее влияние на развитие внутреннего накопления в стране и соответственно на развитие капиталистической промышленности. Но сказать, что они обусловливали невозможность развития внутреннего накопления и на его основе «национального» капитализма — является в корне неверным. Если столыпинщина оставляла возможность для развития капитализма в земледелии, то тем в большей мере это относится к развитию «национального» капитализма в промышленности. Ибо вследствие неравномерности развития промышленности и сельского хозяйства, свойственной капитализму, капиталистическая промышленность развивалась в России гораздо быстрее, чем сельское хозяйство. И не только за счет привлечения иностранного капитала, но и за счет внутреннего накопления.

Тов. Ванаг полагает, что признание возможности развития «национального» капитализма в период столыпинщины означает признание того, что столыпинщина сняла или максимально смягчила противоречия, вызвавшие революцию 1905 г., означает признание, что прусский путь развития в России окончательно утвердился и это сделано невозможным американский путь. Об'ективные задачи революции не были решены в 1905 г., следовательно осталась нерешенной и проблема кризиса системы капиталистического производства в России. Пореволюционная промышленная депрессия — яркий тому показатель.

Как же в таком случае представить себе «национализацию» русского капитализма, создание могущественной (?) и крепкой (?) национальной системы финансового капитала?[14].

[14] В скобках заметим, что определения „могущественный" и „крепкий" принадлежат т. Ванагу, а отнюдь не сторонникам „излагаемой"

В самом деле, поскольку развитие национального капитализма не мыслится т. Ванагом в условиях существовавших противоречий, постольку его расцвет т. Ванаг может представить себе конечно в том случае, если эти противоречия сняты или максимально смягчены [15]. Как видно из приведенного, т. Ванаг решает вопрос так, что развитие национального капитализма немыслимо в условиях существующих после революции 1905—1906 гг. противоречий, в условиях столыпинщины. (Ванаг с места: «Я говорил о финансовом капитале»). Финансовый ли капитал или промышленный, это в данном случае вопрос второстепенный. Вы сами говорите о «национальном капитализме» безотносительно к тому, промышленный ли он или финансовый. Приведенная выше постановка вопроса является грубо механистической, ибо в ней т. Ванаг исходит из того, что раз нет соответствующей политической надстройки, то развитие базиса, развитие «национального» туземного капитализма немыслимо. Тов. Ванаг не понимает той элементарной истины, что до известного периода «национальный» капитализм в России мог развиваться в рамках несоответствующей ему политической надстройки, он не понимает того, что могут существовать противоречия между экономическим базисом и политической «надстройкой», противоречия, ведущие в конечном счете к взрыву, к уничтожению крепостнической политической надстройки. Вообще, антидиалектичность и грубый механицизм являются отличительными чертами всех ванаговских построений и всей его, с позволения сказать, «методологии».

На это я уже неоднократно указывал [16].

Ленин оценивал столыпинщину как шаг по прусскому пути, но характеризуя экономические результаты столыпинщины, он говорит, что за трехлетие октябристской третьей думы произошли существенные экономические и политические изменения, что создается «крепнущая промышленная буржуазия» [17], что это является результатом дореволюционного развития, что «шатнуло вперед экономическое развитие страны» и т. д. [18].

Таким образом установка т. Ванага, что «развитие национального капитализма не мыслится в условиях существовавших противоречий», была совершенно чужда Ленину.

С вопросом о двух путях капиталистического развития тесно связан и вопрос об оценке взаимоотношений классов в России после революции 1905—1906 гг.

Ванаговская постановка этого вопроса сводится к тому, что развитие туземного «национального» капитализма исключено вследствие невозможности сращивания царизма с финансовым капиталом. «Крепостнический характер государственной власти отрицает возможность сращивания финансового капитала с царизмом, а последний ставит под сомнение существование национальной системы финансового капитала в стране» [19].

В этой фразе у Ваната две больших ошибки.

Во-первых, если бы и не было сращивания финансового капитала с царизмом, то и это отнюдь еще не ставило бы под сомнение существование и развитие туземного финансового капитала. Это могло бы оказывать большое задерживающее влияние на развитие последнего. Но нужно понимать возможность противоречия между экономическим базисом и политической надстройкой [19а].

им точки зрения. Ленин относит русский империализм к числу „среднеслабых“ народнохозяйственных систем („XI Ленинский сборник“, „Замечания на экономику переходного периода“, с. 397.)

[15] „Труды Всесоюзной конференции историков-марксистов“, т. I, с. 329.

[16] См. „Историк-марксист“ № 12, с. 91—114.

[17] Ленин, Соч., т. XII, ч., 1, с. 15.

[18] Там же, т. XI, ч. 2, с. 281.

[19] Тезисы к докладу «О характере финансового капитала в России» к I Всесоюзной конференции историков-марксистов.

[19а] Справедливость требует отметить, что в том же докладе на Всесоюзной конференции историков-марксистов и в статье в «Историке-марксисте» № 12 т. Ванаг в противоречии (отнюдь не диалектическом) со своими принципиальными установками признает возникновение и развитие «национального» финансового капитала во время войны, производя таким образом отступление с «барабанным боем» со своих основных позиций. Но отступая, т. Ванаг не позаботился о том, чтобы заранее приготовить себе новые позиции. Поэтому он в этом вопросе попадает на чуждые ленинизму позиции Гиндина, которого представляет как «об'ективного наблюдателя фактов» («Историк-марксист», т. 12, с. 42), принесшего большую пользу в деле изучения чистой экономики («Труд», с. 381. Я напротив резко выступал против гиндиновской оценки развития финансового капитала в России, оценки, прямо вытекавшей из его ошибочного, антиленинского понимания теории финансового капитализма «промышленная вариация»).

Во-вторых, грубой ошибкой является утверждение т. Ванага об отсутствии сращивания между царизмом и финансовым капиталом. Такое утверждение в корне противоречит Ленину. «В 1904—1916 гг., — пишет Ленин, — особенно рельефно обрисовалось соотношение классов в России за последние годы царизма. Горстка крепостников-помещиков, возглавляемая Николаем II, была у власти в теснейшем союзе с магнатами финансового капитала, которым доставались неслыханные в Европе прибыли и в пользу которых заключались грабительские договоры внешней политики»[20].

Но раз существовал теснейший союз царизма с магнатами финансового капитала, то очевидно этот союз мог иметь место на почве предоставления туземному финансовому капиталу известных возможностей развития. Судя по тому, что говорит Ленин и что мы знаем из анализа фактов, эти возможности были довольно велики и приводили к получению финансовым капиталом неслыханных в Европе прибылей. В пользу тех же магнатов финансового капитала заключались грабительские договоры внешней политики, то есть внешняя политика царизма, будучи в основном крепостнической, удовлетворяла также интересы и финансового капитала.

Приведенное выше место из Ленина систематически игнорируется т. Ванагом. Оно и понятно. Ибо речь в нем идет о соотношении классов в России и истолковать его в смысле союза царизма с магнатами иностранного финансового капитала, что соответствовало бы концепции т. Ванага, абсолютно невозможно. По крайней мере до сих пор таких «истолкователей» не находилось, ибо такое «истолкование» было бы слишком смешным.

Утверждение т. Ванага о невозможности «сращивания» фактически приводит к отрицанию союза царизма с контрреволюционной буржуазией, т. е. к чисто меньшевистской постановке вопроса. В противоположность этому Ленин неоднократно указывает на то, что «буржуазная монархия не может не только сложиться, но и начать складываться без контрреволюционной (веховской) либеральной буржуазии»[21]. Отрицание союза царизма с контрреволюционной буржуазией есть первый вывод, который следует из ванаговской постановки вопроса.

Отсюда следует и другой вывод, тоже меньшевистский, о непримиримости противоречий между буржуазией и крепостниками-помещиками. Между тем Ленин указывает на то общее, что между ними существует. Ленин пишет: «Либеральная буржуазия связана слишком тесными экономическими нитями с поместным землевладением, их интересы слишком переплетены взаимно, так, что для первой безопасным и желательным представляется лишь реформирование последнего, а отнюдь не уничтожение его»[22]. Вот это общая основа союза царизма с контрреволюционной буржуазией, или, если т. Ванаг предпочитает, «сращивания» царизма с верхами буржуазии, с финансовым капиталом.

Следующий вывод из ванаговской постановки заключается в том, что буржуазия после 1905 г. была революционным фактором. Эта постановка вопроса является в концепции т. Ванага отнюдь не случайной, и у него она связана с той характеристикой развития капитализма в России (отнесение России к типу полуколониальных или так наз. «зависимых» стран), которую т. Ванаг дает во всех своих работах.

Следующий момент, который характеризует взгляды т. Ванага, заключается в механистическом понимании союза как полной ликвидации противоречий. Перефразируя его слова, мы получим такое умозаключение: «если вы признаете развитие национального финансового капитала, если вы признаете «сращивание» царизма и финансового капитала, то значит вы признаете, что противоречия максимально смягчены или сняты». Это — совершенно неверная постановка вопроса. Ленин неоднократно указывал, что союз между царизмом и контрреволюционной буржуазией, имевший место после революции 1905 г., возникнув на почве общности интересов либеральной буржуазии и поместного землевладения, не только не устранил, но даже привел к обострению противоречий, существовавших между капиталистическим развитием России и ее политической надстройкой. «Сходство обоих периодов (1905—1907 и 1908—1910) состоит в том, что эволюция России оставалась в течение и того и другого прежней капиталистической эволюцией. Противоречие такой экономической эволюции с существованием целого ряда фе-

[20] Ленин, Соч., т. XIV, ч. 1, изд. 1925 г.

[21] Там же, т. XI, ч. 2, с. 464.

[22] Там же, с. 470.

одальных, средневековых учреждений не устранялось, оставалось тоже прежним, будучи не сглаживаемо, а скорее обостряемо проникновением некоторого частичного буржуазного содержания в те или иные отдельные учреждения»[23]. Противоречие между этим господством (т. е. господством царизма и крепостных помещиков — *Е. Г.*) и несомненно идущим вперед буржуазным развитием России становится все острее, а не слабее, как думают теоретики «неизбежного компромисса»[24].

Таким образом я должен констатировать чисто механистическое понимание т. Ванагом союза царизма и финансового капитала. Тов. Ванаг, отрицая возможность «сращивания», приходит фактически к отрицанию того, что русский царизм начинал выражать классовые интересы буржуазии, о чем Ленин, полемизируя с меньшевиками, писал неоднократно. В частности на точке зрения такого же отрицания стоял Мартов. Он утверждал, что русский царизм не выражает классовых интересов буржуазии, что такое «сращивание» — просто выдумка большевиков. В подтверждение этого Мартов указывал на так называемое «левение» буржуазии. По Мартову выходило, что «левение» буржуазии означает, что между царизмом и буржуазией существует непримиримое противоречие, что буржуазия является революционным фактором. Это одна оценка соотношения классов в России — меньшевистская оценка.

Есть и другая, тоже меньшевистская постановка вопроса о взаимоотношении царизма и буржуазии после революции. Это — постановка Ермайского, Ларина и др. Сущность ее сводится к тому, что имевшие место после революции изменения в соотношении классов означают перерождение классовой природы самодержавия, означают (пользуясь ленинской терминологией) окончательный переход на прусский путь капиталистического развития. Окончательное разрешение противоречий, вызвавших революцию 1905 г., означает то, что уже больше нет возможности повернуть на американский путь развития, что проблема пути капиталистического развития и аграрный вопрос решены окончательно.

Вот две крайних постановки вопроса, и обе крайности сошлись на меньшевизме. Уже это одно должно было заставить т. Ванага подумать о возможности третьего ленинского решения проблемы. Однако т. Ванаг пытался доказать в своем выступлении на конференции историков-марксистов, что существовать могут только две приведенных выше постановки вопроса о путях развития капитализма в России.

Тов. Ванаг попытался путем грубейшей фальсификации приписать мне точку зрения Ерманского, Ларина и др. Путем прямой фальсификации моих слов он в корне извратил весь смысл того, что я писал, и попытался приписать мне мысль о невозможности американского пути развития после революции 1905 г. Извращать взгляды своих теоретических противников стало в некотором роде второй профессией т. Ванага. Это общеизвестно. Однако здесь т. Ванаг допускает фальсификацию совершенно неслыханную и невиданную между коммунистами.

Исходя из вышеприведенной формулировки Ленина о союзе «горстки помещиков-крепостников, возглавляемой Николаем II..., с магнатами финансового капитала», я указывал на то, что внешняя политика царизма частично преследовала интересы капиталистического империализма, и устанавливал связь этих элементов внешней политики царизма с экономической системой финансового капитала России. Такая постановка вопроса нисколько не противоречит признанию крепостнического характера российского самодержавия, на что я в своих работах неоднократно указывал.

Путем прямой фальсификации т. Ванаг приписал мне слова, что «система внешней политики царизма была политической надстройкой системы финансового капитала в России»[25], и меньшевистский взгляд о перерождении социальной природы самодержавия.

Подобно Мартову т. Ванаг приписывает людям, разделяющим ленинский взгляд о наличии капиталистическо-империалистических элементов во внешней политике царизма, признание, что царизм стал буржуазным.

Мартов в свое время приписал Ларину, Пилецкому и Ерманскому, с одной стороны, и большевикам, с другой, один и тот же взгляд, что союз между царизмом и контрреволюционной буржуазией означает смягчение или снятие противоречий, вызвавших революцию 1905 г. Ленин по этому поводу писал: «Нельзя себе представить более возмутительной, более недобросовестной проделки, чем эта проделка Л. Мартова»[26].

[23] Ленин, Соч. т. XI, ч. 2, с. 139.
[24] Там же, с. 443.

[25] „Труды конференции историков-марксистов" т. I, с. 318—319.
[26] Ленин, Соч., т. II, ч. 2, с. 245.

Я должен подчеркнуть, что, несмотря на всю «нескромность» такого сопоставления, между тем спором, который имел место 20 лет тому назад, и тем спором, который был у нас с г. Ванагом, имеется полнейшая аналогия, и не только аналогия, но и совпадение в самых существенных пунктах. В своих построениях я исходил из той постановки вопроса, которая дана в резолюции декабрьской конференции 1908 г. Эта постановка вопроса в грубых чертах сводится к следующему: после 1905 г. мы имели союз царизма с контрреволюционной буржуазией, политическая надстройка осталась в основном крепостническая, но царизм в большей мере, чем до революции, стал отражать интересы буржуазии, прежде всего верхов торгово-промышленной буржуазии и особенно интересы магнатов финансового капитала.

Эта постановка вопроса отнюдь не приводит к тому, что противоречия были сняты, что в России после революции 1905 г. наступило господство торгово-промышленной буржуазии. Наоборот, проникновение буржуазных элементов в феодальные учреждения привело к обострению противоречий. Происходило нарастание революционной волны, так как политика царизма «не могла удовлетворить даже самую угодливую буржуазию».

Я хотел еще остановиться на одном частном вопросе, который здесь не обсуждается, но который имеет все же ближайшее отношение к вопросу о путях капиталистического развития России. Я хочу продемонстрировать пример той, с позволения сказать, «диалектики», которую мы встречаем в произведениях т. Ванага.

В своей статье «К методологии изучения финансового капитала в России», напечатанной в журнале «Историк-марксист» т. 12 за 1929 г., т. Ванаг защищает ту точку зрения, что финансовый капитал представляет собой форму смягчения противоречий между потребностями развития капиталистической промышленности и крепостнической политической надстройкой — самодержавием.

Ванаг пишет:

> «В области разрешения противоречий капитализма они (помещики) оказались вынужденными стать на путь финансово-капиталистического преобразования системы промышленного капитализма в той своеобразной форме, которая диктовалась специфическими условиями этого развития» («Историк-марксист», т. 12, с. 25).

Как аграрная реформа в области сельского хозяйства, так и финансовый капитал в промышленности должен был, по мнению Ванага, явиться формой смягчения противоречий, вызвавших революцию 1905 г., и попыткой их окончательного разрешения. У т. Ванага выходит, что если существуют противоречия между развитием капиталистической промышленности и политической надстройкой — царизмом, то выход заключается не только в том, чтобы свергнуть эту политическую надстройку или изменить ее социальную природу, заменить ее буржуазной надстройкой, а в том, чтобы заменить систему промышленного капитализма системой финансового капитализма. Это — чистейшая апологетика финансового капитала, ибо финансовый капитализм приводит не к смягчению, а к обострению противоречий, свойственных предыдущему периоду развития капитализма.

В своем докладе т. Ванаг сам отчасти начал борьбу с тем, что он раньше проповедывал. Тов. Ванаг в своем выступлении уже отказался от некоторых своих прежних постановок. Но ему и дальше нужно пойти по пути самокритики. (Н. Ванаг: «Пойду!»). Это очень приятно слышать, т. Ванаг. Тов. Ванагу нужно пересмотреть под углом зрения ленинской постановки вопроса о путях развития капитализма в России все то, о чем он говорил раньше, в частности выступая на конференции историков-марксистов. В этом выступлении имеется ряд грубейших ошибок, ряд совершенно неправильных положений. От них он должен смело отказаться, так же как он это сделал отказавшись от своего выступления, напечатанного в «Заочно-консультационном бюллетене ИКП».

Г. Меерсон. Тов. Ванаг в своем докладе стал на путь самокритики. Я хочу последовать примеру т. Ванага и пойти по пути не только критики, но и самокритики.

С точки зрения формы изложения в докладе т. Ванага, правда, этой самокритики не видно. Он ведет речь так, как будто бы ни от чего не отказывается, как будто бы все время стоял на правильной позиции, и ему остается только хлестать других.

Но прежде чем перейти к тем обвинениям, которые возводит на меня т. Ванаг, я, в порядке самокритики, чтобы расчистить себе путь для критики т. Ванага, должен сказать, что от своей прежней точки зрения на пугачевщину я отказываюсь. Я теперь не считаю, что пугачевщина была буржуазной революцией.

Тов. Ванаг, собственно говоря, совершенно напрасно связал вопрос о двух путях развития

капитализма с вопросом о пугачевщине. Притянув за волосы этот вопрос о пугачевщине, т. Ванаг воспользовался им, чтобы возразить против хронологического расширения рамок борьбы двух путей капитализма — прусского и американского.

Это конечно правильно, но сам т. Ванаг считает для себя допустимым не только хронологическое расширение этих рамок, но и географическое, он ставит проблему двух путей развития капитализма применительно ко всем странам, где была эпоха буржуазной революции, где боролись революционный и реформистский методы решения вопроса буржуазно-демократического развития. Он говорит, что проблема двух путей есть проблема классовой борьбы эпохи буржуазной революции, классовой борьбы за революционную и реформистскую очистку путей для капитализма. Это совершенно верно в отношении России XIX и XX вв. Но можно ли согласиться с т. Ванагом, когда он хочет эту формулировку превратить в какой-то социологический закон, приложимый ко всем странам—Франции, Америке и т. д.

Можно ли например говорить относительно Франции 1871 г. (если взять хронологические рамки, о которых говорит Ленин), что там шла борьба между прусским и американским путями капиталистического развития? Конечно, нет. Здесь не было необходимых условий для американского пути развития, в том числе условий, на которые указывал т. Ванаг, не было колониальных фондов, стало быть не было возможности крестьянам избавиться от абсолютной ренты, а с точки зрения чисто экономической основной вопрос как раз в этом и заключается.

Возьмем Пруссию между 1848 и 1871 гг. Шла ли там борьба между американским и прусским путями развития капитализма, или между прусским типом развития и каким-то другим, но не прусским и не американским, потому что кроме прусского и американского могут быть еще и другие пути развития, такой например, как в Англии? В Пруссии развитие капитализма было более свободно, чем в царской Росссии, но не настолько быстро и не настолько широко, как в Америке и как это могло быть в России при победе революции.

В Пруссии, начиная с 40-х и вплоть до 70-х гг., шла борьба вокруг вопроса, который является для демократической революции в Пруссии основным, — национального вопроса, и там не было речи об американских путях развития капитализма.

Наконец и в Америке не могло быть речи о борьбе между прусским и американским путями развития капитализма.

Тут упоминали о гражданской войне в Америке начала 60-х гг. XIX века как о моменте, когда САСШ стали на американский путь развития капитализма. Но и после гражданской войны мы имеем в Южных штатах такую же систему отношений в земледелии, как в России (потому что с точки зрения чисто экономической нет разницы между рабовладением и феодализмом). По Ванагу обязательно, чтобы рабовладельческое хозяйство в Америке проявляло склонность встать на путь капиталистического развития. Между тем даже 50 лет спустя после гражданской войны оно такой тенденции не обнаружило. До сих пор в Южных штатах Америки господствует издольщина, а это в сущности та же самая отработочная система.

В результате революции, гражданской войны мы видим в Южных штатах Америки господство отработочной системы и вместе с тем в Америке налицо американский путь развития капитализма.

Американский путь развития капитализма имел место в САСШ не только после гражданской войны, но и до нее. Своеобразие Америки в том, что там происходила свободная колонизация крестьянского хозяйства на свободной от феодализма почве. Там не революция создала свободу от феодализма, а процесс колонизации.

Ленин придает гражданской войне 60-х гг. огромное значение, но не в том смысле, как думает т. Ванаг, что гражданская война расчистила путь для американского способа капиталистического развития. Сам по себе вопрос о рабовладении не был национальным вопросом гражданской войны, и если все-таки мы имеем успехи в смысле юридической ликвидации рабовладения, то потому, что была очень сильна активность фермерских крестьянских масс, которым противостояла торгово-промышленная буржуазия, желавшая сохранить рабство в той или иной форме.

Итак, следуя указанию Ленина, мы должны остерегаться механически переносить на Россию прусский или американский образцы.

В одном вопросе т. Ванаг в свое время поддержал мою точку зрения и именно потому, что мною в работе о пугачевщине были вскрыты элементы буржуазного развития в недрах крепостного общества XVIII в. Это стоит в несомненной связи с той неправильной точкой зрения, которую мы оба раньше защищали и

от которой теперь отказываемся. Это неправильный взгляд будто Россия шла по двум путям развития — американскому и прусскому, причем американский путь с точки зрения экономической был сильнейшим конкурентом прусского пути развития.

Вот с этой точки зрения т. Ванагу и нужно было показать, как в рамках крепостного хозяйства шло расслоение крестьянства даже при барщинной системе. С этой точки зрения он нападал на Дубровского, который говорил, что барщинная система не дает почвы для развития капитализма.

Здесь есть известная логика. Отказываясь от своей прежней точки зрения, он отказывается и от поддержки моей точки зрения. Против этого я конечно не возражаю, поскольку и сам отказываюсь от нее. Но должен сказать, что вместе с водой т. Ванаг выплескивает и ребенка. В самом деле, пугачевщину нельзя называть буржуазной революцией, потому что это было движение не общенациональное, а ограниченное известной территорией, и тот вопрос, вокруг которого шла борьба пугачевщины, не был вопросом общенациональным, это был вопрос колониальный. Это одно. (С места: «Это опять неверно, это не доказательство»). В пределах колонии мы не имеем поддержки крестьянского революционного движения со стороны города. Город относился совершенно пассивно, причем города на $^3/_4$ были земледельческими поселениями.

Нельзя говорить о буржуазной революции, поскольку в рамках крепостного хозяйства еще не развивались элементы капитализма, в частности среди крестьянского населения.

Но следует ли из этих соображений отрицать буржуазный характер пугачевского движения? Если отрицать буржуазный характер пугачевского движения, то остается вернуться к Плеханову и Мартынову, которые признавали, что пугачевщина является реакционным движением. Несомненно, это было движение буржуазное, поскольку оно было направлено против феодального крепостного землевладения, а против феодально-крепостнического землевладения оно могло быть направлено, поскольку в этом районе шло развитие крестьянского хозяйства по пути его увязки с рынком, его товаризации.

Поэтому нужно поставить вопрос о том, могла ли победить пугачевщина или не могла. Если бы пугачевщина победила, тогда конечно Россия пошла бы по буржуазному пути.

Были ли случаи, когда восстания крестьян против крупных землевладельцев побеждали? М. Н. Покровский указал на Швейцарию, где крестьяне победили феодалов, и все-таки Швейцария пошла не по капиталистическому, а по мелкобуржуазному пути развития. Это случилось в силу географических условий, в силу того, что у нее не было связи с другими более экономически сильными странами.

Совершенно законно ставить вопрос так: мыслимо ли развитие крестьянского хозяйства на известной ступени развития без связи с крупным землевладением? В Америке мы видим развитие фермерского хозяйства, когда оно не эксплоатировалось крупным землевладением, и в случае победы пугачевщины, мы имели бы господство мелкого крестьянского хозяйства, которое в условиях товарности должно было давать процесс расслоения и выделять элементы капитализма. Я не отрицаю, что дал неудачную формулировку, что борьба в пугачевщине шла за американский путь развития. Эта формулировка может дать основания для той установки о двух путях капиталистического развития, которую делает т. Ванаг.

Но если бы в России крупное землевладение было уничтожено, если бы помещики были ликвидированы как класс, — а в случае победы пугачевщины все помещики были бы вырезаны и уничтожены, — то мы имели бы какой-то другой тип развития капитализма.

Надо ли стать на механистическую точку зрения, что обязательно мелкое крестьянское хозяйство должно было породить крепостничество, или надо допустить, что в России мелкое хозяйство развивалось бы, как в Америке. И когда я говорил об американском типе развития России, то делал это не для того, чтобы противопоставлять американский путь прусскому, а чтобы указать на тот конкретный тип аграрного капитализма, который был в Америке.

Верны ли те страхи, о которых говорил т. Ванаг, что если стать на мою точку зрения, т. е. сказать, что в России потерпел поражение американский путь развития или, вернее, борьба за него, то отсюда вытекает целый ряд выводов.

Тезис о поражении американского типа развития капитализма в XVIII в. находится в противоречии с Лениным. Но я об этом не говорю. Я говорю о борьбе между крепостничеством и между буржуазными тенденциями, которые называю курсом на капиталистический путь развития. Может быть я неудачно называю это американским путем развития. Но и в Америке борьба шла между мелким крестьянским фермерским хозяйством и рабовладельческим зем-

левладением. Последнее — это то же крепостничество. Смешно говорить о прусском пути развития капитализма в России XVIII в. Тут, т. Ванаг совершенно прав: признание победы этого пути означало бы, конечно, отрицание реальности американского пути. Напротив американский путь развития капитализма в России XVIII в. не снимает вопроса о двух путях развития. Он не снимает его, а ставит. Поражение американского пути развития так, как я ставил этот вопрос в пугачевщине, есть победа крепостного хозяйства, а победа крепостного хозяйства означает, что в свое время будет поставлена проблема развития капитализма по прусскому или американскому пути. В России сочетались и Пруссия, и Америка. Тов. Ванаг этого не видит и в этом его ошибка.

Очень большое значение имеет вопрос о национализации. Он был выдвинут в двух странах, в Америке и России. Если Россия в XX в. в случае победы крестьянского восстания, возглавляемого пролетариатом, в случае победы буржуазно-демократической революции могла бы пойти по американскому пути развития капитализма, то это потому, что здесь были такие условия для национализации земли, которые были в Америке, но которых не было ни в Пруссии, ни во Франции. Когда мы говорим о фермерах, нужно различать, о каких фермерах идет речь: о капиталистических фермерах американского или английского типа.

И. Литвинов. Вопрос, затронутый в докладе т. Ванага, ближе всего касается периода между двумя революциями — революцией 1905 и революцией 1917 гг. Что же произошло в экономике России за этот период?

У нас в 1905 г. была революция, которая закончилась временным поражением. Россия временно пошла, как Ленин говорит, по прусскому пути развития.

Означало ли это, что у нас в России в это время был застой, не было развития производительных сил? Нет, не означало. А т. Ванаг именно так ставит вопрос, и такая постановка грешит против ленинизма. Если мы неправильно отвечаем на вопрос, какие изменения имели место в экономике царской России в период между двумя революциями, мы неправильно разрешаем и вопрос о характере нашей революции, делаем ряд вреднейших ошибок и в важнейших вопросах сегодняшнего дня.

Что означала реформа Столыпина по Ленину? Застой, регресс, упадок производительных сил? Топтание на месте? Нет, — говорит Ленин, — столыпинская реформа есть революционная ломка:

> «Столыпин правильно ломал дело. Без ломки старого землевладения нельзя обеспечить хозяйственного развития России. Столыпин и помещики вступили на революционный путь, ломая самым беспощадным образом старые порядки, отдавая всецело на поток и разграбление помещикам и кулакам крестьянские массы» [27].

В результате столыпинской реформы мы имели такое развитие производительных сил, такие процессы, которые по своему размаху и широте, по количеству втянутых в этот процесс масс стоят в истории почти уникумами, но результатами этой реформы не было смягчение классовых противоречий, ибо эта реформа была половинчатой, она была компромиссом между буржуазией и помещиками. В результате этой реформы классовые противоречия обострились во всей царской России: во-первых, между крестьянством, жаждавшим земли, и помещиками и, во-вторых, между пролетариатом и буржуазией, потому что разоряемое крестьянство давало миллионы людей в города, и эти выходцы из деревни давили на зарплату; именно поэтому, несмотря на внушительный под'ем промышленности за период с 1909 по 1914 гг., реальная зарплата в России, за исключением незначительной верхушки рабочего класса, не повышалась, а сплошь да рядом даже понижалась. Несмотря на под'ем промышленности в России была безработица, ибо деревня выбрасывала людей, которых некуда было девать. В царское время не было статистики безработицы, но мы имеем другую страшную статистику, которая говорит об этом. Это — статистика самоубийств в тогдашнем Петербурге и в Москве, ибо в этих самоубийствах указаны причины — безработица и голод. В то же время происходил отход миллионов за Урал и т. д.

Разорялось крестьянство, обострялась классовая борьба между крестьянством и помещиками. Внутри самого крестьянства происходили резкая диференциация и классовая борьба между кулачеством и крестьянской беднотой [28].

Вот что говорит Ленин по этому поводу:

> «Успех» Столыпина в деревне теперь и в ближайшие годы по сути дела будет

[27] Ленин, Соч., т. XI, изд. 1-е, с. 17—18.

[28] Обо всем этом сказано в моей работе „О столыпинщине“ (Гиз, 1929), на которую так нападает т. Ванаг.

больше разжигать борьбу внутри крестьянства, чем тушить ее»[29].

В это же время пролетариат рос количественно, росло и его революционное самосознание.

Что мы видим, когда начинается новый под'ем революционной волны в 1912, 1913, 1914 гг.? Мы видим, что большевики почти монополисты среди рабочего класса. Мы видим у меньшевиков жалкие попытки завоевать кое-какие рабочие массы. Ленин показал, что на выборах в Государственную думу большевики получили сотни тысяч голосов, меньшевики же получили только тысячи голосов и то не в пролетарских центрах, а в Грузии и в Сибири.

Вот какие процессы происходили в результате столыпинской реформы.

Иначе ставит вопрос т. Ванаг в своем докладе. Тов. Ванаг не понял диалектики прусского пути развития. Все ораторы здесь говорили о признании им своих ошибок, о недостаточности или достаточности этого признания и т. д. Я должен сказать, что т. Ванаг не отказался от своей основной ошибки, от теории денационализации (Н. Ванаг: «Не откажусь»). Поэтому между защитниками точки зрения Ленина, который говорил, что в 1905 г. в России был уже развит финансовый капитализм, который говорил, что в России имело место переплетение финансового капитала с самой отсталой формой — отработочной системой, и троцкистской теорией т. Ванага не может быть никаких соглашений, никаких компромиссов. Речь идет о важнейших принципиальных вопросах ленинизма и замазывать разногласия в таких вопросах крайне вредно[30].

Вот почему я боролся против т. Ванага и выступал против него и устно и печатно в 1925, 1926, 1928 и 1929 гг. в своих статьях и книжках и на Всесоюзной конференции историков-марксистов.

Если у нас за период между двумя революциями не было роста производительных сил, не было существенных изменений в экономике России, то вопрос о революции в 1917 г. с точки зрения внутренней экономики России ставится так же, как он ставился в 1905 г., и это действительно утверждает т. Ванаг в своем докладе. Только признав коренные изменения в экономике России за время между двумя революциями и наряду с ними важные изменения в международной обстановке, можно притти к выводу, что Россия в 1917 г. созрела для социалистической революции.

Как подходят к Октябрьской революции большевики и как подходят антибольшевики-троцкисты?

Мы, большевики, говорим, что Октябрьская революция была вызвана двумя комплексами причин: с одной стороны, международной обстановкой, развитием империализма, ростом противоречий между империалистическими державами, мировой войной, ростом сознательности и революционности мирового пролетариата; с другой стороны, ростом производительных сил России, ростом пролетариата России и обострением классовых противоречий. Россия созрела для социалистической революции и первая была в состоянии не только начать строить, но и построить социализм.

Вторая точка зрения, точка зрения контрреволюционного троцкизма, состоит в том, что мы в 1917 г. имели в экономике России приблизительно ту же самую обстановку, которая была в 1905 г., ибо рост производительных сил в России за это время был ничтожным, ибо в России не было внутреннего накопления, происходила денационализация. Октябрьская революция произошла не потому, что сама Россия созрела для социалистической революции, а только потому, что созрело для этого мировое хозяйство. Россия первая могла начать социалистическую революцию, но построить социализм она не может, ибо экономика России за период между двумя революциями не изменилась.

Задача историков-марксистов-ленинцев — разоблачать всякие попытки обоснования контрреволюционных теорий троцкизма.

В своем докладе т. Ванаг заявил:

> «...ленинские два пути развития капитализма в России за весь указанный нами период времени (с 1861 до 1917 г. — **И. Л.**) приобретают характер основной проблемы, становятся осью всего исторического процесса России... разумеется до Октябрьской революции, снявшей с очереди дня вопрос о капиталистической эволюции страны, следовательно и вопрос о «двух путях».

[29] Ленин, Соч., т. XI, ч. 1, изд. 1-е, с. 157 — 158.

[30] Необходимо попутно отметить тот более чем странный факт, что в руководстве Общества историко-марксистов, в руководстве, обязанном бороться за ленинизм в исторической науке, долгое время мирно уживались сторонники т. Ванага (сам Ванаг) и его противники (Горин), друг друга обвинявшие на Всесоюзной конференции историко-марксистов (см. т. 1) в меньшевизме.

Это неверно. Ленин до 1917 г. уже во время войны ставит вопрос не о двух путях развития капитализма в России, а о возможности построения социализма в одной стране. Принимая во внимание зрелость отдельных стран, в том числе и России, и рост противоречий империализма, Ленин говорит о возможности в одной стране социалистической революции.

Пока т. Ванаг не понял, что вопрос о двух путях есть вопрос не о том, развиваются ли производительные силы или нет, а лишь вопрос о темпе, о быстроте или сравнительной медленности этого развития и о наличии или отсутствии препятствий и трений, — теория т. Ванага остается механистической, антиленинской.

(Далее т. Литвинов подробно говорит о приемах полемики, к которым прибегает т. Ванаг и которые т. Литвинов характеризует как фальсификацию цитат и взглядов противников. Затем т. Литвинов останавливается на нападках критики, которым подверглась в свое время его книга о столыпинщине, и квалифицирует эту критику, как недобросовестную и антиленинскую.

Полемизируя с рецензией проф. Лященко, т. Литвинов зачитывает свой ответ 1928 г., где он характеризовал столыпинскую реформу как фактор, содействовавший развитию производительных сил страны и в то же время революционизировавший крестьянские массы и пролетариат и этим подготовлявший взрыв в 1917 г.

Затем т. Литвинов возвращается к полемике с т. Ванагом).

Меня т. Ванаг обвиняет за утверждение, что если бы не было мировой войны, в России были бы асфальтированные улицы. Россия шла по прусскому пути. Но в самой Пруссии были асфальтированные улицы. Разве асфальтированные улицы противоречат прусскому пути развития? И разве на асфальтированных улицах не может происходить классовая борьба? Окраины русских промышленных центров за время с 1905 по 1914 гг. росли бешеным темпом, но самым нищенским образом. На окраинах возникали самые антисанитарные кварталы в то время, как в центрах возникали дворцы, и может быть в центре и были бы асфальтированные улицы, но от этого классовые противоречия не смягчались бы.

Тов. Ванаг иронизирует над галошами. Но пусть т. Ванаг об'яснит невероятный рост продукции резиновой промышленности в царской России накануне войны. Рост больше чем на 400% в 13 лет! Пусть он докажет, что кулачество и зажиточное крестьянство не потребляли галош накануне войны. То же можно сказать и относительно другого утверждения, которое ставит мне в вину т. Ванаг, о том, что крестьяне стояли в очереди за огнеупорным материалом. Он не сможет доказать противного.

Тов. Ванаг нашел у меня грех — утверждение, что в 1917 г. все крестьянство, даже и кулаки, пошло против помещика. Докажите, что я неправ. Не мне принадлежит мысль, что в Октябрьскую революцию против помещиков шло все крестьянство. Это говорит Ленин.

Вопрос о двух путях поставлен Лениным. Очень хорошо, что стали подходить к проблемам русской истории, изучая постановку этих проблем у Ленина. Раньше этого не делали. Если бы это сделали раньше, не было бы целого ряда грубейших ошибок, которые мы имеем сейчас, хотя бы в учении о финансовом капитале.

Сегодня был спор, опять старый спор относительно того, был ли в России финансовый капитализм, или нет. (Н. Ванаг: «Такого спора нет; финансовый капитализм конечно был»). Я рад слышать это, т. Ванаг, потому, что вы больше всего обвиняли т. Грановского за защиту им той точки зрения, что финансовый капитализм в начале XX века в России был. Ленин говорит, что финансовый капитализм был уже во время революции 1905 г. Ленин говорит:

> «Без ломки старых земельных порядков не может быть выхода из того противоречия, которое глубже всего об'ясняет русскую революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня, самый передовой промышленный и финансовый капитализм» [31].

Ясно, что финансовый капитализм не родился в России в 1905 г., как deus ex machina. Он был уже и раньше, если вызвал революцию.

В другой своей работе — «Империализм» — Ленин говорит о России, что в ней «новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений до-капиталистических».

Я не совсем согласен с выступлением т. Меерсона. По-моему, у него был ряд ошибок, оговорок, не совсем правильных экономических определений и т. д., но т. Меерсон прав в том своем утверждении, что т. Ванаг, говоря о двух путях, забывает самый коренной вопрос, вопрос о национализации земли.

Как Ленин подходил к проблеме «двух путей»? Ленин всегда подходил к этому вопросу диалектически. Он рассматривал его в связи со всеми явлениями современности и не брал

[31] Ленин, Соч., т. XI, ч. 1, изд. 1-е, с. 6—9.

русское хозяйство изолированно. Ленин спрашивает, удастся ли столыпинская реформа, и говорит: если бы история дала срок, может быть удалась бы, но история этого срока не даст и поэтому столыпинская реформа закончится неудачей (Ванаг: «Так Ленин не ставил вопроса»). Нет, ставил. (А. Панкратова: «Ставил»). Я вам прочту, но прошу запомнить, что т. Ванаг этого важнейшего места из Ленина не знает и даже отрицает его существование. Вот что говорил Ленин:

«Для успеха столыпинской политики нужны долгие годы насильственного подавления и истребления массы крестьян, не желающих умирать с голоду и быть выселяемыми из своих деревень. В истории бывали примеры успеха подобной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразой, если бы мы сказали, что в России успех такой политики «невозможен». Возможен!»[32].

Но именно потому, что царизму не даны были «долгие годы», что столыпинщина имела место в эпоху империализма, когда противоречия империалистов искали выхода в войне, что росло революционное настроение пролетариата, именно поэтому Ленин и предсказал, что реформа приведет к революции.

Прусский путь развития в 1905 г. — это не прусский путь развития 1848 г., а американский путь 1905 г. не есть путь 1861 или 1773 гг. Пути развития в разные исторические периоды различны как по своему содержанию, так и по темпам и результатам, ибо изменялись обстановка, экономика и классовые взаимоотношения. Поэтому грош цена всем цитатам о двух путях, если подходить к вопросу так, как подошел т. Ванаг, ибо в 1861 г. в стране отсталой вопрос ставился иначе, чем в XX веке в стране с самым развитым финансовым капитализмом и с самым концентрированным пролетариатом в мире.

Наша задача — задача общества историков-марксистов-ленинцев — состоит в том, чтобы на основании изучения истории содействовать правильному разрешению задач сегодняшнего дня. Наша задача — бороться за генеральную линию партии. Если же мы берем исторические проблемы изолированно, если мы их не умеем связывать с задачами строительства социализма, тогда грош цена нашей работе.

Из ленинского учения о двух путях вытекает положение, что у нас социалистическая революция в Октябре была своевременна и что мы в СССР можем строить и построим социализм. В этой связи история царской России об'ясняет нам причины Октябрьской революции, и именно постольку, поскольку она помогает нам понять характер нашей революции, она и может нас интересовать.

Было время в 1926 г., когда я, выступая в Коммунистической академии, сказал по поводу выступления «оппозиции», что это теоретически неправильно, так как противоречит резолюциям с'ездов партии. Тогда мои слова прервал смех (см. «Вестник Комакадемии» №15, с. 157). Смеялись ли защитники или противники теории т. Ванага — не знаю. Теперь, к счастью, времена изменились. Теперь можно в научных дискуссиях ссылаться на т. Сталина и на резолюции наших с'ездов и ЦК. Но этого недостаточно. Мне кажется, что наши научные марксистско-ленинские общества и общество историков-марксистов в первую очередь должны стать своего рода рабочими комиссиями при партийном руководстве. Эти общества должны своими работами помогать партии в разрешении задач, стоящих перед нею.

Только с этой точки зрения нам нужно изучение исторических проблем, история нужна, чтобы понять характер нашей революции, чтобы знать, что мы должны сейчас сделать. Грош цена исторической работе, если она, подобно работе т. Ванага, этой задачи себе не ставит.

Закончу теми словами, которые сказал год тому назад в ИКП во время дискуссии против Дубровского.

«Да, в области теоретической работы необходимо установить строгую большевистскую самокритику, необходимо развенчать многих божков, выдвинувшихся по разным причинам, но не по заслугам и знаниям».

И. Фролов. Я вполне согласен с упреком предыдущих товарищей по адресу т. Ванага по поводу «цитатного» метода его доклада. Тов. Ванаг может возразить, — в частной беседе он так примерно и возражал, — что он ставил перед собой именно такую скромную задачу: проанализировать проблему двух путей капитализма в земледелии в *сочинениях Ленина*. Мне кажется, что эта оговорка не отводит нашего упрека и вот почему. В самом деле, почему ощущалась такая острая потребность в постановке, заслушивании и обсуждении в сравнительно квалифицированной аудитории доклада о ленинской постановке проблемы двух путей капитализма в земледелии? Ведь т. Ванаг не один раз в своем докладе с особой си-

[32] Ленин, Соч., т. XI, изд. 1-е, с. 65.

лой подчеркивал, что в сочинениях Ленина проблема двух путей поставлена с особой ясностью, с исключительной четкостью и определенностью.

Мне кажется, что ответ на поставленный мною вопрос может быть только один. Нам нужно обсуждать эту проблему потому, что за последние годы некоторые историки так много наговорили о двух путях капитализма и при этом так исказили, извратили и опошлили ленинское понимание исторического процесса вообще и ленинскую проблему двух путей капитализма в земледелии в частности и в особенности, что потребовалось сейчас нечто вроде реставрации подлинных ленинских взглядов по этому вопросу.

Вспомните выступления Дубровского, его книжку «Столыпинская реформа» и его заключительное слово у нас в ИКП на дискуссии, вспомните выступления Малышева, который, выступая против Дубровского, сам наговорил много чудовищных вещей о прусском и американском путях в историческом развитии России, вспомните Меерсона, который, квалифицируя пугачевщину, как раннюю буржуазную революцию, настаивал на том, что пугачевщина боролась за американский путь развития; вспомните Томсинского, о котором я сегодня буду говорить подробнее, Литвинова, которого здесь правильно критиковал т. Ванаг, Гайстера и наконец самого Ванага, который в своем заключительном слове, опубликованном в «ЭКО ИКП» № 4, также допустил некоторые ошибки, развернутой критики которых, замечу кстати, он не дал и в настоящем докладе. Я перечислил только «корифеев» исторической науки «второго поколения», но можно было бы этот список удлинить за счет первого и третьего «поколений», которые все вместе неимоверно извратили, исказили и опошлили ленинское понимание двух путей. Именно исходя из этих соображений, т. Ванагу на фоне различных этапов исторического процесса и при помощи новейшего исторического материала следовало показать, как эти товарищи извращали или ревизовали ленинскую концепцию двух путей.

Тов. Ванаг должен был показать нам генезис двух тенденций — американского и прусского путей, показать корни этих двух тенденций в свете конкретных исторических данных. А докладчик не вскрыл этих исторических условий зарождения, развития и оформления двух аграрных эволюций, ограничившись приведением нескольких десятков цитат и притом еще иногда неправильно их интерпретируя.

После этих предварительных замечаний о самом докладе я перейду к одному вопросу, в который, мне кажется, т. Ванаг, с одной стороны, и Томсинский, с другой, внесли большую путаницу. Я говорю о том, что Ленин понимал под аграрной эволюцией «американского» типа и под аграрной эволюцией «прусского» типа. Я должен начать с приведения одной довольно большой цитаты, которую безусловно подавляющее большинство присутствующих здесь знают, но которую почему-то ряд историков и Ванаг с Томсинским, в первую очередь игнорируют в своих писаниях и рассуждениях о двух путях. Достаточно например указать на тот факт, что в очень большом докладе т. Ванага приведено очень много цитат, но эта цитата почему-то отсутствует, а в ней вся суть вопроса.

Ленин пишет:

«Два указанных мною способа «решения» аграрного вопроса в развивающейся буржуазной России соответствуют двум путям развития капитализма в земледелии. Я называю эти пути прусским и американским. Первый характеризуется тем, что средневековые отношения землевладения не ликвидируются сразу, а медленно приспособляются к капитализму, который надолго сохраняет в силу этого полуфеодальные черты. Прусское помещичье землевладение не разбито буржуазной революцией, а уцелело и стало основой «юнкерского» хозяйства, капиталистического в основе, но не обходящегося без известной зависимости сельского населения вроде Gesindeordnung и т. п. От этого социальное и политическое господство юнкеров упрочено на долгие десятилетия после 1848 г., и развитие производительных сил германского земледелия шло несравненно медленнее, чем в Америке. Там, наоборот, основой капиталистического земледелия послужило не старое рабовладельческое хозяйство крупных помещиков (гражданская война разбила рабовладельческие экономии), а свободное хозяйство свободного фермера на свободной земле, свободной от всех средневековых пут, от крепостничества и феодализма, с одной стороны, а с другой стороны — и от пут частной собственности на землю. Земли раздавались в Америке из ее громадного земельного запаса за номинальную плату, и лишь на новой, вполне капиталистической основе развивалась там теперь частная собственность на землю»[33].

---

[33] Ленин, Соч., т. XII, изд. 2-е, с. 269.

Мне кажется, что более ясного и отчетливого изложения того, что Ленин понимает под американским путем развития капитализма в земледелии и что он понимает под прусским путем — представить нельзя. Применительно к условиям русской действительности, где аграрно-крестьянский вопрос был главным, стержневым, общенациональным вопросом, прусский путь капитализма означал, что полукрепостнические помещичьи имения постепенно, медленно трансформируются в имения капиталистические, а полуфеодальные пережитки должны исчезать медленно, один за другим, в результате ряда мер реформистского характера, проводимых русскими юнкерами как лично в своих имениях, так и через посредство их политического органа — самодержавия. В результате победы прусского пути в России (как и в Пруссии, где осталась незавершенной буржуазная революция) социальное и политическое господство помещичьего класса было бы упрочено на десятилетия, и развитие производительных сил русского земледелия пошло бы очень медленно, гораздо медленнее, чем при победе американского пути. А победа американской аграрной эволюции в русском земледелии означала бы, что крестьянство, руководимое пролетариатом, насильственным путем в результате крестьянской буржуазной революции, разбивает полукрепостнические помещичьи имения, решительно ликвидирует полуфеодальное, как помещичье, так и крестьянское надельное землевладение, с корнем уничтожает русское самодержавие и все остальные пережитки крепостного строя. На свободной от крепостнических остатков национализированной земле фермерско-капиталистическое развитие в деревне пошло бы очень быстрым темпом, подобно тому, как это было в САСШ в результате гражданской войны.

Вот эту сторону дела, т. е. гражданскую войну, революционный метод ликвидации остатков средневековья, некоторые историки почему-то упускают, когда рассуждают об американском типе аграрной эволюции. Возьмем к примеру т. Томсинского.

Как понимает он американский путь развития? Я беру выдержку из его статьи «О характере пугачевщины», опубликованной в журнале «Историк-марксист», причем — это надо отметить особо — опубликованной без всякого примечания редакции журнала. Вот что пишет в этой статье т. Томсинский:

> «Победоносная крестьянская революция, по мнению Меерсона, должна была обеспечить развитие фермерского типа хозяйства в колониях... Развитие американского фермера было обеспечено широким внутренним рынком и возможностью выйти на внешний рынок. Эта победа ему легко далась, так как Америка не знала феодализма» [34].

И дальше:

> «Соединенные штаты представляли собой буржуазное государство. С самого своего начала они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью установить чисто буржуазное общество» [35].

Должен сказать, что с аналогичными утверждениями мы уже встречались на дискуссии по поводу книжки т. Дубровского. Тов. Дубровский считал, что американский капитализм развился на пустом месте, что в прерии Северной Америки, видите ли, приехали, как цыгане, колонисты, развели там костер и стали организовывать капитализм и что подобное развитие капитализма на пустом месте и есть, собственно, американский путь, т. е. капитализм, возникший там, где не было феодализма, крепостничества, рабовладения, а была свободная земля без всяких признаков феодализма. Я не буду останавливаться на критике этой своеобразной теории возникновения капитализма «на пустом месте», ибо она вдребезги была разоблачена и отброшена прочь еще в дискуссии с Дубровским. После того, как я вам зачитал, что́ Ленин понимал под американским типом аграрной революции и что понимает Томсинский, вы можете сами судить, что между пониманием Ленина и пониманием Томсинского ничего общего нет. Больше того, мы уже имели очень давно и до Томсинского и до Дубровского таких людей в меньшевистском лагере, которые точь в точь так же думали об аграрном строе САСШ и против которых резко выступал Ленин. Вот например что Ленин писал в одной из своих работ против Гиммера (Суханова):

> «Соединенные штаты Америки, — пишет Гиммер, — это страна, никогда не видавшая феодализма и чуждая его экономическим пережиткам». Это утверждение прямо противоположно истине, ибо экономические пережитки рабства решительно ничем не отличаются от таковых же пережитков феодализма, а в бывшем рабовладельче-

[34] Историк-марксист, т. XVI, с. 65 (разрядка моя—*И. Ф.*).

[35] Там же.

ском Юге Соединенных штатов эти пережитки очень сильны и до сих пор»[36].

Следовательно для Ленина феодализм, феодальные поместья, помещичьи латифундии в России и рабовладельческие латифундии на юге Северной Америки с точки зрения экономической и с точки зрения производственных отношений, т. е. отношений между классами, по существу представляют один тип явлений.

Таким образом, говорить об отсутствии средневековых феодальных рабовладельческих отношений в САСШ не только потому ошибочно, что это противоречит действительной истории Соединенных штатов Северной Америки, но и потому, что приводит—и это особенно сейчас для нас важно — к неправильному пониманию существа аграрной эволюции американского типа, как ее понимал Ленин. У т. Томсинского совершенно выпала гражданская война, революционный способ ликвидации феодальных отношений.

Теперь перейду к т. Ванагу. Здесь тоже произошло любопытное явление. Тов. Ванаг, сделавший обширный доклад о прусском и американском путях капитализма в земледелии, на протяжении всего своего доклада ни одним словом не обмолвился об Америке, о рабовладельческом Юге, об американской гражданской войне 60-х гг. Зато очень много приводил исторических примеров из истории Пруссии и германской революции 1848 г. Это у докладчика вышло совсем не случайно. Мне кажется, что основания, почему Ленин назвал одну аграрную эволюцию в России прусской, другую—американской, т. Ванаг понял неправильно и в своем вольном толковании Ленина допускает грубую ошибку. Вот что Ванаг говорит в своем докладе:

> «Таким образом мы приходим к заключению, что вопрос о ленинских двух путях развития капитализма есть в первую очередь вопрос о революционном или контрреволюционном методах разрешения пути развития капитализма. Ленинские два пути—это путь революции, соответственно — американский путь, и путь контрреволюции, соответственно—прусский путь в области завершения буржуазно-демократического преобразовавания. Именно так ставил Ленин вопрос о борьбе двух путей в Германии» (разрядка моя—*И. Ф.*)

(С места: «Но противоречит ли это тому, что говорил Ленин?»). Да, противоречит. Попробую это сейчас доказать. Для Ленина проблема прусского и американского путей капитализма есть проблема не двух методов развития и разрешения капитализма вообще и во всех странах, независимо от исторических обстоятельств, а проблема двух методов ликвидации крепостнических остатков в буржуазно развивающихся странах, где центральным, стержневым, «национальным вопросом вполне утвердившегося буржуазного развития» (Ленин) является аграрный, аграрно-крестьянский вопрос, где экономический ход буржуазного развития страны поставил проблему ломки старых докапиталистических аграрных отношений и где весь вопрос сводится к тому, в каких формах должна произойти эта ломка.

Что получается по Ванагу? По его мнению прусский и американский пути это есть два единственных метода разрешения путей развития капитализма вообще, во всех странах, вступающих на путь капиталистического развития, независимо от конкретных исторических обстоятельств, независимо от того, какой вопрос в революции этих стран является главным, центральным, общенациональным. Для т. Ванага достаточно того, чтобы в данной стране началась буржуазная революция и в ходе этой революции обозначились революционный и реформистский методы завершения этой революции, и вот проблема борьбы прусского и американского путей уже налицо. Силы, тянущие на путь реформы, по Ванагу — представители прусского развития капитализма; силы, стремящиеся к развертыванию и углублению буржуазной революции—представители американского развития капитализма. Таким образом конкретная, сугубо содержательная ленинская проблема двух типов капиталистической эволюции в земледелии превращается у Ванага в абстрактную, бессодержательную, всеоб'емлющую формулу о революционных и контрреволюционных методах разрешения путей развития капитализма вообще, формулу, в которой растворяются и обезличиваются особый характер, своеобразие исторической ситуации, движущие силы данной революции, смазываются специфические особенности хозяйственной эволюции данной страны, приведшей к революционному взрыву и к данному соотношению борющихся классовых сил. Универсальная формула Ванага теряет всякое научное значение.

[36] Ленин, Соч., т. XVII, изд. 2-е, с. 581.

Основываясь на этой формуле, можно сделать например заключение, что во Франции, в революции 1789 г., произошла победа американского типа капитализма, ибо взял верх революционный метод разрешения основных вопросов революции, а в той же Франции в 1848 г. произошла победа прусского типа капитализма, ибо в этой революции победили реформистские, контрреволюционные силы. Вы видите, к какому абсурду приводит эта абстрактная формула-отмычка. Возьмите вопрос с Пруссией. Если рассуждать так, как рассуждает т. Ванаг, то получается, что в Пруссии мы имели также две эволюции аграрного развития — прусскую и американскую, так же, как и в Америке мы имели вероятно тоже две эволюции — американскую и прусскую. (Ванаг: «Совершенно верно. Так оно и есть»). А вот посмотрим, т. Ванаг, что говорил Ленин в отношении Пруссии и России.

> «Вот этот аграрный вопрос, — пишет Ленин, — и есть теперь в России национальный вопрос буржуазного развития. Вот, чтобы не впасть в ошибочное (механическое) перенесение к нам во многом верного и во всех отношениях крайне ценного немецкого образца, надо ясно себе представить, что национальным вопросом вполне утвердившегося буржуазного развития Германии было об'единение и т. п., но не аграрный вопрос, а национальным вопросом окончательного утверждения в России буржуазного развития является именно аграрный (даже уже — крестьянский) вопрос. Вот чисто теоретическая основа отличия в применении марксизма к Германии 1848—1868 гг. (примерно) и к России 1905—1907 годов»[37].

Вы видите, т. Ванаг, Ленин говорит, что не надо механически переносить немецкий образец борьбы двух методов революционного и контрреволюционного разрешения путей капитализма, ибо в Пруссии центральным вопросом было национальное об'единение (сверху или снизу), а в России им был аграрный вопрос. Два метода разрешения путей «вполне утвердившегося буржуазного развития» в России не совпадают с двумя методами в Пруссии. И когда Ленин решил условно назвать два метода ликвидации крепостнических остатков в России, два метода разрешения путей русского капитализма в земледелии «американским и прусским», то «заимствовал» у Пруссии не оба эти метода, а только один и то не тот, какой вы себе, т. Ванаг, представляете. Он заимствовал не контрреволюционный метод об'единения Германии, а метод ликвидации крепостнических остатков в земледелии, который «характеризуется тем, что средневековые отношения землевладения не ликвидируются сразу, а медленно приспосабливаются к капитализму». Вот что Ленин понимал под прусским путем капитализма в русском земледелии, а вовсе не тот контрреволюционный метод разрешения путей прусского капитализма, который сводился к об'единению Германии через прусскую монархию и победа которого к 1871 г. решила «национальную проблему буржуазного развития Германии» (Ленин).

А второй метод Ленин «заимствовал» не в Пруссии (революционный метод об'единения в Германии, об'единения через республику), а в Америке в «недрах» американского аграрного строя, порожденного в результате гражданской войны и разгрома рабовладельческих латифундий.

Вы видите, что «универсальная отмычка» т. Ванага в применении к конкретным особенностям страны терпит фиаско, превращается в карикатуру на ленинское учение о прусском и американском типах аграрной эволюции.

Тов. Ванаг упустил из виду, что у Ленина идет речь об американском и прусском типах аграрной эволюции в стране (или странах), где национальным вопросом вполне «утвердившегося буржуазного развития» является аграрно-крестьянский вопрос. К таким странам в дореволюционное время относилась Россия с ярко выраженными остатками феодализма, тормозящими развитие капитализма. К таким странам относятся сейчас Китай, Индия, Египет, некоторые страны Балканского полуострова. Там происходит борьба прусской и американской форм аграрной эволюции, а не «вообще» революционного и реформистского методов разрешения путей капитализма. Сказать последнее — значит ничего не сказать, значит не подметить конкретной особенности этих стран, конкретного своеобразия их исторического развития. Наоборот в ряде стран (Франция, Англия и т. д.) тоже происходила в свое время борьба революционных и контрреволюционных методов разрешения путей развития капитализма, но назвать их прусским и американским путями нельзя. Для того, чтобы этот последний тезис обосновать, еще раз вернусь к Франции. Возьмем революцию 1789 г.

---

[37] Ленин, Соч., т. XX, ч. 1, с. 315 (разрядка моя—*И. Ф.*).

В результате этой революции феодальное землевладение было в *основном ликвидировано*. Но, спрашивается, так ли обстояло здесь дело, как в Америке? Нет, не так. Здесь земля не была национализирована, здесь сохранились маленькие крестьянские наделы и вновь образовалось крупное буржуазное землевладение, словом, здесь не было того, что считал Ленин характерным для Америки и для России, если бы в последней одержала победу крестьянская буржуазная революция, а именно: «Свободное хозяйство, свободные фермеры на свободной земле, свободной от всех средневековых пут, от крепостничества и феодализма, с одной стороны, и от пут частной собственности на землю — с другой».

А что *произошло* в Англии, каков был там тип аграрной эволюции? После английской революции XVII века окончательно побеждает исключительно крупное буржуазное землевладение, при котором лендлорд капиталистически вел свое хозяйство или сдавал землю капиталистическому фермеру. Неужели т. Ванаг будет всерьез доказывать, что в Англии аграрный строй был похож на прусский или американский тип аграрной эволюции?

Достаточно этих беглых замечаний об аграрных отношениях Франции и Англии, чтобы утверждать, что эти отношения отличаются и от прусского, и американского типов капиталистической аграрной эволюции. Надо избегать шаблона при анализе аграрных отношений в различных странах, сложившихся в результате конкретных исторических условий. Надо подмечать специфичность аграрного строя каждой страны, а не отделываться общим шаблоном, единой меркой, общим подходом, как это делает т. Ванаг. Например, в Англии, по словам Ленина, «чистка земли шла в революционных формах с насильственной ломкой крестьянского землевладения»[38]. Рассуждая по т. Ванагу, можно в аграрном строе Англии найти и тенденции американского пути (так как «чистка земли шла в революционных формах» и в результате этой чистки появился фермер) и тенденции прусского пути, ибо известная характеристика Марксом «очистки» лендлордами своих имений от крестьян в эпоху аграрного переворота во многом внешне совпадает с ленинской характеристикой сущности и практических мероприятий аграрной политики Столыпина. Но Ленин не говорил, что Столыпины ведут страну по «английскому» пути, а говорил, что ведут по «прусскому» пути, ибо он помнил об исторических особенностях аграрных отношений в Англии и Пруссии, помнил указания Маркса, что «у немцев экономические распорядки оказались определены традиционными отношениями общинных земель, расположением хозяйственных центров, известными местами скопления населения. У англичан исторические распорядки земледелия оказались постепенно созданными капиталом, начиная с XV века»[39]. Но Ленин не путал также и американского типа аграрных отношений с английскими, ибо английский тип предполагает насильственную ломку крестьянского землевладения и образование частной капиталистической собственности на землю в руках лендлорда, а сущность американской аграрной эволюции сводилась к национализации земли, т. е. к «лендлордизму без лендлорда» (Ленин).

Итак я формулирую свое «обвинение» т. Ванагу следующим образом. Тов. Ванаг вольно толкует ленинское учение о двух путях капитализма в земледелии, вольно пользуется ленинской терминологией о «прусском» и «американском» путях, вкладывая в эту терминологию качественно иное содержание, чем Ленин. Ванаг спутал прусский тип производственных отношений в земледелии, сложившийся в результате незавершенной революции 1848 г., и американский тип производственных отношений в земледелии, сложившийся в результате победоносной гражданской войны 1861—1865 гг. с контрреволюционными и революционными методами «разрешения путей развития капитализма». Революционный и реформистский методы окончательного утверждения и закрепления национальных путей немецкого капитализма он механически назвал прусским и американским, механически их перенес в Россию, где центральной проблемой окончательного утверждения национальных путей капитализма являлся не национальный как в Пруссии, а аграрный вопрос. Всем этим т. Ванаг лишил учение о двух путях всякого познавательного значения.

Должен сказать, что эта вульгаризаторская точка зрения на ленинское учение о прусском и американском путях аграрной эволюции уже начинает просачиваться в такие почтенные академические советские издания, как «БСЭ». Я

[38] Ленин, Соч., т. IX, с. 661.

[39] Цит. по Ленину, Соч., т. IX, с. 660.

совсем не думаю, что в этом повинен т. Ванаг, но от этого ленинскому учению, как говорят, «не легче». Возьмите т. IX и там прочтете следующее:

> «Развитие капитализма в сельском хозяйстве шло до сих пор (?) двумя (?) путями. Один путь менее прогрессивный, который Ленин назвал прусским, характерен для большинства стран Старого света. Другой, наиболее прогрессивный — американский путь характерен для рассматриваемых районов Америки и Австралии».

Ванаг превратил ленинское учение о двух путях капитализма в земледелии в учение о революционном и контрреволюционном путях капиталистического преобразования вообще, а «БСЭ» уже сводит ленинское учение о прусском и американском путях только к «наиболее прогрессивному» и «менее прогрессивному» развитию капитализма, отделываясь общими бессодержательными фразами, не давая качественных признаков и отличий одного пути от другого.

Позвольте, товарищи, перейти теперь к следующему вопросу, который совсем не был поставлен ни в докладе т. Ванага, ни в прениях, это к вопросу о времени возникновения прусского и американского путей капитализма в русском земледелии, об исторических корнях этих двух тенденций как в экономической, так и политической истории России.

В исторической литературе по данному вопросу резко наметились две точки зрения. Согласно одной из них возникновение двух типов аграрной капиталистической эволюции относится к XVI веку. Более рельефно эту точку зрения сформулировал т. Малышев, поддерживаемый иногда сознательно, иногда бессознательно. рядом товарищей. Я вполне согласен с критикой этой точки зрения, какую дал в своем докладе т. Ванаг. Но есть другая точка зрения, согласно которой две тенденции аграрного развития наметились только во время реформы 1861 г. и позже. Эта точка зрения в основном более правильная, чем первая, сама имеет тот недостаток, что она не вскрывает исторических условий, обусловивших появление и оформление этих тенденций в недрах крепостничества, не задается вопросом, откуда же собственно взялись эти две тенденции во время реформы 1861 г., во время борьбы Чернышевского против крепостничества за крестьянскую революцию? Они конечно не свалились с неба и прежде чем обнаружиться в борьбе классов и политических групп во время реформы должны были быть подготовленными ходом предшествовавшего хозяйственного развития.

Когда Ленин говорил в первом десятилетии XX века о том, что «элементы фермерства созданы в крестьянстве предшествующей хозяйственной историей страны», что «в течение полувека обе тенденции выжили, окрепли, развились, выросли» и что это «свидетельствует бесспорно о силе этих тенденций, о том, что корни их лежат глубоко во всей экономической структуре России», то Ленин бесспорно имел в виду прежде всего первую половину XIX века, т. е. исторический отрезок времени, предшествующий реформам и характеризовавшийся распадом, разложением крепостной системы хозяйства и ростом в недрах крепостного общества элементов, с одной стороны, помещичьего капитализма, а с другой — элементов капитализма фермерского.

За последнее время в нашу историческую марксистскую литературу начинает проникать та точка зрения, что в хозяйственной и политической истории первой половины XIX века уже в эпоху декабризма сложились известные объективные данные, способствующие возникновению прусской и американской тенденций аграрного развития, и что эти тенденции пытались обнаружиться в движении декабристов. Мне кажется, что эта точка зрения заслуживает нашего внимания. Я думаю, что товарищи, ставящие в своих печатных работах вопрос о том, что известная подготовка для двух путей капитализма в земледелии была налицо еще до 1861 г., что движение декабристов в своих двух фракциях выражало первичное столкновение и обнаружение этих двух тенденций, стоят на правильном пути исследования.

Для того, чтобы утверждать о наличии зародышей двух тенденций аграрного капитализма в эпоху декабризма, нужен известный минимум элементов мужицкого и помещичьего капитализма в земледелии, а также нужны силы может быть не совсем достаточные, но уже идеологически оформляющиеся, объективно отражающие и представляющие два метода ликвидации крепостничества. И мне кажется, что мы можем смело говорить о наличии этих двух условий уже в 20-х гг. XIX столетия.

Что в помещичьи имения в первой половине XIX века проникал капитализм — об этом нечего долго распространяться, ибо это известно каждому. Но был ли у нас известный минимум элементов мужицкого капитализма в это время? Безусловно, был. И этого факта многие из нас до сих пор недооценивают. Я думаю,

что многим товарищам известны статьи Кашина[40]. Я считаю, что материал, опубликованный в этих статьях, проливает яркий свет на экономическую основу декабристского движения, на экономическую подоплеку столь частых в 20—50-х гг. XIX века крестьянских волнений, которые были не только одной из главнейших причин отмены крепостного права, но и попыткой направить хозяйственное развитие России по фермерско-буржуазному пути.

Факты, опубликованные в этих статьях, свидетельствуют о том, что происходил быстрый рост крепостной сельской буржуазии в порах крестьянской деревни, происходила довольно быстрая диференциация крестьянства уже под покровом феодальных отношений. В зависимости от хозяйственного лица данного района имели место значительные, подчас довольно крупные операции крепостных крестьян в области торговли, ростовщичества, хлебопашества, подрядов, открытия промышленных заведений, работавших на наемном труде, скупки земли (иногда с крепостными) не только у односельчан, но и на стороне, и у помещиков.

Кустарная промышленность была также благоприятной почвой для роста крепостной буржуазии в неземледельческих районах. Не даром за 25 лет XIX века выкупилось 28 944 мужчин, из них примерно половина платила за «освобождение» по 500 рублей, а многие платили еще больше. Эти данные, полученные из архивов бывших помещичьих вотчин, дают право исследователям сделать вывод, что степень развития аграрно-мужицкого капитализма, его распространенность в крепостной деревне были довольно значительны, во всяком случае значительнее, чем думали об этом до сих пор.

И, что любопытнее всего, в 30-х гг. XIX века современники уже видели этот сравнительно глубокий и ясный процесс диференциации вотчинного крестьянства и выделения верхнего зажиточного и богатого его слоя. Вот например какая была помещена заметка в «Земледельческом журнале» за 1834 г.

«В деревнях богатые, хитрые крестьяне стараются довести порочных, нерадивых собратьев своих до нищеты: под видом, будто помогают их нуждам, дают им деньги на взнос казенных податей, отправляют за них подводы, снабжают семенами, — за все эти благодеяния пользуются участками принадлежащей им земли, которую их же заставляют обрабатывать. Начальник, проезжая крестьянским полем, найдет, что всякий на своей земле убирает хлеб, но когда придет время сборки, то увидит, что на гумнах бедняков нет ни снопа, и они еще с осени просят у богатых хлеба, закладывают им свои тятлые участки земли или ходят за них на барщину. Богачи сии, как пиявки, сосут кровь из бедняка, а приказчиков спаивают и научают всем злоупотреблениям».

Мне кажется, что эта заметка очень характерна и говорит о многом для своего времени. Факт ее появления в печати свидетельствует о том, что факты, перечисляемые в ней, не являются единичными, случайными, мимолетными.

И не даром ряд общественных деятелей из крепостнического лагеря, видя в живой действительности подобного рода факты, выступал против всяких предлагавшихся проектов «освобождения» крестьян, мотивируя свой протест тем, что мол крестьяне после освобождения скоро почувствуют нужду и, как говорил граф Ростопчин, «впадут от нее паки в рабство другого рода. У них найдутся так, как теперь во многих селениях, богатые мужики, которые неприметным образом сделаются новыми помещиками и станут заставлять работать бедных, давая им взаймы денег и выговаривая вместо процентов работу, чем совершенно закабалят их». Так «заботился» граф Растопчин о крепостных крестьянах.

Вот, товарищи, где уже были заложены экономические корни будущей американской тенденции аграрной эволюции. Конечно ни в коем случае нельзя раздувать приведенных фактов «до размеров сверхисторических». Мы обнажаем только корни позднейших процессов пореформенного капиталистического развития страны. Но нельзя и преуменьшать этих процессов, как это делает ряд историков, не желающих при выяснении вопроса о возникновении двух тенденций капитализма в земледелии заглянуть несколько глубже 1861 г. в экономическую структуру крепостной России. Мы должны на новом конкретном историческом материале показать, когда, где и как происходил процесс количественного накопления элементов фермерского капитализма, когда, где и как это количество переходит в качество и начинается кипение классовых сил и наконец почему именно на данной стадии общественного

[40] Экономический быт и расслоение деревни в XIX веке», статьи, опубликованные в «Звезде» за 1926 г., №№ 1, 2, и 4, а также его статья «Землевладение крепостных крестьян», опубликованная в ленинградском сборнике «Крепостная Россия».

развития начинается это кипение. А как вам известно, таким переломным моментом была эпоха «реформ» 1860-х гг.

Если, товарищи, вот с этой точки зрения подойти к декабристскому движению, то получится следующая картина.

Что собой представляло декабристское движение в целом? Безусловно, это была попытка буржуазной революции против застарелого, распадающегося крепостного строя. Но в этом движении имелось, как известно, два крыла, было две фракции, по-разному относившиеся к ликвидации этого крепостничества. Северное общество, с одной стороны, и Южное (особенно бывшие члены Общества соединенных славян) с другой, были представителями двух типов, методов и форм ликвидации крепостничества.

Северное общество фактически было только за реформирование крепостного строя, за приспособление новой нарождающейся капиталистической России к России старой, феодально-крепостнической. Если вы вспомните аграрные проекты Якушкина и Никиты Муравьева, то вы должны будете признать, что они в своих проектах предвосхитили основные положения реформы 1861 г. Ставка на «освобождение» крепостных крестьян с очень скромным наделом за выкуп, стремление превратить феодально-крепостническую монархию в буржуазно-помещичью диктатуру в форме конституционной монархии, словом, всемерное желание закончить буржуазное преобразование путем реформ — вот основы стратегии и тактики Северного общества, выражавшего интересы капитализирующихся помещиков. Именно здесь были заложены ростки, зародыши прусского типа аграрной капиталистической эволюции.

Ростки же американского типа аграрного развития идеологически объективно выражал Пестель в своих аграрных проектах, а Общество соединенных славян — в тактике вооруженного восстания. Поскольку Общество соединенных славян впоследствии влилось в Южное общество, постольку я имею право допустить сочетание, синтез пестелевского аграрного проекта с его своеобразной полунационализацией земли с революционной тактикой «левой» части Южного общества, рассчитанной на массы, на вооруженное восстание солдат при поддержке крестьянского населения.

Что собой представляет аграрный проект Пестеля, если отбросить некоторые его утопические черты, которые были бы безусловно сметены в результате победоносной крестьянской революции? Лучше всех, по-моему, на этот вопрос отвечает М. Н. Покровский, когда пишет:

> «Сущность этих проектов, если ее выразить в самой краткой форме, сводится к полнейшему и окончательному упразднению всех остатков феодального строя в России и возведению на чистом месте строя буржуазного... Пестель был идеологом буржуазной России, очищенной от всего крепостнического. И в этом радикальном ниспровержении того, что в 1825 г. было неизмеримо свежее, крепче и ярче, нежели в 1905, был пафос пестелевского плана»[41].

И в другом месте:

> «Пестель был самым левым из декабристов, потому что он был самым умным из декабристов, единственным из дворянской верхушки заговора, кто понимал, что низвержение самодержавия может быть делом только массовой революции... Он понимал, что, не вырвав из-под него (самодержавия — *И. Ф.*) базы крупного феодального землевладения, нечего и думать о создании радикально нового порядка, а не заинтересовав в этом порядке крестьян, нечего и думать об его прочности. Мысль, что аграрный вопрос есть стержень русской революции, не была чужда Пестелю»[42].

Я не склонен так категорически утверждать, как это делает М. Н. Покровский, что Пестель был сторонник массовой крестьянской революции. Есть много доказательств того, что в основном Пестель рассчитывал на в о е н н ы й переворот и был довольно далек как от армейской массы, так и от самого крестьянства. Но зато другие члены Южного общества, организованно влившиеся в него (Общество соединенных славян) были неизмеримо теснее связаны с солдатами, с крестьянством, и в тактике они была революционерами, верившими в массы, рассчитывавшими на них.

Вот эта политическая программа и тактика славянской группы Южного общества в соединении, в синтезе с аграрными проектами главы и руководителя этого общества — Пестеля — и дает нам некоторые элементы, зародыши, п р е д в о с х и щ е н и е будущего американского типа аграрной капиталистической эволюции в русском земледелии. В пользу этого говорит наличие известных элементов фермерского капитализма в дореформенной, крепостной деревне, значительный рост массового движения крестьянства, рабочих-крепост-

---

[41] «Декабристы», изд. 1927 г., с. 64.

[42] Там же, с. 71.

ных и капиталистических фабрик, наконец волнения солдатских масс, как они рисуются на основании новых архивных данных. Мне кажется, что не будет зазорным видеть в Пестеле, Борисове, Андриевиче, Сухинове предшественников Герцена - революционера, Чернышевского как идеолога крестьянской революции, народников — но не как идеологов крестьянского утопического социализма, а как объективных выразителей интересов мелкого производителя и борцов за американский путь, а также марксистов с их аграрной программой в эпоху буржуазно-демократической революции, сводившейся к конфискации помещичьего землевладения.

А от Муравьева и Якушкина тянется нить к Кошелеву и Кавелину, к октябристам и кадетам, к Гучкову, Бобринскому и Столыпину.

Именно это имел в виду Ленин, когда в 1912 г. писал, что «Третья дума с новой стороны, в новой обстановке подтвердила то основное деление русских политических сил и русских политических партий, которое вполне определенно наметилось с половины XIX века, все больше оформлялось в 1861—1904 гг., оставаясь таковым же и в 1908—1912 гг.».

Вот где, как мне кажется, находятся истоки двух будущих тенденций аграрного развития, вот где лежит зародыш генеральной размежевки двух лагерей, по-разному относящихся к преобразованию феодальной России в Россию капиталистическую. Именно здесь мы видим прообраз, зародыш, пунктир двух методов — революционного и реформистского — ликвидации крепостничества, причем этот пунктир начал все больше превращаться в линию классовых столкновений сперва в 1861 г. (вспомните волну крестьянских волнений, готовых перерасти в революцию), а потом особенно в революции 1905—1907 гг. Именно в этом смысле, в смысле обострения классовой борьбы во время и вокруг реформы 1861 г., Ленин говорит, что обозначались, наметились, заострились две тенденции аграрной революции. Но прежде чем они могли явно обозначиться, должны были появиться их зародыши в предшествующей истории, но не в XVI веке, а в первой половине XIX века, характеризующейся распадом крепостничества как особой экономической системы. Мне кажется, что когда Ленин говорил о 1861 г., он имел в виду весь период распада, разложения крепостничества, хронологически определяемый, примерно, концом XVIII и первой половиной XIX века.

А если при выяснении вопроса о генезисе двух путей, о корнях их зарождения и оформления мы не учтем декабризма, не учтем различия программ и тактик двух крыльев декабристского движения, то надо сделать два вывода относительно этого движения. Во-первых, тогда надо пересмотреть вопрос, было ли это движение по своему экономическому и социально-политическому содержанию буржуазным, и, во-вторых, бросить изучать те различия, которые отделяли Северное общество от Южного, тогда надо бросить говорить о двух фракциях этого движения, о двух различных установках, ибо никакого познавательного значения они иметь не будут.

И. Кузнецов. Политически необходимо проблему двух путей увязать с проблемой перерастания, ибо сейчас правильная разработка этой проблемы крайне важна для стран колониальных и полуколониальных, где буржуазно-демократическая революция тесно связана с проблемой перерастания в социалистическую революцию. Тов. Ванаг дал очень широкое определение сущности проблемы двух путей развития. Он заявил, что проблема двух путей развития есть проблема революции и контрреволюции, революция — американский путь, контрреволюция — прусский путь. Это определение правильно, ибо с победой революции или контрреволюции связана та или иная форма решения аграрного вопроса, тот или иной тип развития капитализма. Но все же это определение не достаточно для понимания существа учения о двух путях развития капитализма. Эта проблема победы революции или контрреволюции существует ведь не только в период буржуазно-демократической революции, она стоит также и в период социалистической революции. Но для нас существо проблемы двух путей развития капитализма заключается в том, чтобы вскрыть суть классовой борьбы в период буржуазно-демократической революции.

Для этого в ванаговскую формулировку нужно вложить реальное содержание, заключающееся в анализе вопроса: вокруг чего концентрируется классовая борьба на этом историческом этапе развития. Когда мы подходим к разрешению этого вопроса, мы должны прежде всего обратиться к следующим высказываниям Ленина:

> «...Есть ли в экономических условиях русского аграрного буржуазно-демократического переворота материальные основа-

ния, заставляющие мелких собственников требовать национализации земли, или это требование тоже только форма, только невинное пожелание серого мужика, пустое мечтание патриархального земледельца.

Чтобы ответить на этот вопрос мы должны сначала конкретно представить себе условия всякого буржуазно-демократического переворота в земледелии, а затем сопоставить с этими условиями те два пути капиталистической эволюции, которые возможны для России, как мы указывали выше. Об условиях буржуазного переворота в земледелии с точки зрения отношений землевладения говорит рельефно Маркс в III томе «Теории прибавочной стоимости»[43].

Из этих слов Ленина следует, что проблема двух путей развития, именно как проблема классовой борьбы, может быть правильно понята лишь тогда, когда мы сосредоточим наше внимание на анализе существа буржуазно-демократического переворота в земледелии. Именно этот вопрос, точнее вопрос о той форме, в которой капитализм овладевает земледелием и переделывает феодально-крепостническое и полукрепостническое земледелие, является в данном случае решающим. Он определяет, во-первых, самый тип эволюции и, во-вторых, конкретное содержание классовой борьбы на этом этапе развития.

Обратимся к постановке этой проблемы у Ленина и Маркса. Комментируя известную характеристику, данную Марксом процессу подчинения капиталом земледелия[44], Ленин пишет:

> «Вспомните «Капитал» Маркса. Вы найдете там указание на чрезвычайное разнообразие землевладения — феодальное, клановое, общинное (добавим примитивно захватное), государственное и проч., которые застает капитал при своем появлении на историческую сцену; капитал подчиняет себе и преобразует по-своему все эти различные формы землевладения, но именно для того, чтобы понять, оценить, статистически выразить этот процесс, необходимо видоизменить постановку вопроса и приемы исследования применительно к различиям формы процесса...
>
> ...Процесс роста и победы капитализма во всех этих случаях однороден, но не одинаков по форме»[45].

Когда мы ведем речь о двух путях развития — прусском и американском — для нас совершенно очевидно, что в Америке и в Пруссии мы имели один и тот же процесс — процесс развития капитализма. Но различие заключается в той форме, в какой капитал овладевает земледелием.

Выдвинув это положение, Ленин подходит к конкретному историческому анализу типов капиталистической эволюции.

> «В Германии пересоздание средневековых форм землевладения шло, так сказать, реформаторски, приспособляясь к рутине, к традиции, к крепостным поместьям, медленно превращавшимся в юнкерские хозяйства, к рутинным участкам «крестьян-лежебок»[46], переживающих трудный переход от барщины к кнехту и гроссбауэру. В Англии это пересоздание шло революционно, насильственно, но насилия производились над крестьянскими массами, которые изнурялись поборами, выгонялись из деревень, выселялись, вымирали и эмигрировали. В Америке это пересоздание шло насильственно по отношению к рабовладельческим экономиям Южных штатов. Их земли были разбиты, поземельная собственность из крупной феодальной стала превращаться в мелкую буржуазную»[47].

Наконец мы имеем характеристику типа развития во Франции, даную Марксом, но я из-за недостатка времени приводить ее не буду.

Таким образом реальное содержание двух путей развития, реальное существо и содержание борьбы классов за форму проникновения капитализма в земледелие заключается в разрешении вопроса, как ликвидируется феодальное землевладение, крепостное, рабовладельческое, в какой форме этот процесс происходит.

С этой точки зрения и следует рассматривать ленинское определение прусского и американского путей развития. Ленин определяет прусский путь развития как тип медлен-

---

[43] Ленин. Соч., т. IX, с. 487. (разрядка моя — *И. К.*)

[44] «Капитал», т. III, ч. 2, с. 157.

[45] Ленин, Соч., т. IX, с. 234.

[46] Ср. «Theorie ü ber den Mehrwert», B. H. T. I. S. 280: Условие капиталистического способа производства в земледелии — «Замена лежебоки-крестьянина промышленником (Geschäftsmann).

[47] Ленин, Соч., т. IX, с. 489, 490.

ной, мучительной капиталистической эволюции земледелия. Американский путь он противопоставляет ему как противоположный полюс [48].

Я считаю, что английский путь можно с известными оговорками сближать с прусским, а французский, где не было крепостного хозяйства, где земля в основном находилась в пользовании крестьянства, выполнявшего феодальные повинности,—близко стоит к американскому, ибо революция 1789 г. уничтожила эти повинности.

Только выяснив экономическую сущность проблемы путей развития капитализма, мы на основе этого сможем дать правильный анализ содержания классовой борьбы. Сущность этой борьбы на буржуазно-демократическом этапе революции заключалась в том, что многомиллионные массы крестьянства и пролетариата были отданы в жертву мучительно медленной эволюции помещичьей латифундии, угнетались крепостничеством, страдали, как говорил Ленин, не столько от избытка капитализма, сколько от его недостатка, от сохранения крепостнических форм эксплоатации.

> «Такой путь развития,—говорит Ленин,—требует для своего осуществления с п л о ш н о г о, с и с т е м а т и ч е с к о г о, н е о б у з д а н н о г о н а с и л и я н а д к р е с т ь я н с к о й м а с с о й и н а д п р о л е т а р и а т о м» [49].

Борьба против этого насилия и составляет содержание классовой борьбы.

В своем настоящем докладе т. Ванаг сделал значительный шаг вперед по сравнению со своим заключительным словом на семинаре Института красной профессуры. Он признал теперь, что развитие в России, поскольку у власти стояли крепостники, шло по прусскому пути. Но встав в основном на правильный путь, т. Ванаг вносит, как нам кажется, новую путаницу в этот вопрос в связи с вопросом относительно национального объединения Германии.

У т. Ванага мы находим противопоставление, точнее отрыв проблемы двух путей развития от аграрного вопроса. Для него Германия, оказывается, есть уже не определенный тип аграрной эволюции, тип развития аграрного капитализма, а лишь своеобразный тип разрешения проблемы национального объединения.

Данное т. Ванагом толкование соответствующего места из письма Ленина к Теодоровичу заставляет сделать следующий вывод: мы не можем говорить о прусском типе аграрной эволюции в России и даже в Пруссии по той якобы простой причине, что там е д и н с т в е н н ы м вопросом буржуазного развития был вопрос национального объединения. Тов. Ванаг при характеристике прусского пути выбрасывает таким образом ленинское определение его как пути мучительного приспособления крепостничества к капитализму. Тов. Ванаг все содержание прусского пути развития сводит к абстрактной классовой борьбе, к тому, что боролись революция и контрреволюция вне всякой связи с реальным процессом развития Германии.

Тов. Ванаг в частности ни одного слова не сказал о феодализме в Германии, поэтому получился логический вывод, ч т о Л е н и н, о п р е д е л я я п р у с с к и й п у т ь к а к п у т ь м у ч и т е л ь н о й а г р а р н о й э в о л ю ц и и о т ф е о д а л и з м а к к а п и т а л и з м у, п р о т и в о р е ч и т с а м с е б е.

Тов. Ванаг не считает возможным проводить аналогию между Россией и Пруссией по тому признаку, что во главе капиталистической эволюции обеих стран шло помещичье хозяйство, медленно перерождающееся из крепостничества. Он ограничивает аналогию лишь формулой победы контрреволюции. Этим он отрывает реальное содержание классовой борьбы от той экономической основы, вокруг которой разворачивается эта борьба. Отсюда противопоставление вопроса о национальном объединении аграрному вопросу, отделение их одно от другого.

Вопрос национального объединения был для Германии вопросом ликвидации феодализма. Нет сомнения, что между Пруссией и Россией в вопросе национального объединения имеется колоссальное различие, исторически сложившееся. Но если эта проблема национального объединения накладывает особый отпечаток на развитие Германии, то она все же ни в коем случае не снимает существа вопроса борьбы двух путей, а это существо—я еще раз подчеркиваю—в первую голову сводится к тому, каким образом капитал овладевает земледелием, именно от этого зависит тип буржуазной и аграрной революций (мы не затрагиваем здесь вопроса о влиянии пути развития на промышленность). Эта сторона дела в докладе Ванага почти совершенно не освещена.

Я хочу коснуться второго существенного вопроса, который здесь затрагивался, это вопрос относительно дат. Дело заключается не в том, чтобы установить определенный год, когда классовая борьба в России развернулась во-

---

[48] Л е н и н, Соч., т. IX, с. 614, 615.

[49] Т а м ж е, с. 615 (разрядка моя—*И К.*).

круг двух типов развития капитализма, или связать ее раз навсегда с известным историческим и общественным движением, как сегодня пытался сделать т. Фролов. Тут должна быть дана общая формула. Вопрос о двух путях развития ставится как проблема классовой борьбы с момента, когда внутри феодально-крепостнического общества вызревают элементы капитализма, когда начинает углубляться кризис феодально-крепостнической формации. Не следует обязательно связывать возникновение этого процесса только с декабристами или только с реформой 1861 г. Несомненно, что уже декабристы отражали на себе эти процессы борьбы за определенный тип капиталистической эволюции. Иначе невозможно понять Пестеля, невозможно понять Южное общество. Связывая вопрос о двух путях с кризисом крепостничества и переходом к капитализму, мы должны самым решительным образом бороться против тт. Малышева и Меерсона, против отнесения проблемы двух путей развития к XVI веку или к пугачевщине.

Возвращаясь к докладу т. Ванага, я должен отметить терминологическую, а может быть и не терминологическую неясность. Вопрос о реальности американского пути т. Ванаг трактует таким образом, как будто в России существовали реально и параллельно два пути — и прусский и американский. Он правильно говорит, что развитие страны шло по прусскому пути, поскольку у власти оставались крепостники-помещики. Но у него имеется и другое место, где он говорит о реальном существовании американского пути развития. При этом он цитирует слова Ленина: «До этих пор реально существует второй путь капиталистического аграрного развития, реально налицо объективные условия для перевода «поезда» на американские рельсы» [50].

Формула Ленина, которая у нас здесь цитируется, бесспорна. Ленин говорит о наличии объективных условий для перехода на американский путь. Но можем ли мы сказать, что у нас реально существовал американский путь развития? (Ванаг: «Нет»). У нас реально существовала и развертывалась классовая борьба за этот путь развития. Но надо различать классовую борьбу за него от самого американского пути развития, от победы. А у т. Ванага происходит смешение классовой борьбы крестьянства за американский путь развития с самым американским путем развития. (Ванаг: «Ничего подобного!»). Дальше мне придется остановиться на позиции в этом вопросе Гайстера. Но и сейчас я считаю необходимым указать, что Ванаг по-моему дал не совсем точное объяснение существа ошибки Гайстера. Тов. Ванаг заявил, что «центральным местом взглядов Гайстера является характеристика конфликта крестьянского капитализма с помещичьим капитализмом же. Эта мысль,—говорит Ванаг,—находится в явном противоречии с Лениным, рассматривающим борьбу крестьянства не на почве капитализма, а на почве крепостнических отношений. На этой основе создается союз сил пролетариата и всего крестьянства. На основе же борьбы капиталиста с капиталистом ни о каком союзе сил речи быть не может; может быть только постановка вопроса в плоскости борьбы пролетариата вместе с сельским пролетариатом и беднейшим крестьянством против капиталистов... может иметь место только завтрашний день».

Я привел это место потому, что мне кажется, т. Ванаг дает здесь неверное объяснение сущности той теории, которую защищал т. Гайстер. Сущность вопроса по Гайстеру заключается в том, что у нас борьба двух путей происходит как борьба двух капитализмов — крестьянского и помещичьего — между собой. Тов. Ванаг говорит, что эта формула дает расстановку классовых сил уже на «завтрашний день», т. е. для периода социалистической революции.

Но т. Ванаг делает ошибку, когда переносит вопрос в эту плоскость. Формула Гайстера есть теоретическое обоснование революционности кулака в буржуазно-демократической революции, вернее говоря, не просто революционности кулака, а что кулак является самой революционной фигурой. (Ванаг: «А может быть наоборот?». Есть ряд историков, которые развивали такую теорию: в период буржуазно-демократической революции вождем крестьянства в борьбе с крепостниками был кулак. Это по-моему основное в позиции Гайстера. Тов. Гайстер, совершенно отвлекаясь от остатков феодализма и крепостничества, забывает, что остатки эти давят на массу крестьянства и делают наиболее революционными слоями деревни именно бедняцкие и середняцкие слои. Вместо этого он выдвигает формулу борьбы кулака-капиталиста с помещиком-капиталистом.

Тов. Гайстер обосновывает свою постановку вопроса теорией воспроизводства, условиями этого воспроизводства, существующими для помещичьего хозяйства и для крестьянского

[50] Ленин, Соч., т. XI, с. 351.

капиталистического (кулацкого) хозяйства. Он говорит: «Мы должны рассмотреть условия воспроизводства для капиталистического сельского хозяйства. Здесь выделяются две основных капиталистических группы — помещичья и крестьянская. Среди последней имеется энергичный рост капитализма...» И дальше: «Но этот крестьянский капитализм не обладал теми же условиями воспроизводства, какими обладало помещичье хозяйство. В самом деле капитализм в помещичье хозяйство проникал в условиях диктатуры класса помещиков. Диктатура помещиков приводит к сохранению крепостнических остатков, дешевой рабочей силы для помещичьих хозяйств, ряда привилегий для них» [51].

Условия воспроизводства кулацкого капиталистического хозяйства при господстве крепостников, давлении остатков феодолизма и крепостничества, были конечно хуже чем у капиталиста-помещика. Это положение, взятое само по себе, конечно верно, но оно не годится в качестве теоретического обоснования основной позиции т. Гайстера. Суть дела не в этом! Если уже обосновывать крестьянскую революцию с точки зрения воспроизводства, то надо поставить *проблему воспроизводства* не в кулацком хозяйстве, а в хозяйстве широких масс крестьянства: бедноты и середняков. Тогда не только нельзя будет говорить о расширенном воспроизводстве, но придется говорить об обнищании, о суженном воспроизводстве, о задавленности миллионных масс крестьянства крепостниками. Вот как стоит вопрос, а т. Гайстер этой основной проблемы — положения миллионов бедноты и середняков — совершенно не затрагивает.

Этой постановкой вопроса он снимает проблему буржуазно-демократической революции и революционной роли крестьянства. и в то же время обосновывает тезис о революционности кулака.

Последний момент, на котором я хочу остановиться, это — проблема перерастания.

Здесь возможна или теоретически-абстрактная или конкретно-историческая постановка вопроса. Мне кажется, что т. Ванаг сделал ошибку, не поставив этого вопроса конкретно-исторически. Перерастание бесспорно является важной проблемой, которая должна быть связана с двумя путями развития, но я подчеркиваю — она стоит далеко не для всех времен. Здесь обязателен конкретный исторический анализ. Я проиллюстрирую примерами: 1861, 1905 и 1917 гг. в России. В 1861 г., когда проблема «двух путей» уже стояла во всей широте, когда крестьянство волновалось и боролось по существу за *американский* путь развития, проблема перерастания еще не стояла. Точно так же в Америке, в период революции 1865 г., уничтожившей рабовладение, вопрос о перерастании не стоял, ибо там о руководстве пролетариата, как и в России в 1861 г., не могло быть и речи. Там (в Америке) шла речь лишь о буржуазном руководстве борьбой за американский путь. Следовательно проблему перерастания можно и должно связывать только с теми периодами, когда пролетариат возглавляет крестьянскую революцию.

Остановимся на проблеме перерастания в 1905 г. в России. По этому вопросу мы имеем, с одной стороны, троцкистское игнорирование двух путей развития и, с другой стороны, слепковскую трактовку двух путей развития в отрыве от проблемы перерастания. У нас иногда пишут большие книжки о 1905 г., где нет ни слова о двух путях развития и где вопрос о крестьянстве трактуется таким образом, что крестьянство-де все время колеблется между пролетариатом и самодержавием, т. е. крепостниками.

Мы должны решительно бороться против правооппортунистической слепковской постановки вопроса, отрицающей для революции 1905 г. проблему перерастания... Я приведу одно место из книги Слепкова «Пролетариат и крестьянство в революции».

«Наша партия назвала революцию 1905—1907 гг. буржуазно-демократической. Дело в том, что во время этой революции обстановка еще не созрела для социалистического переворота... Пролетариат боролся непосредственно за уничтожение помещичьего строя, за демократический режим, при котором он мог бы годами, а может быть и десятилетиями (разрядка моя—*И. К.*) подготовлять свою социалистическую революцию (с. 14—15). (Кабалкина: «Каменев говорил это относительно 1917 г.»). Ясно, что эти ошибки Каменева и Слепкова одного и того же правого порядка. Слепков видит только буржуазно-демократический этап революции и совершенно отрицает для 1905 г. перерастание, борьбу за социалистический переворот. Между тем Ленин в «Двух тактиках» совершенно ясно и отчетливо говорит о перерастании:

> «Полная победа теперешней революции будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот. Чем полнее бу-

[51] «Бюллетень ЗКО ИКП», с. 28—29.

дет демократический переворот, тем скорее, шире, чище, решительнее развернется эта новая борьба. Другими словами, когда демократическая буржуазия или мелкая буржуазия поднимется еще на ступеньку, когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, тогда мы «подменим» (может быть при ужасных воплях будущих Мартыновых) лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т. е. полного социалистического переворота» (разрядка моя — *И. К.*)

Таким образом, товарищи, я полагаю, что когда мы ставим вопрос о двух путях развития, мы обязаны в конкретной форме соединять его с проблемой перерастания.

М. Кабалкина. Мне кажется, что т. Ванаг методологически неправильно поставил самый коренной вопрос — что же такое два пути? Тов. Ванаг заявил, что проблема двух путей это проблема классовой борьбы. Тов. Кузнецов сказал, что суть этой проблемы — в приспособлении капитализма к земледелию. (Кузнецов: «Я не отрывал этого от классовой борьбы»). Вы все время это подчеркивали. Вопрос нельзя ставить ни так, как его поставил т. Ванаг, ни так, как это сделал т. Кузнецов. Ни тот, ни другой не дают нам конкретного ответа на вопрос, что такое два пути. Нам нужно не только изложение всего того, что говорили по этому вопросу Ленин, мы хотим конкретно выяснить, какое место занимает учение о двух путях в проблеме демократической революции в России, ибо вне этой проблемы вопрос о двух путях носит сугубо академический характер. С этой точки зрения доклад т. Ванага не может нас полно удовлетворить.

Начну с трюизма: с выяснения связи между политикой и экономикой. По этому вопросу мы имеем очень ценное замечание Ленина, сделанное им накануне X съезда. Ленин пишет следующее:

> «Они оба, Троцкий и Бухарин, упрекают меня в том, что я подменяю вопрос или что я подхожу «политически», а они подходят «хозяйственно». Теоретически неверность вопиющая. Политика есть концентрированное выражение экономики. Политика не может не иметь первенства над экономикой. Но говорить, что политический подход равноценен хозяйственному, что можно брать то и то, это значит забывать азбуку марксизма. Без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит политического господства, а следовательно не сможет решить и своей производственной задачи» [52].

Этот пример должен показать, что нельзя о проблеме двух путей говорить, что это главным образом вопрос о буржуазном аграрном перевороте или что это только вопрос классовой борьбы. Равнодействующая классовой борьбы решает все вообще крупнейшие исторические вопросы, поэтому определение т. Ванага равносильно невыяснению своеобразия данного вопроса. Этот казус произошел с т. Ванагом потому, что он дважды совершил одну и ту же ошибку «чисто экономического подхода» — в первый раз в своей книге «Финансовый капитал», а во второй — в своем заключительном слове в ИКП. Поэтому обжегшись два раза на «чисто экономическом» подходе, т. Ванаг перешел к «чисто политическому», он не сумел установить правильного взаимоотношения между экономикой и политикой.

Главная задача не в том, чтобы универсализировать проблему двух путей, проблему бури и реформы, а чтобы показать своеобразие двух путей в России. Все помнят замечания Ленина на программу Плеханова, где Ленин обвиняет Плеханова в том, что он пишет о капитализме вообще, а не о русском капитализме. И теперь в вопросе о двух путях мы за этой универсализацией можем проглядеть «чисто русские вопросы». «Разные страны в своей буржуазной революции проводили в жизнь различные ступени политического и аграрного демократизма и притом в самых пестрых сочетаниях» [53], писал Ленин, на какой ступени и в каком сочетании будет находиться в России аграрный и политический демократизм, решалось равнодействующей классовой борьбы, но расстановка классовых сил, идущих в бой за тот или иной тип аграрного и политического демократизма, определялась особенностями генезиса русского капитализма, своеобразием русской пореформенной экономики. И потому нужно попытаться нащупать корни двух путей, «глубоко лежащие во всей экономической структуре пореформенной России».

Этот вопрос здесь пытался поставить т. Фролов, но вместо того, чтобы выяснить, почему «национальной» проблемой капитализма

[52] Ленин, Соч., т. XX, с. 126.
[53] Ленин, Со., т. XVI, с. 30.

в России являлась борьба крестьян за землю, т. Фролов занимался выяснением, кто же были родоначальники двух тенденций буржуазной аграрной эволюции. Он заявил, что таковыми в России являются декабристы. Для этого заключения у нас недостает однако конкретного материала, ибо аграрные программы двух течений декабризма позволяют лишь утверждать, что в идеологии декабристов есть едва намечающиеся элементы этой проблемы, симптом зарождающегося в России капитализма. Это нисколько не мешает нам, как и Ленину, считать первым выразителем американской тенденции Чернышевского, ибо проблема борьбы двух путей имеет для нас значение, поскольку на арене борьбы появляются классы, борющиеся за ту или другую линию, а такой эпохой является лишь эпоха Чернышевского.

Если тт. Малышев и Меерсон ищут истоков двух путей в структуре крепостного хозяйства (и совершенно неправильно, как это доказал в своем докладе т. Ванат), то нашей задачей является нащупать их в структуре зарождающегося капитализма. Преобладание мелкого крестьянского хозяйства, вступающего «в обстановку товарного производства» и могущего, при наличии свободы от гнета крепостничества, ежедневно и ежечасно рождать капитализм и создать единый широкий внутренний рынок— вот где самые глубокие корни американской тенденции в пореформенной экономике России. С другой стороны, наличие огромных латифундий и власти в руках помещиков и следовательно возможность для них решать «производственные задачи» в интересах своего класса — вот где корни прусского пути.

Следующий важнейший вопрос — это место двух путей в ленинском стратегическом плане буржуазно-демократической революции. У т. Ванага этот вопрос освещен чрезвычайно слабо. Ленин, поставив сначала проблему борьбы двух линий буржуазно-аграрной эволюции как чисто русскую проблему, после первых революций в Азии, ставит эту проблему в центре всего революционного движения в Азии. Так в статье «Демократия и народничество в Китае» Ленин писал: «Сун Ят-сен ставит перед нами совершенно независимо от России чисто русские вопросы» и далее: «Какая экономическая необходимость вызвала в одной из самых отсталых стран Азии распространение самых передовых буржуазно-демократических программ по отношению к земле? Необходимость разрушения феодализма во всех его видах и проявлениях...» Всеазиатское значение этой проблемы разработано Лениным и в статье «Лев Толстой и его эпоха». Таким образом проблема двух путей из «чисто русского» вопроса становится всеазиатским вопросом. Но проблема двух путей в стратегическом плане есть не только вопрос о доведении буржуазно-демократической революции до конца, но и вопрос об ее перерастании в социалистическую революцию. Две социальных войны в недрах современного общества, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, ее прошлое и будущее и проблема двух путей — все это звенья одной и той же цепи стратегического плана Ленина. Причем и борьба двух путей имеет также свое прошлое и будущее. Ее прошлое в том, чтобы покончить с крепостничеством, ее будущее заключалось в том, чтобы стать исходным пунктом не американского капиталистического пути, а прологом социалистической революции: «А когда мы выполним это, мы посмотрим, окажется ли такой переворот лишь основой для американски быстрого развития производительных сил при капитализме, или же он станет прологом социалистической революции на Западе» [54].

В связи с этим следует разрешить вопрос о том, когда же была снята проблема двух путей. Окончательно, несомненно, в 1917 г. Но меня интересует сейчас, что нового вносит эпоха империалистической войны в постановку вопроса о двух путях. Я имею в виду главным образом статью Ленина: «Революционный кризис и поражение России», написанную в 1915 г. «Империалистическая война связала революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократической революции, с растущим кризисом пролетарской социалистической революции. Довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, чтобы разжечь пролетарскую революцию на Западе — так ставилась задача в 1905 г. В 1915 г. вторая половина этой задачи стала настолько насущной, что она на очередь становится одновременно с первой» [55]. Изменяет ли что-либо в проблеме двух путей вот эта постановка? Несомненно. И вот в каком смысле. Если раньше Ленин на вопрос о том, является ли проблема американского пути лишь «основой для американски быстрого развития производительных сил при капитализме или же он станет прологом социалистической революции», отвечал: «Посмотрим», то в эпоху империалистической войны стало совершенно ясно, что разрешение аграрного

---

[54] Ленин, Соч., т. XII, с. 294.

[55] Ленин, Новые статьи и письма, с. 16.

вопроса по американскому образцу станет исходным пунктом развития социалистической революции, а не основой для «американски быстрого развития производительных сил при капитализме». Вот то новое, что внесла эпоха империалистической войны в понимание проблемы «борьба двух путей».

А. Мальков. Прежде всего одно сомнение, которое всплыло в связи с выступлением т. Меерсона. По-моему, мы можем решительно поставить вопрос о том, что две тенденции развития капитализма имели место во многих странах. Правда, здесь есть опасность подойти к вопросу механически. Товарищи совершенно правильно сигнализировали эту опасность, но тем не менее, если мы обратимся к историческим фактам, они говорят в пользу того, что эти две тенденции существовали в подавляющем большинстве стран.

Что касается Пруссии, то в отношении ее для нас вопрос совершенно ясен. Точно так же очевиден вопрос о борьбе двух тенденций в турецкой революции: так наз. кемалистских тенденций и тенденций революционно-демократических, за которые сейчас борется Коминтерн.

Подробнее остановимся на примере Франции. Нужно прежде всего разъяснить недоразумение, которое имеется в нашей исторической литературе по вопросу о развитии капитализма в дореволюционной Франции. На трактовке этого вопроса нашей литературой сохранился явно народнический налет. Во всех выступлениях и статьях всегда находишь подчеркивание того, что во Франции XVIII в. не было капитализма. На самом деле факты говорят, что Франция знала капитализм и в деревне и в городе. Крестьянское хозяйство, будучи в подавляющем большинстве мелким крестьянским хозяйством, тем не менее имело капиталистов. Эти капиталисты развивались главным образом по линии скупки земли, субаренды, торговли и т. д. Те процессы, которые происходили во французской деревне, ясно говорят о капитализации крестьянских хозяйств. Возьмите хотя бы знаменитый вопрос гленажа. Одна часть крестьянства выступает против права гленажа, другая часть крестьянства выступает в защиту этого права, потому что существование мелкого крестьянина-бедняка, выражаясь нашим термином, было тесно связано с правом гленажа. Проникновение таких культур, как марена, которая являлась одной из важнейших культур в развитии Франции, характерно как раз для крупных крестьянских хозяйств. Эти факты говорят о том, что в положении французской деревни накануне Великой революции мы имеем некоторую аналогию, я оговариваюсь — грубую аналогию с предреволюционной русской деревней.

Если мы подойдем к другому полюсу, именно к полюсу помещичьему, то для Франции характерно, что помещики меньше всего занимались земледелием. Для Франции характерна аренда. Но тем не менее факты говорят, что отдельные попытки помещичьего предпринимательства все же были. Возьмите знаменитый вопрос «огораживания», попытку пересадить английскую систему огораживания на территорию Франции. Они несомненно были. И если просмотреть законодательство Франции в данный период, то можно увидать, что правительство встает на помещичью точку зрения, поддерживает помещиков и кулацкую часть французской деревни в праве на огораживание.

Ведь совершенно неслучайно создается накануне Великой французской революции бюро сельского хозяйства, своеобразное министерство земледелия, которое ставит своей задачей перевести помещичье хозяйство на капиталистические рельсы. Показателем этого являются попытки перенести культуры из Англии, приглашение английских агрономов, попытки перейти от трехполья к правильному плодосмену. В особенности эти факты характерны для таких провинций, как Пикардия, Иль де-Франс, Лаони и др.

Чем характерен первый этап революции, период господства так наз. буржуазной аристократии? Он характерен тем, что все реформы, которые проводились под жесточайшим напором классовой борьбы, напором мужика, все эти реформы были не чем иным, как юридическим оформлением и подновлением того, что уже отмирало. Не было разрешено и даже не было поставлено ни одного реального вопроса в области аграрных отношений; политика буржуазной аристократии заключалась в том, чтобы укрепить пошатнувшиеся феодальные отношения, приспособить их к новому капиталистическому развитию. Вопрос о короле, рабочий вопрос, крестьянский вопрос и т. д. — все они были связаны с тем, что буржуазия, крупные помещики и финансовая аристократия, пришедшие к власти, думали задержать революцию, т. е. направить развитие по реформистскому пути, уничтожив в феодальном строе то, что уже отжило, и сохранив все, что способно было развиваться. Вот как мне представляется постановка этого вопроса во Франции. Вот почему в другой связи, по отношению к другой эпохе и другим классам Ленин проводит аналогию между жирондистами и якобинцами,

с одной стороны, и двумя течениями нашей эпохи в передовом классе: оппортунистическим и революционным.

Я делаю вывод, что проблема двух путей была поставлена, что буржуазия, стоявшая у власти в первый период революции, пыталась направить развитие по прусскому пути, якобинская диктатура пыталась направить развитие по другому, революционному пути. Получилось приближение к американскому пути, но не классический американский путь.

Перейдем к Америке. Ленин, по существу, с политико-экономической точки зрения не проводит принципиального различия между американским рабовладением и русским крепостничеством. Я продолжу эту мысль: рабовладение накануне гражданской войны не было классическим рабовладением, это было в значительной степени модернизированное рабовладение, измененное теми условиями, в которых оно развивалось, а именно проникновением капитализма. Какие факты говорят в пользу этого?

Мы имеем попытки рабовладельческого хозяйства перейти на капиталистические рельсы. Существуют специально имения, которые занимаются производством рабов. Если возьмем классовую борьбу, которая происходила на Юге, она точно так же говорит о том, что там были какие-то элементы капиталистического развития: аболиционисты на нашем языке не что иное, как народническая интеллигенция, которая в тех условиях вела борьбу с рабовладением. Наконец самая завязка борьбы, инициатива борьбы исходит не со стороны Севера, а со стороны Юга; Юг пытается направить развитие по своему пути. Необходимо подчеркнуть, что столкновение приняло революционный характер, когда выступил фермерский Восток, сам же Север был склонен итти на компромисс. Это дает повод обобщить, что тех противоречий, которые мы привыкли искать между нарождающимся капитализмом и феодализмом, мы тут не видим, вместо этого мы имеем попытку создания компромисса.

Маркс[56] недвусмысленно формулировал положение, что и рабский и крепостной труд при условии связи рабовладельческого хозяйства с рынком, «на котором господствует капиталистический способ производства», служат не для создания «известного количества полезных продуктов», а для производства прибавочной стоимости. Мне думается, что именно эти указания Маркса дают нам право сделать вывод о том, что во всякой буржуазной революции мы имеем налицо две тенденции капиталистического развития. Победу той или другой тенденции решает классовая борьба. При этом может получиться, разумеется, целый ряд промежуточных форм, подходящих ближе к тому или другому полюсу.

Другое дело, по каким вопросам идет борьба, какие основные вопросы стоят перед той или иной буржуазной революцией и какие классы выступают на арене борьбы за эту революцию. Тогда мы не можем сравнивать Францию накануне Великой революции и Россию революции 1905 г. Именно учет конкретных своеобразных условий является наиболее важным. Тов. Кузнецов утверждал здесь, что Ленин не проводил аналогии между собственно прусским путем и между прусским путем, по которому шла Россия. Следовательно у Ванага постановка вопроса неправильна. Мы знаем, что в каждой революции существует основной вопрос, решение которого определяет решение всех остальных вопросов, в том числе и аграрного вопроса. В Германии это был вопрос национального объединения. Но когда Ленин на примере аграрной революции в Пруссии стремился выявить тот путь, по которому развивалась Россия, для него проблема национального объединения Германии как основной вопрос капиталистического развития была уже снята. Основным для Ленина был классический тип аграрного преобразования, которое в Германии породило классический тип аграрного развития.

Далее я остановлюсь на вопросе о ведущих классах в революции 1905 г. Для Ленина проблема борьбы за демократический путь преобразования России была по существу проблемой союза рабочего класса с крестьянством. Тов. Литвиновым был поставлен вопрос, как нужно понимать ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством и вопрос об отношении к кулаку. Тов. Литвинов предложил привлечь к разрешению этого вопроса авторитет ЦК нашей партии. Но именно документы ЦК и говорят о том, что об активной роли кулака в революции вопрос не может стоять. Кулачество, поскольку оно было элементом капиталистическим, хотя и со значительными пережитками крепостничества, не могло принимать активного участия в революционной борьбе. Следуя ленинскому учению ни в коем случае нельзя говорить о союзе пролетариата с кулаком, в лучшем случае последний может быть нейтрализован. О том же говорят и тезисы ЦК нашей партии к юбилею 1905 г.

---

[56] «Капитал», т. I, с. 165—166, изд. 1928 г.

Постановка т. Ванага, сводящаяся к тому, что только классовая борьба приводит к реформе, что только под напором классовой борьбы господствующий класс приступает к реформе, является правильной. Я добавлю лишь, что те «шажки», которые русское самодержавие делало по прусскому пути развития капитализма, отдельные уступки и реформы в этом направлении — все это было с его стороны прежде всего попыткой предотвратить революцию. Однако т. Ванаг допустил здесь ошибку в том смысле, что сделал слишком большой крен в одну сторону, ввиду чего и получилось некоторое противопоставление классовой борьбы экономике. А между тем Ленин, говоря о доминировании политики, о господстве в истории классовой борьбы, говорит, что понять ее без закономерности экономического развития нельзя. У Ленина есть два вопроса: вопрос экономического развития или экономической тенденции и вопрос классовой борьбы. У Ванага этого «равновесия» нет.

Наконец вопросу о фермерских тенденциях в докладе т. Ванага не уделено достаточно внимания. Здесь спорили о количественном выражении капитализма — был ли он велик или мал и т. д. По-моему, к этому вопросу надо подойти с точки зрения проблемы уничтожения крестьянства как класса. Если посмотреть на всю политику самодержавия, включая и столыпинскую реформу, то легко увидеть, что она была рассчитана на уничтожение крестьянства как класса, на расслоение крестьянства. Но процесс расслоения деревни, а следовательно и снятия фермерского пути задерживался наличием в России крепостничества. Таким образом вопрос снятия фермерского пути решался тем, в какой степени политике самодержавия удавалось в согласии с ходом экономического развития провести этот процесс расслоения. Те слои деревни, которые развитие капитализма поставило в более благоприятное положение, капиталистически перерождались за счет основной массы крестьянства, ибо иных источников накопления кулацкое хозяйство получить не могло; этот процесс шел за счет перераспределения основных средств производства в деревне. Кулацкое хозяйство несомненно росло по прусскому пути, ибо в сущности вся политика самодержавия была направлена на то, чтобы извратить американский путь развития деревни, сделать кулака составной частью юнкерского хозяйства. С этой точки зрения совершенно ясен вопрос об отношении к революции и о роли в ней кулака.

В связи с этим я остановлюсь еще на вопросе о либеральном движении в России. По-моему либеральное движение было составной частью прусского пути, и либералы были наиболее яркими представителями этого прусского пути, хотя проводили его не они. Это либеральное движение стимулировалось тем, что стоящие у власти полукрепостники-помещики проводили такую политику, которая не всегда отвечала интересам среднего помещика, оно отражало также политическое движение деревни, давление деревни.

Последний вопрос, это вопрос об ошибках Гайстера. По-моему ошибки Гайстера в основном меньшевистского порядка. Но они еще более глубоки в том смысле, что совершенно снимают проблему буржуазно-демократической революции. Под какой тип революции можно подвести революцию, подготовленную тем путем развития, о котором пишет Гайстер? Это революция 1830 г., 1848 г., борьба двух фракций буржуазии, но отнюдь не революция рабочего класса, не буржуазно-демократическая революция.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Н. Ванаг. Сначала несколько слов о так называемом цитатном методе. По этому вопросу явное недоразумение или непонимание того, какие задачи стояли передо мной как докладчиком. Тема доклада «Проблема двух путей развития капитализма в работах Ленина». Очевидно, что собрание сочинений Ленина является в нашей постановке вопроса тем и с т о ч н и к о м, который приходится анализировать. По данной теме собрание сочинений Ленина является таким же и с т о ч н и к о м, как архивные фонды Юсуповых, Шереметьевых и сборники РИО по теме т. Меерсона о пугачевщине или статистические сборники, периодическая печать и банковские архивы по теме т. Грановского о монополистическом капитализме в России.

Никому и в голову не придет обвинять тт. Грановского и Меерсона в том, что они б у к в а л ь н о целые страницы своих работ заполняют фактами, цифрами, статистическими таблицами, позаимствованными из упомянутых источников. В анализе этих данных и фактов состояла их задача, точно так же как моя задача заключалась в анализе ленинских взглядов.

Как же могло случиться, что метод Грановского и Меерсона, будучи применен мною, встречает столь резкое осуждение со стороны этих товарищей.

Товарищи вероятно не имеют достаточно ясного представления о существе так называемого цитатного метода. Отличительная черта цитатного метода заключается в надергивании цитат, в выхватывании отдельных цитат вне их взаимной связи, вне общей концепции автора, в случайном наборе цитат, не пронизанном от начала до конца их анализом или рассчитанном на введение в заблуждение читателя или аудитории. С этим цитатным методом мой доклад не имеет ничего общего. Мои оппоненты доказали это с наибольшей наглядностью. Ведь они все в той или иной степени признавали правильность произведенного анализа. При случайном подборе цитат они не могли бы притти к такому выводу.

Я внимательно прислушивался к речам оппонентов и, признаться, долго не мог уловить, каков тот метод, которым они рекомендовали бы мне пользоваться при разборе ленинских взглядов. Они шли по моим стопам — в подтверждение своих взглядов цитировали Ленина. Только один из выступавших, т. Литвинов, демонстрировал нам иной метод. Оказывается, что самым лучшим способом уяснения ленинского взгляда на два пути развития является цитирование своих собственных опубликованных и не увидевших еще света работ. Но ведь это в лучшем случае самореклама и своеобразный способ продвижения в печать неопубликованных произведений.

Поэтому я остаюсь при моем методе и дам критику выступлений оппонентов на основе анализа именно ленинских работ, анализом ленинских высказываний. Я покажу необоснованность всего того, что тут было наговорено с такой горячностью, вплоть до обвинения в меньшевизме и угроз высшими партийными учреждениями.

Начну с основного обвинения, уличающего мой доклад в том, что он находится в коренном противоречии с теми взглядами, которые я отстаивал в своих работах о финансовом капитале. Так ли это? Нет, не так. Об этом свидетельствует между прочим и бездоказательный, голословный характер обвинения со стороны т. Грановского. Что стоило т. Грановскому, раз он пошел по пути «разоблачения» Ванага, показать, что его собственные взгляды на развитие монополистического капитализма в России полностью вытекают из моей интерпретации ленинских двух путей, против которой он не оказался в состоянии выступить.

Благодарная задача! Но очевидно не выходит, не выходит! Разоблачение взглядов Ванага продолжает оставаться плодом воображения т. Грановского и не выходит за пределы громких фраз и необоснованных обвинений.

Я не хотел касаться на этот раз проблемы финансового капитала, исходя из того, что в плане докладов нашего общества предусмотрен мой специальный доклад по этой проблеме. Однако часть моих оппонентов не нашла что сказать по существу данного доклада и вернулась к старым спорам.

Я готов остановиться на проблеме финансового капитала в свете ленинской концепции двух путей развития капитализма в России, готов показать, что из этой концепции вытекает та постановка проблемы развития финансового капитала в России, которую мне приходится защищать в течение всех последних лет.

Больше того, сознаюсь, что, ставя доклад о двух путях, я преследовал, кроме всего прочего, цель — методологически обосновать свой взгляд на проблему финансового капитала. Товарищи этого не заметили. Тем меньше оснований требовать от меня признания ошибок. Доводы же оппонентов по этому вопросу были настолько несерьезны, ошибочны и детски наивны, что они вместо того, чтобы склонить меня к этому шагу, еще больше подкрепили занимаемые мною позиции.

Как обстоит дело с вопросом о характере развития капитализма в России (в том числе и финансового) в свете ленинской проблемы двух путей? Влияла ли неразрешенность вопроса о том, пойдет ли развитие капитализма в России по типу «α» или по типу «β», на развитие в стране промышленного и финансового капитала? Другими словами—влияло ли на развитие промышленного и финансового капитала в стране то обстоятельство, что, одержав верх над крестьянским движением эпохи 1861 г. и над революцией 1905—1907 гг., Пуришкевичи и Марковы 2-е взяли на себя решение задач буржуазного преобразования, пытаясь решить эти задачи в борьбе против революции реформаторскими — бисмарковскими — методами?

На этот вопрос можно дать только один ответ — влияло, да еще в какой степени! Характер этого влияния может быть определен со всею четкостью и ясностью.

Господство крепостника-помещика в капиталистической России в результате двукратных

(1861 г. и 1905—1907 гг.) попыток решения вопроса о путях развития России плебейскими методами, определяло отсталость развития капитализма в стране, определяло черепаший темп этого развития. Развитие капитализма в целом уродовалось пуришкевичевщиной, сохранившей власть и доходы как после реформы 1861 г., так и после революции 1905—1907 гг.

Мы уже однажды обращали внимание на эту сторону развития промышленного капитала в России, оспаривая установившееся представление о сверхамериканских темпах развития капитализма в русской промышленности. Позвольте еще раз фиксировать внимание на этой стороне дела, воспользовавшись сочинениями Ленина как анализируемым нами источником.

Перед нами статья Ленина: «Наши успехи»[57]. Ценность этой статьи в том, что она, опрокидывая либерально-буржуазное представление о характере развития капитализма в России, ставит вопрос о развитии капитализма в целом (как в сельском хозяйстве, так и в промышленности) в прямую связь с борьбой двух путей развития капитализма в России.

Двум методам решения проблемы буржуазного развития страны (решения аграрного вопроса) соответствуют и два типа развития капитализма в промышленности. Попытке разрешить проблему буржуазного развития реформаторским способом соответствует отсталость развития капитализма и в промышленности, сжимаемой средневековым гнетом крепостничества, в итоге чего «Россия XX века, Россия третьеиюньской «конституции» стояла «ниже рабской Америки»[58] (не случайная аналогия! — *Н. В.*) стояла перед перспективой «быть раздавленной конкурентами... либо избавиться от всех остатков крепостничества»[59]. Революционному решению вопроса (победа «американского» пути) соответствует свободное, широкое развитие промышленности и высвобождение ее от иностранной зависимости.

С такой постановкой вопроса мы встречаемся у Ленина неоднократно. Вопрос о развитии капитализма в целом находится у него в прямой зависимости от реального соотношения классовых сил, боровшихся за «чистку» путей для капитализма. Чем решительнее, беспощаднее была бы ломка крепостнических отношений, чем шире, организованнее и стремительнее был бы натиск сил, боровшихся с крепостничеством, тем лучше было бы для всего развития России[60]. Чем шире и организованнее было бы крестьянское движение в эпоху реформы 1861 г., «чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении, чем дешевле бы они ее получили, чем быстрее, шире, свободнее шло бы развитие капитализма в России, чем скорее исчезли бы остатки крепостнических и кабальных отношений, тем значительнее был бы внутренний рынок, тем обеспеченнее развитие городов, промышленности и торговли»[61].

Так разрешается вопрос в свете ленинского учения о двух путях. В условиях неразрешенности вопроса о национальном пути развития капитализма, в условиях всевластия крепостника-помещика развитие капитализма и в промышленности протекало с черепашьей медленностью и в явной зависимости от конкурентов, «у которых капитализм идет иным темпом и на действительно широкой основе».

Это решение прямо противоположно тому, что говорят тт. Грановский и Литвинов. Помещик-крепостник и в условиях третьеиюньской монархии не мог решить вопроса о широком и самостоятельном развитии промышленного и финансового капитала в стране.

Это вытекает из ленинской концепции двух путей. Запомните это те, кто превращает нищую, голодную, босую деревню эпохи столыпинщины в калошную, стоящую в очередях за огнеупорным кирпичем, увеличившую внутренний рынок для промышленности в такой степени, что деревня якобы стала перед товарным голодом! Запомните те, кто проглядел основное в столыпинщине, увидев в ней лишь ту «теневую» сторону, что она «содействовала такому расширению емкости русского рынка, такому росту потребности, что внутреннее производство не успевало за спросом»[62]. Запомните и те, кто требует от меня отказа от моих взглядов на развитие капитализма в России, от моего основного положения о зависимом характере русского капитализма, в том числе и финансового.

Вопрос о зависимости русского капитализма находится в теснейшей связи с вопросом о двух путях развития. Не может быть сомнения

[57] Ленин, Соч., т. XVII, изд. 2-е, с. 342—343.

[58] Там же.

[59] Там же.

[60] Ленин, Сравнение столыпинской и народнической аграрных программ, Соч., т. XVI.

[61] Его же, По поводу юбилея, Соч., т. XV, с. 95.

[62] Литвинов, Цит. соч., с. 89.

в том, что в ленинском представлении вопрос о зависимом или независимом характере русского капитализма решается в соответствии с путем, по которому шло освобождение России от крепостнических пут. Свободное и вполне самостоятельное развитие национального капитала возможно при революционном решении вопроса о путях развития России. Россия могла бы «выкарабкаться» на путь самостоятельного капиталистического развития и в условиях победы «прусского» пути при помощи «удачной» войны, как это удалось бисмарковской Германии в результате франко-прусской войны. Но в том то и дело, что ни того ни другого не было дано соотношением классовых сил в стране. Россия делала лишь шаги по «прусскому» пути, сохраняя Пуришкевичей хозяевами в капиталистической стране, сохранив вместе с ними выдающуюся роль иностранного капитала в хозяйстве страны.

Движение Пуришкевичей по пути капиталистической эволюции, столыпинско-кадетский путь развития неизбежно оставляет страну с ее капиталистической промышленностью зависимой от иностранного капитала. В этом—одна из сторон ленинского учения о двух путях.

Эту сторону проблемы Ленин четко вскрыл в своей статье от 20 декабря 1906 г. «Пролетариат и его союзники в русской революции». Эта статья посвящена разбору книжки Каутского, написанной в лучшие дни деятельности нынешнего социал-фашиста, в которой Каутский, по словам Ленина, формулировал «основную посылку всей тактики революционной с.-д.». Указывая, что «заграничный капитал играет у нас особенно выдающуюся роль», что он задерживает капиталистическое развитие страны, и, увязывая последнее с тактикой большевизма, Ленин заключает:

> «Каутский вполне последовательно замечает: Ясно, что либералы пугаются столь гигантских задач, столь решительных изменений в существующих имущественных отношениях. По существу они хотят продолжать вести теперешнюю политику, оставляя неприкосновенными основы эксплоатации России иноземными капиталами»[63].

Не ясно ли, товарищи, что неот'емлемой сущностью той «теперешней» политики, т. е. политики шага по пути к буржуазной монархии, шага по «прусскому» пути, является эксплоатация России иностранным капиталом.

Так обстоит дело с вопросом об увязке двух путей развития с проблемой о зависимом характере русского капитализма.

На эту связь победы контрреволюции с зависимым положением туземной промышленности в условиях «шага по пути капитализма» указывали еще Маркс и Энгельс в январе 1849 года. В статье «Новой рейнской газеты» — «Монтескье LVI» они писали:

> «Обеспеченная октроированной конституцией система бюрократической опеки есть смерть для промышленности. Вспомните только о прусском управлении горной промышленностью, о фабричных регламентах и т. п... Случай с Галицией обращает наше внимание на другой пункт. Тогда прусское правительство пожертвовало промышленностью и торговлей с Силезией ради контрреволюции в союзе с Австрией и Россией. Этот маневр будет постоянно повторяться. Банкиром прусско-австрийско-русской контрреволюции, у которого королевская власть божьей милостью вместе со своими «королевскими станами» будет постоянно искать внешней (разрядка автора) поддержки, является Англия, опаснейшим противником немецкой промышленности — та же Англия. Мы полагаем, что эти данные говорят достаточно красноречиво.
>
> Внутри — промышленность, стесненная бюрократическими путами, сельское хозяйство — феодальными привилегиями, вовне — торговля, проданная контрреволюционной Англии — вот судьбы прусского народного хозяйства под эгидой октроированной конституции»[64].

Из сказанного ясно, что в условиях развития капитализма по «прусскому» образцу, при продолжающейся борьбе **двух путей**, когда Пуришкевичи направляют развитие капитализма, но прусский путь еще не победил, невозможно самостоятельное и быстрое развитие капитализма в стране. История Германии блестяще подтверждает это положение. Вплоть до победы Бисмарка в 1871 г. Германия оставалась отсталой страной, подавленной конкуренцией более сильных соседей. Лишь реформировав Германию, совершив «ряд революций сверху» и ограбив богатейшую страну на 5 миллиардов франков, Бисмарку удалось вывести капитализм в Германии на широкую дорогу.

---

[63] Ленин, Соч., т. X, с. 199—200.

[64] Маркс и Энгельс, Соч., т. VII, с. 159, 160.

Удалось ли это русскому самодержавию? Нет, не удалось, в силу нерешенности вопроса о прусских рельсах вплоть до падения царизма. В силу этого повторились, правда в новых, более сложных условиях империализма, те маневры, к которым прибегала Прусская монархия после 1848 г. Пруссия искала внешней поддержки. Чтобы удержаться, она вынуждена была искать внешней поддержки и у «опаснейшего противника немецкой промышленности» — Англии. По существу то же вынуждено было делать и самодержавие. «Без поддержки западноевропейской буржуазии Николаю II не удержаться», — писал Ленин в итоге революции и столыпинщины [65]. Без поддержки помещика-крепостника мировой буржуазией всякая попытка по-бисмарковски реформировать старую Россию была явно обречена на гибель. Без этой поддержки грозило «банкротство и крах всей столыпинской политики царизма, рассчитанной на долгие годы систематических и массовых насильственных мер против народа» [66].

Пуришкевичи не могли оставаться после революции 1905 г. во главе капиталистического развития России без помощи международной буржуазии.

> «И буржуазия всего мира, — доказывает Ленин, — дает миллиардные займы явному банкроту, царю, не только потому, что ее прельщают, как всякого рода ростовщика, высокие барыши, но и потому, что буржуазия сознает свою заинтересованность в победе старого порядка над революцией в России, ибо во главе этой революции идет пролетариат» [67].

А Пуришкевичи пресмыкаются перед международной буржуазией, готовой уделить часть своих золотых запасов на поддержку банкротов-крепостников, они готовы в обмен за эти услуги оказать услугу европейской буржуазии в ее империалистической политике [68].

Всемерно следует подчеркнуть, что эти «взаимные услуги» оказываются в условиях империализма, когда империалистическая буржуазия, давая взаймы «явному банкроту», пыталась и небезуспешно включить страну «банкротов» в орбиту своего влияния путем использования связей для выгодной империалистической сделки. Таким образом политика самодержавия, целиком поддержанная буржуазией в силу ее страха перед гегемонией пролетариата в революционной борьбе, должна была не только оставить неприкосновенными основы эксплоатации России международным финансовым капиталом, но и привести к еще большему увеличению зависимости русского капитализма. Такова логика борьбы помещика-крепостника и буржуазии с революционными методами решения вопроса о путях развития капитализма в стране.

Как видите, нет никакого противоречия между моим сегодняшним докладом и основными положениями, защищаемыми мною по вопросу о финансовом капитале. Эти положения находят в докладе лишь новое методологическое подкрепление. Кстати, у Ленина вы найдете и прямые указания на роль иностранного финансового капитала в России. Возьмите статью Владимира Ильича 1912 (!) года «Капитализм и парламент». Он пишет:

> «III Дума решила премии выдавать отечественным машиностроителям. Каким отечественным? «работающим» в России?
>
> А посмотреть, и окажется, что как раз иностранные капиталисты перенесли свои заводы в Россию. Таможенные пошлины высоки, прибыли необъятны — вот иностранный капитал и переселяется внутрь России. Американский трест — союз миллионеров-капиталистов — построил например громадный завод сельскохозяйственных машин под Москвой, в Люберцах. А в Харькове капиталист Мельгозе, а в Бердянске — капиталист Джон Гриеве строят сельскохозяйственные машины. Не правда ли, как много «истинно-русского», «отечественного» в этих предприятиях» [69].

Это не случайно выхваченная из контекста мысль. В 1914 году Ленин снова возвращается к этому, указывая, что «не только маленькие государства, но и Россия, например, целиком зависят экономически от мощи империалистического финансового капитала «богатых» [70] буржуазных стран». С методологической точки зрения особенно важна подчеркнутая Лениным в этой же связи мысль о том, что «и Америка в XIX веке была экономической колонией Европы». Да, она была такой колонией до ре-

---

[65] Ленин, Заказанная полицейско-патриотическая демонстрация, Соч., т. XII, с. 155.

[66] Там же.

[67] Ленин, К дебатам о расширении бюджетных прав Думы, Соч., т. XII, с. 130.

[68] Его же, Толки об измене. Соч., т. VII, с. 331.

[69] Ленин, Соч., т. XV, с. 555.

[70] Ленин, Соч., т. XVII, с. 430.

шения вопроса о национальном существовании Соед. Штатов, точно также в условиях третьеиюньской монархии не могло быть иного истинно-русского, национального, тт. Грановский и Литвинов, в основных, решающих отраслях русской промышленности! Это не значит, что вообще не было национального капитала, но в условиях неразрешенности задач буржуазно-демократической революции, в условиях движения по столыпинско-бисмаркскому пути, рамки национального капитала были ограничены, национальный капиталист развивался при господстве в решающих отраслях иностранного капитала. В оказании помощи иностранному капиталу «истинно-русскому» капиталисту перепадала очень солидная доля, но назвать этого капиталиста самостоятельным, независимым никак нельзя. Он выполнял в основных областях промышленности своеобразную функцию оказания помощи иностранному финансовому капиталу. Это не исключало, а предполагало, что доля прибыли перепадала и ему. «Американские, английские, немецкие капиталисты, — писал Ленин, — собирают прибыль при помощи русских капиталистов, которым перепадает очень хорошая доля»[71].

Тов. Грановский возразит: иностранный финансовый капитал не нуждался в этой помощи. Он, как ростовщик, давая займы, стриг купоны, делом предприятия не интересовался, «русские» предприятия велись вполне самостоятельно русскими банкирами-директорами и членами правлений акционерных предприятий и т. д. и т. п. Эти доводы нам хорошо знакомы, но они совершенно не выдерживают критики. Все они лишь льют воду на мельницу империализма в первую очередь ростовщической Франции, империалистическую агрессивную политику недавнего прошлого которой пытаются представить в виде бескорыстной помощи дядюшки, дающего взаймы обанкротившемуся соседу и не преследующего при этом никакой специфически империалистической агрессии. Эта апологетика французского империализма к лицу гражданину Гиндину, а не т. Грановскому. Для подтверждения беспочвенности утверждений т. Грановского о взаимоотношениях «русских» правлений с иностранными хозяевами я приведу свидетельские показания одного из служак французского империализма, Анри Пейеримгофа, который дает яркое представление о характере помощи, оказывавшейся отечественными капиталистами иностранному финансовому капиталу. В статье 1915 г. «Французские предприятия и капиталы вне Франции», Пейеримгоф указывает на одну характерную черту деятельности французского финансового капитала. Вложив капиталы в то или иное предприятие за границей, французские банкиры, как правило, оставляли управление предприятием в иностранных руках, воспитывая по словам француза «под нашим покровительством и при нашем содействии» на местах сведущих людей. Перечислив ряд причин, вызывающих это явление, Пейеримгоф приходит к заключению:

> «Целый ряд крепких и почвенных предприятий вынуждены таким образом иметь два правления: одно настоящее, которое состоит из французов, а другое — национальное и более или менее фиктивное...
>
> Здесь приходится подчинять свои организационные формы местным обычаям, там предпринимателя ожидает настоящее хождение по мукам: ему так много денег и времени стоят хлопоты для получения соответствующих разрешений от местных властей, что он вынужден привлечь в свой административный совет местных деятелей, могущих все эти мытарства облегчить. Обстоятельства могут быть таковы, что приходится иной раз весь административный совет составлять из нефранцузских сил. Опираясь на такие иностранные общества, руководимые нефранцузскими правлениями, наш крупнейший фабрикант военного снаряжения как раз теперь ведет в дружественной нам стране (имеется в виду Россия — *Н. В.*) свою работу по вооружению и снабжению»[72].

Кончая с этим сюжетом, я бы сформулировал свою мысль следующим образом: в условиях неразрешенности задач буржуазно-демократической революции, господства помещика-крепостника в капиталистической стране, пытавшегося направить развитие капитализма по «прусскому» образцу, в условиях борьбы двух путей и реальности перевода поезда на американские рельсы, развитие капитализма в России характеризовалось «черепашьей» медленностью, кабальными займами, широким проникновением иностранного капитала в промышленность, при помощи которых помещи-

---

[71] Ленин. Соч., т. XV, с. 555.

[72] А. Пейеримгоф и П. Гебор. Финансовые интересы Франции, М. 1924, с. 25—26.

ки-крепостники вкупе с национальной буржуазией пытались решить вопрос о борьбе двух путей развития капитализма, установить прусский тип как национальный тип развития капитализма в стране.

Я спрашиваю: согласны ли вы, тт. Грановский и Литвинов, с этим выводом? Очевидно, нет. Так имейте в виду, что этот вывод целиком опирается на анализ путей образования и развития мощных промышленных государств, данный т. Сталиным в «Вопросах и ответах» еще в 1925 г.

Устанавливая три пути образования таких государств, т. Сталин говорит в своей речи:

> «Путь третий — это путь кабальных концессий и кабальных займов, идущих от стран, капиталистически развитых, в страну, капиталистически отсталую. Так обстояло дело напр. с царской Россией, которая, давая кабальные концессии и беря кабальные займы у западных держав, влезла тем самым в ярмо полуколониального существования» [73].

Наш вывод, целиком опирающийся на ленинский анализ борьбы двух путей развития капитализма в России и на высказывание т. Сталина, имеет сугубо актуальное значение. Критики, как это сделал в данном случае т. Литвинов, услыхав о зависимом характере русского капитализма, поднимают шум, трубят тревогу, пришивают уклоны, обвиняя меня в неверии в строительство социализма в нашей стране.

Я думаю, что всякий, серьезно относящийся к нашим спорам и чуждый сенсаций, вроде продемонстрированной здесь тт. Грановским и Литвиновым, видит, что строительство социализма в нашей стране не только совместимо с отсталостью и зависимостью в прошлом русского капитализма, но ставит перед нами ряд актуальнейших вопросов этого строительства, обусловленных именно отсталостью России и зависимостью ее в прошлом. Не кто другой как т. Сталин поднял вопрос об отсталости и зависимости России на большую принципиально политическую высоту, дав в своей последней речи на съезде хозяйственников руководящие указания по вопросу о строительстве социализма в СССР. Могу только посоветовать некоторым чересчур ретивым оппонентам еще раз внимательно прочесть то, что говорится в этой речи о нашей отсталости, бывшей зависимости капиталистической России и задачах социалистического строительства.

В условиях всевластия Пуришкевичей Россия отстала от передовых капиталистических стран на 50—100 лет. Россия порабощалась более могущественными капиталистическими странами. Перед пролетариатом, строящим социализм в СССР, стоит основная задача — преодолеть эту отсталость, отстоять свою независимость, развить большевистские темпы в деле социалистического строительства, в кратчайший срок ликвидировать отсталость, догнать и перегнать капиталистические страны в десять лет.

Вот те выводы, которые целиком и полностью увязываются с моей постановкой вопроса о развитии капитализма в России в условиях господства крепостника-помещика. Вот ответ на вопрос о строительстве социализма в нашей стране. Обвинение меня в неверии в строительство социализма в нашей стране ломаного гроша не стоит, тем более что аргументация обвинения берется не из нашего арсенала.

Суханов когда-то писал, что Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм. Поистине медвежью услугу оказывают наши товарищи ленинизму в борьбе с контрреволюционной сухановщиной полагая, что эта борьба с сухановщиной должна якобы состоять в утверждении того, что помещичье-капиталистическая Россия так форсировала развитие производственных сил, что создала материальное осуществление экономических производственных условий социализма в виде крепкой национальной системы финансового капитала. Наивные люди, не дочитавшие до конца Ленина, не проникшиеся учением Ленина о революции! Ленин прямо указывает, что решающим для оценки революции не является «бесспорное положение» об отсталости России в условиях господства крепостника-помещика.

> «Если для создания социализма, — пишет Ленин, — требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать — каков этот определенный уровень), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы... Слов нет, учебник,

---

[73] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 5-е, с. 310.

написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже отказаться от мысли, что этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками»[74].

Слышите, товарищи?

Теоретически абсолютно наивным является утверждение критиков, будто отпадают какие бы то ни было основы для строительства социализма при допущении ненационального в основном развития финансового капитала в предреволюционной России и ее зависимости от международного империализма. С каких это пор база для социалистической революции может создаваться только капиталом одной определенной национальности? Этого никак не понять. Иностранные капиталисты главным образом французские, вкладывая капиталы в Донецкий бассейн, в металлургию, в машиностроение, создавали известную экономическую и техническую базу для социализма. Она создавалась вне зависимости от национального характера вложенного капитала. О субъективной основе социалистической революции — пролетариате — и говорить нечего. Само собой разумеется, что его социалистическая идеология, готовность к борьбе за социализм великолепно ковались в фабричном котле, выстроенном на иностранные капиталы. Если при этом учесть еще то обстоятельство, что зависимое положение страны облегчает возникновение глубоких революционных движений — на это обстоятельство по отношению к России указывал Ленин, — то нетрудно понять, что вся эта сказка о неверии в строительство социализма является в лучшем случае сомнительного качества полемическим приемом — не больше.

Как видите, мои прежние работы, за исключением статьи, о которой я говорил в докладе, вполне увязываются с той постановкой вопроса, которую я пытался дать в своем сообщении. Товарищи-критики даже не попытались, хотя призывали меня к этому, увязать свои взгляды с ленинской концепцией двух путей. Видимо это не так легко. Ведь им пришлось бы тогда взять под свою защиту и некоего автора, назвавшего ленинское учение о двух путях «продуктом играющего научными терминами словоблудия». У этого автора самое д в и ж е н и е по «прусскому» пути снимает проблему двух путей, «видоизменяет взаимоотношения отдельных сил» в направлении «более резко выраженной гегемонии «города» над «деревней», промышленности над землевладением, р о с с и й с к о г о к а п и т а л а н а д и н о с т р а н н ы м (разрядка моя — *Н. В.*) «производительных» слоев буржуазии над интеллигенцией»[75].

Тов. Грановский, пытавшийся «мартовским» дегтем измазать мои взгляды на развитие финансового капитала, «проглядел» то, что Мартов, как и меньшевизм вообще, защищая взгляды об утверждении в России прусского пути как национального пути развития капитализма, с неизбежностью приходил к выводу о «национализации» капитализма в России и выводу о высвобождении его из-под зависимости от иностранного капитала.

Аргументом, подтверждающим позиции оппонентов по данному вопросу, должны были послужить ссылки на известные цитаты Ленина о союзе крепостников-помещиков с магнатами финансового капитала, о характере внешней политики царизма и о том, что Англия, Германия и Россия — эти три великих разбойника на большой дороге — являлись главными величинами в империалистической войне.

Позвольте мне по поводу этих ссылок на Ленина заметить, что именно тут мы имеем дело с подлинным образчиком «цитатного» метода. Товарищи просто выдергивают отдельные цитаты из ленинских произведений, не пытаясь их проанализировать и увязать со всей системой взглядов Ленина о третьеиюньской монархии.

Что представляет собой тот «союз», за который уцепились товарищи, ища поддержки в борьбе против мнимого ревизиониста Ваната. Характер этого союза вскрывается учением Ленина о двух путях развития капитализма, вскрывается его характеристикой третьеиюньской монархии, как шага по п у т и к буржуазной монархии, далеко еще не установившейся. Теряя с развитием капитализма свою сплошную цельную социальную опору, самодержавие попыталось лавировать между разнородными элементами. Это лавирование нашло свое отражение в столыпинской реформе, им же проникнуты закон 3 июня 1907 г., «делание» выборов в Государственную думу и т. д. Помещики-крепостники строили в условиях борьбы двух путей систему государственного управления на союзе с верхушкой буржуазии.

[74] Л е н и н, О нашей революции, Соч., т. XVIII, ч. 2, с. 119—120.

[75] Л. М а р т о в, Как можно быть неправым на два фронта, «Наша Заря», № 5, 1912.

сохраняя за собой гигантский перевес, оставляя решающее слово во всех вопросах политики за собой. В условиях шага по прусскому пути другого союза быть не могло. Союз, в смысле «сращения», мог иметь место только в условиях победы «прусского» пути. Такой победы не знала историческая действительность. Отсюда — гегемония помещика-крепостника в капиталистической России, его гегемония в «союзе» и развитие капитализма в стране, тормозившееся и уродовавшееся пуришкевичевщиной.

> «Буржуазная политика в деревне, — писал Ленин, — и всяческое содействие капитализму — все это направлялось теми же Пуришкевичами, и результаты оказались плачевны. Пуришкевичевщина, подновленная, отремонтированная, освеженная новой аграрной политикой, новой системой представительных учреждений, продолжала давить все и вся, тормозя развитие [76].

Пуришкевичевщина господствовала, опираясь на верхушечные слои буржуазии, она крепко держала власть в своих руках благодаря тому, что, вынужденная выбирать между революцией и пуришкевичевщиной буржуазия бесповоротно стала на путь медленной капиталистической эволюции, стала на путь реформирования России столыпинско-бисмарковскими методами.

Для иллюстрации своей мысли приведу одну замечательную ленинскую характеристику классовой сущности третьеиюньской монархии, вскрывающую всю нелепость разговоров о «сращении».

> «Бывают такие крылатые слова, — писал Ленин летом 1914 г., — которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений. К числу таких слов принадлежит несомненно изречение одного из помещиков, членов правого большинства Государственной думы по поводу речи Горемыкина в историческом заседании думы 22 апреля.
>
> «Как приятно было бы иметь И. Л. Горемыкина соседом по имению...»
>
> Дворянчик, бросивший это крылатое словечко, хотел пошутить, но нечаянно сказал правду серьезную и более глубокую, чем он думал сказать. В самом деле, вся эта IV дума, все это большинство правых и октябристов, а затем «сановники» в Государственном совете, что это такое, как не «соседи по имению».
>
> «Соседи по имению» представляют из себя наилучшую в России классовую организацию, ибо они организованы не только по-соседски, не только в союзе, но также организованы как государственная сила. Все важнейшие учреждения заняты ими, «построены по их образу и подобию», соответственно их «нуждам» и интересам... В общем и целом прекрасный образчик классовой организации дают господа великорусские помещики...
>
> Наша буржуазия плохо пользуется этим образчиком, боясь, например думать об организации своего класса в государственную силу (разрядка моя — *Н. В.*). Но зато пролетариат, организуясь как класс, никогда не забывал и никогда не забудет превосходного образца «соседей» по имению» [77].

Как видите наши позиции подкрепляются и с точки зрения правильного понимания союза помещика-крепостника с верхушечными слоями буржуазии. Могут заметить, что у Ленина иногда речь идет и о «магнатах финансового капитала». По этому поводу приходится только развести руками и спросить, почему же эти Путиловы, Вышнеградские и прочие заправилы «делового мира» перестают быть магнатами финансового капитала от того, что они находятся в услужении и у международного империализма?

Вопрос о России как о великом империалистическом мировом разбойнике находится в теснейшей связи с проблемой двух путей.

Вспомните указание Ленина, что Бисмарку удалось решить вопрос о капиталистическом пути развития Германии в итоге исключительно удачных войн, что без таких войн дело «реформирования» обойтись не может. Вспомните указание т. Сталина, что Россия «в будущем могла бы в конце концов выкарабкаться на путь самостоятельного промышленного развития конечно не без помощи более или менее «удачных» войн и конечно не без ограбления соседних стран [78], и вопрос о «мировом разбойнике» разрешится довольно просто.

[76] Ленин, Итоги выборов, Соч., т. XXII, с. 364 (разрядка моя — *Н. В.*).

[77] Ленин, Соседи по имению, Соч., т. XVII, изд. 2-е, с. 356-357.

В условиях, когда самодержавие теряло свою сплошную цельную социальную опору, когда помещик-крепостник пытался реформированием решить задачи буржуазной революции, агрессивная внешняя политика, политика войн, ограбления чужих стран стала неот'емлемой принадлежностью шага по «прусскому» пути.

В условиях, когда весь мир поделен, когда речь идет о переделе мира, могла ли эта политика не быть империалистической? Могла ли эта политика не вестись за передел мира, за захват Галиции, Армении, Константинополя, за подчинение Балканских стран? Могла ли эта политика не затрагивать интересов не только Германии, но и покровительницы-Англии?

Россия выступила в качестве мирового разбойника империализма не благодаря силе своего капиталистического развития, а благодаря силе хорошо организованных «соседей по имению», видевших в этом разбое одно из средств решения вопроса борьбы двух путей.

Ленин прямо говорит:

> «Царизм видит в войне средство отвлечь внимание от роста недовольства внутри страны и подавить растущее революционное движение... посредством войны царизм стремился увеличить количество угнетаемых Россией наций, упрочить их угнетение и тем подорвать борьбу за свободу и самих великороссов. Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодальная эксплоатация «инородцев». Таким образом со стороны России война отличается сугубой реакционностью и противоосвободительным характером» [79].

Вот в чем сущность русского империализма, вот где корни военно-феодального характера этого империализма, не снимающего вопроса о наличии некоторых черт империализма новейшего типа, а подчеркивающего преобладающий характер русского империализма. Идя «на поводу» у международного финансового капитала, русский царизм (помещик-крепостник) преследовал свои самостоятельные интересы. То были интересы борьбы с революцией путем увеличения количества угнетаемых наций, упрочения их угнетения, укрепления экономического застоя страны, упрочения докапиталистических форм эксплоатации в капиталистической России, укрепления позиций помещика-крепостника в его борьбе против «американского» пути развития капитализма. Эти интересы были вне сомнения империалистическими и как таковые удовлетворяли и запросам русской буржуазии. Следует только помнить, что эту политику вели в интересах своего класса «соседи по имению», им принадлежала решающая роль, а не сила национальной империалистической буржуазии.

Предвидя возражение об умалении мною роли русской буржуазии в империалистической политике царизма и умалении силы национального финансового капитала, я воспользуюсь статьей Владимира Ильича «О национальной гордости великороссов», в которой Ленин дает ответ на аналогичное возражение.

> «Нам возразят может быть, что кроме царизма и под его крылышком, — пишет Ленин, — возникла и окрепла уже другая историческая сила, великорусский капитализм, который делает прогрессивную работу, централизуя экономически и сплачивая громадные области» [80].

Ответ на это возражение у Ленина четок и ясен. История не решила этого вопроса в пользу великорусского капитала. Можно лишь допустить, что она может решить [81] вопрос в его пользу, но к декабрю 1914 г. (дата опубликования статьи) этот вопрос решен не был. Россия продолжала строить свои отношения к соседям «на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий» (разрядка моя — *Н. В.*).

В полном соответствии со сказанным находится меткая характеристика Лениным роли империалистической кадетской буржуазии в империалистической политике царизма. Критикуя кадетский сборник «Чего ждет Россия от войны» (П. 1915) и в частности статью Милюкова о территориальных приобретениях России, Ленин писал:

---

[78] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 5-е, с. 310.

[79] Ленин, Социализм и война, Соч., т. XVIII, изд. 2-е, с. 199. (Разрядка моя — *Н. В.*).

[80] Ленин, О национальной гордости великороссов». Соч., т. XVIII, изд. 2-е, с. 82.

[81] Как и при каких условиях, мы уяснили выше. Вопрос целиком упирается в проблему борьбы двух путей. Здесь налицо яркий образчик цельности всех высказываний Ленина о путях развития капитализма в России.

«Только совсем мимоходом, почти нечаянно, в одной фразе г. Милюков выбалтывает правду:

«К воссоединению Восточной Галиции давно уже стремилась одна из русских партий, находившая себе поддержку в одной из политических партий Галиции — так наз. москвофилах».

Вот именно! «Одна из русских партий» есть самая реакционная партия, Пуришкевичи и К°, партия крепостников, возглавляемая царизмом. Эта «партия» — царизм, Пуришкевичи и т. д., интриговала давно и в Галиции и в Армении и пр., не жалея миллионов на подкупы «москвофилов», не останавливаясь ни перед каким преступлением ради высокой цели «воссоединения». Война есть продолжение политики этой партии. Война принесла ту пользу, что отбросила все условности, сорвала все покровы, показала народу воочию полную правду. На деле партия к.-д. именно эту политику поддерживала, именно ей служила.

Эта правда неприятна для либерального интеллигента, который глубочайше возмущается «клеветой», будто он слуга Пуришкевичей. Но война показала, что эта «клевета» есть самая очевидная истина»[82].

Попробуйте-ка возразить против этой меткой, венчающей всю ленинскую постановку вопроса о двух путях развития капитализма в России характеристики существа империалистической политики России, являющейся продолжением политики самодержавия, его борьбы за упрочение роли помещика-крепостника в условиях второго шага по «прусскому» пути развития капитализма в стране. Попытайтесь-ка присмотреться, товарищи-критики, к тому, что остается от нашего «сращения», когда империалистическая буржуазия в лице к.-д. партии выступает в роли «слуги Пуришкевичей».

Подходим к выводам. Надергиванием отдельных цитат из работ Ленина спора не решить. Следует внимательнейшим образом проанализировать всю сумму взглядов Ленина под углом зрения его основной концепции двух путей. Тогда лишь удастся выбраться из того клубка противоречий, который завязывается в спорах о характере развития капитализма в России, удастся диалектически разрешить вопрос о том, как сочетать понятие России — «мирового разбойника» империализма, с ее крайней отсталостью, неразвитостью и зависимостью.

В борьбе против революционного решения вопроса о путях развития капитализма русские Пуришкевичи выступали как мировые хищники империализма, одновременно они же культивировали внутри страны отсталость, ставя тем самым Россию в зависимость от более сильных соседей, включавших ее в орбиту влияния своего финансового капитала, нанимавших на свои миллиарды «черносотенные банды русского царизма и склонявших силою своего экономического влияния царскую Россию на путь поддержки империалистической завоевательной политики Франции и Англии.

Все старания представить империалистическую политику России как продукт высоко развитого национального финансового капитала не приводят к положительным результатам. Мои критики стараются, исходя из ложно понятых принципиальных теоретических соображений, доказать, будто социалистическая революция и строительство социализма невозможны в такой (относительно отсталой) стране, как Россия. Ленин блестяще опроверг это положение в борьбе с оппортунизмом национальным и международным. В 1917 г. в своих заметках по поводу пересмотра партийной программы Ленин между прочим рекомендовал выделить из группы мировых хищников такого империалистического хищника, как Россия, который в силу всевластия Пуришкевичей сочетал в себе элементы, не только объединяющие его с хищниками вроде Франции, Англии и Германии, но, что особенно важно, и элементы, выделявшие его (хищника) из этой группы, ставившие Россию в положение страны, которой в свою очередь угрожал раздел и удушение гигантами империализма. Это в известной степени облегчало возникновение глубоких революционных движений в стране и приблизило в известной степени Октябрьскую революцию. Ленин писал: «Может быть было бы целесообразно сильнее подчеркнуть и нагляднее выразить в программе выделение кучки богатейших империалистических стран, паразитически наживающихся грабежом колоний и слабых наций. Это — крайне важная особенность империализма, которая между прочим до известной степени облегчает возникновение глубоких революционных движений в странах, которые подвергаются империалистическому грабежу, ко-

---

[82] Ленин, Как соединяют прислужничество реакции с игрой в демократию. Соч., т. XX, с. 539-540 (разрядка моя — *Н. В.*).

торым угрожает раздел и удушение их гигантами-империалистами (такова Россия) и наоборот: до известной степени затрудняет возникновение глубоких революционных движений в странах, которые грабят империалистски много колоний и чужих стран, делая таким образом большую (сравнительно) часть своего населения участником дележа империалистической добычи»[83].

Таким образом наши взгляды не только не затрудняют понимания социалистической революции в России, а наоборот облегчают понимание возникновения «глубоких революционных движений» в такой стране, как Россия. Отсталость же развития капитализма и его зависимость в прошлом придает строительству социализма в нашей стране особый отпечаток, нашедший свое выражение в словах Ленина: «Либо смерть, либо догнать и перегнать капиталистические страны».

Эта же мысль подтверждена т. Сталиным в его последней речи: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[84].

Итог — мое понимание процессов развития капитализма в России вооружает нас в борьбе за развитие большевистских темпов в деле строительства социализма, вооружает нас в борьбе за ликвидацию отсталости, культивировавшейся буржуазно-помещичьей Россией, в борьбе против «американского» пути развития капитализма.

Перехожу от этих общих вопросов к вопросам более частного характера. Остановимся на двух тезисах т. Меерсона. Начну с тезиса о том, что я напрасно говорил о пугачевщине, обвиняя его в тех грехах, в которых он неповинен. Если бы т. Меерсон не сделал из своей «пугачевщины» широко обобщающих выводов, то конечно на ней останавливаться не приходилось бы. Но т. Меерсон в своей статье приходит к выводам, непосредственно касающимся проблемы двух путей. В поражении пугачевщины он видит причину отсталости капитализма в России. Эта постановка вопроса явно расходится с ленинским учением о двух путях. Отсталость кроется не в том, что в России побежден американский путь, а в том, что в России не был решен вопрос, по какому пути пойдет развитие капитализма. По Меерсону же решение вопроса дано поражением Пугачева, поражением американского пути. Из этой предпосылки с логической неизбежностью вытекают мои критические замечания о соотношении классов, о невозможности демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и пр.

Тов. Меерсон пытался оспаривать мои замечания, указывая, что его концепция ничего общего не имеет (или не имела?) с теми выводами, которые я сделал в своем докладе.

Что именно к ним ведет концепция т. Меерсона нетрудно показать на двух примерах заключительной части статьи, трактующей вопрос о поражении пугачевщины и характере реформы 1861 года.

Условия победы «прусского» пути здесь со всею ясностью заложены уже в экономике России XVIII века. Они нашли свое отражение в противопоставлении хозяйства метропольного крестьянина колониальному.

> «Метропольному крестьянскому торговому капиталу, — пишет т. Меерсон, — чужда была революционная экономическая программа пугачевщины. Революционной крестьянской армии были заказаны пути за черту колоний: в случае вступления Пугачева на территорию метрополии, крестьянский торговый капитал, связанный с господствующим классом социально-экономическим симбиозом, с оружием в руках защищал бы крепостную скорлупу, в которой созревал»[85].

Что значит в переводе на язык соотношения классовых сил и борьбы, положение о том, что крестьянство, связанное социально-экономическим симбиозом с помещиком-крепостником, с оружием в руках защищало бы крепостную скорлупу и вступило бы в борьбу против «свободы», написанной на знамени Пугачева?

Это значит, что крестьянство, по крайней мере центра страны, уже в XVIII веке стало на сторону «Ordnungspate», что уже в XVIII веке произошел тот «диалектический перелом», который снимает с порядка дня вопрос о крестьянской революции и «американском» пути. Реальность этого пути ведь находит свое выражение в борьбе против крепостника-помещика, в борьбе с «оружием в руках» не против борцов с крепостничеством, а против самого крепостничества. По Ленину поворот крестьянства в сторону «Ordnungspate» был «ой, ой как да-

---

[83] Ленин, К пересмотру партийной программы, Соч., т. XIV, 2-е изд., с. 164 и 165.

[84] Сталин, Речь на I Всесоюзной конференции работников промышленных предприятий. «Правда», 5/II, 1931.

[85] «Вестник Комакадемии», т. XIII, с. 106.

леко» и еще в XX веке, по Меерсону же поворот произошел еще в эпоху пугачевщины.

Исходя из неправильного представления о «двух путях» т. Меерсон, не заметив того, по существу пришел к ликвидации крестьянской революции, к смазыванию революционного значения проблемы «двух путей» для всей эпохи буржуазно-демократической революции в России. Ведь крестьянство, становясь на сторону порядка, защищая по Меерсону крепостничество, превращается из носителя демократических тенденций в придаток эволюции помещичьего хозяйства, в придаток «прусского» пути развития. В такой придаток и превратил т. Меерсон революционное крестьянство в XIX веке, указывая, что «буржуазно-демократический компромисс 1861 года был непосредственным результатом буржуазного крепостнического типа эволюции крестьянского капитала в метрополии» [86].

Смысл этих слов один. Буржуазно-крепостническая эволюция крестьянского капитала — эволюция крестьянского хозяйства по «прусскому» пути, эволюция типа гроссбауэра, придатка капиталистической эволюции помещичьего хозяйства, защитника буржуазной монархии, борца против демократии и революции.

Таким и выступает в эпоху реформы 1861 г. в представлении т. Меерсона крестьянство метрополии, определив компромисс 1861 года.

Как далеко все это от ленинского понимания вопроса, вскрывающего борьбу двух тенденций: революционной — крестьянской и либеральной — буржуазной в реформе 1861 года, подчеркивающего потенциальную силу революционной тенденции, глубоко лежащей в экономической структуре мелкого товарного крестьянского хозяйства, придавленного крепостничеством, задерживающим его капиталистическое развитие. По т. Меерсону эта революционная тенденция не имеет никаких корней в экономике в результате поражения Пугачева и в силу «буржуазно-крепостнической» эволюции крестьянского хозяйства.

Вместо того, чтобы помочь вскрыть основу крестьянской борьбы против помещика-крепостника в эпоху буржуазно-демократической революции в России, трактовка вопроса крестьянской революции XVIII века у т. Меерсона затрудняет понимание крестьянской борьбы XX века и может привести к противоположной ленинской оценке соотношения классовых сил в революции, к ликвидации крестьянской революции и к пересмотру вопроса о реальности для России революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в эпоху буржуазно-демократической революции. Выводы т. Меерсона о пугачевщине к этому обязывают.

Второй тезис касается того, что я придаю «двум путям» слишком обобщающее значение. Этот вопрос затрагивался и сегодня в прениях. Мне кажется, что т. Меерсон ошибается и вместе с ним ошибаются и те, кто выступал сегодня. Что вопрос о борьбе с «прусским» путем необходимо вывести далеко за пределы одной страны, свидетельствует уже один тот факт, что борьба с «прусским» путем в высокой степени актуальна в наши дни для всего революционного Востока. Борьба идет там против утверждения прусского пути капитализма, правда, эта борьба идет уже в новых исторических условиях, условиях строительства социализма в СССР и в силу этого за некапиталистический путь развития, но в своей теоретической постановке проблема двух путей и сегодня не теряет своего значения для всего революционного Востока, она только видоизменяется, ставя вопрос о некапиталистическом пути. Уже один этот факт свидетельствует о том, что мы должны широко обобщить ленинское учение, выйдя при этом за пределы России. В Германии вне всякого сомнения борьба этих двух путей существовала. Ленин в письме к Скворцову-Степанову прямо на это указывает. Об этом свидетельствует, на мой взгляд, и сам т. Меерсон. Я ему задал вопрос: что было бы в результате победы революционных методов борьбы в Пруссии. Он ответил: «Более свободное развитие капитализма». А это значит, развитие капитализма в условиях максимальной ликвидации крепостнических пережитков, т. е. революционная «чистка» путей для развития капитализма по американскому пути или приближение к нему.

Ленинское учение о двух путях выходит далеко за пределы России и становится мировой проблемой. В этом ее значение. Она применима и к Америке. Гражданская война была призвана там решить эту проблему. Гражданская война решала вопрос национального существования Северных штатов (см. «Переписку Маркса и Энгельса», т. XIII), решала вопрос о господстве рабовладельцев или северян в Союзе [87]. Абсолютно неверно представление, будто рабовладельческий Юг не обнаруживал тенденции капиталистического развития. Борьба шла за то, кому быть хозяином в капитали-

[86] «Вестник Комакадемии», т. XIII, с. 107.

[87] Письмо Маркса от 7/VIII и 29/X 1862 г.

стической Америке. Война со стороны северян носила революционный характер за «чистку путей» для развития капитализма от рабовладельцев. Победа Юга определила бы господство рабовладельцев в капиталистической Америке, она стала бы на путь развития, который приближался бы к «прусскому» пути.

Бесспорно то положение, что не при всяких условиях проблема двух путей получает одинаково актуальное значение в истории той или иной страны. Ее актуальность становится максимальной в тех странах, где решение вопроса о «чистке» пути для капитализма совершается в условиях гегемонии пролетариата в революционной борьбе. Во Франции например эта проблема не была столь жгучей. Но это вовсе не означает, что во Франции этой проблемы не существовало. Она не имела такого актуального значения, как в России, ибо в последней завершение буржуазно-демократической революции запоздало, и на сцену выступил гегемон революции — пролетариат.

Перехожу к другим замечаниям, в частности к замечанию т. Кабалкиной, и кстати затрону одно из замечаний т. Литвинова.

По-моему, товарищи сделали тут маленькое научное «открытие», состоящее в том, будто Ленин уже в 1915 г. снял для России проблему борьбы «американского» и «прусского» пути. Это значит, что Ленин в 1915 г. снял лозунг буржуазно-демократической революции, демократической диктатуры пролетариата и крестьянства (Кабалкина: «Правильно»). Если бы Ленин действительно снял проблему двух путей в 1915 г., то пришлось бы сделать вывод, что Ленин ошибся в своем анализе — Россия пришла к социалистическому Октябрю через буржуазный Февраль. Этого из истории не вычеркнуть. На самом деле Ленин отнюдь не стоял на этой точке зрения. В 1915 г. в своей статье, посвященной Соединенным штатам Европы, он доказывает возможность социалистического строительства в одной стране, но отнюдь не затрагивает вопроса о социальном характере предстоящей в России революции. Об этом он говорит позднее — в октябре 1915 г., в статье «Несколько тезисов»:

> «Важнейшей задачей, — читаем мы, — революционной социал-демократии является — развивать начавшееся стачечное движение, проводя его под лозунгом «трех китов»... Социальным содержанием ближайшей революции может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»[88].

Месяцем позднее Ленин, полемизируя с Троцким по поводу его положения о том, что в России пролетариат уже противостоит буржуазной нации, возвращается к этому же сюжету в статье «О двух линиях революции»[89].

> «Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, т. е. за привлечение крестьянства, за и с ч е р п а н и е его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении б у р ж у а з н о й России от в о е н н о - ф е о д а л ь н о г о «империализма» (царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно... для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы...».

> «Теперь мы снова идем к революции. Это все видят.... и опять перед нами те же (1905 г. — *Н. В.*) две линии революции, то же соотношение классов, только видоизмененное изменившейся международной обстановкой»[90].

Спрашивается, что нового внес Ленин в 1915 г.? Это новое заключается в том, что вторая задача, задача социалистической революции чрезвычайно приблизилась к первой — буржуазно-демократической, но все же первая не снимается, и вторая остается именно особой второй задачей[91].

Проблема двух путей снимается лишь в эпоху Февральской революции между Февралем и Октябрем, ленинскими апрельскими тезисами.

Я хочу подчеркнуть, что противоположный вывод т. Литвинова находится в органической связи со всей его концепцией. Вспомните хотя бы его помещиков, которые, «как зубры вымирали в Беловежской пуще»; вспомните об асфальтовых улицах, емкости крестьянского рынка в представлении т. Литвинова — и получите неизбежный вывод о снятии проблемы «двух путей» в итоге столыпинщины. Этот вывод находится в связи с органическим пороком всей его концепции о столыпинщине.

Перехожу к некоторым другим замечаниям. Коснусь вопроса, поставленного т. Фроловым, вопроса о сроках. Этот вопрос чисто схоластический: речь у меня идет не о 1861 г., а об эпохе 1861 г. Ссылки на Кашина не совсем

[88] Л е н и н. Соч., т. XVIII, с. 311-312.

[89] Т а м ж е. Соч., т. XVIII, с. 318.

[90] Т а м ж е, с. 316.

[91] Л е н и н, Несколько тезисов, Соч., т. XVIII, с. 312.

убедительны: кашинский материал не дает оснований для выводов о широком проникновении капиталистических отношений в производство (в крестьянском хозяйстве). Правильна ли постановка вопроса о декабристах, которую давал т. Фролов? Я полагаю, что нет. У Ленина вопрос о двух путях есть вопрос классовой революционной борьбы. Если вы докажете, что Пестель действительно опирался на массовое революционное движение, вскроете объективно-буржуазные тенденции этого движения, я с вами соглашусь. Но на анализе одной «Русской правды» вы этого вывода не построите. Проблема двух путей — проблема массовой революционной борьбы в первую очередь.

Спор о национальном объединении Германии я считаю схоластическим спором. Что такое национальный вопрос объединения Германии революционным путем? Вне всякого сомнения, борьба пролетариата в 1848 г., в 50-х, 60-х и 70-х годах была борьбой за революционные методы «чистки» пути для капитализма, решавшей вопрос, быть или не быть прусским Пуришкевичам во главе капиталистической Германии.

На вопрос о том, по какому пути направлялось у нас развитие капитализма, я дал исчерпывающий ответ в докладе. Тут спорить не стоит: развитие направлялось по «прусскому» пути. Но следует помнить, что в экономической структуре даже третьеиюньской России глубоко были заложены корни «американского» пути, которые нашли свое выражение в классовой борьбе, и эта революционная борьба оставалась реальной угрозой помещикам-крепостникам, пытавшимся вести Россию по «прусскому» пути. Реальной оставалась борьба за «американский» путь в условиях пуришкевичевщины.

Относительно стратегического плана Ленина. Мне кажется, что т. Кабалкина здесь ломится в открытую дверь. Моя задача заключалась в том, чтобы анализом проблемы двух путей подвести к ленинскому стратегическому плану, показать, что неразрешенность борьбы двух путей обусловливала демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства; я показал, что она (демократическая диктатура пролетариата и крестьянства) составляет неразрывное целое с проблемой двух путей. В этом и состоит принципиальное значение проблемы.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДВИЖУЩИХ СИЛ ИСПАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ [1]

ДОКЛАД Т. ДЕЛЬВАЛЯ

В Испании открыто началась буржуазно-демократическая революция, я подчеркиваю слово «открыто», ибо эта революция началась собственно уже раньше. Тот, кто следил внимательно за развитием событий, за развитием внутренней борьбы партии и классов в Испании, мог убедиться, что уже к концу 1929 г. в Испании назрел революционный кризис, и отставка в январе 1930 г. генерала Прима-де-Ривера была явным признаком того, что кризис начинает обнаруживаться во всей остроте. То, что Испания, то, что рабочий класс и крестьянские массы в Испании пережили в течение одного года — редко случается в истории. Правда, русские рабочие проделали гораздо больший опыт, чем испанский пролетариат. Но в Испании революция только началась. Посмотрим, куда она поведет.

Испанская революция может быть сравниваема с другими революциями, но это сравнение не может быть точным. Часто про испанскую революцию говорят, что это 1905 г., что это февраль 1917 г. или это уже июнь и июль 1917 г. Я воздерживаюсь от попытки прикрепить испанскую революцию к какой-нибудь дате русской революции, потому что испанская революция идет своей дорогой, у нее есть свои особенности и наверное при ее дальнейшем развитии мы увидим еще много таких особенностей. Но конечно, так как это буржуазно-демократическая революция, в которой уже видны элементы перерастания в социалистическую, то несомненно будет и немало общего между испанской и русской революциями. Если все же настаивать на сравнении русской и испанской революции, то придется сказать, что на данном этапе испанская революция это нечто промежуточное между 1905 г. и февралем 1917 г.

Но в испанской революции существуют и резко-отличительные признаки. Между испанской и русской Февральской революциями прежде всего та разница, что в испанской революции пока не принимает участия армия. Испания не вела войны и не вышла из нее побежденной. Хотя колониальная война в Марокко была очень длительная и на деле была почти поражением Испании, но об этой войне в Испании уже как будто забыли, и Испания не была настолько утомлена войной к началу революции, чтобы в ней началось разложение армии. Это первая отличительная черта испанской революции по сравнению с русской, — нет разложения армии, нет бунта, нет революции в армии [2].

Вторая отличительная черта — это то, что в испанской революции нет партии, которую можно было бы сравнить с большевистской партией. Если в начале революции 1917 г. российские большевики были меньшинством по сравнению с меньшевиками и эсерами, то в Испании коммунистическая партия в сравнении с социал-фашистами, с анархо-синдикалистами и даже с буржуазными республиканцами является еще (сегодня по крайней мере) **очень слабым** меньшинством.

И третий отличительный признак испанской революции тот, что Испания не имела за собой опыта других революций. Правда, уже в 1873 году интрансигенты — крайние республиканцы захватили власть в свои руки, там несколько месяцев существовала республика, но от

---

[1] Редакция, печатая доклад т. Дельваля, отмечает, что доклад, сделанный 22 апреля, конечно отстает от событий. Редакция считает ряд положений докладчика спорными, а отчасти и неверными. Неопределенно формулированы докладчиком условия перерастания, нет анализа поведения испанской компартии, критики ее ошибок. Но фактический материал доклада будет небезынтересен читателям.—*Ред.*

[2] Разложение уже началось, в частности во флоте.—*Ред.*

1873 г. до 1931 года прошло столько времени, что никаких традиций от этого революционного движения не осталось.

Конечно в дальнейшем развитии испанской революции мы увидим еще больше отличий, чем это есть сейчас, но это не мешает нам определить развивающуюся теперь революцию в Испании как буржуазно-демократическую.

Впрочем необходимо сейчас же отметить, что эта революция происходит в непрерывно развивающемся распаде всего капиталистического порядка. Прошло тринадцать лет с тех пор как победила первая пролетарская революция, и это кладет особый отпечаток на политику всех контрреволюционных партий в Испании. Испанская буржуазия и ее прислужники — социал-фашисты и анархисты (по крайней мере анархистские лидеры) научились многому на опыте русской революции. Если проследить внимательно первые шаги нового правительства, если просмотреть прессу всех направлений Испании, то видно, что буржуазия Испании, капиталистическая Испания не потеряла даром опыта русской революции.

Почему следует охарактеризовать испанскую революцию как буржуазную, почему ее можно сравнивать с другими буржуазными революциями? Разве в Испании мы имеем дело со страной, где промышленная, торговая, финансовая буржуазия свергает старое помещичье господство, разве там дело идет о ниспровержении феодализма? Конечно вопрос не так прост, это не чисто буржуазная революция, подобно Великой французской революции, когда молодая революционная буржуазия свергала господство феодалов. Хотя Испания в своем экономическом и политическом развитии очень отстает от других стран Западной Европы, но все-таки она вместе с ними, не так скоро, но все-таки проделывает ту же самую историю.

В Испании очень сильны, правда, остатки прошлого, или же позапрошлого века, очень сильны остатки феодальных отношений.

В чем это выражается? Это выражается прежде всего в том, что существует класс крупных помещиков, земельной аристократии, духовной аристократии, которая тоже владеет землей, и этот класс до последней поры являлся как бы основным классом, дающим тон политической жизни Испании. Возле этого класса немногочисленных крупных помещиков — светских аристократов и духовных сановников — существуют миллионные массы безземельного или малоземельного крестьянства. Ведь в Испании мы имеем в настоящее время почти три милилона сельскохозяйственных рабочих и почти два миллиона мелких крестян, которые в большинстве своем не имеют даже гектара земли. Ведь мы далее имеем сотни тысяч мелких крестьян, которые может быть в иных условиях в высоко-развитом капиталистическом государстве могли бы считаться чем-нибудь с экономической точки зрения, а в Испании — это беднота, крайняя беднота. Так что большинство населения Испании на деле — безземельная или малоземельная крестьянская беднота.

В Испании почти нет промежуточных слоев почти нет так называемых средних крестьян, зажиточных крестьян, которые составляли бы как бы мост между крупным землевладением и мелким землевладением и безземельным пролетариатом. Этот класс конечно существует, но сравнительно с другими странами он играет здесь гораздо меньшую роль. Тип кулака, тип деревенского ростовщика в Испании конечно существует, но это более индивидуальное явление, чем массовое [3].

Но имеет значение не только тот факт, что небольшой кучке, приблизительно в 12 т. крупных помещиков, противостоит около 6 млн. крестьянской бедноты, — важно то, что среди этой бедноты существуют еще отношения, которые получили свое начало 500 — 600—800 лет тому назад, существует в Испании такая форма землевладения, или пользования землей, которая не встречается ни в какой другой стране мира: в Испании очень развито арендаторство. Больше 40% всей земли не обрабатывается самими собственниками, но сдается в аренду. В этих арендных отношениях мы имеем так

[3] Что это неверно, доказывает существование особых союзов, объединений кулачества.—*Ред.*

много оригинальных видов, что их учет составляет очень крупную проблему для аграрной революции в Испании. Многие товарищи мне искренне говорили, что они не могут разобраться в этих разнообразных аграрных отношениях, потому что что ни провинция, то иные отношения даже в одной провинции есть несколько типов земельны хотношений.

Главные типы этих арендных отношений следующие:

Существует нормальная аренда, такая, как, скажем, во Франции, в Бельгии, или в Германии, аренда на 2—3—4 года, где крестьянин, беря в аренду землю, платит каждый год известную сумму денег и других обязанностей по отношению к собственнику земли не имеет. Этот тип, хотя и получил известное развитие в последние годы (особенно со времени мировой войны), но все-таки он сравнительно редок.

Более распространенным типом, если взять всю Испанию в целом, является аренда, которая оплачивается одновременно и деньгами и натурой. Здесь мы имеем весьма различные и оригинальные формы, в зависимости от провинции. На севере Испании в районе Наварры, в Северном Арагоне, в Бискае мы имеем тип так называемого к о н д о м и н и о, где крестьянин и помещик являются как бы двумя равными хозяевами данной земли. Надо подчеркнуть, что там этот порядок установился уже довольно давно и имеет свою традицию, о которой я здесь не буду распространяться. Там крестьянский вопрос наименее обострен, потому что сложились такие отношения, когда помещики не были достаточно крупными и считались как бы коллегами крестьян. Конечно и крестьяне там зажиточные. Но этот тип распространен только в некоторых северных провинциях.

Другой тип, который распространен на юго-востоке Испании, тип, который кажется в России называется издольщиной, крестьянин, который арендует землю, платит половину урожая. Это форма аренды натурой. Это то, что во Франции называется м е т а й я ж. Этот тип издольщины существует не только в нормальных зерновых хозяйствах, но и в более специальных хозяйствах например в фруктовых или овощных, особенно в районе Валенсии, Альмерии, где сильно развито огородничество.

Третий тип, который имеет известное сходство с издольщиной, это так называемый «рабаса морта». Этот тип особенно распространен в Каталонии, и в гораздо меньшей степени в провинции Мурсии.

Особенность «рабаса морта» состоит в том, что она касается винограда, виноградных лоз. Собственник отдает в аренду землю под виноград на том условии, что арендующий будет ему платить известную сумму натурой или деньгами до тех пор, пока не исчезнет две трети или треть этих лоз, пока не умрет известное количество посаженных этим арендующим виноградных лоз. Здесь, в Каталонии надо было условиться, на сколько лет сдавать землю в аренду, а так как в Испании нередко аренда существует многие десятки, даже сотни лет, то условились, что земля сдается, пока не истощится известная часть, чаще всего одна треть, пока виноградные лозы не перестанут здесь всходить.

Аналогичный тип «рабаса морта» существует и для фруктовых деревьев в некоторых окрестностях провинции Мурсии. Еще более оригинальный тип аренды распространен в провинции Галисия, которая как известно является одной из самых плодородных провинций Испании, потому что там выпадает очень много атмосферных осадков. Испания страдает от засухи, и проблема воды — эта центральная проблема для испанского земледелия. В Галисии существует система «форо». Самое слово «форо» означает договор, контракт. Аренда, которая называется «форо», состоит вот в чем: на основании какого-то договора, заключенного предками иногда несколько сот лет тому назад, иногда только устного, крестьянин платит известную арендную сумму, которая определяется очень разнообразно, в одних случаях — это деньги, в других — это продукты, в третьих—яйца и т. д. Здесь, так как эта форма очень стара, так как она возникла в X — XI веках вследствие опустошения страны во время войны с арабами, — часто нет даже этих «форо», они не существуют, их или крестьяне загубили, или затеряли землевладельцы. Отсюда получаются такие очень много-

численные случаи, когда землевладельцы только по традиции считаются землевладельцами и арендатор только верит своему отцу или деду, что этот, а не другой является собственником земли. Обычно случалось так, что арендаторы делили эту землю между своими детьми, эти делили между своими и т. д. Дело, таким образом, дошло до того, что в Галисии имеется почти смехотворное разделение земли: есть очень многочисленные хозяйства, которые имеют несколько квадратных метров, известен даже особый способ отмера земли тем, сколько пространства может захватить борона, значит 3—4 борозды. Бывают такие совершенно достоверные случаи, когда данный кусок нельзя обрабатывать плугом, потому что рискуешь задеть землю своего соседа; поэтому работают ручным способом.

С другой стороны, собственники данной земли, предки которых целый ряд столетий тому назад сдали ее в аренду, менялись по 10—15—20 раз, и нередко случается, что во многих деревнях крестьяне не знают, откуда они взяли эту землю и не знают, кому она принадлежит. Но все-таки собственники находятся, и если крестьяне добровольно не платят аренды, то к ним посылают особых экзекуторов, чиновников, которые их заставляют платить. Получаются такие явления, что на один кусок земли имеют претензии несколько человек-собственников, идут споры. Бывали случаи, что крестьяне уславливались с ними мирно: тому, у кого была претензия на самую землю, дают столько-то аренды с земли; тому, кто считает себя собственником дерева, которое там растет, тоже дают известную сумму и еще платят кому-нибудь, скажем, за кусок леса или несколько деревьев в окрестности.

Это совершенно невиданные во всем мире отношения, и они действительно существуют. Хотя с развитием капитализма в Испании конечно делались усилия и со стороны крестьян и со стороны помещиков как-нибудь изменить эти отношения, но на деле это не очень удавалось. Например Прима-де-Ривера, которого я считаю одним из умнейших диктаторов Европы, пробовал решить своим конечно способом аграрную проблему в Испании, прежде всего упразднив эти специфические формы арендаторства. Он издал закон, в силу которого «рабаса морта» и другие формы аренды должны быть упразднены тем путем, что крестьяне должны выкупить землю. А чтобы они могли выкупить землю, устраивался сельскохозяйственных кредит. Но практика скоро показала, что эта операция была не чем иным, как только попыткой подчинить крестьянство финансовому капиталу, — так на деле и случилось. Были основаны сельскохозяйственные кредитные кассы, крестьяне там одалживали деньги и если даже оставались собственниками или частичными собственниками, — потому что оплата распределялась на известное количество лет, — то на деле превращались в настоящих рабов ростовщика-банка.

И в данный момент, число арендаторов, число мелких собственников остается почти тем же самым, каким оно было лет 10—15—20 тому назад. Если оно уменьшилось, так только благодаря тому, что многие крестьяне уехали из Испании в Америку, во Францию, чтобы жить там в более человеческих условиях.

Надо подчеркнуть еще, что крупным собственником земли является католическая церковь, особенно религиозные ордены. Испания славится тем, что в ней существует много церквей, монахов, монахинь и пр. Действительно в Испании находится 4 698 монастырей, из которых 960 мужских и 3 738 женских. В них мирно проживают 12 219 монахов и 52 895 монахинь.

Что эти добрые люди делают? Официально 6% этих монастырей занимаются экономической деятельностью: огородничеством, земледелием, имеют маленькие заводы и т. д. Большинство занимается наукой, воспитанием молодежи. Другие очень серьезно занимаются так называемой контемпляцией, живут как индусские иоги и размышляют о разных великих вещах. Конечно воспитывать юношество или размышлять можно имея деньги.

И вот, на эту банду монахов работают сотни тысяч крестьян. В этих монастырях с большими пространствами земли работают крестьяне как наемники, кото-

рых монахи также эксплоатируют, как и помещики.

Надо еще подчеркнуть, что в Испании находится очень много церквей под разными названиями — коллегиаты, приходы, капеллы. Не считая мелких, домашних так сказать церквей, по моим подсчетам в Испании около 22 тыс. церквей, тогда как в Польше, где католическое население приблизительно то же самое, существует только около 6 тыс. католических церквей. При этом интересно, что если взять вместе капеллы и церкви — их будет в Испании около 40 тыс., а народных школ существует всего 34 тыс. Сила церкви совсем невероятна. Церковь оказывает влияние на все общественные и экономические стороны жизни страны. Это является другим признаком пережитков феодализма, потому что в обновленных государствах церковь таких привилегий не имеет.

Несмотря на то, что Испания страна земледельческая, что 56% активного населения работает в деревне, и при городах имеются развитые пригородные хозяйства, несмотря на то, что по крайней мере ¾ населения живет, работая в той или иной мере в сельском хозяйстве — все же в Испании есть развитые капиталистические отношения. Конечно Испания имеет вообще свою особую историю в связи с ее прежним колониальным господством. Легкость, с какой она добыла себе колонии и жила доходами от этих колоний, грабя их самым безобразным способом, наложила особый отпечаток на развитие испанского капитализма. Это — отпечаток паразитарности. Испанские капиталисты — это не капиталисты английские или немецкие , которые давали что-нибудь новое миру, это не те люди, которые развивали технику. Испанский капитализм был пассивным, паразитным капитализмом с самого своего начала. Капиталисты начали более серьезно браться за дело только тогда, когда их совсем выбросили из колоний, когда Испанию вытеснили из всех колоний. На деле же настоящее капиталистическое развитие началось только на наших глазах, началось в XX веке. До войны Испания не играла почти никакой роли как экспортер на мировом рынке и только во время войны она значительно развила свою промышленность благодаря тому, что воюющие страны покупали у нее товары, делали много заказов. В это время развивается текстильная и металлургическая промышленность, в это время в Испании становится массовой культура хлопка и т. д. Но когда война прошла, то оказалось, что испанская промышленность стоит на совсем нетвердых ногах, что она умела жить в исключительных условиях, когда золото само шло к ней, когда были заказы, когда покупали, не спрашивая цен. Но вот, когда пришлось самим отстаивать свое положение, когда пришлось бороться с ожесточенной конкуренцией, тогда испанская буржуазия оказалась неспособной. Мы видим, что сейчас же после окончания войны в Испании начинается глубокий, все углубляющийся экономический кризис, который в равной мере охватывает и промышленность, и сельское хозяйство. Из года в год, Испания теряет свои рынки, которые она добыла себе во время мировой войны. Из года в год ее вытесняют другие страны, даже такие страны, которые только что вышли на мировую арену в торговле например такими продуктами, как апельсины, или оливки, оливковое масло, которые являются специальностью Испании; испанские апельсины, на которые был очень большой спрос особенно в Англии, теперь уступают место палестинским или египетским апельсинам; теперь мы видим, что испанское оливковое масло начинает забивать Турция. Таким образом даже в отраслях экспорта, которые не имели конкуренции, которые носили земледельческий характер, даже в этих отраслях иностранная конкуренция бьет испанскую торговлю очень чувствительно.

Поэтому мы видим кризис не только в металлургии, которая работала главным образом на английский рынок, и в текстильной промышленности, которая работала во время войны для Франции, но мы видим также глубокий кризис в сбыте самых элементарных продуктов земледелия, кризис сбыта вина, апельсинов, фруктов, наконец даже оливкового масла, которое всегда составляло главный предмет вывоза в Испании; растет кризис сбыта зерновых культур — ржи, пшеницы, муки. Этот

кризис связывается уже не только с иностранной конкуренцией, но и с неслыханным обнищанием испанских рабочих и крестьян.

В связи с развитием капитализма, который, как я подчеркивал, сделал довольно быстрые успехи во время европейской войны, конечно увеличилось количество индустриального пролетариата. В настоящее время мы имеем в Испании приблизительно 1.750.000 индустриальных и транспортных рабочих. Главную массу этих рабочих составляют правда не постоянные фабрично-заводские рабочие, а рабочие-строители, которые работают временно, среди которых много крестьян, неквалифицированных рабочих, которые приходят работать как сезонники, т. н. «пеонес». Категории постоянных квалифицированных рабочих-строителей, сезонников и чернорабочих («пеонес») составляют приблизительно 300 тыс. человек. Другая группа по численности — это текстили, это рабочие текстильных фабрик преимущественно Каталонии. В Каталонии занято приблизительно 80% всех текстильных рабочих. Следующая группа — это горняки, горняки не только угольных копей, но и железных, медных, свинцовых, цинковых и других рудников. Испания по природе сравнительно богата минералами. Там имеются залежи каменного угля, хотя не очень доброкачественного, имеются залежи меди, свинца, цинка, из более редких металлов — серебра, золота и т. д. В общем число рабочих, занятых в горной промышленности, составляет 160 тысяч, среди которых от 30 до 40 тыс. составляют горняки угольных копей. Как известно, горняцкий район — это прежде всего север — провинция Астурия, где находится почти весь каменный уголь. В меньшем количестве уголь добывается в других местах, например в провинциях Севилья, Каталония, но он не имеет важного значения. В Испании существуют известные медные копи Рио-Тинто, — известные тем, что акции этого общества котируются на всех биржах, так как владельцами этих копей являются англичане.

Вообще иностранный капитал — английский, французский, американский, немецкий, канадский, но в первую очередь английский, — в Испании играет очень большую роль. Вложения иностранного капитала только в промышленность составляют более 2 миллиардов пезет, что составляет очень большую сумму, если принять во внимание, что стоимость всей продукции Испании невелика, может быть 10 миллиардов пезет, не больше. Этот факт мы должны хорошо запомнить, ибо это будет сильно отражаться на судьбах дальнейшего развития испанской революции. Тот факт, что в Испании много иностранного капитала, будет играть свою роль даже без других политических соображений.

Следующая группа пролетариата, довольно значительная в испанских масштабах — это группа металлистов, а именно рабочих чугунолитейных заводов провинции Бискаи. На этих заводах от 25 до 30 тыс. рабочих. Это главный центр металлопромышленности Испании.

Как бы это ни казалось странным, но в Испании довольно много рабочих железнодорожников. Приблизительно на 17 тыс. километров жел.-дор. линий в Испании около 90 тыс. железнодорожников.

Другие группы пролетариата сравнительно немногочисленны, и я на них останавливаться не буду.

Рабочие Испании имеют прекрасные боевые традиции. Рабочие Испании, как вам известно из истории I Интернационала, уже много раз боролись с буржуазией на баррикадах, организовывали восстания и т. д. Но что свойственно испанским рабочим и что составляет их слабую сторону, их большой минус, — это их анархические традиции, гораздо более сильные чем у французов и итальянцев, это ненависть к дисциплине, ненависть к ограничению личной свободы организацией. Принимая во внимание слабый культурный уровень масс — ведь в Испании 45% населения неграмотных — принимая во внимание традиции религиозного воспитания и т. д., мы легко поймем, почему именно анархисты или подобные им анархо-синдикалисты очень долгий период времени играли руководящую роль, особенно в наиболее важных промышленных районах, — на севере в Астурии, в Каталонии.

Рабочие находятся в ужасном положении. Испанский квалифицированный рабочий в больших городах, в Барселоне, Мадриде зарабатывает в среднем не больше 10 пезет в день, т. е. около 2 руб. Большинство рабочих зарабатывает конечно гораздо меньше, а в провинциальных городах рабочие получают в среднем 5-6 пезет в день. Самой обеспеченной категорией, которая получает высшую зарплату, являются такие рабочие, как верхушка металлистов, полиграфические работники и высоко квалифицированные строительные рабочие.

Есть известная «аристократия» среди некоторых текстилей. Есть особые фабрики, которые вырабатывают специальные изделия и где индивидуальность рабочего много значит там ему платят большие суммы. Я читал корреспонденции о том, что например в Каталонии есть рабочие, которые зарабатывают по 30 пезет в день. Но это едва ли не единственный город в Испании, такие случаи там очень редки.

Что касается заработка женщин и подростков, то я не ошибусь, если скажу, что вообще женщины зарабатывают приблизительно половину того, что зарабатывают взрослые мужчины. Женский труд капиталисты начали особенно сильно применять после войны. В последнее время, когда иностранная конкуренция начала давать себя сильно чувствовать, они начали проводить рационализацию. Но испанская рационализация в отличие от немецкой или американской, или даже французской состояла только в том, что увольнялись рабочие, которым надо было платить больше, а принимались подростки и женщины. Снижение себестоимости продукции достигалось исключительно за счет рабочего заработка. Например теперь при ужасной безработице в Барселоне, если многие безработные не умерли с голода, то только потому, что у мужа работает жена или дочь. Вот каким образом можно еще существовать.

Точно также и подростки принимаются очень охотно на фабрики, даже на такие фабрики, где труд очень тяжелый, например на фабрики стекла. Мне приходилось слышать от товарищей, что по отношению к подросткам там часто действуют кнутом, приходилось слышать о том, что десятилетние ребята, которые работают 8-9 часов, бьют до крови надсмотрщики; но все-таки, чтобы не умереть с голода, родители допускают детей работать на этих фабриках.

Испанские рабочие не имеют никакого обязательного социального обеспечения. Единственный закон в этой области — это закон о несчастных случаях, который признает за рабочим известное возмещение при несчастных случаях. Характерно, что этот закон распространяется только на городских рабочих. Сельскохозяйственные рабочие, которых гораздо больше, чем городских, исключены из этого закона. Конечно ни о каком обеспечении на случай старости, инвалидности, безработицы в Испании не слышно. Только редкие категории государственных служащих имеют те или иные привилегии.

В этой обстановке, не говоря уже о долголетнем политическом терроре, рабочий класс настроен в общем и целом революционно. Он еще только не осознает весь смысл того, что вокруг него делается. Он не уяснил еще себе, за кем итти. Но я, товарищи, редко видел примеры такого самопожертвования во время борьбы, как у испанских рабочих. Ведь в Испании была масса политических забастовок, масса забастовок, которые не давали рабочим никакой материальной выгоды, когда после политической стачки, длившейся пять — десять дней, рабочие возвращались на фабрику, они ничего не получали. Рабочие никогда не отказывались пойти на стачку солидарности, если этого от них требовали. Рабочие Испании так настроены, в смысле революционной чувствительности, что иногда малейший факт, касающийся только одного рабочего, бывает лозунгом всеобщей забастовки в данном городе или округе. Мы видели такой пример, когда в конце октября 1930 г увольнение одного горняка в Астурии послужило поводом к стачке 30 тыс. горняков этого бассейна. Поэтому я считаю, что как боевой материал, как материал для борьбы — испанские рабочие очень хороши. И хотя там теперь имеют большое влияние социал-фашисты и анархисты, но я глубоко убежден, что испанские рабочие осознают свои интересы и тогда будут такими борца-

ми, против которых будут бессильны не только собственные капиталисты, но и будущие интервенты.

Я думаю, что вам, товарищи, достаточно ясно, какое место занимают рабочие в Испании в настоящий революционный период. Также для вас наверное ясно, в чем сущность аграрного вопроса в Испании.

Есть еще третий вопрос, который играет уже и сыграет еще свою роль в развитии революции — это национальный вопрос и вопрос колоний. В Испании не в такой конечно мере, как в других странах, особенно в Центральной, Восточной, Балканской Европе — существует национальный вопрос. Прежде всего — каталонское меньшинство в составе 3 млн. человек, потом на Севере — баски, три баскских провинции, где приблизительно проживает около 600 тыс. басков. Наконец — галицеюс, т. е. жители провинций Галисии. Они по языку сходны с португальцами. Там тоже заметны автоматические или сепаратистские тенденции.

Этот вопрос обстоит гораздо серьезнее, чем он казался несколько месяцев тому назад. Даже мы, коммунисты, недооценили значения национального вопроса. Нам казалось: ну, там, разные интеллигенты будут говорить насчет национальных прав, насчет языка и т. д., но не деле все рабочие понимают, что в Испании особого национального гнета нет, есть общий гнет, одинаково давящий всех и т. д. Такое мнение было очень распространено у нас в партии. Но оказалось, что это не так. Тот факт, что в Каталонии Массиа провозгласил республику, хотя и в рамках испанской государственности — это серьезный факт, это отражение того, что не только среди мелкой буржуазии, из которой выходит этот Массиа, но среди рабочих, среди крестьян Каталонии чувствуется сильная ненависть к испанскому национализму и империализму. И тот факт, что теперь подобные же тенденции очень чувствуются среди басков, тоже играет большую роль.

Что касается колониального вопроса, то, как известно, Испания — небольшое государство в смысле колониальных владений, но она занимает некоторые стратегические пункты: Северное Марокко (известная борьба Абд-Эль Керима, рифов). Сев. Марокко — это ключ от Северной Африки, это сосед Алжира, это сосед Гибралтара, это — отечество самого воинственного африканского народа кабилов. И если Марокко отпадет — это встряхнет всю Сев. Африку, это в первую очередь ударит по французской колонии Марокко; в Алжире и Тунисе — это потрясение всех колоний, где проповедуется ислам. Другие колонии, такие как Канарские острова, Испанская Гвинея, не имеют такого значения, они имеют только то значение, что служат местом массовой ссылки политических «преступников».

Я конечно не претендую на то, что мной исчерпан перечень всех элементов буржуазной раволюции, но общее понятие об ее движущих силах я вам дал.

Следует особо подчеркнуть то, что конечно буржуазная испанская революция не будет двигаться силами испанской буржуазии. Испания опоздала со своей революцией лет на 50 или на 100, и конечно сегодня, в обстановке мирового кризиса капитализма, когда строится социализм в Советском союзе, — буржуазия Испании встала на путь контрреволюции, и демократическую буржуазную революцию будет доводить до конца не она. Надо сказать, что уже в течение нескольких последних лет, когда буржуазия пыталась занять первое место в государстве, — она занимала уже известное положение. Было бы неправильно сказать, что правительство Прима-де-Ривера или правительство Беренгера не было буржуазным правительством. В Испании существует уже несколько десятков лет блок всех имущих классов. Но первое место в этом блоке занимали до последних пор помещики и духовенство. И вот в чем классовый, политический смысл революционного переворота, ниспровержения монархии, — в том, что промышленная, финансовая буржуазия занимает первое место в этом блоке. Но конечно в такой обстановке, когда рабочий класс показал уже многочисленными стачками, многочисленными демонстрациями, боями с полицией, даже восстаниями, что он не остановится, не удовлетворится только словом «республика», — в таких условиях, когда непременно нужно разре-

шить аграрную проблему, испанская буржуазия не посмеет пойти до конца по пути демократизации, по пути буржуазной революции. Она не может себе этого позволить. Если она повысит уровень жизни рабочих, если она введет сокращенный рабочий день, социальное страхование, то она пропадет как класс, потому что не сможет конкурировать с иностранным капиталом. Она не пожертвует собой для рабочего класса и поэтому даже совершенно мыслимые в рамках капиталистического строя серьезные реформы не могут быть проведены испанской буржуазией. Это совершенно ясно. В этом отношении мы уже видим совершенно точные указания с конца прошлого года, когда буржуазии было еще целесообразно делать уступки рабочим, чтобы подвести их за собой и использовать как средство давления на помещиков, на монархию.

Тем более буржуазия не сможет разрешить аграрную проблему, ибо разрешить аграрную проблему это значит взять землю у крупных помещиков. Это немыслимая мера в настоящий период, это явное покушение на право частной собственности, это глубокий раскол среди господствующих классов, это стимул для народных масс требовать большего. Произвести аграрную реформу посредством выкупа в Испании тоже немыслимо, потому что у крестьян нет денег, чтобы купить землю. Государство им одолжить денег не может, потому что оно должно для этого у кого-нибудь эти деньги взять.

Проблема экономики Испании, проблема ее критического состояния не может быть разрешена буржуазией. Поэтому буржуазную революцию закончит рабочий класс и крестьянство. И то обстоятельство, что в советской прессе теперь мало сенсационных телеграмм об Испании, что теперь каждый день не пишут о схватках с жандармами, — это ничего не значит, потому что бывали периоды по внешности гораздо спокойнее и в то же время оказывалось, что в массах назревало большое возбуждение. Кроме того, товарищи, в Испании очень строгая цензура на прессу и на заграничную корреспонденцию, так что широкая публика не знает, что там действительно творится. А там идет движение, там идет стачка за стачкой, идет борьба за землю, особенно на юге Испании, где большинство составляет земледельческое население.

Поэтому ближайшие перспективы — это дальнейшее развертывание непосредственной революционной борьбы рабочих и крестьян. Конечно установки, лозунги этой борьбы, методы этой борьбы должны быть только такими, какие нужно применить в буржуазной революции, чтобы она переросла в социалистическую: нужно создавать Советы, вооружать пролетариат, отнимать землю у помещиков, вот основной лозунг; нужно основывать на заводах фабзавкомы, которые будут дезорганизовывать власть капиталистов.

Но мы конечно понимаем, что это — организационные лозунги, это еще не то, что удовлетворило бы непосредственные нужды рабочего. Поэтому мы бросаем совершенно конкретные лозунги, понятные всем рабочим — такие, как 7-часовой рабочий день; мы призываем их, чтобы они боролись за такой рабочий день, не дожидаясь декрета правительства, призываем рабочих, чтобы они вынуждали фабрикантов на реальное повышение зарплаты, чтобы фабриканты вводили страхование рабочих, одинаково платили женщинам за тот же труд. Словом, все эти демократические лозунги в Испании новы, потому что они не осуществлялись ни в какой мере. Все эти лозунги мы выбрасываем в массы, и они становятся массам все более и более понятными. Нужно сказать, что только от энергии, только от ума, только от самопожертвования революционеров и в первую очередь от правильной политической линии коммунистов и красных профсоюзов зависит — как разовьется в ближайшие месяцы революция.

Конечно мы отдаем себе совершенно ясный отчет в том, что испанская революция встретит гораздо больше трудностей, чем революция в России. Устроить интервенцию против Испании легче, чем было устроить ее против России. Можно было в России взять Архангельск, окрестности Ленинграда, Белоруссию, Ук-

раину, часть Кавказа — революция от этого не погибла, но если интервенты пошлют свой флот, начнут бомбардировать города Испании, пошлют французскую армию на Испанию — это гораздо опаснее. Поэтому мы ставим сейчас перед всем международным пролетариатом задачу — организовать защиту развивающейся испанской революции. С особой силой мы обращаемся к пролетариату Франции и Англии как к пролетариату двух государств, которые непосредственно заинтересованы в исходе испанской революции. Мы надеемся, что ни французский, ни английский пролетариат, что ни французские, ни английские коммунисты, что ни французские, ни английские революционные профсоюзы не забудут своих обязанностей, что они проявят бо́льшую энергию, чем к сожалению они проявили во время защиты китайской революции. Поэтому мы считаем, что хотя испанская революция будет проходить с огромными трудностями, но у нее есть окошко в Африку и она будет непосредственно влиять на пролетариат Франции. Все это говорит о том, что она может сыграть совершенно невиданную роль в истории. Мы надеемся, что прежде чем империалисты разгромят эту революцию, революция разойдется уже достаточно широко.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Председатель: Товарищи, может быть будут вопросы к докладчику?

Вопрос: Не может ли докладчик сказать, каково количество членов коммунистической партии Испании в настоящее время, каков классовый состав коммунистической партии, каковы взаимоотношения испанского пролетариата и крестьянства, каково настроение промышленного пролетариата, не состоящего в партии?

Ответ: Относительно количества членов испанской партии — трудно сказать, потому что испанская партия очень возросла прямо за последние дни. До республиканского переворота она насчитывала только несколько тысяч человек, но по новым сведениям, которые к нам поступают, можно судить, что она бурно растет.

Вопрос о взаимоотношениях испанского крестьянства и пролетариата очень широкий. Отношения пролетариата с крестьянством хорошие, между массами рабочих и крестьян антагонизма нет. Так как очень много крестьян работает сезонно в городах, так как имеется известная внутренняя эмиграция из города в деревню, и крестьянство Испании очень бедно живет, то конечно отношения между этими классами хорошие и при хорошей работе мы эти отношения как следует укрепим организационно.

Вопрос: Каково численное отношение пролетариата к крестьянству?

Ответ: Крестьянства приблизительно в три раза больше.

Вопрос: Каково значение советов в Испании?

Ответ: Я уже говорил относительно того, что советов настоящих не было. В Испании была особая форма советов, так называемые хунты, революционные комитеты по городам и фабрикам. Это было даже до войны, это было после расстрела Феррера в Испании (1909 г.). Но советов в таком смысле, как мы это понимаем, в Испании еще не было. Только в прошлом году в отдельных местностях были образованы советы, среди крестьян преимущественно.

Вопрос: Состав и состояние армии в настоящее время и участие ее в сегодняшнем движении пролетариата?

Ответ: Армия вообще в Испании немногочисленна, в ней числится около 100 000 нижних чинов и около 14 000 офицеров. В Марокко тоже находится экспедиционный корпус. Это армия преимущественно из крестьян, и в этой армии, там где есть какая-нибудь работа, наблюдается хорошее настроение. Нам сообщали о довольно многочисленных примерах того, как испанские солдаты очень охотно дают оружие рабочим, если зайти к ним в казармы, поговорить с ними. Значит от самих рабочих зависит брататься с солдатами, привлечь их на сторону революции.

Вопрос: Есть ли крестьянские революционные организации и какова их платформа?

Ответ: Самостоятельных крестьянских революционных организаций в Ис-

пании нет, есть только наши профсоюзы, которые иногда, как например в Галисии, в провинции Понтеведра, насчитывают 3 000 крестьян. Это объединения и рабочих, и мелких собственников, и арендаторов.

Вопрос: Численность и характер профсоюзных организаций, религиозные католические организации и их влияние на пролетариат?

Ответ: Я говорил о социал-фашистах, об анархо-синдикалистах и наших союзах. В Испании существует довольно большое многообразие в профсоюзном движении. По численности самые сильные это реформистские профсоюзы, по крайней мере до последнего времени. Это так называемый «Унион хенераль де Трабахадоре», который опирается на 200 тысяч рабочих. Но этот союз сосредоточивает свои главные силы преимущественно в самом Мадриде, где в него входит около 40 000 рабочих. В провинции, особенно в Каталонии, он никакой роли не играет, в горняцких районах — очень малую. Он опирается главным образом на центр Испании, на квалифицированных рабочих — типографов, табачных рабочих и пр. Другое профессиональное объединение — анархо-синдикалистская Национальная конфедерация труда, основанная в 1911 г. Эта Конфедерация труда распространяет свое влияние главным образом на Калифорнию. Руководят ею анархисты, состоящие в блоке с республиканцами. Эта организация насчитывает официально 110 000 членов, но членство там очень свободное, нет определенных взносов, вообще все практикуется по-анархистски, так что один раз можно насчитать 100 тыс., другой раз 50 тыс., 200 тыс., сколько угодно. Поэтому точно определить число членов в этом профобъединении очень трудно. Затем существуют наши профсоюзы, главным образом на юге Испании, которые до переворота объединяли около 60 000 рабочих. Теперь нам сообщают о довольно успешном приливе в эти профсоюзы. И наконец существуют католические профсоюзы, которые не играют большой роли. Они правда в известной степени будут мешать в деревне, особенно в центральной Испании. Сами у себя они насчитывают 54 тыс. членов, на деле их меньше. И наконец существуют фашистские союзы, так называемые свободные (синдикатос либре), причем они сами не знают, сколько членов они объединяют — одни говорят столько, другие столько. Мне недавно случилось читать, что они насчитывали у себя 198 700 человек, но это была комбинация для получения мест в паритетных комиссиях, и даже правительство сказало, что это преувеличено.

Вопрос: В чем классовые корни национального антагонизма между каталонцами и испанцами? Являются ли каталонские помещики испанцами?

Ответ: Что касается национального вопроса, то он конечно связан с крестьянским вопросом, но не только с ним. Каталония — это самый промышленный район Испании, там крестьянский вопрос не играет такой роли, как например на юге Испании; в Каталонии нет крупных помещиков, по крайней мере не так много, гораздо меньше, чем в других частях Испании. Помещики конечно не обязательно испанцы, свои тоже есть. Так что не это является сутью антагонизма, не это является сутью национального вопроса Каталонии, а довольно высокий культурный уровень местного населения, даже крестьян, потом политический гнет центра — Мадрида, высокие подати на крестьян, разные административные методы управления. Все это создает настроение сепаратизма. Там, на фоне этой более высокой массовой культуры, развилась довольно широко самостоятельная национальная жизнь с большой прессой, с большими органами, с отчетливой классовой диференциацией и т. д. В Галисии крестьянский классовый характер движения виден очень отчетливо.

Вопрос: Национальный гнет был до переворота?

Ответ: Конечно был. Администрация там не местная, а прислана извне, она насаждала национальную испанскую государственность.

Вопрос: Какова точнее классовая характеристика временного правительства?

Ответ: Испанское временное правительство состоит главным образом из маститой буржуазной интеллигенции. Председатель, Аласа-Моро—богатый человек, и занимается разными буржуазны-

ми «гешефтами». Он связан очень тесно с банковскими кругами, с аристократией. Министры-социалисты, которые входят в правительство — это такие социалисты, которые совсем не похожи даже на Шейдемана, даже на Эберта по своему социальному положению. Один из них — акционер какого-то общества. Промышленники давали ему деньги на его орган, который он издавал. Делиос — это интеллигент, ученый-идеалист, человек, который пришел к социализму без особой борьбы, без раздумий, пришел, как отъявленный реформист. Вообще это правительство составлено из «благомыслящих» людей, которые более или менее связаны лично с буржуазией, а если не лично, то по своей направленности и т. д. Каждый из них считает своим долгом подчеркнуть возможно яснее, что он за порядок, за спокойствие — всегда спокойствие.

Вопрос: Относительно работы буржуазии среди молодежи и работы комсомола?

Ответ: Если речь идет о рабоче-крестьянской молодежи, то кроме социалистов у нас ею никто не занимается. Буржуазия интересуется молодежью из интеллигентской среды, но рабоче-крестьянской молодежью систематически и много она не занимается. Народные массы молодежи предоставлены сами себе. Социалисты занимаются ими только по большим городам. Приблизительно полгода тому назад наша партия начала систематическую работу среди молодежи. Нужно сказать, что самая лучшая наша организация в Андалузии опирается именно на молодежь. Молодежь — самые хорошие агитаторы, самые решительные товарищи.

Вопрос: Не является ли упомянутый вами закон Прима-де-Ривера о выкупе крестьянами арендуемых ими участков земли своеобразной столыпинщиной, попыткой загнившей испанской монархии создать себе классовую опору в лице зажиточного крестьянства, кулацкого или полукулацкого типа?

Докладчик обошел совершенно вопрос о двух путях в сельском хозяйстве Испании.

Как себе мыслит докладчик проблему перерастания буржуазно-демократической революции в Испании в конкретных условиях этой революции?

Ответ: Закон от июня 1926 г. может быть имел столыпинские тенденции — создать самостоятельный класс зажиточных крестьян, но на деле при громадной бедности, при невозможности дать действительно годную землю крестьянам это было больше рассчитано на то, чтобы дать денег помещикам, но не на то, чтобы создать класс зажиточных крестьян. Это в Испании можно было проделать другим путем.

Есть самостоятельные крестьяне, которые, если бы им правительство и буржуазия помогли, могли бы вырасти в хороших кулаков. Так что я не считаю, что основной задачей проекта Прима-де-Ривера была столыпинская политика.

Из двух путей — американского и прусского — в Испании возможен только один путь, именно путь экспроприации помещиков и наделения крестьян землей. Мы будем иметь в редких случаях на практике такое положение, когда землю можно будет оставить.

Относительно проблемы перерастания буржуазно-демократической революции в Испании. Я думаю, что эта проблема могла скорее встать в России, потому что все-таки керенщина давала гораздо больше политической свободы. Как мне рассказывали сами русские товарищи, здесь рабочий класс имел относительно большую свободу, в материальном отношении его положение поправилось благодаря тому, что были советы, сосуществовали две власти. В Испании эта свобода ограничена, уже теперь посылают жандармов расстреливать рабочих, уже теперь много массовых арестов и т. д., нет никакого улучшения материального положения и быта рабочих, нет двоевластия. Нет никаких перспектив того, чтобы правительство провело хоть кое-какие аграрные реформы. Поэтому и ввиду того революционного подъема, который нарастал в течение целого 1930 г., кажется совсем намыслимым, чтобы это перерастание слишком откладывалось, тем более, что даже предоставление известных кредитов из-за границы этому правительству (что вполне возможно) никак вопроса не решит, — может быть поправит положение на несколько месяцев или недель, в известных

отраслях промышленности, но вообще положения рабочего класса не изменит.

Вопрос: Каковы формы советов сейчас в Испании, например в Барселоне, где, как на-днях сообщалось в газетах, уже организованы советы? Каковы лозунги коммунистической партии в отношении власти — революционная диктатура рабочего класса и крестьянства, или диктатура пролетариата?

Ответ: Мне неизвестно, что в Испании уже существуют советы. Информация прессы о советах в Барселоне — неточна, там нет советов. Мы в Барселоне очень слабы, там сильно влияние анархистов и там только нарождаются в рабочем движении другие формы организации — это формы революционных комитетов, но комитетов, которые не носят массового характера: профсоюзы назначают особых людей на фабрике, нечто вроде рабочей делегации, — это назначение больше сверху, чем снизу. Такие комитеты там начали организовываться, но с советами конечно они ничего общего не имеют.

Если мы оцениваем нынешний этап испанской революции как демократическую революцию, как буржуазную революцию, мы еще не можем выставлять лозунг диктатуры пролетариата, мы выставляем лозунг рабоче-крестьянского правительства, опирающегося на советы рабочих, крестьян и солдат.

Вопрос: Легка ли высадка иностранного десанта в Испании, насколько надежной защитой является горный хребет на севере и Гибралтар на юге Испании?

Ответ: Берега Испании там, где десант может быть наиболее вредным и чувствительным для масс, именно в Каталонии, — доступны, тем более что вблизи находятся Балеарские острова, на которых французское правительство уже давно думает устроить себе базу для своего флота. Но с другой стороны, средиземноморский флот Франции ненадежен, он гораздо менее надежен, чем флот Атлантики и Северного моря. Мне французские товарищи говорили, что французские матросы, среди которых работал т. Марти, туда не пойдут.

Являются ли Пиренеи хорошей границей и защитой? Да, это довольно хорошая защита, — хотя Наполеон там переходил, но то были другие времена. Но с другой стороны, теперь существуют аэропланы, которые никаких Пиреней не боятся, это тоже нужно принять во внимание. А Гибралтар конечно Испанию не защищает, он будет только помогать англичанам и другим, кто будет высаживать свои войска.

Вопрос: Кто субсидирует временное правительство?

Ответ: Конечно банки, в которых участвуют все промышленники.

Вопрос: Почему не созданы земельные комитеты?

Ответ: Они уже созданы в некоторых местностях. Конечно еще трудно сказать, что они там успели сделать, но работа идет. Они не созданы потому, что общая организация была слабая.

Вопрос: Какую прессу имеет компартия, тираж этой прессы?

Ответ: Прессы, которая еще несколько дней тому назад выходила легально, у нас было три еженедельника. Общий тираж был приблизительно 50—60 тыс. Потом были местные фабричные газеты, издававшиеся местными профсоюзами. Установить их тираж трудно.

Вопрос: Как компартия связана с рабочими?

Ответ: Партия, особенно в последние месяцы, связывалась с предприятиями, даже в лице самых упорных организаций, которые оказывали большое сопротивление в этом направлении, как мадридская организация. Теперь партийная работа в довольно большом проценте перестроена на базе предприятий.

Вопрос: На кого опирается республика?

Ответ: Республика в Испании опирается на единый блок буржуазии и помещиков. Монархисты, которые вчера были против республики и против республиканцев, готовы были пойти в штыки, эти монархисты на другой же день после объявления республики, заявили свою солидарность с республикой. У меня здесь есть номер журнала «Эль Деботэ», который издают иезуиты в Испании. Они в нем заявляют правительству, что они его признают и будут ему всячески помогать, не вынужденно, но с открытым сердцем, охотно

и т. д. Папа в «Оссерваторе Романо» написал, что республика — приемлемая вещь для Испании, что не всегда должен быть король и т. д. Вообще католическая пресса — испанская, итальянская — цитирует слова папы Льва XIII, который говорил, что католики вообще должны поддерживать правительство, которое существует де-факто.

Вопрос: Какой флот в Испании?

Ответ: Флот у наших адмиралов, которых там вообще много, есть. Военный флот — неважный. Весь флот состоит из 8 кораблей большого размера, (броненосцы, линейные и крейсера), потом 7 маленьких истребителей, около 25—30 миноносок и около 20 подводных лодок. Интересно отметить, что флот организуется и снаряжается наполовину английским капиталом. Создался «Бритишсиндикат» с английским капиталом в военном порту Ферроль.

Вопрос: Что происходит на Азорских островах?

Ответ: Дело в том, что в Португалии уже несколько лет развивается движение против диктатуры генерала Кармони. Это движение должно было вылиться в открытый переворот осенью прошлого года. Случайно ту организацию, которая подготовляла переворот, — раскрыли. С этой организацией были связаны и социалисты. Этот переворот принял бы приблизительно тот же характер, что и переворот в Испании. На Азорских островах находится очень много политических ссыльных. В последние месяцы я читал сообщение в буржуазном органе «Секулло» об отправке по 300—400 ссыльных. На Азорских островах собралось несколько тысяч политических ссыльных. Все эти ссыльные устроили массовое восстание и пытались перенести его в Португалию. Я думаю, что подавление этого восстания никакого значения не имеет — через несколько месяцев судьба Португалии будет решена в смысле низвержения диктатуры Кармони.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

С. Гехтман

ПРАВООППОРТУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВИЗИЯ ЛЕНИНА ПОД ФЛАГОМ КРИТИКИ НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЗМА

(О статье т. М. Рубача в № 5 журнала «Летопись революции»).

„Идейно-политическое родство, связь, даже тождество оппортунизма и национал-социализма не подлежат никакому сомнению“.

(Ленин, Соч., т. XVIII, с. 114).

В обстановке «последнего и решительного боя», идущего в нашей стране между пролетариатом, завершающим построение фундамента социалистической экономики, и остатками капиталистических классов, особое значение приобретает четкость коммунистических позиций в области научно-теоретической мысли.

Рост сопротивления выкорчевываемых капиталистических элементов не может не вызывать усиления попыток проникновения в нашу среду классово-враждебных идей. Тот факт, что марксизм является господствующим учением в СССР, не может не вызывать попыток своеобразной «социальной мимикрии» со стороны представителей стремящихся к реставрации капитализма остатков буржуазной науки. Отсюда вытекает необходимость укрепления партийных позиций на научно-идеологическом фронте и решительной борьбы с открытыми или замаскированными антиленинскими, ревизионистскими, буржуазными и мелкобуржуазными тенденциями в науке, глашатаями которых нередко становятся отдельные коммунисты.

Особенно остро и в своеобразных формах классовая борьба на научно-теоретическом фронте протекает в национальных республиках, где она осложняется в высшей степени важным национальным вопросом. XVI съезд ВКП(б) отметил факт активизации в нашей стране как великодержавного шовинизма, представляющего на данном этапе главную опасность, так и местного национализма, и указал на необходимость усиления борьбы и с тем, и с другим национализмом. Отсюда следует, что необходимо активизировать нашу борьбу против конкретных проявлений великодержавного и местного национализма в науке, в частности в исторической науке, решительно реагировать на все и всяческие проявления реакционных, националистических взглядов в историографии, решительно разоблачать тех отдельных историков-коммунистов, которые подпадают под влияние чуждой идеологии и вольно или невольно становятся проповедниками буржуазного национализма.

Для украинского марксистского фронта этот момент имеет особенное значение. Долгое господство яворщины на Украине, наличие крепких групп буржуазных историков, создавших свои школы, как напр., Грушевского, Василенко, при относительной слабости и малочисленности украинского отряда историков-марксистов, делают настоятельно необходимым решительную борьбу, разоблачение и преодоление не только всех откровенно-буржуазных, националистических идей, так или иначе проникающих в нашу среду, но также и скрытых, замаскированных проявлений великодержавничества, местного национализма и примиренческого к ним отношения.

Примером такого примиренческого отношения к национал-демократизму на украинском историческом фронте, к яворщине, является статья т. М. Рубача, напечатанная в журнале украинского Института истории партии «Летопись революции» № 5 за 1930 год.

Эта статья носит громкое название: «Против ревизии большевистской схемы характера и движущих сил революции 1917 года на Украине». По замыслу автора статья должна была быть посвящена критике национал-демократической схемы революции 1917 года на Украине. Беда только в том, что критика эта отнюдь не ленинская, а насквозь проникнута оппортунизмом и примиренчеством.

Статья эта не только не может претендовать на значение подлинно большевистской критики системы взглядов Яворского и его последователей, но наоборот содержит в себе грубейшие извращения, переходящие в форменную ревизию ленинского учения в карди-

нальнейшем вопросе о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Приходится только удивляться тому, что эта, безусловно ревизионистская, правооппортунистическая статья напечатана в «Летописи революции» без единого примечания редакции и не встретила до сих пор необходимой резкой критики в рядах украинского Общества историков-марксистов.

Статья начинается с правильного замечания, что среди известной части историков-коммунистов Украины национал-демократическая схема Яворского в большом ходу. Причины этого явления Рубач видит в том, что «ряд коммунистов, работающих специально или между прочим в области истории украинской революции, работают не в безвоздушном пространстве, а в известном окружении, поскольку они знакомы в большей или меньшей степени с буржуазной и мелкобуржуазной историографией» [1]. Таким образом, проникновение враждебных пролетариату взглядов и теорий в среду историков-марксистов объясняется, оказывается, не классовыми отношениями и классовой борьбой, а... фактом знакомства коммунистов с творчеством буржуазных и мелкобуржуазных историков. Тов. Рубач очевидно считает, что пребывание коммунистов в полном неведении относительно классово-враждебной историографии гарантирует от уклонов от марксизма-ленинизма в исторической науке. Вряд ли можно сыскать более вульгарное и обывательское объяснение факту проникновения враждебных взглядов в среду историков-коммунистов, чем то, которое дает наш автор.

На всей статье лежит печать нерешительности и примиренчества по отношению к критикуемым т. Рубачем национал-демократическим теориям. Он находит достаточно резкие слова для характеристики системы взглядов Яворского, этого «исторического» апологета украинской буржуазии. Но как только дело доходит до характеристики некоторых последователей яворщины (Сухино-Хоменко, Речицкого), перо становится мягче, характеристики бледнеют, критика делается менее решительной. На всем протяжении статьи, занимающей почти 100 страниц, мы не найдем указания на то, что идеи Речицкого и Сухино-Хоменко — это в основном, особенно в отношении 1917 года, идеи яворщины. Рубач не только не говорит о них прямо, как о последователях яворщины, но наоборот относит их работы, в отличие от работ самого Яворского к «украинской марксистской историографии» [2]. Такое размежевание кажется тем более странным, что приводимые Рубачем обильные выдержки из работ Речицкого и Сухино-Хоменко не оставляют у читателя никакого сомнения в том, что взгляды Яворского, Речицкого и Сухино-Хоменко на революцию 1917 года на Украине в главном и существенном совпадают.

Больше того. В отношении Сухино-Хоменко т. Рубач даже прямо и откровенно делает попытку совершенно отгородить его от яворщины. «Мы рассмотрим,—пишет он,—национал-демократическую схему Яворского и ошибки некоторых товарищей (имеется в виду т. Сухино-Хоменко), которые хотя и **не разделяют важнейших ошибочных взглядов Яворского и даже боролись** с ним и, но в своих собственных работах выдвинули ряд таких ошибочных утверждений, часто родственных, однотипных с ошибками Яворского, что, сами того не замечая, значительно уклонились от ленинского понимания движущих сил и характера революции 1917 года» [3]. Приходится сожалеть о том, что т. Рубач не отметил точно, какие же это «важнейшие вопросы», в которых т. Сухино-Хоменко «не разделяет» и «даже боролся» с вредными, ошибочными взглядами Яворского. Может быть это вопрос о гегемонии пролетариата? Или о роли украинской буржуазии, как движущей силы и гегемона революции 1917 г. на Украине? Или быть может об оценке Центральной рады как якобы органа революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства на Украине? Или возможно вопрос об оценке Советов и большевистских организаций на Украине? Или наконец вопрос о буржуазно-юридическом националистическом понимании исторического процесса, определении сущности этого процесса как борьбы за национальное государство? Положительно. т. Рубачу нельзя позавидовать. Он взялся искусственно, механически отгородить Сухино-Хоменко и других от системы взглядов, именуемых яворщиной, тогда как вся история борьбы с яворщиной на Украине говорит против этого.

Поистине, анекдотически звучит утверждение нашего автора о том, что в проявлении вреднейших взглядов Сухино-Хоменко виновата... китайская революция (бедная китайская революция!) ибо, видите ли, «т. Хоменко... ошибочно приложил к Украине почти без из-

---

[1] «Летопись революции» № 5, с. 7.

[2] «Летопись революции» № 5, с. 7, 30.

[3] Там же, с. 81.

мнений то соотношение и расстановку движущих сил, какие были в Китае в 1925—1926 гг.»[4]. Вместо того, чтобы прямо назвать взгляды Сухино-Хоменко своим настоящим именем, вместо того, чтобы сказать, что в его работах яворщина нашла свое прямое и яркое отражение, т. Рубач пошел по линии затушевывания и сглаживания социальной сути и теоретических источников взглядов Сухино-Хоменко.

Оппортунизм и примиренчество Рубача наиболее ряко проявляются в отношении самого существа национал-демократических взглядов на революцию 1917 года на Украине. Сторонники национал-демократической схемы определяют революцию 1917 года на Украине как национал-демократическую революцию (Яворский, Сухино-Хоменко) или как буржуазную аграрно-национальную революцию (Речицкий). Не видя или не желая видеть того, что национальный момент представляет собой в известных исторических условиях особую форму проявления классовых отношений, отрывая национальное от классового и выдвигая национальный момент в качестве некоего абсолюта, последователи яворщины, естественно, пришли ко взгляду, что осью исторического процесса является вопрос национальный, что основным содержанием этого процесса является борьба за национальное государство. Отсюда естественна и оценка национального вопроса в 1917 году как главного вопроса, вокруг которого концентрируются все социально-классовые антагонизмы украинского общества. Нет нужды говорить, что подобная теория не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом, в частности с ленинской схемой истории революции 1917 года и должна быть разоблачена самым беспощадным образом. Как же наш автор борется с этой теорией?

Он довольно решительно восстает против понимания национального вопроса как главного вопроса революции 1917 года на Украине. Не национальный вопрос, — подчеркивает во многих местах своей статьи т. Рубач, — был главным вопросом революции. Что же составляет основное содержание революции 1917 года на Украине? С усердием, достойным лучшего применения, т. Рубач анализирует «относительное значение национального и аграрного вопроса» и приходит к заключению, что главным вопросом революции 1917 года был не национальный, а аграрный вопрос. Основным грехом национал-демократической схемы он считает то, что ее сторонники, «выдвигая на первый план, как основную проблему, национальный вопрос, смазывают, игнорируют с а м о с т о я т е л ь н о е з н а ч е н и е а г р а р н о й п р о б л е м ы в буржуазно-демократической революции на Украине, подчиняют аграрную революцию революции национальной»[5]. «Речь идет о том, — читаем мы в статье, — какая из этих двух проблем буржуазно-демократической революции на Украине является коренной, решающей. Отсутствие такой постановки вопроса затянуло ряд товарищей в болото национализма, привело к подмене классового, социально-экономического анализа националистическим, буржуазно-юридическим». Значит, основной вопрос революции, по мнению т. Рубача — аграрный вопрос, имеющий для 1917 года, как он утверждает, «самостоятельное значение». В подтверждение своего взгляда, т. Рубач приводит ряд цитат из Ленина и Сталина периода первой революции и эпохи реакции, где Ленин и Сталин подчеркивают, что «аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обусловливает собой национальную особенность данной революции»[6], что «не национальный, а аграрный вопрос решает судьбу прогресса России»[7].

Разберемся, однако, в сути утверждений т. Рубача. Что национальный вопрос не был основным вопросом нашей революции — это совершенно бесспорно для большевика. Но был ли этим основным вопросом аграрный вопрос? как думает т. Рубач. На этот вопрос следует категорически ответить — нет. Ни аграрный, ни национальный вопросы, ни тот ни другой, не были и не могли быть главным, решающим вопросом революции. Период от Февраля до Октября не был периодом буржуазно-демократической революции. Это был период уже начавшегося непосредственно после Февраля и чем далее, тем более углублявшегося и расширявшегося, перерастания буржуазно-демократической революции, в революцию социалистическую. «Своеобразие текущего момента, — читаем мы в ленинских «Апрельских тезисах, — характеризуется переходом от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, благодаря недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко второму ее этапу,

[4] «Летопись революции» № 5, с. 48.

[5] «Летопись революции» № 5, с. 60.

[6] Л е н и н, Соч., т. IX, с. 597.

[7] И. С т а л и н, Марксизм и национальный вопрос, изд. 1920 г., с. 29—30.

который должен передать власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства» [8].

Именно этот вопрос о государственной власти, о переходе этой власти из рук буржуазии в руки пролетариата и беднейшего крестьянства был основным вопросом революции на всем промежутке февраль—октябрь 1917 г. Это не значит конечно, что тем самым снимались с порядка дня все вопросы незавершенной еще буржуазно-демократической революции (аграрный вопрос, игравший понятно огромную роль, национальный, равноправие женщин, полная ликвидация остатков сословности и т. д.), но это значило то, что с марта-апреля 1917 года задачи завершения буржуазно-демократической революции становились подчиненными по отношению к главной стратегической задаче — совершения социалистической революции, перехода власти в руки пролетариата. Именно здесь, как в фокусе, сосредоточились все остальные вопросы революции.

«Революционные рабочие, — писал Ленин в 1917 году, — если их поддержат беднейшие крестьяне, — только они могут сломить сопротивление капиталистов, повести народ к завоеванию земли без выкупа, к полной свободе, к победа над голодом, к победе над войною, к справедливому и устойчивому миру» [9]. Тов. Сталин в своем ответе Ян—скому подчеркивает, в полном соответствии с тем, что писал и говорил Ленин, что «при втором этапе революции (февраль 1917 года—октябрь 1917 года) на порядке дня стоял вопрос свержения власти буржуазии и установления диктатуры пролетариата» [10].

От установления этой диктатуры, от перехода власти в руки пролетариата, зависело решение и аграрного, и национального, и всех остальных вопросов еще незавершенной буржуазной революции. А т. Рубач упорно не хочет замечать этого действительно основного вопроса, доказывая усердно представителям национал-демократической схемы, что не национальный, а аграрный вопрос был главным вопросом революции 1917 года.

Тов. Рубач видит основной порок национал-демократической схемы в том, что для нее главным вопросом революции является национальный вопрос. Но в действительности основной порок национал-демократической схемы вовсе не в этом. Предположим на минутку, что сторонники национал-демократической схемы признали бы главным вопросом революции аграрный вопрос, как того добивается т. Рубач. Стала ли бы от этого схема Яворского, Сухино-Хоменко и других в отношении революции 1917 года на Украине хоть на йоту правильнее? Ничуть. Ибо основной порок этой схемы состоит в том, что она рассматривает 1917 год как буржуазно-демократическую революцию, игнорируя уже начавшийся процесс перерастания.

А т. Рубач относится явно примиренчески, оппортунистически к этой части национал-демократической схемы, возражая только против оценки национального вопроса как главного вопроса революции 1917 года на Украине. Можно сказать, что если Яворский и его последователи выдвинули теорию национал-демократической революции, то т. Рубач фактически заменил ее теорией аграрно-демократической революции, воображая, будто он этим самым прочно утвердился на ленинских позициях в оценке революции 1917 года.

«Перед украинской революцией, — читаем мы на первой же странице статьи Рубача, — стояли те же коренные задачи, которые должна была решить буржуазно-демократическая революция. Во-первых, ликвидировать полукрепостнический политический строй, ликвидировать помещичье землевладение, ликвидировать национальный гнет. Во-вторых, новые задачи ликвидации войны и ликвидации самого капитализма» [11]. Не трудно заметить, что в изложении т. Рубача нехватает «мелочи» — перехода власти в руки пролетариата, отчего зависели и ликвидация крепостническо-политического уклада, и ликвидация помещичьего землевладения, и уничтожение национального гнета, и выход из империалистической войны. Подчеркнув «во-вторых» задачу уничтожения капитализма, т. Рубач замалчивает вопрос о том, что же стало после Февраля доминантой революционного процесса, замалчивает потому, что, как сейчас увидим, не согласен с ленинским мнением о том, что сразу после Февраля началось перерастание.

В своей статье Рубач приводит следующее место из статьи Яворского. «О моих ошибках в концепции истории Украины», напечатанной в «Коммунисте» 5 сентября 1929 года: «Я оши-

[8] Ленин, Соч., т. XIV, ч. 1, с. 17—18.

[9] Там же, ч. 2, с. 42—43.

[10] Сталин, Вопросы ленинизма, с. 408.

За неимением под рукой русского издания, перевожу по украинскому изданию «Пролетарий», 1930 г.

[11] «Летопись революции» № 5, с. 5.

бочно определил роль украинской буржуазии в целом в этой революции (1917 года). Ибо признавая правильно эту революцию буржуазной, я ошибся, переоценивши роль украинской буржуазии, сделав ее движущей силой буржуазно-демократической революции на Украине». Напрасно вы бы стали искать у Рубача возражений против этой оценки революции как буржуазно-демократической. Рубач сам стоит на той же позиции и поэтому ограничивается только таким замечанием: «Яворский признал только то, что выдвинул украинскую буржуазию движущей силой, тогда как он ее выдвинул гегемоном революции»[12]. Выходит, что если бы Яворский признавал гегемонию пролетариата, он был бы прав в оценке революции 1917 года. В оценке послефевральского периода как периода буржуазно-демократической революции Рубач стоит на позициях Яворского и его последователей, отбрасывая лишь гегемонию буржуазии и заменяя ее гегемонией пролетариата, вытекающей, по Рубачу, из того, что *основным вопросом* революции являлся аграрный вопрос. (В скобках заметим, что для обоснования гегемонии пролетариата в революции 1917 года не стоило затрачивать столько труда на анализ «относительного значения аграрного и национального вопросов». Украинская буржуазия столь же мало способна была решить национальный вопрос, как и вопрос аграрный, что блестяще подтвердилось опытом «полной» власти Центральной рады после об'явления III Универсала).

В полном противоречии с оценками Ленина и Сталина, послефевральский период фигурирует у т. Рубача в качестве «буржуазно-демократического этапа революции 1917 года». «Какая же партия руководила б у р ж у а з н о - д е м о к р а т и ч е с к и м э т а п о м, по Яворскому, национальной революцией на Украине?»[13] — спрашивает т. Рубач. Таким образом послефевральский период, носящий у Яворского название «национально-демократическая революция», заменяется у Рубача другим названием: «буржуазно-демократический этап революции 1917 года», не меняющим однако сути дела, так как ясно, что национальная революция Яворского есть та же буржуазная по своему содержанию революция. «Буржуазно-демократический этап революции 1917 года» — это не случайная обмолвка. Об этом, никогда не существовавшем в природе буржуазно-демократическом этапе послефевральского периода революции 1917 года, т. Рубач говорит во многих местах не только этой статьи, но и в других своих работах, например в пространной и весьма примиренческой рецензии на книжку Речицкого, напечатанной в «Летописи революции» №№ 3—4 за 1930 год. Вот ряд примеров: «Когда национальный вопрос берут основою, подчиняя ему другие, более важные проблемы... тогда пролетариат не является гегемонии б у р ж и а з н о - д е м о к р а т и ч е с к о г о э т а п а р е в о л ю ц и и»[14]. «Украинская буржуазия по Яворскому является гегемоном б у р ж у а з н о - д е м о к р а т и ч е с к о г о э т а п а р е в о л ю ц и и»[15]. «Некоторые товарищи... механически переносят позднейшие предложения... в б у р ж у а з н о - д е м о к р а т и ч е с к и й п е р и о д р е в о л ю ц и и, когда аграрный вопрос еще не был разрешен»[16]. «Единственный путь действительно *выправить брошюру* (Речицкого) — отказаться от освещения украинского национального движения как движения, решающим образом определявшего характер революции и подчинявшего другие основные проблемы б у р ж у а з н о - д е м о к р а т и ч е с к о г о э т а п а р е в о л ю ц и и 1917 г о д а»[17].

Сомнения невозможны. Тов. Рубач подвергает правооппортунистической ревизии ленинскую схему перерастания, он не согласен с ленинской мыслью о том, что в феврале 1917 года с переходом власти в руки буржуазии буржуазная революция закончилась. «Первый этап первой революции, именно русской революции первого марта 1917 года, судя по скудным данным, имеющимся в распоряжении пишущего эти строки в Швейцарии, з а к о н ч и л с я. Этот первый этап наверное не будет последним этапом нашей революции», — писал Ленин в своих знаменитых «Письмах издалека». Тов. Рубач с этим не согласен, как не согласен и с ленинским положением о том, что после февраля начался «переход от первого этапа революции ко второму» («Апрельские тезисы»).

Тов. Рубач считает, что известный период после Февраля (мы далее увидим даже «хронологические рамки» этого периода) длилась еще буржуазно-демократическая революция, или как он выражается, «буржуазно-демократический этап революции». В противовес Ле-

---

[11] «Летопись революции» № 5, с. 17.

[12] «Летопись революции» № 5, с. 18.

[13] Т а м ж е, с. 16.

[15] Т а м ж е, с. 18.

[16] Т а м ж е, с. 67.

[17] Т а м ж е, № 3—4, с. 270 (разрядка моя — С. Г.).

нину, который считал, что «после этой революции власть в руках другого класса, именно буржуазии... постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция закончена» [18], Рубач считает, что революция буржуазная в Феврале не окончилась, что эта революция должна была пройти еще один последний этап, чтобы начался процесс перехода к революции социалистической.

Наш автор не может не чувствовать, насколько бьет в глаза противоречие между ним и Лениным, и поэтому прибегает к последнему средству. Оказывается: «Ленин, говоря о законченности буржуазной революции, имел в виду революцию о б ы ч н о г о типа (разрядка Рубача)... Обычная буржуазная революция передавала власть буржуазии. Но Ленин всегда отличал буржуазную революцию обычного типа от крестьянской революции, как одного из видов буржуазной революции» [19]. Трудно представить себе большее издевательство над Лениным, чем то, которое допускает в данном случае Рубач. В самом деле. Ленин в противовес правооппортунистической установке Каменева подчеркивал, что буржуазно-демократическая революция в Феврале закончилась. «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства у ж е о с у щ е с т в и л а с ь, но чрезвычайно оригинально, с рядом в высшей степени важных видоизменений» [20]. В этих новых условиях двоевластия не мог стоять на очереди дня самостоятельно, сам по себе, вопрос о доведении до конца буржуазной революции вообще и буржуазной революции крестьянского типа в частности. Не мог стоять потому, что налицо после Февраля оказался факт классового сотрудничества, классового соглашения крестьянства с буржуазией. «Марксист, — говорит Ленин, — не должен сходить с точной почвы анализа классовых отношений. У власти буржуазия. А массы крестьян разве не составляет т о ж е буржуазию иного слоя, иного рода, иного характера? Откуда следует, что этот слой н е м о ж е т притти к власти, «завершая» буржуазно-демократическую революцию? Почему это невозможно? Так рассуждают часто старые большевики. Отвечаю. Это вполне возможно. Но марксист в учете момента должен исходить не из возможного, а из действительного» [21]. Далее Ленин подчеркивает, что действительность состоит в факте классового соглашения крестьянства и буржуазии и приходит к выводу: «Перед лицом этой действительности сегодняшнего дня прямо-таки смешно отворачиваться от ф а к т а и говорить о возможностях».

Тов. Рубач думает, что в Феврале закончилась буржуазная революция обычного типа, но зато только началась буржуазная революция крестьянского типа. Однако, открытие Рубача отнюдь не блещет новизной. Эта же мысль высказана не в 1931 году, а еще весной 1917 года в противовес ленинским «Апрельским тезисам» Каменевым и другими «старыми большевиками», которых Ленин предлагал сдать в архив «дореволюционных большевистских редкостей». Разве неизвестно Рубачу, что Каменев в 1917 году выдвигал против Ленина тот аргумент, что «буржуазно-демократическая революция не закончена, что аграрная революция — тоже буржуазная революция — не только не кончилась, но, наоборот, еще не начиналась».

Лозунгом крестьянской буржуазно-демократической революции является революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Если действительно прав Рубач в своем утверждении, что после Февраля начался переход не от буржуазно-демократической революции к социалистической, а только переход от буржуазной революции обычного типа к революции буржуазно-крестьянской, то чем объяснить тогда решительные возражения Ленина против лозунга революционно-демократической диктатуры, резкое подчеркивание им того, что «эта формула устарела», что она «никуда не годится», что «она мертва» и, что «напрасны будут усилия ее воскресить». Чем объяснить то, что Ленин с самого начала революции, говоря о своеобразном осуществлении революционно-демократической диктатуры в форме двоевластия, подчеркивал: «Н е и з в е с т н о, может ли теперь быть еще в России о с о б а я революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, оторванная от буржуазного правительства. На неизвестном базировать марксистскую тактику нельзя» [22].

Для Ленина было ясно, что пока не снят, пока имеется налицо факт классового сотрудничества крестьянства и буржуазии благодаря недостаточной сознательности масс и доверия к мелкобуржуазным демократам (эсерам и меньшевикам), — эту возможность надо совер-

---

[18] Л е н и н, Соч., т. XIV, ч. 1, с. 28.

[19] «Летопись революции», № 5, с. 81.

[20] Л е н и н, Соч., т. XX, изд. 2-е, с. 705.

[21] Т а м ж е, с. 706.

[22] Л е н и н, Соч., т. XX, изд. 2-е, с. 106.

шенно исключить. Если действительно прав Рубач, говорящий о буржуазно-демократическом этапе революции 1917 года, о переходе от революции обычного типа к буржуазно-крестьянской революции, то чем объяснить появление сразу после Февраля большевистского лозунга диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства? Чем объяснить, что на почве этого лозунга Ленин неизменно стоял весь период от апреля до октября 1917 года? Не кажется ли несколько «странным» этот лозунг в условиях «буржуазно-демократического этапа революции», в условиях перехода к буржуазной революции крестьянского типа.

Чем наконец объяснить тот факт, что уже в апреле Ленин говорит о необходимости «парализовать неустойчивость среднего крестьянства», т. е. выдвигает лозунг нейтрализации середняка? Не кажется ли Рубачу странным, что Ленин в процессе продолжающейся еще буржуазно-демократической революции (крестьянского типа) переходит от лозунга «вместе со всем крестьянством» к лозунгу следующего этапа — «вместе с беднейшим крестьянством и полупролетариатом» при нейтрализации середняка?

Нет смысла еще доказывать, что Рубач просто наклеветал на Ленина, утверждая, что Ленин имел в виду переход от революции обычного типа к революции буржуазно-крестьянской, которая после Февраля будто бы только начиналась. Послефевральский период был периодом начавшегося перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, был «переходом от первого этапа революции ко второму» (Ленин) и следовательно ни о каком буржуазно-демократическом этапе революции, хотя бы и крестьянского типа, после Февраля речи быть не может. Все рубачевские рассуждения по этому поводу представляют собой просто ревизию элементарных основ ленинского учения о перерастании.

Чтобы покончить с этим вопросом, остановимся еще на одном «аргументе» нашего автора. В подтверждение своего взгляда о существовании «буржуазно-демократического этапа революции», о переходе после Февраля к революции крестьянского типа, Рубач цитирует следующее место из ленинских «Писем о тактике»: «Но не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм из желания «перепрыгнуть» через незавершенную, не изжившую еще крестьянского движения революцию буржуазно-демократическую?» Рубач думает, что эти слова являются прямым свидетельством того, что после Февраля еще продолжался буржуазно-демократический этап революции. В действительности же эти слова свидетельствуют лишь о том, что, делая ставку на подготовку пролетарской революции, Ленин предостерегал от пренебрежения крестьянской мелкой буржуазией и нерешенными еще задачами буржуазно-демократической революции. Эти задачи должна была решить подготовляемая пролетарская революция, как писал Ленин впоследствии «походя», «мимоходом», как «побочный продукт» своего развития, ибо основою основ, от чего зависело решение всех без исключения вопросов момента, был вопрос о переходе власти в руки пролетариата. Но характерно, что, предостерегая от игнорирования неизжитого еще крестьянского движения, Ленин в то же время подчеркивает новое явление в крестьянстве, раскол в крестьянстве, явившийся следствием уже начавшегося процесса перерастания, в свою очередь подготовленного всеми условиями развития монополистического капитализма после 1905 года, классовыми сдвигами, внесенными столыпинской реформой, плюс империалистическая война. «Троцкизм, — говорит Ленин, — без царя, а правительство рабочее». Мелкая буржуазия есть, ее выкинуть нельзя. Но в ней две части. Беднейшая ее часть идет с рабочим классом» [23].

Когда же, по схеме Рубача, началось перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую и как он мыслит себе конкретный ход этого перерастания? В ряде мест разбираемой статьи мы встречаем указания на то, что перерастание началось «задолго до Октября». Приходится гадать, к какому же месяцу относит Рубач начало перерастания... Однако из всего сказанного выше одно безусловно ясно: перерастание по схеме Рубача началось, во всяком случае не сразу после Февраля. Иначе — какой же смысл говорить «перерастание началось непосредственно еще до Октября», когда можно проще и яснее сказать, что перерастание началось уже в Феврале! Это не что иное как типичный для оппортуниста прием прятать действительную сущность своих взглядов за «гибкими» каучуковыми формулировками. Ясно также и то, что Рубач вводит читателя в обман, ссылаясь в подтверждение своей схемы на то, что «Ленин неоднократно говорил, что перерастание революции началось задолго до Октября 1917 года» [24]. Ленин действительно говорил, что «задолго до Октябрьской революции»

[23] Ленин, Соч., т. XX, ч. 2, с. 112.

[24] «Летопись революции» № 5, с. 80.

большевики разъясняли народу, что «остановиться на этом революция теперь не сможет»[25]. Но у Ленина «задолго до Октября» означает за 8 месяцев до Октября, это выражение у Ленина равнозначно выражению «сразу после Февраля», тогда как у Рубача «задолго до Октября» означает, примерно, с июля, до которого длился «буржуазно-демократический этап революции 1917 года».

Что мы нисколько не ошиблись в определении срока начала перерастания по схеме Рубача, подтверждает довольно прямо сам автор. «Весь процесс развития революции 1917 года от Февраля к Октябрю, — читаем мы в статье,— можно условно с точки зрения перерастания разделить на три периода: первый — от февраля до 4 июля, когда еще преобладало буржуазно-демократическое содержание; второй — от 2 июля до 31 августа, до корниловщины — это переходный этап, и наконец третий период — от 2 сентября до 25 октября, период непосредственной подготовки пролетарской революции, когда уже выявилось преобладание социалистического содержания по сравнению с буржуазно-демократическим» (с. 89, разрядка моя — **С. Г.**). Получается довольно любопытная картина: до июльских дней длится буржуазно-демократическая революция с некоторым, весьма ограниченным объемом социалистических задач и только после корниловщины, даже не во втором, а в третьем, по схеме Рубача, периоде, социалистические задачи революции выдвигаются на первое место.

Такое ошибочное представление, опрокидывающее ленинскую схему перерастания, т. Рубач упорно вдалбливает в голову читателя.

«Основной фон после июля создавала пролетарская революция», — пишет т. Рубач на с. 26, и еще и еще раз повторяет эту «счастливую» мысль на страницах 87, 88, 90, 91 и т. д.

Тов. Рубач не понимает, что решающим для всего этого периода является не изменение тех или иных тактических планов и лозунгов, не переход от одних методов достижения стратегической цели (осуществление лозунга социалистической диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства) к другим, в соответствии с изменением конкретной политической ситуации, а именно эта основная стратегическая линия революции. А решится ли т. Рубач утверждать, что в период Февраль—Октябрь было две, а не одна стратегическая линия революции, решится ли он отрицать, что на всем протяжении революции от Февраля до Октября у большевизма было не два, а один неизменный стратегический план, состоявший, как говорит т. Сталин, в «изоляции мелкобуржуазной демократии (меньшевики и эсеры), стремящейся овладеть трудящимися массами крестьянства, и кончить революцию путем соглашения с империализмом» и имевший своей целью «повалить империализм в России и выйти из империалистической войны»? [26].

Тов. Рубач споткнулся на том самом месте, что и обратившийся к т. Сталину за «разъяснениями» т. Ян—ский. «Стратегические лозунги нашей партии нельзя расценивать с точки зрения эпизодических побед или поражений революционного движения... стратегические лозунги партии можно расценивать только с точки зрения марксистского анализа классовых сил и правильного размещения сил революции на фронте борьбы за победу революции, за сосредоточение власти в руках нового класса»[27]. Не мешало бы т. Рубачу хорошенько запомнить, что «основной темой стратегического лозунга является вопрос о власти на данном этапе революции, вопрос о том, какой класс сбрасывают, и в руки какого класса переходит власть» (Сталин), а этот вопрос одинаково ставился на всем протяжении от февраля до октября 1917 года. И до июльских дней, и от июльских дней до корниловщины, и наконец, от корниловщины до Октября, вопрос о переходе власти в руки пролетариата был основным вопросом революционного процесса. Основная стратегическая линия революции в течение всего этого времени оставалась неизменной, сменялись только тактические лозунги и средства борьбы, сообразно изменению политической обстановки (сначала, в условиях двоевластия, ставка на возможность мирного перехода власти в руки Советов с расчетом принудить стоявшую во главе Советов мелкобуржуазную демократию провести свою программу и тем самым полностью себя разоблачить перед массами, затем, когда двоевластие исчезло, временное снятие лозунга «власть Советам» и курс на завоевание большинства в Советах и наконец постановка на повестку дня снова этого лозунга, когда Советы стали большевистскими).

---

[25] Ленин. Соч., т. XV, с. 508.

[26] Сталин, Вопросы ленинизма, укр. изд «Пролетарий», 1930 г., с. 90.

[27] Его же. Ответ Ян—скому.

«Июльские дни, — пишет т. Рубач, ссылаясь при этом на ленинский «Проект резолюции о текущем политическом моменте», — являются переломным моментом в революции. Июльский кризис выявил, что меньшевики и эсеры настолько связались с буржуазией, а буржуазия настолько была контрреволюционна, что о мирном развитии революции не могло быть и речи» [27а]. И умудрится же человек в такой маленькой фразе так безбожно напутать. Это когда же о мирном развитии «не могло быть и речи», до июльских дней или только после? Из приведенной цитаты следует, что Ленин и партия «недоучли» того, «насколько меньшевики и эсеры были связаны с буржуазией, а буржуазия контрреволюционна». Тяжело Ленину и партии отвечать перед судом нашего «просвещенного» историка! Однако в действительности т. Рубач просто не понял, что к чему. Ленин прекрасно видел и до июля и после июля как теснейшую связанность эсеров и меньшевиков с буржуазией, так и безусловную контрреволюционность этой последней. И тем не менее курс на мирный переход власти в руки Советов до июля 1917 года был правилен, ибо он вытекал из факта д в о е в л а с т и я, а не из надежды Ленина на то, что авось эсеры с меньшевиками как-нибудь «поправятся», а буржуазия станет революционной. А временное снятие лозунга «власть Советам» после июля вытекало вовсе не из того, что эсеры, меньшевики и буржуазия «не оправдали надежд» Ленина, а из того, что д в о е в л а с т и е к о н ч и л о с ь, сменилось открытой буржуазно-полицейской диктатурой, что к власти пришли «Кавеньяки», что меньшевики и эсеры «проституировали» Советы.

Июльские дни Ленин оценивал как переломный момент вовсе не потому, что якобы только с этого момента началось перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую (доминантное значение социалистических задач было ясно, и из него исходил Ленин задолго до июльских дней), а потому, что июльские дни гигантским образом ускорили революционизирование масс и изоляцию мелкобуржуазной демократии, и тем самым стали важнейшим этапом на пути к Октябрю. С точки же зрения основной стратегической, а не тактической линии в революции, июльские дни никакого изменения не вносили.

Подводя итоги своей статьи и перечисляя «основные черты национал-демократической схемы», т. Рубач, «в-третьих», упрекает представителей национал-демократической схемы в том, что они не видят д в у х э т а п о в революции (буржуазно-демократического этапа и следующего, послеиюльского этапа непосредственного перерастания [28]. Но Яворский и его последователи по-своему куда более логичны, нежели Рубач. Как стратегический этап период Февраль—Октябрь для них один этап. Беда только в том, что с их точки зрения это—этап буржуазной революции, идущей у одних до Октября, у других даже после Октября. Рубач же хочет во что бы то ни стало единый, с точки *зрения основной стратегической линии* революции, этап Февраль—Октябрь разделить на две или даже на три части, выделить из него одному ему известный «буржуазно-демократический этап революции 1917 года».

Ленинская схема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую совершенно ясна. Основным признаком всякой революции является переход власти в руки нового класса. Власть в Феврале перешла в руки другого класса — буржуазии. Постольку буржуазно-демократическая революция закончена. Доведение до конца буржуазно-демократической революции находится в дальнейшем в зависимости от перехода власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Отсюда лозунг диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, являющийся переходной ступенью к лозунгу диктатуры пролетариата. Борьба за осуществление диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства — это и есть непосредственный переход к социалистической революции. Именно с этой точки зрения Ленин определил еще в апреле 1917 г. «своеобразие текущего момента» как «переход от первого этапа революции ко второму» или иначе говоря как перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Тов. Рубач цепляется однако за известные цитаты из Ленина, где Ленин говорит о том, что «наша непосредственная задача — не введение социализма». «Он (Каменев) упрекает меня в том, что моя схема «рассчитана» на «немедленное перерождение» этой революции в социалистическую». Это неверно. Я не только не рассчитываю на «немедленное перерождение» нашей революции в социалистическую, а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе № 8: «н е введение социализма, как наша н е п о с р е д с т в е н н а я з а д а ч а» [29].

[27а] «Летопись революции» № 5, с. 87.

[28] «Летопись революции» № 5, с. 97.

[29] Л е н и н, Соч., т. XX, изд. 2-е, с. 107

Тов. Рубач толкует это место в том смысле, будто Ленин считал, что сразу после Февраля еще нет перерастания, еще продолжается «буржуазно-демократический этап революции». Но это ведь сплошное издевательство над Лениным, ясно отметившим, что совершается «переход от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства». Рубач просто не разобрался, почему Ленин предостерегал от «непосредственного введения социализма». А предостерегал он потому, что перерастание предполагает известную систему переходных мер и лозунгов. Эта система переходных мероприятий состояла прежде всего в переходе власти к Советам, к данным эсеро-меньшевистским Советам, в организации «регулирования производства и распределения в общегосударственном масштабе, всеобщей трудовой повинности, принудительного синдицирования»[30], «контроля за банками, слияния всех банков в один, и т. д.».

«Это еще не социализм, но это шаг к социализму» — подчеркивает Ленин в «Письмах о тактике»[31].

Переход власти к эсеро-меньшевистским Советам — это, разумеется, еще не диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства, но это безусловно шаг к этой диктатуре, этот переход безусловно лежит в плоскости перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, ибо «власть советов» (хотя бы и данных советов) означала прежде всего другого ликвидацию чиновничьего аппарата, передачу всех функций управления органам, теснейшим образом связанным с массами, короче сказать—переход к новому типу государственности. Тов. Рубач просто отбрасывает эту систему переходных мер и лозунгов и рисует, в полном противоречии с Лениным, иную схему, насквозь механистическую, исходящую из того, что сначала (февраль—июль) преобладает буржуазно-демократическое содержание, затем начинается перерастание, которое только в сентябре создает преобладание социалистического содержания революции.

Корень ошибки т. Рубача заключается в том, что он вульгарно-механистически представляет себе ход процесса перерастания.

По его понятию буржуазно-демократическое и социалистическое содержание революции представляют собой два различных, идущих рядом процесса. На известном этапе развития революции 1917 года преобладало буржуазно-демократическое содержание, на следующем этапе преобладание переходит к социалистическому содержанию.

«Буржуазно-демократическое содержание революции переплеталось с социалистическим содержанием. Это были два идущих рядом, органически связанных между собою процесса, которые в своей совокупности составляли единый процесс революции 1917 г.»[32].

Но «два идущих рядом процесса» существуют лишь в представлении т. Рубача. В жизни же был один процесс — именно процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. «Чем ближе к Октябрю, — пишет тов. Рубач, — тем социалистическое содержание революции все более и более выдвигается на первый план, становясь все более и более решающим в общем ходе революции»[33]. Но это ведь вульгарно-механистическая, чисто количественная точка зрения, не учитывающая качественных переходов, скачков «перерывов постепенности». На самом деле социалистические задачи революции (переход власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства) с самого начала стояли в центре внимания, выдвигались на первое место. Только победа социалистической революции могла обеспечить доведение до конца всех нерешенных еще задач буржуазно-демократического переворота, которые пролетариат решил «походя», «мимоходом», уже после победы Октября. Таким образом методология вульгарного механицизма — вот что лежит в основе рубачевской «схемы» революции 1917 года. Тут заключены корни примиренческого отношения Рубача к национал-демократической схеме, к яворщине, поскольку он фактически стоит на ее почве в решающем вопросе о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Созданная т. Рубачем теория буржуазно-демократического этапа революции 1917 года ведет к неслыханному извращению ленинской схемы революции, к подмене ее каменевщиной. Эта же неверная, каменевская теория буржуазно-демократического этапа явилась основою примиренческой, оппортунистической критики национал-демократической схемы революции 1917 года на Украине.

---

[30] Ленин, См. Послесловие к брошюре «Аграрный вопрос в конце XIX века».

[31] Ленин, Соч., т. XX, изд. 2-е, с. 108.

[32] «Летопись революции» № 5 с. 77.

[33] Там же, с. 78.

Примиренчество к национал-демократизму проявилось у т. Рубача не только в вопросе о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Оно проявилось также и в том, что т. Рубач не отбрасывает целиком и безоговорочно теорию национально-демократической революции, считая что украинскую революцию «можно назвать национальной революцией условно»[34]. Еще более ярко это примиренчество обнаруживается в решении, какое предлагает т. Рубач для вопросе об отношении классового и национального моментов в истории.

Мы привыкли до сих пор считать, что национальное — есть особая, исторически обусловленная форма проявления классовых отношений, что национальная борьба — есть классовая борьба в особой, своеобразной форме. Не так думает т. Рубач.

«Национализм в истории украинской революции между прочим заключается в том, что не отличают, смешивают в одно и специфическое национальное угнетение и чисто-классовое угнетение, подчиняют второе первому вместо того, чтобы максимально национальное переводить в классовое, максимально разоблачать классовое содержание национального движения»[35].

Таким образом национальное хоть и переводится в классовое, но не полностью, не без остатка, а только «максимально». Формула «максимально переводить национальное в классовое» весьма растяжима, так как ни т. Рубач и никто другой не сможет в точности сказать, до какого же предела можно национальное переводить в классовое. Что эта постановка для Рубача неслучайна показывает не только тот факт, что о «максимальном переводе национального в классовое» т. Рубач упоминает так же в двух местах своей ранее напечатанной рецензии на книжку Речицкого[36], но и то обстоятельство, что еще в декабре 1929 г. в докладе на собрании Украинского общества историков-марксистов т. Рубач выдвигал положение, что национальное нельзя полностью перевести в классовое, что остается какой-то «остаток», о содержании которого т. Рубач ничего членораздельного сказать не смог.

Кто говорит только о «максимальном переводе национального в классовое», кто считает, что в национальном моменте после его «сведения» к классовым отношениям, остается некий «остаток», тот фактически оставляет лазейку для национализма, тот подает национал-демократизму палец, чтобы затем подать и руку.

Подведем итог нашего разбора. Тов. Рубач взял на себя труд «дополнить» ленинскую схему революции 1917 года в важнейшем вопросе о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Он даже пробует обосновать необходимость такого «дополнения».

«Общий исторический ход ее (революции на Украине) выдвинул на протяжении 1917—1920 гг. столько особенностей, что для правильного понимания развития украинской революции необходима отдельная дополнительная схема, которая, как и всякая схема, имеет вспомогательный, служебный характер»[37].

Тов. Рубач не расшифровывает, к чему дополнением должна служить его «отдельная дополнительная схема». Но это и без слов понятно. Свою схему т. Рубач выдвигает в дополнение к... Ленину. Мы уже видели, какая настоящая цена этому «дополнению», какая цена теории буржуазно-демократического этапа, которую выдвигает т. Рубач в «дополнение» к Ленину. Теория эта ревизует ленинскую схему революции в одном из кардинальнейших ее моментов, реставрирует правооппортунистические установки Каменева 1917 года.

Статья т. Рубача представляет собой редкий пример того, как не следует большевику критиковать национал-демократизм. Печать оппортунизма и примиренчества к национал-демократизму лежит на всей его трактовке проблем революции 1917 года. Факт этот конечно не случайный. Тов. Рубач выступает примиренцем к национал-демократизму потому, что в основном вопросе революции 1917 г. сам занимает оппортунистические позиции. Недаром Ленин отметил, что «идейно-политическое родство, связь, даже тождество оппортунизма и национал-социализма не подлежит никакому сомнению». Приходится только удивляться тому, что историческая марксистская мысль на Украине до сих пор не определила своего отношения к ревизионистским, антиленинским положениям, содержащимся в статье т. Рубача. И чем скорее это будет сделано—тем лучше.

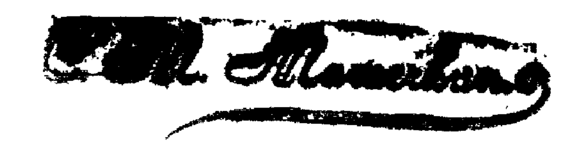
---

[34] «Летопись революции», № 5, с. 11.

[35] Там же, с. 69.

[36] «Летопись революции» № 3—4, 1930 г.

[37] «Летопись революции» № 5, с. 6.

РЕЦЕНЗИИ

А. Н. САВИН. Век Людовика XIV, М., Гиз, 1930, с. 247.

Истории французского абсолютизма, особенно той наиболее яркой эпохи его, которая еще со времени Вольтера обычно именуется «веком Людовика XIV», не повезло в русской историографии. Французский абсолютизм до сих пор остался почти не затронутым и не освещенным марксистской критикой. Вследствие этого мы до сих пор наблюдаем такое ненормальное явление, что старые идеалистические работы Кареева и Ардашева все еще остаются основными пособиями по этой эпохе.

Между тем период абсолютной монархии имеет для нас большое методологическое значение: мне думается, что конкретное изучение времени Людовика XIV в его социально-экономическом разрезе дало бы немало ценных указаний и иллюстраций для понимания сущности и феодализма, и «торгового капитализма», так жарко дебатировавшихся на дискуссии по поводу книги т. Дубровского.

В связи с этим появление книги такого большого историка, как А. Н. Савин, нужно всемерно приветствовать. Книга его составилась из лекций, читанных им в 1912—1913 гг. в Московском университете, обстоятельство, казалось бы, вызывающее некоторые сомнения относительно научной значимости труда, но в том-то и достоинство Савина, что в отличие от большинства преподавателей, он строил свои курсы всегда исследовательским путем, используя не только всю имеющуюся литературу предмета, но и оригинальные источники — они-то и составляли их основную базу.

В этом отношении «Век Людовика XIV» не представляет исключения: автор привлек к своему труду большое количество свежего и оригинального материала, импонирует своей эрудицией и умелым анализом самых сложных документов.

Вместе с тем Савин стремится быть объективным, старается с одинаковой беспристрастностью осветить самые разнообразные стороны монархии Людовика XIV, он дает нам яркие картины жизни королевского двора и провинциального дворянства, внимательно рассматривает эволюцию административной и хозяйственной политики, подвергает тщательному анализу политические взгляды современников и все хитросплетения религиозных споров, волновавших общество того времени.

Однако в этих блестящих очерках Савин не в силах преодолеть своей мелкобуржуазной природы — в области методологической он все время остается эклектиком par excellence.

Это прежде всего сказывается в распределении материала книги: вопросы классовой борьбы, положения крестьянства и рабочего класса, как капля в море, тонут в общей массе данных о состоянии религиозной мысли, дипломатической политики и т. п. Одновремено резко бросается в глаза эмпирический характер книги Савина: факты преобладают у него над выводами. Савин по натуре скептик и лишь тогда решался сделать вывод, когда мог подкрепить его строго проверенными ссылками на источники. Но и здесь его исследовательская вдумчивость и осторожность нередко его подводили, так как отсутствие четкой методологической установки не раз толкало его на ложный путь или, кто знает, может быть, тогда останавливали его на полдороге, и в этом смысле главный недостаток Савина — отсутствие синтеза.

Все же несмотря на методологическую беспомощность автора, его научное чутье (Савин — несомненно крупнейший исследователь своего времени и класса) часто приводит его к верным и глубоким мыслям, а умелый подбор материала позволяет историку-марксисту без труда сделать из него правильное заключение.

Так совершенно верно отмечает Савин межклассовый характер абсолютизма Людовика XIV [1] и с логической ясностью показывает нам грядущий распад и гибель монархии на примере развала административно-бюрократической машины тогдашнего французского государства: «Здесь, — пишет наш автор, — много учреждений плохо слаженных, входящих разными частями своих компетенций в чужие ведомства... Плохо разработаны планы устройства отдельных учреждений, плохо определены нормы их деятельности... Эта система капризно и путанно развивает свои функции... она характерна для этой мнимой (разрядка моя — В. В) стройности государственного аппарата времени Людовика XIV» [2]. Не менее убедительно можем мы проследить по книге Савина неуклонно растущее политическое влияние французской буржуазии: взять хотя бы приведенную Савиным беседу Людовика XIV с банкиром Бернаром или анализ всемогущей роли субделегатов в провинции, чиновников-буржуа при номинальной полноте политических привилегий дворянства [3]. Отсюда мы можем представить, насколько высоко стояло уже тогда экономическое значение буржуазии: революция в то время казалась немыслимой, а между тем отдаленные раскаты революционного грома можно было уловить и в галантной беседе в садах Марли и в распоряжениях строгих исполнителей королевской воли, субделегатов.

Намечающиеся признаки этой грозы Савин еще ярче выявляет в своем разборе взглядов политической оппозиции в этот период. О политической оппозиции режиму Людовика XIV было известно очень немного, так что вся литература о ней ограничивалась несколькими книгами, из которых одни сильно устарели, а другие написаны с определенной клерикальной точки зрения, вроде труда Puaux о Жюрьё («Les defenseurs de la souveraineté du peuple sous Louis XIV»).

В главе первой своей книги [4] Савин производит великолепный анализ сочинения Бернье, надлежащая оценка политических взглядов

---

[1] Савин А. Н., Век Людвика XIV, с. 43 и 60; ср. здесь соответствующее место из Энгельса, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1925, с. 100.

[2] Там же, с. 80 и 90.

[3] Там же, с. 111 и 221.

[4] Нечего говорить, насколько грубой методологической ошибкой является постановка главы о политической оппозиции на первом месте, она кажется совершенно случайной и не-

которого никем, за исключением Маркса, не была дана [5], и в особенности знаменитого памфлета «Вздохи порабощенной Франции» («Les soupirs de la France esclave»). На примере первого он показывает, что взгляды Монтескье имели своих предшественников, и автор «Духа законов» не был настолько уже новатором, как считалось до сих пор [6]. Анализируя «Вздохи порабощенной Франции», Савин впервые обращает внимание на связь этого произведения с Бернье и отмечает, что, несмотря на свою страстную защиту народа, оно имело в значительной мере ультрамонтанский и аристократический характер [7].

Интересные, хотя и отрывочные данные приводит Савин о деятельности гугенотов-эмигрантов (их мировоззрение буржуазно), а в вопросе об аристократической оппозиции вполне правильно расшифровывает феодально-классовую сущность враждебных Людовику XIV писателей — Фенелона и герцога Сен-Симона: «Сен-Симон, — говорит он, — это человек, глядящий назад. Фенелон же, подобно ему, ищет мер, которые предотвратили бы принижение дворянства» [8].

Вместе с тем, вскрывая содержание тогдашней политической литературы, автор рецензируемой нами книги ясно доказывает, что «либерально-буржуазная оппозиция абсолютизму не умирала даже в самые глухие дни его» [9]; в своем же разборе отношений французских трудящихся масс к королю и династии он еще более наглядно выявляет симптомы будущей революции: «Самую сильную оппозицию, — читаем мы в книге Савина, — правительство Людовика XIV встретило в низах населения, среди простого народа... Ее порождали или стихийные бедствия или невыносимое угнетение...» [10].

Далее положительной стороной книги Савина является тот факт, что он разоблачает легенду реакционных историков о якобы «благополучной» жизни трудящихся классов при Людовике XIV, хотя нельзя не сказать в то же время, что этому вопросу отдается мало внимания: нет достаточно полной картины положения ни крестьянства, ни городских рабочих и ремесленников. Савин главным образом останавливается на стихийных выступлениях трудящихся, лишь кое-где вскрывая их социально-политическое содержание (даже эти немногочисленные примеры крайне интересны и сулят широкие горизонты исследователю). Та жестокая классовая борьба, какая например произошла во французской деревне второй половины XVII века, совсем почти не освещена: а ведь это было время первых триажей и гибели знаменитых сельскохозяйственных коммун [11] о чем в книге ни слова. Намеки на кипевшую в то время классовую борьбу в деревне дает лишь одно указание относительно выступления бретонских крестьян против своих сеньоров: здесь вкратце сделан анализ программы (существовала даже и такая) и требований восставших [12], но эти крайне интересные данные можно было бы увеличить и расширить.

Большую ценность представляет то место в книге Савина, где он говорит о развитии мануфактур во Франции, указывая, что к XVIII столетию существовало довольно много больших промышленных предприятий [13], но каковы были их взаимоотношения со старыми цехами, как происходил процесс втягивания ремесленника в мануфактуру и закабаления мелкого производителя — об этом хранится молчание.

Другие главы, как например о жизни королевского двора и провинциального дворянства, представляют одну из лучших частей книги: здесь Савин чрезвычайно живо изображает нравы тогдашнего дворянства, показывая себя интересным и увлекательным рассказчиком. Но зато в вопросах религиозной истории этой эпохи методологическая слабость и невыдержанность книги очень ярко выявляются. Все с тем же мастерством прослеживает Савин все перипетии отмены Нантского эдикта (этот акт по его словам был проведен гораздо раньше 1685 г. и фактически задолго до этой даты уже не существовал) [14] и с большим знанием дела разбирается во всех тонкостях и хитросплетениях споров между ультрамонтанами и галликанцами, но современного читателя выводы Савина удовлетворить не могут.

В самом деле Савин говорит, что Нантский эдикт был вызван соображениями политики, но переходя к причинам его отмены ограничивается лишь прагматическим описанием. Савин в то время (1912—1913 гг.) еще плохо понимал, что за всякой политической борьбой скрываются реальные интересы классов. Нантский эдикт нужно рассматривать как уступку феодальному дворянству и городской аристократии юга со стороны королевской власти (об этом еще писали покойный проф. Лучицкий и французский историк Жорж Вейль); когда при Людовике XIV были окончательно сломлены феодальные вольности южных сеньоров и муниципальные привилегии южных городов, тогда естественно правительство легко могло уничтожить акт, который не пользовался симпатиями ни у дворянства мантии, по своим взглядам—галликанской, ни у ремесленников и буржуазии севера: первым католицизм позволял вести с большим удобством борьбу за свои интересы (вспомним конфрерии и компаньяжи, притаившиеся под вывеской гильдейских часовен); вторые вообще были враждебны в это время кальвинизму. Когда между французской монархией и протестантскими государствами, Голландией и Англией, мечом разрешался спор о гегемонии над европейскими рынками, соображения торгового соперничества заставляли парижскую буржуазию под-

[5] См. замечания Маркса в III томе «Капитала».

[6] Савин А. Н., Век Людовика XIV, с. 19.

[7] Там же, с. 26, 32.

[8] Там же, с. 228.

[9] Там же, с. 26 и 159.

[10] Там же, с. 160-161.

[11] Ср. например — Bonnemère, Histoire des paysans en France, где собран интересный материал по этому поводу.

[12] Савин А. Н., Век Людовика XIV, с. 176—178.

[13] Там же, с. 134-135.

[14] Там же, с. 174.

держивать отмену льгот Нантского эдикта, предоставлявшихся лицам, по своей религии связанным в торговой деятельности с враждебными странами.

В дальнейшем рассматривая церковную жизнь во Франции Людовика XIV, Савин продолжает стоять на том же пути: отсутствует какой-либо глубокий анализ происходивших событий, и как ни интересны данные о деятельности «Общества св. даров» (своего рода «Священной дружины» в России, хотя с несомненно бо́льшим влиянием) или спорах галликан с ультрамонтанами, тем не менее все дело в работе Савина сводится к скрупулезному установлению старых и обнаружению новых фактов. Классовая подоплека движения мало выяснена и для неподготовленного читателя остается непонятной.

Нельзя не поставить в упрек рецензируемой работе и полное отсутствие какого-либо упоминания о таких крупных событиях, как «Фронда», «Les grands jours d'Auvergne» и восстание калицатов. Правда, фронденское движение по своей хронологии далеко отстоит от эпохи Людовика XIV и принадлежит скорее к периоду Лиги и религиозных войн, но самое слово «Фронда» столько раз упоминается в книге, что следовало хотя бы вкратце осветить это событие, столь важное для уяснения корней либеральной оппозиции (взять например цитируемого Савиным Жоли, одного из участников «Фронды»).

То же самое и с «Великими днями Оверни»: это событие, нанесшее непоправимый удар политической власти феодальных сеньоров, ни словом не затронуто, несмотря на полную ясность всех фактов в этом вопросе.

Столь же достойно сожаления умолчание о восстании камизаров, хотя этот вопрос достаточно освещен и в донесениях интендантов, и в мемуарах, и в кое-какой монографической литературе [15].

Однако вина здесь лежит скорее на редакции, чем на авторе: в 1912 г. по многим причинам таких тем касаться было нельзя, в 1918/19 г., повторяя свой курс, Савин внес эти дополнения и жаль, что не сумели найти студенческих записей или авторских конспектов за этот период — они значительно повысили бы качество книги. В эти годы Савин, не стесняемый цензурой, дал очень ценные и меткие характеристики как «Фронды», так и «Великих дней Оверни» и восстания камизаров.

За годы Октябрьской революции Савин проделал большую эволюцию, пересмотрел свои взгляды на методологические вопросы. Революция научила его многому, и приходится только еще раз пожалеть, что преждевременная смерть помешала А. Н. Савину пойти дальше по этому пути.

Резюмируя, можно сказать, что книга Савина во многих отношениях представляет ценный вклад в русскую литературу предмета: она дает много нового и ценного материала, иной раз трактуемого правильно, методологические же ошибки автора нейтрализуются дельным предисловием редакции.

В. Васютинский.

[15] См. например Charles Taylor, The Camisards, London 1893 и мемуары Jean Cavalier, изданные Puaux в 1918 г.

Arne Ording, Le bureau de police du Comité de salut public. Oslo 1930, p. 195.

Исследование молодого норвежского историка о знаменитом «полицейском бюро» Комитета общественного спасения может показаться слишком узким по теме, чтобы представлять интерес для советского читателя. Однако такое представление не будет правильно. Полицейское бюро Комитета общественного спасения не только знаменито, но и весьма загадочно. Говорить о нем приходится решительно всем историкам Великой французской революции, но изучить его не удосуживался еще никто. Достаточно сказать, что даже дата его возникновения не указывалась решительно нигде, и, разоблачая сложившиеся о нем легенды, Ординг без труда показал, что даже Мишле путал его с другой полицейской организацией.

Между тем полицейское бюро Комитета общественного спасения представляет первостепенный исторический интерес по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, для понимания политических отношений, непосредственно примыкавших к контрреволюции 9 термидора.

Известно, что ближайшей причиной катастрофы якобинизма были личные и групповые раздоры внутри правительственных комитетов и в Конвенте; в этих раздорах прежде всего и выразилась классовая борьба, борьба экономических сил. А личные раздоры наметились яснее всего между робеспьеристским ядром Комитета общественного спасения и его полицейским коллегой — Комитетом общей безопасности, и вопрос о полицейском бюро играл здесь не последнюю роль.

Робеспьеристы имели достаточные основания подозревать большинство Комитета общей безопасности в саботировании радикальных революционных мер, прежде всего вантозских декретов; повидимому с этой целью (хотя бы отчасти) и было организовано особое полицейское бюро при Комитете общественного спасения. Установленным фактом во всяком случае является, что верховным управлением «народными комиссиями», осуществлявшими вантозские декреты, оказалось именно это бюро. Руководители Комитета общей безопасности не переставали жаловаться на узурпацию их функций со стороны Комитета общественного спасения, а противоробеспьеровская коалиция внутри Комитета общественного спасения со своей стороны усматривала в новосозданном бюро орудие личной политики «триумвиров». Таким образом понять ближайшие причины термидора, не имея понятия о полицейском бюро, трудно.

Во-вторых, изучение этого бюро представляет огромный интерес для понимания террористической политики последних месяцев якобинской революции.

Ограничиваться изучением судебной верхушки этой политики, минуя ее полицейскую подоплеку, значит притти к тем же выводам, к которым приходили реакционные историки революционного трибунала: весь террор был сплошной нелепостью, «истреблением невинных жертв». Было бы бессмысленным занятием проверять правильность документов, на которых обосновали свои выводы Валлоны и Кампардоны: судебная надстройка над террором, даже при добросовестном использовании документов, другого впечатления оставить не может именно потому, что это была только надстройка и даже только фасад террора. Природа политической репрессии, особенно в периоды острой классовой борьбы такова, что, даже когда она выливается в судебную форму истинные ее мотивы не всегда доходят до суда. Тот грандиозный обвинительный акт, который например составила против Дантона левобуржуазная историография, представляется совершенно достаточным для его ликвидации в апреле 1794 г. но в том-то и дело, что в апреле 1794 г. — составить его было отчасти некогда, а отчасти невозможно — мешал, как в вопросе о сношениях с Англией, агентурный характер информации, вот почему материалы самого процесса дантонистов и оставляют такое неудовлетворительное впечатление.

«Полицейская» история — это конечно наименее исследованный участок политической истории французской революции, на необходимости взяться за ее изучение давно настаивал А. Матье, он же и побудил ею заняться своего норвежского ученика. Полученные результаты, по правде сказать, не оправдывают ожиданий. Книга Ординга — солидный документированный труд, но ничего нового в существующие представления она не приносит, и читать ее скучно.

Может быть в большой степени это об'ясняется об'ективными причинами, от автора не зависящими. Политическая агентура — это такого рода деятельность, которая не любит оставлять следов на бумаге, особенно когда дело касается высокой политики. Ордингу сразу приходится предупреждать, что полицейское бюро, которое часто у историков носит название «Бюро высокой полиции», меньше всего может пролить свет на высокую политику. Занимается оно как будто исключительно мелкими людьми и политической вермишелью, да и о том сохранившиеся документы предпочитают говорить в скупых словах.

Пожалуй, из них все-таки можно было бы выжать больше интересного, если бы не специальный подход автора. Все исследование понадобилось ему как бы для ответа на заданную тему: в противность мнению оларовской школы Робеспьер вовсе не стремился к личной диктатуре, и полицейское бюро не было его личным орудием. Эта тема сама по себе скучна и узка, и, разрабатывая ее, Ординг доказывает или нечто недоказуемое (например особливую мягкость нравов триумвирата), или нечто не нуждающееся в доказательствах (например классовый, а не личный характер политики Робеспьера). Результаты такой постановки вопроса не могут не оказаться тощими, если к тому же еще не путанными. Например вывод Ординга, что робеспьеристы «хотели легальной, а не личной диктатуры» (с. 190), отказется понять даже буржуазный юрист: неужели только сохранение вывески Конвента превращает революционную диктатуру в «легальную»?

Мы не рассчитываем найти выдержанную классово-революционную точку зрения у нынешних западных специалистов по истории французской революции. С точки зрения методологии книга представляет собой типичный образец худосочной и беспомощной приватдоцентской «учености».

Впрочем книга Ординга станет теперь полезным пособием при изучении полицейской истории революции хотя бы уже потому, что это — единственное пособие (вышедшее из школы Олара исследование Беллани о Комитете общей безопасности может представить интерес скорее для дефектолога, чем для историка). У Ординга читатель найдет кое-какой новый иллюстративный материал к бесспорному положению об антирабочем характере робеспьеристской политики в прериале-мессидоре, и о личном составе центральных полицейских органов революции, составе подчас чрезвычайно интересном.

А. Р.

Fay, — The origines of the world war, Vol. II «After Sarajevo the immediate causes of the war». New York 1929[1].

Второй том работы Фэя является особенно интересным. Можно смело сказать, что эта работа является *лучшей из вышедших за границей монографий*, посвященных сараевскому кризису.

Только Фэю как-то не везет с начальными главами. Как и в I томе, где первая глава, посвященная эпохе Бисмарка, была наиболее слабой, так и во II начальная глава вряд ли может удовлетворить читателя. Характеристика эрцгерцога Франца-Фердинанда и его политики (и в связи с ней — политики Эренталя и Конрада фон Гетцендорфа) дана слишком поверхностно. Фэй использовал для этого слишком односторонний материал: почти исключительно мемуарную и биографическую литературу. К этому надо добавить «Aus meiner Dienstzeit» Конрада — труд, являющийся конечно чем-то гораздо бо́льшим, нежели только мемуары. Такой характер источников в значительной мере определил и содержание этой части работы Фэя. Получилось довольно суммарное изложение политических взглядов эрцгерцога и некоторых сторон его биографии, которые, по мнению Фэя, определили его политическую физиономию.

Если бы Фэй больше связал характеристику Франца-Фердинанда со всей внутренней историей Австро-Венгрии, с борьбой политических течений в двуединой монархии в последние десятилетия перед войной, то конечно эта характеристика выиграла бы в своей глубине и выпуклости, выяснилось бы историческое место и генезис политической идеологии

[1] Разбор I тома труда Fay'a — см. «Историк-марксист», т. XVIII-XIX.

Франца-Фердинанда. Мы знаем, что Фэй не марксист. Мы не должны ждать от него классового анализа взглядов Франца-Фердинанда. Но он мог по крайней мере ответить хотя бы на эти поставленные нами вопросы. Для этого можно было бы даже и не обращаться к первоисточникам по внутреннеполитической истории Австро-Венгрии. Было бы достаточно использовать богатую и интересную историографию послевоенных лет, посвященную проблеме гибели монархии Габсбургов—напомним хотя бы только работы Шюслера или Библа.

Без этого нельзя дать того исторического фона, на котором вырастает австро-сербский конфликт и в частности само сараевское дело. И этого фона действительно нет в работе Фэя. Зато из нее можно узнать, как однажды во время партии тенниса часы эрцгерцога попали в руки матери его невесты и как, открыв крышку, она к своему ужасу вместо портрета дочери узрела там портрет одной из придворных дам, и как из сего казуса проистек морганатический брак Франца-Фердинанда. Мы узнаем также, что он был примерным супругом и отцом и что он очень любил розы...

Мы склонны думать, что подобные вещи рассказываются не совсем случайно, так же как не спроста и стремление представить Франца-Фердинанда противником превентивной войны против Сербии. Это делается с определенной целью пробудить симпатии американской публики к жертве сербов-убийц. Мы увидим, что это стоит в связи с политической тенденцией всей книги, на которой и следует остановиться, прежде чем перейти к разбору дальнейших и наиболее ценных глав II тома.

«Приговор версальского трактата, — пишет Фэй, — гласящий, что за войну ответственны Германия и ее союзники, исторически не верен. Он должен быть пересмотрен (revised). Однако ввиду того, что общественное мнение в ряде стран Антанты противится этому, сомнительно, чтобы формальный узаконенный пересмотр был бы теперь возможен. Сначала должна быть проделана ревизия этого приговора в исторических изысканиях и с их помощью в общественном мнении».

Задача книги сформулирована таким образом весьма четко. Мы можем ее только приветствовать. Все наши симпатии всегда будут на стороне борцов против версальской системы. Мы совершенно согласны с Фэем в том, что «приговор» версальского трактата является исторической ложью, с которой по своей чудовищности мало что может сравниться «в самых макиавеллистических документах мировой истории».

Приветствуя борьбу Фэя против лжи 231-го параграфа версальского договора, нельзя однако одновременно не отмежеваться от постановки им и другими буржуазными историками его типа едва ли не всех основных проблем этой темы. Мы согласны с Фэем в том, что Германия вовсе не одинока в своей ответственности за войну, что она и ее союзники ни в какой мере не являются ни единственными, ни даже главными ее виновниками. Но дальше начинаются наши расхождения. Мы уже имели случай при разборе I тома работы Фэя отметить его основные методологические положения. Мы говорили, во-первых, что для Фэя война — вовсе не результат об'ективных противоречий, вытекающих из самой структуры капитализма на империалистической стадии его развития. Для него война — результат системы секретных союзов и порожденного ею взаимного недоверия и подозрительности.

Далее — это второе положение, собственно, вытекает из первого — по мнению Фэя, ни одно правительство не хотело войны. Война для него — хотя он и не говорит этого прямо — в конце концов результат какого-то грандиозного недоразумения. Мы же напротив считаем, что правительства большинства — если не всех — «великих держав» сознательно провоцировали войну. Фэй говорит об ответственности лиц и наций. Мы говорим об ответственности классов и их отдельных представителей. Первый и третий из этих тезисов нами разобраны в рецензии на I том труда Фэя. Есть ли война результат сознательной воли или плод недоразумения и кто (в классовом, национальном или личном смысле) виноват в ее возникновении в результате сараевского дела — на этих вопросах мы остановимся сейчас при разборе II тома.

Покончив с характеристикой Франца-Фердинанда, Фэй во второй главе переходит к анализу «заговора на жизнь эрцгерцога. Он не упускает ни одной детали, если только с ее толкованием связана частица клеветы, возведенной Антантой на Германию и ее союзницу. Так например он анализирует маршрут Франца-Фердинанда в Сараево и останавливаясь на месте расположения маневров, доказывает, что оно исключало цель подготовки войск к войне с Сербией и было связано с отражением десанта, — очевидно итальянского, — двигавшегося с запада от Адриатики на Сараево, что следовательно в маневрах не заключалось никакой провокации против Сербии.

Понятно, что легенда, пущенная в ход Стидом, относительно свидания в Конопиште, опровергается Фэем особенно тщательно и, нам думается, успешно, хотя много нового он тут и не сообщает.

Особенно тщательно Фэй анализирует вопрос об отношении Пашича и его кабинета к подготовке сараевского убийства. Соучастие сербского правительства устанавливается им совершенно точно. Весьма успешно доказывает он в частности полную неосновательность всех попыток заподозрить правдивость разоблачений Л. Иовановича. Как известно, в прошлом году появилось новое издание источников — 8-томное собрание австрийских документов о возникновении мировой войны. Работа Фэя появилась до выхода в свет этой публикации. Если бы Фэй мог ее использовать, то он смог бы подкрепить свои доводы еще таким например фактом, как то, что сербский военный министр, член кабинета Пашича, был также и видным членом общества «Черной руки».

Но если Фэй стоит в анализе подготовки сараевского дела гораздо выше не только дешевых апологетов Антанты вроде Муссэ или Ренувэна, но и несколько более серьезной работы Seton-Watson'a, то все же мы должны отметить и два его промаха.

Во-первых, как известно, существует заслуживающая весьма серьезного внимания версия об определенном соучастии в сараевском убийстве не только сербского, но и русского правительства. Эта версия базируется частью на брошюре Станковича, частью на работах Богичевича.

Фэй имеет конечно полное право принять или отвергнуть свидетельства этих авторов, но разобрать их ему во всяком случае следовало бы. Между тем он обходит эту сторону дела полным молчанием.

Если вопросы о телеграмме русского генерального штаба по поводу Конопиштского свидания, о заявлении полковника Артамонова, о роли Гартвига (в частности об его усилиях спасти кабинет Пашича) Фэем просто опущены, то иначе обстоит дело с другой версией относительно подготовки Сараева. Мы имеем в виду утверждение, что Сараевское дело было спровоцировано самими австрийцами, спровоцировано определенными австро-венгерскими кругами. Эту версию Фэй тщательно разбирает и старается ее опровергнуть. Мы склонны думать, что тут его аргументация не везде достаточна. Особенное внимание обращают на себя следующие два момента. Кто читал подробное фактическое описание сараевского убийства, тот не может не обратить внимания на ряд чрезвычайно странных и подозрительных обстоятельств. Не говоря уже об отсутствии достаточной политической охраны — факт, значение которого конечно нисколько не умаляется подкрепленными документами рассуждениями Фэя относительно того, что атмосфера Сараева вовсе не была столь накаленной, что улицы Сараева вовсе не были заполнены «толпами убийц» [2], — не говоря уже об этом, чрезвычайно подозрительно, что Гаврило Принцип после первого неудачного покушения, совершенного его товарищем, перешел со своей первоначальной позиции на другую сторону улицы, встав на углу главной улицы, по которой только что проехал эрцгерцог, и боковой узкой улицы, на которую он должен был свернуть на своем обратном пути из ратуши. В ратуше ввиду первого покушения решено было ехать назад по широкой главной улице, никуда не сворачивая. Но вопреки данной шоферу инструкции, автомобиль эрцгерцога все-таки свернул и попал прямо под револьвер уже давно стоявшего здесь Принципа. Автомобиль сворачивает на том самом перекрестке, на который перед этим перешел со своей прежней позиции убийца. Фэй об'ясняет все это ошибкой шофера. Во всяком случае чрезвычайно странная «ошибка»! Не менее странно и другое обстоятельство. Фэй допускает, что Билинский был предупрежден сербами о покушении. Если только это так, то с точки зрения Фэя должно бы стать еще более странным, что Билинский не принял никаких мер предосторожности, что он даже не предупредил ни Франца-Фердинанда, ни императора. Фэй об'ясняет это оплошностью, упущением. Чрезвычайно странная «оплошность»! Не затрагивая совершенно внутренней истории Австро-Венгрии, Фэй даже и не пытается разобраться в борьбе течений в правительственных кругах Дунайской монархии и посмотреть, не было ли там определенных групп (например *венгерских*), которым было бы выгодно убрать жестоко ненавидимого ими наследника с политической арены.

Спешим оговориться: мы вовсе не думаем утверждать, что убийство, организованное «Черной рукой» и сербским правительством, было в то же время **сознательно** облегчено известными австрийскими кругами. Решение этого вопроса и немыслимо в рамках небольшой рецензии. Мы хотим только отметить, что за подобную версию существуют определенные данные; основательны они или нет — другой вопрос. Но Фэй в своем стремлении доказать, что они неосновательны, как нам кажется, этой цели не достиг и их не опроверг. Эта версия еще ждет своего критика.

Гораздо более серьезный упрек можно сделать Фэю, перейдя к другому большому комплексу вопросов, связанному с июльским кризисом 1914 г., — к вопросу о позиции германского правительства. Если мы приветствуем каждый шаг Фэя, направленный к разоблачению Антанты, то мы вовсе не склонны шествовать за ним по пути *оправдания правительства* Вильгельма II.

Фэй опровергает нелепую и безвкусную клевету относительно коронного совета 5 июля в Потсдаме; он разоблачает еще ряд подобных антантовских легенд. Это очень хорошо. Но зачем же отстаивать не менее нелепую немецкую легенду о невменяемости графа Сэгени и о ненадежности вследствие этого ряда его донесений, рисующих воинственные настроения кайзера и немецкого правительства. Характерно, что, отвергая те донесения (или части донесений) Сэгени, которые ему неудобны, Фэй на этих же самых донесениях базирует свою критику легенды с потсдамском совете, ловя главного из соавторов этой легенды, американца Моргентау, на утверждении, что в этом совете Вильгельмом было вынесено решение **отсрочить** австрийское выступление против Сербии, пока не будут переведены в Германию немецкие ценности, инвестированные за границей, в то время как донесения Сэгени говорят о том, что Вильгельм наоборот все время торопит Вену. Только в такой связи Фэй и упоминает этот последний — важнейший факт в поведении германского правительства.

Далее Фэй совершенно игнорирует знаменитые пометки Вильгельма вроде замечания: «Очистить Санджак. Тогда свалка немедленно налицо» по поводу размышлений Берхтольда, какие бы еще требования пред'явить Сербии, чтобы принять их было уже никак невозможно.

Совершенно безнадежны и все попытки Фэя умалить значение того факта, что немецкое правительство знало заранее текст австрийского ультиматума. Непонятно например, чего хочет достигнуть Фэй, повествуя, что Берхтольд, когда ультиматум был уже готов и ут-

---

[2] Подозрительность отсутствия должных мер предосторожности усугубляется последней австрийской публикацией, показывающей, что австрийское правительство прекрасно знало о существовании «Черной руки».

вержден Францем-Иосифом, лгал Чиршкому, что еще нужно внести в него какие-то исправления, раз Чиршкий этот ультиматум все же получил заранее и особенно раз основное содержание ультиматума и так было известно в Берлине. И зачем же валить на Берхтольда всю вину за политику «совершившихся фактов», когда эту политику ему сознательно диктовал Берлин, когда например 25 июля Сэгени доносил: «Здесь все предполагают, что на возможный отрицательный ответ Сербии сейчас же последует с нашей стороны об'явление войны...» «Нам советуют самым настоятельным образом немедленно выступить и поставить мир перед fait accompli»?!

Словом, Фэй никак не хочет признать самоочевидный факт: до 28 июля правительство кайзера сознательно стремится к войне с Сербией, Россией и Францией и толкает на нее свою союзницу. Это столь же несомненно, как и то, что, начиная с этого дня, германское правительство является единственным правительством, которое действительно искренне стремится спасти мир. Прекрасная характеристика этих «запоздалых» усилий спасти мир дана Фэем.

Только Фэй совершенно напрасно компрометирует действительные мирные выступления германского правительства, начавшиеся 28 июля, неудачными попытками представить в качестве таковых и различные дипломатические ходы предшествовавших дней — вроде например передачи австрийцам 27 июля английского предложения о посредничестве.

Наконец самый крупный недостаток работы Фэя мы усматриваем в его анализе английской политики. Если стремление обелить немецкое правительство, свалив всю вину на Австро-Венгрию, еще находит себе оправдание в позиции немецкого правительства в последние дни кризиса, то по отношению к Англии и такого оправдания нет.

Правда, Фэй конечно далек от повторения плоских банальностей о значении нарушения бельгийского нейтралитета. По его мнению выступление Англии было навязано ей как следствие той системы секретных союзов, в частности англо-французской морской конвенции, в расчете на которую Франция обнажила свое атлантическое побережье, переведя флот в Средиземное море.

Но стремясь представить английскую политику в дни кризиса как политику, всемерно направленную на сохранение мира, Фэй конечно жестоко искажает истинный ее смысл. По мнению нашего автора, сэр Эд. Грэй, отказывая, с одной стороны, России и Франции гарантировать свою поддержку, а с другой — одновременно отказывая Германии в формальном обязательстве соблюдать нейтралитет, этим самым стремился сдерживать воинственные аллюры и центральных держав и франко-русской группы.

На самом же деле об'ективный смысл этой политики был совсем иной. Достаточно вспомнить влияние знаменитой телеграммы Лихновского от 29 июля 1914 г. на германское правительство, чтобы оценить эту политику Грэя. 29 июля Грэй наконец вполне недвусмысленно дал понять, что Англия не останется нейтральной, а выступит на стороне России и Франции. Этого заявления оказалось достаточным, чтобы завершился тот поворот в настроении германского правительства, который начался еще 28 июля. Если раньше правительство Вильгельма II стремилось к войне, то теперь оно начало страстно жаждать мира. Будь это выступление сделано раньше, в самом начале кризиса, оно раньше произвело бы и этот поворот в германской политике, произвело бы его еще до того, как благодаря военным приготовлениям России конфликт вступил в свою уже почти неразрешимую фазу. Грэй имел все основания сделать такое предостережение раньше, если бы он действительно хотел избежать войны. Ведь, как признает и сам Фэй, он знал в основном, что готовит австрийское правительство сербам. Грэй этого не сделал. Он не захотел сразу разрушить иллюзий немецкого правительства относительно английского нейтралитета, иллюзий, порожденных недавним соглашением о португальских колониях, о багдадской железной дороге, переговорами об ограничении морских вооружений и в результате всего этого — кажущимся ослаблением англо-германского антагонизма. Он поддерживал эти иллюзии — вспомним беспримерное по своей двусмысленности и цинизму заявление короля Георга принцу Генриху Прусскому, что Англия сделает все, чтобы сохранить нейтралитет. Оставляя Германию в счастливом неведении, Грэй тем самым толкал ее, и через нее и Австро-Венгрию, на воинственную, вызывающую позицию. Этим самым — простым умолчанием о своей позиции — великий корифей дипломатического фарисейства, сэр Эдуард Грэй, плотно закутанный в тогу «пацифизма», сотканную из его многочисленных «мирных» предложений, сознательно провоцировал мировую войну. Если, говоря словами князя Лихновского, «достаточно было одного намека из Берлина, чтобы побудить гр. Берхтольда, успокоившись на сербском ответе, удовлетвориться дипломатическим успехом», то не менее верно и то, что намека из Лондона, сделанного раньше, было бы достаточно, чтобы поставить на место и самый Берлин. И если Берлин не сделал этого намека в Вене, то виновато в этом не только сознательное стремление германского правительства к войне, но — в конечном итоге — и такие же точно настроения сэра Эдуарда Грэя. Фэй стремится набросить покрывало на истинную политику и германского и английского правительств. Фактически вся «вина» возлагается на Австро-Венгрию, Россию и Францию. Если роль первой выяснена вполне достаточно (за исключением упомянутой выше стороны сараевского убийства), если здесь Фэй — противореча своему собственному общему тезису — прямо признает, что австрийское правительство изо всех сил стремилось к войне, то уже с Россией дело обстоит несколько хуже. Фэй решается утверждать, что Сазонов (в противоположность военным кругам) хотел бы избежать войны и именно потому выставил сначала идею частичной, а не всеобщей мобилизации, направленной будто бы против одной Австрии. Целью этой мобилизации было припугнуть Австрию и тем самым, понудив ее к уступчивости в австро-сербском конфликте, обойтись без войны.

Советский читатель, знакомый с работами М. Н. Покровского, нам думается не нуждается в опровержении с нашей стороны давно опровергнутого тезиса о «миролюбии» Сазонова. В остальном главы, посвященные России, в частности и русской мобилизации, являются одними из лучших в книге.

Роль Франции оценена в основном довольно верно, но как-то слишком уж сжато и суммарно. Отчасти тут виноваты источники: мы не имеем еще сколько-нибудь сносной французской публикации документов относительно июльского кризиса 1914 г. Но и то, что имеется — в частности письма Извольского — позволяло бы, нам кажется, дать более выпуклую и яркую характеристику политики Пуанкаре-войны.

Еще одно более общее соображение. Фэй исчерпывающе использовал весь дипломатический материал. Он тщательно анализирует источники, он сопоставляет, — частью в тексте, частью в примечаниях, являющихся нередко не менее интересными, чем самый текст, — различные версии, критически оценивает их. И все же ему можно сделать упрек в смысле об'ема привлеченных материалов. Если дипломатические материалы им использованы с безукоризненной в общем полнотой, то этого нельзя сказать про литературу, характеризующую внутреннее экономическое и политическое положение отдельных стран в момент сараевского кризиса. Между тем, лишь учитывая всю политическую ситуацию момента — внутреннюю, нисколько не менее, чем международную, — можно понять все факторы, определившие шаги дипломатии. Известный отрыв внешней политики от внутренней составляет серьезный минус книги. Мало внимания уделяет Фэй и чисто военной стороне дела. Правда, он говорит о стратегическом значении Бельгии, об особенностях мобилизации в отдельных странах и их военном и политическом значении и т. д. Но зато почти не уделено внимания оценке степени подготовленности отдельных стран к войне как на суше, так и на море. А между тем этот момент оказывал несомненно значительное влияние на ход дипломатической борьбы, определявшей развитие сараевского кризиса.

В заключение нельзя не подчеркнуть, что при всех этих недостатках труд Фэя, и особенно II его том, представляет собою одно из наиболее значительных явлений в обширной литературе, посвященной возникновению мировой войны.

Но стоя на большой высоте в том, что касается опровержения клеветы, взведенной буржуазией стран Антанты на своего побежденного противника, эта работа значительно меньше может нас удовлетворить в смысле обнажения той политики форсирования войны, которую вели обе стороны. В особенности Фэй затушевывает истинную позицию Англии и Германии (последней по 28 июля). Но хотя, всячески обеляя германский и английский империализм, Фэй тем самым по существу дела всю вину возлагает на Австрию, Россию и Францию, тем не менее и в политике этих последних Фэй смягчает некоторые моменты.

Эти недостатки даже лучшей из работ буржуазных ученых, посвященных возникновению мировой войны, лишний раз напоминают о зияющем пробеле в нашей марксистской историографии: в самом деле, если роль царской России в возникновении мировой войны в основном вскрыта М. Н. Покровским, то с политикой английского, германского[3], французского империализма в июле 1914 г. мы вынуждены все еще знакомиться по буржуазной литературе. Огромное не только научное, но и политическое значение изучения мирового кризиса 1914 г. настоятельно требует от историков-марксистов большего внимания. Эта тема, как впрочем и вообще изучение международных отношений в эпоху империализма, должна занять в исторической работе наших «западников» место не меньшее, чем занимают скажем, Великая французская революция или история германской социал-демократии.

В. Хвостов

А. Н. СПЕРАНСКИЙ. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства, РАНИОН, Институт истории. М. 1930, с. 221 + 1.

Исследование Сперанского представляет собою попытку осветить один из малоизученных моментов истории Московского государства XVI — XVII вв. Содержание книги охватывает собой значительный круг вопросов: историю возникновения Приказа каменных дел в XVI в., мобилизацию каменщиков и кирпичников на посадах и их правовое положение, строительную деятельность первых Романовых, организацию труда и внутреннее деление кирпичников и каменщиков по квалификации, сложение аппарата приказа и причины его ликвидации в начале XVIII столетия.

В основу монографии легла проработка архивного материала, главным образом столбцов Разрядного приказа, Оружейной палаты, приказных дел старых лет, приказных дел новых лет и некоторых других. Однако несмотря на это работа не производит впечатления свежести и за исключением кое-какого нового фактического материала не вносит чего-либо существенного в понимание положения и развития древнерусского ремесла. Исследование Сперанского преследовало цели «продолжить монографическое изучение приказов, начатое Н. П. Лихачевым, И. Гурляндом, С. А. Белокуровым, А. И. Яковлевым, С. К. Богоявленским и др.» (с. 5)[1].

---

[3] Интереснейшая глава о внешней политике в «Очерках по новой истории Германии» Н. М. Лукина сараевского кризиса не захватывает.

[1] Имеются в виду, очевидно, следующие работы: Н. П. Лихачев, Разрядные дьяки XVI в., Спб. 1908; И. Я. Гурлянд, Приказ великого государя тайных дел, Яр. 1902; С. А. Белокуров, О Посольском приказе, М. 1906; А. И. Яковлев, Приказ сбора ратных людей, М. 1917; С. К. Богоявленский, О Пушкарском приказе (сб. в честь М. К. Любавского), П. 1917.

И действительно эта работа является продолжением указанных монографий не только с точки зрения тематики, но и с точки зрения общей им методологии. Для буржуазной историографии последнего времени характерно стремление избегать постановок методологических проблем и попытки скрыть свою буржуазную, враждебную марксизму, сущность под прикрытием якобы об'ективного изложения исключительно одного конкретно-исторического материала. Для Сперанского эта черта крайне характерна. Не менее интересно и другое обстоятельство, на которое обращает внимание сам автор в своем предисловии: «Выбор для изучения материалов, относящихся к рабочим каменностроительного и кирпичного дела, а не какой-либо иной профессии, определился состоянием архивных фондов, так как только для данного разряда записных рабочих представлялось возможным подобрать сравнительно значительный материал» (с. 4).

Нам думается, что выбор темы исследования должен определяться не только состоянием архивных фондов. Для историка-марксиста определяющее значение имеет актуальность темы, степень ее связанности с современной классовой борьбой пролетариата, ее место в общем ходе исторического процесса.

Однако мы не хотим сказать, что вопрос о труде каменщиков и кирпичников в XVI—XVII вв. не имеет для нас подобного интереса. Но интерес этот определяется не стремлением проследить «особенности сложной системы центрального административного управления, сложившегося в Московском государстве к концу XVI в. и развивавшегося в течение первых трех четвертей XVII в.» (с. 5), как думает Сперанский, а той связью, которая имеется между процессом сложения кадров строительных рабочих и процессом образования «предпролетариата» крепостной России.

Как показал М. Н. Покровский в части первой «Очерков русской культуры», рост общественного разделения труда в XVI в. приводит к выделению ремесла из натуральной домашней промышленности крестьян и к образованию класса деревенских ремесленников. В XVII в. мы уже имеем налицо ряд производственных центров, где ремесло разлагается и превращается в домашнюю систему капиталистического производства, а в дальнейшем и в мануфактуру. Таковы села Лысково, Мурашкино, Павлово, Ворсма, Богородское, Кимры, Холуй, Тейково, Иваново, Дунилово, Клементьевское и др. В конце XVI в. — первой половине XVII в. мы наблюдаем явления роста «перехожего» ремесла и крестьянского отхода в города и промышленные села. В нижегородских слободах мы встречаем, например, выходцев из деревень самых различных уездов: плотника и кузнеца из Юрьевского уезда, прядильщика-крестьянина помещичьего села Селезенова, Переяславль-Рязанского уезда, кузнецов из с. Княжнина, вотчины кн. А. И. Воротынского и т. п. Не разобравшись в росте товарно-денежных тенденций, проявившихся на фоне натуральной основы крепостного хозяйства, не выяснив момента крестьянского отхода в города, появления в деревне ряда селений, специализировавшихся в каменном и кирпичном деле, нельзя было ответить на первый и главный вопрос исследования: откуда взялись кадры рабочих каменностроительного дела? Наш автор просто решил, что «искать этих рабочих нужно было в первую очередь конечно на посадах» (с. 29).

Но откуда они взялись на посадах, когда и как получился переход от деревянного к каменному строительству, на это мы не найдем ответов в исследовании Сперанского. Если высококвалифицированные мастера в XV в. большей частью принадлежали к числу иноземцев, то основная масса строителей была туземной. Грамота 1550 г., разрешая беспошлинный пропуск плотов ярославского Спасского монастыря с известью, сообщает о каменном строительстве, в котором участвуют монастырские крестьяне; они же ломают камень для монастырского строения на р. Сухоре в 1627 г. [1].

Из игнорирования деревни как источника роста ремесленной рабочей силы, вытекает и другой недостаток исследования. Сперанский не обратил внимания на историческую преемственность и значение плотнического опыта в деле развития каменностроительного дела, а между тем этот момент весьма существенен и нашел себе отражение в архитектуре древних церквей. Плотничество же в основном было деревенским ремеслом.

Делая этот упрек Сперанскому, мы хотели показать, чего мы не нашли в его работе и что, по нашему мнению, должно было бы быть в ней, если бы автор стоял на методологически правильных позициях.

Теперь обратимся к тому, что имеется в работе.

Прежде всего постараемся представить схему истории Приказа каменных дел словами самого автора: «В таких чертах рисуется постепенное разложение в начале XVIII в. той централизованной системы казенного каменностроительного и кирпичного дела, которая *была создана в конце XVI в.* Вызванная к жизни экономическим кризисом второй половины этого столетия, она развивалась и крепла до тех пор, пока развитие рынка и связанное с ним привлечение рабочей силы в расцветавшие посады не сделали эту систему излишней. С 70-х годов XVII века и начинается постепенное разложение старых принципов, быстро идущее вперед до конца 90-х годов, когда под влиянием новых хозяйственных затруднений выясняется необходимость вновь вернуться к централизации. Начинается та нервная, и часто непоследовательная, организационная суетливость петровского правительства, которая во всех областях то возвращается к практике XVI в., то настойчиво проводит новые тенденции. Эта борьба в каменностроительном деле и приводит в конце концов к организации широкой правительственной помощи владельцам производственных предприятий и к установлению новых форм ремесленных организаций, оставлявших за правительством привычную возможность принудительного использования рабочей силы ремесленников» (с. 208).

[1] Исторические акты ярославского Спасского монастыря, изд. И. Вахромеевым, т. I, М. 1896, с. 16 и 157-158.

Таким образом исходным моментом в организации приказа Сперанский считает экономический кризис второй половины XVI в. По его словам, это было время, когда увеличивалось число каменных построек, возводившихся по инициативе правительства на казенные средства (с. 21). В чем же причины этой оживленной деятельности правительства? Сперанский отвечает: «Военные потребности государственной обороны, потребности широко развернутого дворцового хозяйства, интересы торговых людей — все это требовало от правительства содействия развитию каменного дела» (с. 23). Недостаток в рабочей силе, связанный с запустением посадов, правительство возместило мобилизацией кирпичников и каменщиков на посадах и переводом их в ведение Приказа каменных дел, основанного, по мнению Сперанского, в 1583 — 1584 гг. (с. 25, 26, 28). В основе появления приказа лежит таким образом всеоб'ясняющая в буржуазной историографии причина — «военные потребности государственной обороны». Как известно «военными потребностями государственной обороны» об'яснялось со времен Б. Н. Чичерина вплоть до нынешних эпигонов, вроде И. И. Полосина, происхождение крепостного права в России. Теперь этот же избитый мотив приобщен Сперанским и к об'яснению возникновения Приказа каменных дел, причем оказывается, что «одной из важных забот всех русских великих князей было укрепление границ их владений... Князь прежде всего являлся организатором военной обороны земли, находящейся под его управлением...» (с. 13).

Нужно ли доказывать, насколько старо и неверно подобное утверждение, рисующее русских князей как «оборонцев», охранителей родной земли от кочевников?

Второй вопрос, вызывающий некоторые сомнения, относится к области конкретно-исторического материала: это вопрос о времени создания Приказа каменных дел. Дата 1583 — 1584 гг. подтверждается только выпиской из «Книги приказа каменных дел 1700 г.» сделанной в середине XVIII столетия, — «7092 год» указан в ней как год, с которого стали выдаваться жалованные грамоты «обжигальщикам, подмастерьям, подвящикам и каменщикам, по коим велено их во всяких делах ведать в приказе каменных дел, а в иных приказах ни в чем их не ведать» (с. 7). Грамоты же первой половины XVIII в., выданные записным кирпичникам и каменщикам ряда городов, толкуют о их службе еще царю Ивану Васильевичу Грозному. Сперанский пишет: «Изучение показаний документов XVI в. приводит таким образом к выводу, что организация Приказа каменных дел была проведена не позднее 7092 г., т. е. конца 1583 или самого начала 1584 г. нашей эры, т. к. в марте этого года Грозный умер, а некоторые из грамот были даны, как мы видели, еще от его имени» (с. 12). Указание, что тверские каменщики получили жалованную грамоту от имени Федора Ивановича, не доказывает конечно, что приказ возник «в последний год жизни Грозного», как думает Сперанский. Сперанский мог не придать особой веры рассказу Горсея о посылке 7 тыс. каменщиков и работников для обнесения Москвы каменной стеной после нашествия Девлет-Гирея, но он не должен был пройти мимо указания Г. Штадена. Последний пишет, что при учреждении опричнины Грозный «приказал разломать дворы многих князей, бояр и торговых людей на запад от Кремля на самом высоком месте в расстоянии ружейного выстрела; очистить четырехугольную площадь и обвести эту площадь стеной на 1 саж. от земли (выложить ее) из тесаного камня, а еще на 2 саж. вверх — из обожженных кирпичей...». Здесь же были выстроены великокняжеские постройки и «все приказы», затем — поварни, погреба, хлебни и мыльни [3].

Летопись (рукопись Александро-невской лавры) целиком подтверждает рассказ Штадена и указывает, что вместе с созданием опричного двора были созданы соответствующие дворцовые ремесленные организации: «на дворцех на сытном, и на кормовом, и на хлебеном учинити клюшников и подклюшников, и сытников, и поваров, и хлебников, **да и всяких мастеров**, и конюхов, и псарей, и всяких дворовых людей на всякой обиход, да и стрельцов приговорил учинити себе особно» [4]. Организация дворцовых ремесленников повидимому была проведена Грозным по двум направлениям. С одной стороны, он взял к себе в опричнину три московских слободы: Ильинскую под Сосенками, Воронцовскую и Лыщиковскую. Из них в XVII в. была известна под старым названием только Воронцовская слобода. С другой стороны, он насадил повидимому новые слободы. Как известно, опричный двор Грозного находился между нынешним Арбатом и ул. Герцена (Никитской). Здесь же им были поселены ремесленники; часть из них могла жить и раньше. Такова слобода Поварская (ныне ул. Воровского, у Арбатских ворот), Иконная (у Арбатских ворот), Плотничья (на Арбате с прилегающими переулками, вокруг церкви Николы в плотниках), Станошная или Ружейная (Ружейный пер. за Смоленским рынком), Каменная (у Смоленского рынка, в районе ц. Николы на щепах), Мельничная (за Никитскими воротами), Бронная. Все эти слободы в XVII в. принадлежали к разряду дворцовых, и не исключена возможность их организации в связи с созданием опричнины.

Мы лишены возможности лучше аргументировать свою мысль, но как бы то ни было вопрос о времени возникновения организации дворцовых «записных» ремесленников, в частности каменщиков, может быть решен и подругому, чем его решает Сперанский.

Лучшие главы работы те, где автор обрабатывает фактический материал, не пытаясь делать обобщений. Особенно интересны главы V и VI, где он сообщает данные о слободах каменщиков и кирпичников, об их торговле и промыслах, о внутренней диференциации ремесла, о Мячковской волости (по р. Москве), которая специализировалась на ломке камня. Обработка этого материала составляет несомненную заслугу автора, здесь он доказал

---

[3] Г. Штаден, О Москве Ивана Грозного, Записки немца-опричника. 1925, с. 107—109.

[4] Русская историческая библиотека, т. III, 1876, с. 255—257.

свое уменье технически овладевать им, а также хорошее знание литературы предмета. Из материалов, которые почему-то ускользнули от внимания автора, можно отметить «Росписной список г. Москвы 1638 г.» («Труды московского отделения русского военно-исторического общества», I, М. 1911), «Акты московского государства» и др., из книг и статей упущены работы Корсака, Ефименко, Орлова и др. Статья Довнар-Запольского в «ЖМНП» постоянно цитируется с ошибкой при указании номера журнала (не № 10 как у Сперанского, а № 9).

Причины ликвидации Приказа каменных дел подмечены автором в основном правильно, хотя и здесь дело не обошлось без формально-юридического подхода (напр., с. 207). К своей работе Сперанский приложил: 1) список подмастерьев каменных дел XVII в. и 2) ведомость присылки денег в Приказ каменных дел из других приказов.

Заканчивая наш обзор, мы должны сказать, что, будучи довольно хорошим собранием систематизированного фактического материала, «Очерки» не могут быть признаны удовлетворительными с точки зрения марксистской методологии. В них есть много фактов, но нет того, что составляет главный нерв всякого исторического исследования — нет методологии, а то, что преподносится в них в качестве таковой, — лишь старые избитые перепевы буржуазной историографии.

Б. Тихомиров

ЗА ПАРТИЙНУЮ КРИТИКУ

(Против одной вредной рецензии)

В газете «Труд» от 19 февраля была помещена статья т. Гуляева под многообещающим названием «За партийность в изучении истории пролетариата».

Теоретическая работа в области истории пролетариата в настоящее время только начинается. Сил работающих на этом участке, мало, проблем, которые требуют неотложной разработки, много. Партийная критика, которая решительно по-ленински разрушает все негодное, все уклоны от генеральной линии партии, в то же время с величайшей осторожностью должна подходить к тому, что создается в литературе положительного, помогая устранять недостатки, поднимать проблемы на новую принципиальную высоту. Этого к сожалению нет в критике т. Гуляева. Автор пользуется оружием, взятым не из арсенала партийной критики, он фальсифицирует отдельные положения статей указанного сборника, искажает общий смысл работ, приписывает несуществующие уклоны отдельным товарищам, работающим на фронте истории пролетариата, словом превращает свою критику в необдуманный и недобросовестный наскок.

Установка всего критикуемого сборника определена в предисловии М. Н. Покровского, который указывает, что историю нашего рабочего класса нужно излагать по Ленину, и ссылается при этом на слова последнего «о неразрывности экономической и политической борьбы рабочих, о невозможности политической борьбы, без предварительной раскачки рабочей массы борьбой экономической».

Об этой совершенно верной установке т. Гуляев умалчивает, умалчивает он и о том, что со всеми положениями, высказанными во вступительной статье т. Панкратовой (которая подверглась наиболее беспардонному обстрелу со стороны нашего критика), М. Н. Покровский целиком солидаризировался.

В чем же обвиняет этих товарищей автор рецензии?

1. В опошлении ленинской теории (причем с чисто кавалерийской храбростью т. Гуляев об'единяет Яроцкого и Панкратову, называя последнюю просто на-просто «выскочкой, хватающейся за модные теории»).

2. В полном игнорировании Ленина, даже больше — в ликвидации ленинского учения.

3. В разработке проблем истории пролетариата с точки зрения «чистой науки».

Что может сказать читатель, ознакомившийся с литературной работой Секции истории пролетариата Комакадемии по статье т. Гуляева? Он должен поставить под вопрос партийность автора вступительной статьи и одного из редакторов, солидаризирующегося с положениями т. Панкратовой. Но читатель не должен торопиться. Мы присутствуем здесь при очень «ловкой» работе цитатами, подобранными и вырванными из контекста т. Гуляевым, как будто специально для того, чтобы опорочить всю работу, проделанную Обществом историков-марксистов в этой области.

Разберем ближе факты.

Правильно ли то, что статья т. Панкратовой «концентрирует все внимание на работах Пажитнова, Балабанова и других»? Совершенно неосновательное утверждение! Всем этим работам уделяется не так много места и нужны они были автору только для того, чтобы, просмотрев всю литературную продукцию по истории пролетариата, сделать вполне обоснованный вывод: «что мы не имеем еще марксистски разработанного и полного исследования истории пролетариата». Но это ведь факт, против которого трудно возражать, если добросовестно подходить к оценке работы!

Совершенно не обосновав это обвинение, т. Гуляев перескакивает на историю профдвижения, утверждая, что в статье нет установки на необходимость разоблачения тред-юнионистских оппортунистических работ по профдвижению. Что это не так, видно хотя бы из следующей выдержки: «Следует отметить, — пишет т. Панкратова, — совершенно неудовлетворительную чисто тред-юнионистскую установку во многих существующих работах по истории профдвижения, она вытекала именно из неправильного, не ленинского понимания вопроса о взаимоотношении партии и профсоюзов, из представления, будто историю профдвижения можно рассматривать как особое самостоятельное движение, вне организующей роли партии» (с. 35).

Вырвав цитату из контекста, не поняв общего духа статьи, автор рецензии делает странный вывод, что т. Панкратова стала на путь «чистой науки».

Таким же способом т. Гуляев открывает и дальнейшие «антипартийные» ошибки, напра-

вляя против них громы и молнии своей «смелой» критики.

Например т. Панкратова рекомендует исследователям истории пролетариата «тщательно собрать и систематизировать все основные положения, все отдельные мысли Маркса, Энгельса и Ленина, касающиеся как исторической роли пролетариата, так и вопросов его происхождения, формирования, его организации, форм и методов борьбы, развития массового движения и т. п.». При этом она с полной определенностью указывает, что только «конкретное историческое исследование на основе марксистско-ленинской методологии может действительно создать историю пролетариата». Тов. Гуляев, придравшись к неудачному выражению, делает вывод, что в статье отрицается марксистско-ленинская методология, и бросает тяжелые обвинения в опошлении ленинской теории. Не будем дальше останавливаться на «критической» работе т. Гуляева. Каждая цитата, приведенная им, вырвана из контекста и искажает общий смысл статьи и направление работы.

В статье т. Гуляева вся тред-юнионистская работа правооппортунистического руководства ВЦСПС покрывается неверно ориентирующим партийную и профессиональную общественность названием: «Яроцковщина». «И в теории и на практике нашего профдвижения приобрела одно время исключительное господство «ярцковщина», — пишет т. Гуляев.

Такая подмена Яроцким всего правооппортунистического руководства ВЦСПС делает слишком много чести Яроцкому и искажает перспективу дальнейшего разрушения системы взглядов правооппортунистического руководства ВЦСПС на всю практику советского профдвижения.

Если бы т. Гуляев поглубже ознакомился с материалами советского профдвижения, со всей его практикой, он бы увидел, что «теоретические» труды Яроцкого — это только частность, пример, иллюстрация того, к чему может привести забвение ленинской теории, со стороны руководящих органов профессионального движения. С таким же успехом, как об «яроцковщине», можно говорить и о «козелевщине», и о расцвете меньшевизма хотя бы в истпрофе ВЦСПС, и о «мельничансковщине», но все это только частности.

Наиболее полно вся система взглядов правооппортунистического руководства ВЦСПС на теорию и практику профдвижения представлена была быв. руководителем ВЦСПС — Томским. Он выражал правую идеологию, часто скатываясь на позиции меньшевизма. Это очень своеобразное и интересное явление, более вредное по своему влиянию и охвату вопросов, чем «яроцковщина».

Можно и нужно говорить о «томсковщине», как об определенном проявлении антиленинских меньшевистских теорий в профдвижении. Томсковщина, действительно, представляет целую систему взглядов на все области профдвижения (мы в этой статье не можем приводить цитаты и отсылаем читателя к докладу т. Шверника на XVI с'езде партии).

На XVI с'езде это подчеркнул т. Каганович: «Идеология, выраженная т. Томским, не могла не сказаться на работе ВЦСПС».

Только благодаря этой идеологии могли расцветать пышными цветами «теорийки» Яроцкого и др. Раздув до смешного роль Яроцкого, т. Гуляев понизил этим самым ответственность правооппортунистического руководства ВЦСПС. Бить нужно по **главному звену**. А об этом главном — о системе взглядов Томского, который открывал двери и меньшевистской теории, и меньшевистской практике (см. речь Аболина на XVI с'езде партии) — т. Гуляев не говорит ни слова.

Говорить о том, что в советском профдвижении исключительно господствовала «яроцковщина», это значит скатываться в критике на позиции троцкизма: т. Гуляев не замечает того неоспоримого факта, что советское профдвижение под «исключительным господством» (употребим терминологию Гуляева) нашей партии достигло больших успехов, что только благодаря этому руководству все советское профдвижение не было заражено правооппортунистической идеологией, что только благодаря этому руководству *профсоюзы* могли сместить правооппортунистическое руководство ВЦСПС.

Если прав т. Гуляев и в советском профдвижении безраздельно господствовала «яроцковщина», т. е. тред-юнионистская практика, полный отрыв от хозяйственных задач и пр., то это означает, что прав был и Троцкий, который еще в 1921 г. подчеркивал в своей брошюре, что профсоюзы переживают глубокий кризис, что «многие работники» сбиваются на советский тред-юнионизм, «отбиваясь от новых задач и методов», они «развивают в своей среде дух корпоративности, замкнутости, неприязни к новым работникам, и таким образом фактически поддерживают пережитки цеховщины среди профессионально организованных рабочих».

Все эти положения Ленин в своих заметках по поводу брошюры Троцкого «Роль и задачи профсоюзов» охарактеризовал одним словом — «**Вздор!**».

XVI с'езд партии, давая оценку работе профсоюзов, точно также отметил, что «на основе решений XI и XIV с'ездов партии профсоюзы в восстановительный период добились значительных достижений в своей работе.

Одновременно с этим,—отмечает XVI с'езд, — тред-юнионистские оппортунистические элементы (элементы, т. Гуляев, а не исключительное господство!) начинают свивать себе гнездо в профсоюзах.

Выражая тред-юнионистские тенденции; оппортунистическое руководство ВЦСПС фактически вело курс на ослабление партийного руководства в профдвижении, вело опаснейшую антиленинскую линию на противопоставление профсоюзов и партии».

Эта позиция была совершенно правильно, по-ленински, осуждена ЦК партии и подавляющим большинством коммунистов — работников профдвижения, которые еще теснее сплотились вокруг своего большевистского ЦК (фракции VIII с'езда профсоюзов, пленума

ВЦСПС, пленума ЦК союза, местных союзных органов и т. д.).

А т. Гуляев в своей статье пришивает всем этим работникам-коммунистам идеологию «яроцковщины».

Вот к чему может привести критика, пользующаяся приемами фальсификации.

Мы не можем в небольшой заметке рассмотреть все ошибочные положения, нагроможденные т. Гуляевым в рецензии. Но эта рецензия — прекрасный показатель неблагополучия на теоретическом участке профдвижения.

Что вопрос о теоретической работе над профдвижением назрел — это с достаточной ясностью подчеркнуто в выступлении т. Шверника на XVI с'езде партии. Но для того, чтобы подтянуть этот фронт, необходима правильная ориентировка. Статья же т. Гуляева дезориентирует (фальсификация в критике, подмена Яроцким правооппортунистического руководства ВЦСПС, подмена историей профдвижения истории пролетариата, отрицание необходимости разработки положения рабочего класса в капиталистическом обществе и т. д. и т. п.).

Нужно сейчас под углом зрения тех задач, которые ставит реконструктивный период перед всеми организациями рабочего класса, внимательно присмотреться к положению на теоретическом фронте профдвижения. Этому делу должна помочь соответствующая дискуссия, которая в ближайшее время будет организована Высш. школой профдвижения.

Е. Мильштейн, Г. Полянская, Г. Толмачев

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ НА ЗАСЕДАНИИ ДИРЕКТОРАТА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ.

28/II 1931 г. по поводу рецензии т. Гуляева на I сборник «Истории пролетариата СССР», помещенной в газете «Труд» 19/II 1931 г.

Директорат Института истории Комакадемии, заслушав и обсудив сообщение о помещенной в «Труде» от 19/II статье В. Гуляева «За партийность в изучении истории пролетариата», констатирует:

Автор статьи, подвергающий критическому разбору I сборник «Истории пролетариата СССР», подготовленный к печати свыше года тому назад, допустил ряд недобросовестных искажений и прямых фальсификаций, имеющих целью дискредитировать научно-политическую линию руководства Института истории и Общества историков-марксистов. Средством для этого автор избрал путь политической дискредитации ответственного редактора сборника т. Панкратовой, одного из основных работников Института и Общества, повторяя при этом совершенно безответственно те политические обвинения, которые в групповых интересах выдвигались раньше и были осуждены партийными инстанциями (обвинение в «яроцковщине» и т. п.).

Только оперируя этими «приемами», автор пришел к выводу, что т. Панкратова подошла к научно-исследовательской работе не с точки зрения партийности, а так наз. «чистой» науки. Директорат считает, что критикуемая В. Гуляевым методологическая статья: «Проблема изучения истории пролетариата», в основу которой положен одобренный Всесоюзной конференцией историков-марксистов доклад т. Панкратовой на ту же тему, совершенно правильно намечает, исходя из основных положений Маркса, Энгельса и Ленина, основные проблемы изучения истории пролетариата. При этом явно клеветническим является обвинение в игнорировании Ленина, тогда как вся статья представляет пока первую в нашей литературе по истории рабочего движения попытку собрать и обобщить в единую схему основные высказывания Маркса, Энгельса и Ленина по отдельным проблемам, связанным с историей пролетариата. Директорат отмечает вместе с тем, что и в первом, и в последующих сборниках по истории пролетариата (о которых рецензент не упомянул даже), как и во всей практической научной и массовой работе, Секция по истории пролетариата, во главе с т. Панкратовой, руководится вполне правильными партийными установками: ею взят курс на приближение научной работы к задачам современности, основная работа Секции перенесена на завод и фабрику (постановка монографического изучения предприятий), установлена живая и непосредственная связь с рабочей массой, результатом которой являлись сборники автобиографий рабочих — участников 1905 г.; Секцией было поставлено своевременное и серьезное обслуживание ряда юбилейных кампаний, в особенности 25-летнего юбилея революции 1905 г., и т. д.

Директорат, на основании всего вышесказанного, считает рецензию т. Гуляева клеветнической, искажающей истинное положение вещей и обращает внимание редакции «Труд» и президиума ВЦСПС на совершенно недопустимый факт помещения подобной рецензии.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

I

В «Правде» от 6 апреля 1931 г. напечатана рецензия т. М. Тайшина на книжку Л. Мамета «Ойротия», изданную НИАНКП в 1930 г.

Тов. Тайшин указывает, что моя рецензия на эту же книжку, напечатанная в № 15 «Историка-марксиста», носит характер «поощрительной рекомендации», в то время как эта работа является антиленинской и вредной по совим установкам. Считаю необходимым признать критику т. М. Тайшина как самой работы «Ойроти», так и моей рецензии в основном правильной.

Вполне согласен с тем, что в книжке Л. Мамета есть целый ряд методологических и политических положений, враждебных ленинизму, что и делает книгу в целом теоретически и политически вредной.

Так напр. национальный вопрос трактуется вне связи с борьбой классов, гражданская война на Алтае рассматривается изолированно от общей борьбы пролетариата в те же годы гражданской войны.

В ряде положений (с. 91, 97, 102-103, 123), освещающих борьбу алтайцев, автор протаскивает байскую кулацкую идеологию и наряду с этим проводит идеи великодержавного шовинизма (с. 139). В заключительном слове книги о современной Ойратии совершенно отсутствует постановка проблемы классовой борьбы в СССР в настоящее время, опущен вопрос о борьбе на два фронта в национальной политике партии, не показано конкретное социалистическое строительство в Ойратии и т. д. Таким образом в рецензии на книжку т. Мамета я допустил грубейшую ошибку, не отметив всех вышеуказанных отрицательных сторон этой работы, ограничившись формальными замечаниями об ее недостатках.

Настоящим письмом с указанием на вредные, антиленинские установки работы т. Мамета я поправляю свою ошибку.

А. Шестаков

II

Выпущенная изд-вом «Пролетарий» моя «История Западной Европы» т. I, с датой «1931 год» представляет собою допечатку к III изданию, вышедшему два года тому назад.

В ближайшее время выйдет IV издание, исправленное и дополненное.

Ц. Фридлянд

III

В журнале «Печать и революция» за 1927 г. (кн. V) была напечатана моя работа «Капитал Карла Маркса как художественное целое». Несколько дней тому назад мне сообщили в случайном разговоре, что французский перевод этой статьи напечатан в социал-фашистском журнале «La Nouvelle Revue Socialiste» за 1929 г. (№ 28). Сообщение к сожалению оказалось соответствующим действительности. Выражаю протест против использования моей статьи подобным журналом и сообщаю, что перевод опубликован конечно без ведома моего и согласия. Характерно, что по собственному признанию редакции статья «приспособлена» («adapté») ею к журналу; повидимому главным моментом этого «приспособления» явилось то, что редакция отбросила, оставив не опубликованной, ту часть моей работы, где говорится об эксплоатации пролетариата и о революционной ликвидации буржуазного строя. Я не слежу за литературой, подобной «La Nouvelle Revue Socialiste», и поэтому не могла своевременно реагировать на публикацию перевода моей работы.

8 февраля 1931 г.

М. Нечкина

Ответственный редактор М. Н. Покровский, Ответственный секретарь И. Л. Татаров.

Уполномоч. Главлита № Б—6547 Заказ № 1163 Тираж 5400